КАЗАХСТАН
В XV–XVIII ВЕКАХ

АЛМА-АТА · 1969

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

КАЗАХСТАН В XV—XVIII ВЕКАХ

(Вопросы социально-политической истории)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1969

В книге публикуются материалы, в которых рассмотрен ряд узловых вопросов истории казахского народа в позднее средневековье. Это прежде всего социально-политическая история средневекового Казахстана, положение ханств и причины, диктовавшие основные направления политической деятельности казахских ханов; вызревание политической ситуации, которая во взаимодействии с другими факторами побудила казахский народ принять российское подданство. Исследуются вопросы дипломатической истории русско-казахских отношений в первой половине XVIII в., а также значение присырдарьинских городов в истории казахских ханств.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, учителей средних школ, аспирантов, студентов и широкие читательские круги.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. С. Сулейменов

1—6—4
88—69м

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга состоит из статей, освещающих отдельные вопросы социально-политической истории Казахстана XV—XVIII вв.

Исследования С. Асфендиарова, М. П. Вяткина, Н. Г. Аполловой, В. Ф. Шахматова, Е. Бекмаханова, А. Х. Маргулана и других авторов сыграли большую роль в становлении и развитии исторической науки Казахстана. Однако имеется еще много нерешенных проблем в изучении казахского средневековья.

Настоящая книга дает некоторое представление об изученности ряда узловых вопросов по истории Казахстана XV — XVIII вв. В ней, в частности, исследуются весьма важные моменты истории присырдарьинских городов, дается характеристика хозяйственного и военно-политического положения этих городов, анализируются отдельные вопросы социально-экономических отношений в оазисах Туркестана (землевладение и землепользование, социальные категории населения, налоговая система и др.), выясняется экономическое, военно-политическое и социальное значение городов Туркестана для казахских ханств XV—XVII вв.

В книге показывается роль Казахстана в системе внешней политики царской России на Востоке, раскрываются русско-казахские отношения в первой половине XVIII в. По этому вопросу представлен богатый фактический материал с теоретическими обобщениями, вскрываются причины повышенного интереса России к Казахстану, вызванного бурным развитием ее экономики, ростом торговли со странами Востока — среднеазиатскими ханствами, Персией, Индией, Китаем.

Предпринята попытка показать причины тяготения казахов Младшего жуза к освоению пастбищ в междуречье Урала и Волги. Приводятся сведения относительно летних и зимних кочевок Младшего жуза, определяется число населения Младшего жуза, разбирается вопрос об аульной общине, представлявшей собой в XVIII в. основную хозяйственную единицу классово-антагонистического объединения кочевников и вместе с тем сохранявшей свой родовой облик (родство, родовую генеалогию, патриархально-родовой быт). Рассматри-

ваются социальные категории казахского общества в XVIII в. по трудам русских исследователей, путешественников и послов (А. Тевкелев, П. И. Рычков, И. Г. Георги, П. И. Паллас и др.), которые до сих пор еще не стали объектом специального изучения.

Завершается сборник статьей, богатой иллюстративным материалом, в которой впервые в широком плане освещаются различные виды казахских ленчиков и множества других принадлежностей верховой сбруи, анализируется техника их изготовления. Исследование этих вопросов раскрывает основную сферу материального производства у казахов-кочевников, тем самым вносится определенный вклад в изучение социально-экономической истории казахского общества в XV — XVIII вв.

К. А. ПИЩУЛИНА

ПРИСЫРДАРЬИНСКИЕ ГОРОДА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ В XV—XVII ВЕКАХ

1. ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

В советской исторической науке уделяется большое внимание проблеме взаимоотношений кочевых и оседлых народов, значению городов и земледельческой культуры в жизни кочевников. В связи с этим встает вопрос о месте городов среднего течения Сыр-Дарьи (или городов Туркестана) — Сыгнака, Саурана, Ясы (Туркестана), Отрара, Сайрама, Аркука и других в истории Казахстана. Находясь на стыке обширных степей кочевников и оседло-земледельческих районов Средней Азии, бассейн средней Сыр-Дарьи непосредственно связывал эти два различных в хозяйственном отношении района, издавна был центром развитого земледелия и торговли, ремесла и культуры, центром, к которому тяготело кочевое население Дашт-и Кипчака.

История присырдарьинских городов уже давно привлекает к себе внимание историков и археологов [1]. Отметим здесь работы, специально посвященные историко-археологическому описанию отдельных присырдарьинских городов. Это прежде всего статьи П. П. Иванова о Сайраме, явившиеся результатом изучения письменных восточных источников и предпринятых им обследований (1920 и 1924—1926 гг.) развалин Сайрама. В первой статье [2] он приводит исторические сведения о Сайраме и полученные им на месте материалы о его памятниках — цитадели и многочисленных мазарах; в другой [3] — подводит итоги обследования развалин Сайрама, уточняет характеристику сохранившихся в центре селения развалин цитадели и дает описание неизвестных «в археологической литературе развалин средневековых стен, расположенных вокруг современного селения» [4]. Изучение истории Сайрама, говорит П. П. Иванов, связано с большими трудностями, так как в распоряжении исследователя нет «достаточного количества письменного исторического материала, так же как нет достаточ-

---

[1] Е. И. Агеева. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Известия АН КазССР», № 67, вып. 2, 1950, стр. 135—142; Ее же и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958; «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

[2] П. П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк. «الاسكندرية». Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)». Ташкент, 1923, стр. 46—56.

[3] П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама, Сб.: «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 152.

[4] Там же.

ного количества памятников, которые могли бы помочь восстановить ряд неясных моментов истории города»[5].

Другому крупному центру Туркестана — Сыгнаку посвящена статья А. Ю. Якубовского[6]. Она содержит обзор исторических известий о Сыгнаке, но среди них, как отмечает автор, «нет даже самого краткого описания города»[7]. Сводку исторических сведений А. Ю. Якубовский начинает со времени первого упоминания о городе в рукописи («Худуд ал-алам») неизвестного автора конца X в. и доводит ее до XIX в., в 20 — 40-х годах которого Сыгнак был покинут последними жителями. В отношении истории Сыгнака в XVI—XVII вв., когда он входил в состав казахских ханств, А. Ю. Якубовский сделал замечание, что она до сих пор остается неизвестной, так же как недостаточно исследованы и взаимоотношения узбекских ханов, ушедших в Мавераннахр, со степью, т. е. с казахскими ханами[8]. Основная часть статьи А. Ю. Якубовского посвящена описанию сохранившихся среди развалин Сыгнака исторических памятников, обследованных им в 1927 г. по поручению Академии истории материальной культуры. Для характеристики исторической топографии Сыгнака и его окрестностей, системы орошения А. Ю. Якубовский привлек материал вакуфных грамот, опубликованных В. В. Бартольдом[9].

Неоднократно касался истории присырдарьинских городов, в основном раннего периода, крупнейший советский востоковед В. В. Бартольд. В его труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» обобщены сведения арабских географов по топографии и истории этих городов в домонгольский период[10]. Останавливался В. В. Бартольд на истории присырдарьинских городов и в других своих трудах[11]. В работе «К истории орошения Туркестана» систематизированы исторические сведения, характеризующие состояние орошения земель в средние века в городах Туркестана[12].

Изучал памятники Сайрама и г. Туркестана М. Е. Массон. В статье «Старый Сайрам»[13], написанной им в 1925 г. на основе собственных изысканий, он оспаривает мнение П. П. Иванова об отождествлении Сайрама с Исфиджабом, приводит полученные им на месте примерные данные о прежних границах города—цитадели, рабада, а также орошавшихся в прошлом земель.

Две другие работы М. Е. Массона[14] посвящены описанию мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане. В них автор исследует ис-

---

[5] Там же, стр. 151.

[6] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака (Сугнака). «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры», т. II. Л., 1929, стр. 123—159.

[7] Там же, стр. 136.

[8] Там же.

[9] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XV, вып. II—III. СПб., 1904, стр. 264—269.

[10] Его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963. стр. 232—236.

[11] Его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 26—29; Его же. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 252, 254, 270 и др.

[12] Его же. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 222—230.

[13] М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Известия Средазкомстариса». Ташкент, вып. 3, 1928, стр. 23—42.

[14] Его же. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в г. Туркестане. «Изв. Средне-Аз. географ. об-ва», Ташкент, 1929, т. XIX, стр. 39—45; Его же. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Сыр-Дарьинское отделение Общества изучения Казахстана. Ташкент, 1930.

торию создания этого памятника, приводит краткое содержание вакуфной грамоты, выданной мавзолею Тимуром в конце XIV в.

Этому же памятнику посвятил одну из ранних своих статей А. А. Семенов [15]. Позже, исследуя историю завоевания Средней Азии Мухаммад Шайбани-ханом, А. А. Семенов дал оценку роли городов Туркестана [16].

Археологические исследования А. Н. Бернштама на юге Казахстана [17] (в присырдарьинском районе и в долинах рек Чу, Таласа и Или) внесли большой вклад в решение вопросов о взаимодействии хозяйственных укладов кочевых степей Казахстана и оседлых земледельческих районов Средней Азии.

Истории средневековых городов и архитектурного строительства в Казахстане, в том числе и в присырдарьинских городах, посвящена работа А. Х. Маргулана [18], в которой он показывает большое значение ремесла и земледелия в хозяйственной жизни населения этого района, исследует технику строительного искусства, отмечает длительную историю борьбы за присырдарьинские города.

Широкие археологические обследования присырдарьинских городов (наряду с другими городами и поселениями Южного Казахстана) проведены в 1947 — 1951 гг. экспедицией Института истории АН КазССР. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич, авторы работы «Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана», основанной на этих обследованиях и на изучении письменных источников, связывают происхождение присырдарьинских городов с местными древними оседло-земледельческими поселениями, дают описание развалин многих городищ, их планировки, современного состояния остатков городских стен, валов, укреплений, построек, оросительной системы, многочисленных керамических материалов домонгольского и монголо-тимуридского периодов.

В 1960 г. издана «Археологическая карта Казахстана», в которой подведены итоги изучения памятников материальной культуры на территории Казахстана, в том числе и в районе Туркестана.

Затрагивались отдельные вопросы истории присырдарьинских городов и в ряде других работ [19].

В целом же все эти работы как общие, так и специальные, касались в основном истории присырдарьинских городов в период раннего средневековья, исследовались главным образом вопросы исторической топографии и материальной культуры.

История городов Туркестана в период позднего средневековья, сложения казахской народности и государственности, роль этих городов в истории казахских ханств XV—XVII вв., в том числе и во внешнеполитической их истории, — эти и другие вопросы еще не являлись

---

[15] А. А. Семенов. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. «Изв. Среднеаз. комитета по делам музеев», 1926, вып. 1. стр. 121—130.

[16] Его же. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XII. Сталинабад, 1954, и другие его статьи в этом же томе.

[17] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Под ред. А. Ю. Якубовского. Алма-Ата, 1941; Его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Изв. АН КазССР», № 67, вып. 2, 1949 [1950], стр. 59—99.

[18] А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

[19] «История Казахской ССР». т. I. Алма-Ата, 1957. стр. 172—173; «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1955, стр. 381, 382, 407 и др.; Б. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда (очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.), 1937; Указ. выше работы А. А. Семенова и др.

предметом специального изучения. В настоящей статье автор делает попытку ответить на некоторые из них: охарактеризовать хозяйственное и военно-политическое положение городов и всего района Туркестана в XV—XVII вв., рассмотреть некоторые вопросы социальных отношений, выяснить значение городов в экономической и политической жизни казахских ханств и их влияние на социальное развитие общества кочевников. Конечно, разрешить в должной мере эти вопросы очень трудно ввиду неразработанности проблемы социально-экономической и политической истории казахских ханств в целом и отсутствия достаточного материала в письменных источниках. Сочинений, специально посвященных городам Туркестана, нет, или пока они не известны. В общих исторических нарративных сочинениях на персидском и тюркском языках довольно много сведений об этих городах, но они рассеяны среди массы другого материала и отражают в основном их роль в политической истории среднеазиатских и казахстанских государственных образований, хотя при внимательном изучении из них можно извлечь некоторые данные по социально-экономической истории.

Сочинения тимуридских историков — «Зафар-наме» Шами, «Матла' ас-са'адайн» Абд ар-Раззака Самарканди, «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» Му'ин ад-Дина Натанзи («Аноним Искандера»), «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди и др. — содержат материал о положении городов Туркестана в тимуридскую эпоху, о борьбе за эти города ханов Белой орды и Тимура [20]. Сочинения шайбанидского направления — «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (по мнению А. А. Семенова, Р. Г. Мукминовой и В. П. Юдина, автором его является Мухаммад Шайбани-хан), «Фатх-наме» Шади, «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уда бен Османи Кухистани, «Шайбани-наме» Бинаи, «Михман-наме-йи Бухара» Рузбехана Исфагани, а также такие, как «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара, «Бадаи' ал-вакаи'» Зайн ад-Дина Махмуда Васифи, «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали, «Шараф-наме-йи шахи» или «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и др. [21] — содержат интересные сведения по истории и хозяйственной жизни городов Туркестана в период борьбы за эту территорию между казахскими ханами и Мухаммад Шайбани-ханом и его преемниками. Наиболее ценные материалы содержатся в сочинении «Михман-намейи Бухара» Рузбехана. На наличие сведений по городам Туркестана в этом ценнейшем по истории Казахстана источнике указал С. К. Ибрагимов [22].

Сведения по социально-экономической истории присырдарьинских городов также содержатся в немногих известных пока науке вакуфных грамотах и других ханских ярлыках. Эти документы дают наиболее ценный материал для характеристики форм землевладения, состояния земледелия и орошения, характеристики социальных кате-

---

[20] Сведения по присырдарьинским городам из указанных сочинений содержатся (в тексте и переводе) в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные Н. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941 (далее СМИЗО, 11).

[21] Переводы из этих сочинений подготовлены группой сотрудников ИИАЭ АН КазССР и ленинградских востоковедов для сб. «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из тюркских и персидских сочинений)». Рукопись готовится к печати.

[22] С. К. Ибрагимов. «Михман-намейи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 155—157.

горий населения и по некоторым другим вопросам. Однако таких документов введено в научный оборот пока очень мало; относятся они к трем городам: Сыгнаку, Туркестану и Сайраму.

Первым по времени документом является вакуфная грамота [23] эмира Тимура, которой он жаловал в самом конце XIV или начале XV в. [24] в вакф мавзолею Ходжа Ахмеда Ясеви и некоторым другим мазарам в г. Ясы ряд орошаемых земель вместе с арыками. Последующие правители подчинявшие себе город, подтверждали, как это было принято, вакфы этого мазара. Известно, например, что эта грамота Тимура была подтверждена шайбанидом Абдаллах-ханом в конце XVI в.[25] Грамота подвергалась анализу А. Ереновым при изучении им феодальных земельных отношений на юге Казахстана [26].

Известна также грамота [27], выданная от имени Тимура в 803 г. х. (1400/1401 г.), о назначении шайх ал-исламом города Сыгнака Сирадж ад-Дин-шайха, передаче ему во владение нескольких участков земли на арыках Ордакент, Кизил-Тал, Туман, Бузгил-Узак в местности Чихил-Тугай по одному тепе (تيفه، تفه) на каждом арыке и о пожаловании ему тарханства. В. В. Бартольд, который опубликовал текст грамоты [28], хранившейся в Сыр-Дарьинском областном правлении в деле № 197, сомневается в подлинности этого документа, так как в начале его рядом с именем Тимура стоит титул хана, «которого он никогда не носил». Бартольд относит подделку грамоты ко второй половине XVI в. Тем не менее ценность ее для науки несомненна, так как в это время она играла роль документа. Доказательством более поздней подделки грамоты служит и употребление в ней названия реки — Сыр-Дарья (سير دريا) встречающегося в источниках позже [29].

Следующая грамота относится ко времени господства шайбанидов в Южном Туркестане. Эта грамота Убайдаллах-султана (1533—1539 г.), датированная 945 г. х. (1538/1539), о пожаловании в сойургал должности высшего духовного лица Сайрамского тумана шайх ал-ислама Камал ад-Дин-шайхиму приведена полностью в сочинении Молла-Мусы «Та'рих-и амнийа». Вместе с относящимися к ней текстами из этого сочинения она переведена В. П. Юдиным [30].

К XVI в. относится грамота, выданная в 950 г. х. (1543/1544 г.) (или в 955 г. х., 1548/1549 г.) от имени некоего Абу-л-Гази Абд ар-Рахим-хан-бахадур-султана, о назначении судьей Сыгнака (куззат ал-ислам ва нафиз ал-ахкам) Сират-Шайх-накиба и о пожаловании ему, с определением его функций, одного участка (тепе) земли на арыке Кизил-Тал вместе с правами тархана. В. В. Бартольд, опублико-

---

[23] Текст грамоты Тимура помещен в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии» (далее ПТКЛА), год третий. Ташкент, 1898. Перевод, выполненный А. А. Диваевым, напечатан в «Туркестанских ведомостях», 1901, № 39 и 41.

[24] Мавзолей, по сообщению Шараф ад-Дина Али Йазди, заложен в 1397 г. См.: М. Е. Массон. «Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви», стр. 7.

[25] Там же, стр. 8.

[26] А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 48—51.

[27] Перевод и комментарии В. П. Юдина для сборника «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»

[28] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 265; В. В. Бартольд опубликовал также тексты грамот от 950 г. х., 1006 г. х. и 1044 г. х., речь о которых идет ниже; комментированный перевод этих грамот также выполнен для указанного сборника В. П. Юдиным.

[29] С. Г. Кляшторный. Яксарт—Сыр-Дарья. «Советская этнография», № 3, 1953, стр. 190.

[30] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»

вавший текст грамоты, предполагает, что этот неизвестный Абд ар-Рахим-хан был казахским ханом [31]. В середине XVI в., когда казахи, как известно, доходили до Ташкента, Сыгнак был под властью казахских ханов и султанов, хотя имена многих из них остаются пока неизвестными.

Грамота Абдаллах-хана от 1006 г. х. (1597/1598 г.), относящаяся к Сыгнаку, впервые переведена с анализом содержащихся в ней сведений, особенно по истории каракалпаков, П. П. Ивановым в его «Очерке истории каракалпаков» [32]. В. П. Юдиным для сборника «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» представлен новый уточненный вариант перевода [33]. В грамоте Абдаллах-хана подтверждается право мазара Хазрата Аллама Абу-л-Хасана Зийа ад-Дин-шайха Сыгнаки на источник (чашма) Хисарчук, обращенный в вакф прежними правителями Сыгнака.

П. П. Ивановым в книге «Хозяйство джуйбарских шейхов» опубликован текст еще одной грамоты (дарубаст) от 1026 г. х. (1617 г.) [34]. Имя хана или иного лица, выдавшего грамоту, не указано. По времени она может быть связана с именем Имам-Кули-хана, несколько раз отбиравшего в эти годы Ташкент у казахов, а вместе с ним и ближайший туркестанский город Сайрам. Дарубест, как определяет П. П. Иванов, — одна из форм пожалования, близкая к союргалу [35]. Дарубестом от 1617 г. был пожалован ишану Асадаллах-ходже оросительный канал Ханым-ариги в селении Йанги-Курган Сайрамского вилайета.

Последний по времени известный документ из числа относящихся к присырдарьинским городам — грамота, выданная от имени Убайдаллах-хана в 1044 г. х. (1634/1635 г.). В этой вакуфной грамоте подтверждались права мазара Шейха Абу-л-Хасана Зийа ад-Дина Сыгнаки на его вакф — источник Хисарчук в окрестностях Сыгнака, о котором шла речь в грамоте Абдаллах-хана от 1598 г. В 30-х годах XVII в. продолжались попытки бухарского хана Имам-Кули отвоевать Ташкент и города Туркестана. После смерти казахского хана Ишима в 1628 г. бухарское войско взяло Ташкент; правителем города, как сообщает Махмуд бен Вали [36], был назначен сын аштарханида Баки-Мухаммед-султана (1598/1605 г.) Абдаллах-султан. В. В. Бартольд предполагает, что от его имени, очевидно, и издана упомянутая грамота, так как в тексте рукописи могла быть допущена переписчиком ошибка: вместо Обейдалах (عبيدالله) написано Абдаллах (عبدالله). «По крайней мере, — пишет В. В. Бартольд, — среди казацких ханов и султанов того времени, имена которых приводятся Махмудом б. Вели, нет имени Обейдаллах-хана».

Все перечисленные грамоты относятся к тому времени, когда те или иные города Туркестана находились под властью среднеазиат-

---

[31] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 265.

[32] «Материалы по истории каракалпаков». «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII. М.—Л., 1935, стр. 34—35.

[33] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»

[34] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 341. Этот документ привлечен А. Ереновым в указ. работе (стр. 67) для характеристики феодальных отношений у казахов.

[35] П. П. Иванов. Указ. работа, стр. 28.

[36] Сведения об этом содержатся в четвертой части VI тома его сочинения «Бахр ал-асрар»; из-за отсутствия этой части в нашем распоряжении ссылаемся на В. В. Бартольда, указавшего на эти сведения в «Отчете о командировке в Туркестан» (стр. 266—267).

ских правителей (Тимура, шайбанидов, аштарханидов). Но они сохраняли свое значение и для того времени, когда города находились под властью казахских ханов, на что справедливо указал В. П. Юдин [37], потому что частый переход городов из рук одного феодального правителя в руки другого не менял по существу сути социально-экономических отношений, в некоторой степени зафиксированных в этих грамотах.

2. ПРИСЫРДАРЬИНСКИЕ ГОРОДА В XV—XVII ВВ. (ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ)

Прежде всего следует выяснить границы, в пределах которых располагались присырдарьинские города в XV—XVII вв. В источниках, говорящих о событиях на территории Казахстана и Средней Азии этого времени, бассейн среднего течения Сыр-Дарьи (а именно узкая полоса, тянущаяся вдоль ее левого берега, и более широкая — вдоль правого, ограниченная горной цепью Каратау на северо-востоке и водоразделом долин Чирчика и Бадама, южнее г. Сайрама, на юго-востоке) назван одним географическим именем — Туркестан. Так, в сочинении Му'ин ад-Дина Натанзи («Аноним Искандера») говорится о пожаловании Тимуром в конце 70-х годов XIV в. Тохтамышу городов Сауран, Отрар и Сыгнак [38], а в другом месте эта же пожалованная территория названа Туркестаном [39]. И позже, в начале XVI в., авторы сочинений четко отличают границы этой территории от соседних областей, они никогда не путают ее ни с северными областями Мавераннахра (включая Ташкент), ни с южными Дашт-и Кипчака, ни с западным Могулистаном, граничившим с восточной окраиной Туркестана [40]. Довольно четко ограничивается Туркестан в сочинении лично посетившего эту область Рузбехана Исфагани. Аркук, небольшую крепость на левом берегу Сыр-Дарьи, он называет первой крепостью Туркестана на пути из Самарканда и Бухары [41]. К «восточным крепостям Туркестана» относит Рузбехан такие города, как Сайрам и Ясы [42], а Сыгнак называет крайним городом Туркестана на северо-западе: «Город Сыгнак — предел Туркестана» [43]. «Как передают, [здесь] у этих барханов [за Сыгнаком.—*К. П.*] кончается Туркестан и начинается Узбекистан. Улус Шейбани-хана, куда относились раньше узбеки, непосредственно граничил с Туркестаном» [44]. Говоря о перекочевке казахов на зимовку, Рузбехан показывает их путь из Дашт- и Кипчака и со стороны Волги к Сыр-Дарье и отмечает, что «когда они прибывают на берег Сейхуна, они приближаются к области (дийар) Туркестан, потому что Туркестан также расположен на берегу Сейхуна» [45].

---

[37] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»
[38] СМИЗО, II, стр. 131.
[39] СМИЗО, II, стр. 135.
[40] Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди, рук. № 1430 ИВ АН УзССР, л. 237а. Далее «Та'рих-и Рашиди».
[41] Фазлаллах-ал Амин бен Рузбехана Исфагани. Михман-намейи Бухара, рук. № 1414 ИВ АН УзССР, л. 47а. Перевод С. К. Ибрагимова и М. А. Салахетдиновой. Рукопись Ин-та ИАЭ АН КазССР. Далее «Михман-наме».
[42] Там же.
[43] Там же, л. 71б.
[44] В имеющейся в ИИАЭ АН КазССР фотокопии рук. отсутствует л. 45а—б. Цитирую по переводу, опубликованному в сб. «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Сб. I (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.)». Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Алма-Ата—М., 1935. стр. 109.
[45] «Михман-наме», л. 73б.

Авторы других сочинений начала XVI в. также называют Туркестаном область присырдарьинских городов и неоднократно при описании одних и тех же исторических событий место их действия определяют или через общее название области («Туркестан», «вилайет Туркестан»), или называют два-три города. Бинаи говорит: «... Они (Мухаммад Шайбани-хан и его сподвижники. — *К. П.*) направились в вилайет Туркестан»[46]; в «Таварих-и гузида»: «... Они пришли в Туркестан»[47]; Шади: «Зимой он достиг Отрара и Сабрана» и немного ниже — «...Вернулись в Отрар и Ясы»[48]. Васифи называет вилайетом Туркестан область, к которой относится г. Сауран: «Эмир Араб, который проживает в вилайете Туркестан, в городе Сабран»[49]. Сохраняется название Туркестан применительно к указанной территории и позже, в конце XVI в.[50]

Вся территория Туркестана объединяется в одно целое Сыр-Дарьей, носившей в восточных источниках арабское название Сейхун; впрочем, С. Г. Кляшторный в упомянутой выше работе указывает, что в XVI в. в мусульманских источниках начинает употребляться вместо названия Сейхун и местных названий отдельных частей реки по городам, стоявшим на ней (например, Аб-и Ходжент — река Ходжент[51]), древнее сакское название Сыр. И действительно, Рузбехан пишет: «Место их (казахов. — *К. П.*) зимовки находится на берегу реки Сейхун, которую называют Аб-и Сир»[52].

Сыр-Дарья являлась значительным источником водоснабжения всего района Туркестана. Однако почти все города и крупные селения отстояли от реки на несколько километров, так как низкие глинистые берега реки затоплялись во время разливов и размывались. Важное место в системе орошения Туркестана занимали также многочисленные реки и речки, стекавшие со склонов Каратау[53]. Только крупнейшие из них, такие, как Арысь с ее притоками Бурaлдай и Бадам, доходили до Сыр-Дарьи, воды же более мелких речек разбирались на орошение полностью.

Большую роль Сыр-Дарьи для орошения Туркестана подчеркнул Рузбехан: «Река эта протекает среди узбекских кишлаков[54] на протя-

---

[46] Камал ад-Дин ал-Хереви Бинаи. Шайбани-наме. Рук. № 844 ИВ АН УзССР, л. 5а.

[47] «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме». Рук. ЛО ИНА В 745, л. 96б. Перевод В. П. Юдина. Сб. «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» Далее «Таварих-и гузида».

[48] Молла Шади. Фатх-наме. Рук. ЛГУ № 962, лл. 68б, 69а. Перевод О. Ф. Акимушкина в указ. выше сборнике.

[49] Зайн ад-Дин ал-Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I. М., 1961, стр. 337, 348, 378 и др.

[50] Хафиз-и Таныш. Шараф-наме-йи шахи. Рук. ЛО ИНА АН СССР № Д88, лл. 261б, 280а, 301б и др. Перевод М. А. Салахетдиновой в указ. выше сборнике.

[51] «Та'рих-и Рашиди», л. 67б.

[52] «Михман-наме», л. 73б; «Шайбани-наме», л. 23а.

[53] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 226; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 147.

[54] В фотокопии рук. № 1414 ИВ АН УзССР лл. 45а—6 отсутствуют. Привожу здесь перевод, опубликованный в сб. «Прошлое Казахстана...», стр. 104. В данном отрывке допущена, по-видимому, в переводе ошибка и следует перевести: «Река эта протекает среди зимних кочевий узбеков» [казахов], так как в тексте, очевидно: قشلاق اوزبك. Слово *кишлак* употреблено здесь не в смысле селения, населенного пункта, а в значении зимнего кочевья в отличие от летнего—*йайлак* (*л. 72б.*), как оно, это слово, употребляется и в других местах рукописи Рузбехана (л. 73а-б, 85б, 97а, 104а и др.). На *л.* 73б говорится о наличии именно казахских зимних кочевий قشلاق по берегам Сыр-Дарьи, на расстоянии 300 фарсахов. Сам же Рузбехан, давший из всех средневековых восточных авторов наиболее четкое разъяснение

жении 300 ташей и теряется в песках Кара-Курума. На всем этом протяжении в изобилии растут разные кормовые травы и камыши. Из Дарьи выведено много арыков для орошения полей. Ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сыр-Дарья; по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц — не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей... По берегам, утопающим в разнообразных цветах, обитают разновидные пернатые животные, дикие ослы, сайгаки и другие животные, растут непроходимые даже для ветра и духов леса, заросли можжевельника. Сыр-Дарья протекает среди туркестанских городов, которые, как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу» [55].

В числе городов, относящихся к Туркестану, Рузбехан и другие авторы называют Сыгнак, Сауран, Ясы (Туркестан), Отрар, Сайрам, Аркук, Узгенд [56]. К туркестанским городам относят авторы и небольшую крепость Ак-Курган [57]. К этой же группе городов примыкает исторически и Сузак, лежащий на северных склонах Каратау и соединенный с Сыгнаком дорогой через перевал Согунлук.

Из приведенного выше свидетельства Рузбехана, повторенного и в другом месте его сочинения [58], а также по сведениям других авторов того времени [59], известно, что Туркестан обладал удобными пастбищами, что необходимо иметь в виду при характеристике значения всего этого района для кочевников Дашт- и Кипчака.

Не затрагивая ранней истории Туркестана, остановимся на характеристике их положения в более поздний период. В последней трети XV в. в Дашт-и Кипчаке разгорелась ожесточенная борьба между шайбанидами и первыми казахскими ханами за власть над кочевыми племенами. Эта борьба непосредственно отразилась на положении присырдарьинских городов, так как именно на территории Туркестана происходили основные столкновения этих противников, а также последних тимуридов и могульских ханов. Причины этой борьбы многообразны, и о них будет сказано ниже. Борьба за присырдарьинские города продолжалась и позже, на протяжении XVI в.; на более или менее длительный срок города переходили в руки то казахских ханов, то узбеков-шайбанидов. К концу XVI в. территория Туркестана вошла в состав казахских ханств. Опуская конкретный ход борьбы за каждый город, что не входит в задачи данной статьи, отметим только, что многочисленные материалы в источниках, рисующие картину этой борьбы, свидетельствуют о большом значении этого района и отдельных его городов для кочевого населения казахстанских степей.

Сыгнак. Возрождению разрушенного монголами Сыгнака способствовало выгодное хозяйственно-экономическое положение города — на самой окраине Туркестана, там, где оседло-земледельческая терри-

---

в вопросе о том, кого же называли в то время узбеками и казахами, иногда смешивает эти понятия. Например: «Эта огромная степь является местом летовки узбеков (اوزبك). Летом, когда наступает пора сильной жары, казахский улус (الوس قزاق) размещается по всем районам и окраинам ее» («Михман-наме», л. 72б). Об употреблении этнических терминов *казак* и *узбек* в «Михман-наме» см. статью А. А. Семенова «К вопросу о происхождении...», стр. 22—31.
наме», л. 72б). Об употреблении этнических терминов *казак* и *узбек в* «Михман-наме», см. статью А. А. Семенова «К вопросу о происхождении...», стр. 22—31.

[55] «Михман-наме». См. сб.: «Прошлое Казахстана...», стр. 104.

[56] «Михман-наме», л. 57а.

[57] Мас'уд бен Османи Кухистани. Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани. Рук. ИВ АН УзССР № 5392, л. 326а. Перевод С. К. Ибрагимова в указ. выше сборнике; «Шараф-наме-йи шахи», л. 322а, 350а и др.

[58] «Михман-наме», л. 73б.

[59] СМИЗО, II, стр. 197; «Та'рих-и Рашиди», л. 175а и др.

тория непосредственно соприкасалась с населенным кочевниками Дашт-и Кипчаком. Город постепенно превратился в крупный торгово-земледельческий центр и стал хорошо укрепленной крепостью. В XIV в. Сыгнак был столицей сильного политического объединения — Белой орды. Отстроенный Эрзеном и особенно Урус-ханом [60], Сыгнак и в XV в. продолжал сохранять значение экономического и политического центра для целого ряда сменявших друг друга правителей Дашт-и Кипчака (лишь ненадолго, на 20 лет, город отошел к владениям Улугбека [61]). В 1446 г. Сыгнаком овладел Абу-л-Хайр-хан [62] и сохранял его под своей властью до конца жизни.

В 80-е годы XV в. город был захвачен Мухаммад Шайбани-ханом, но позже после нескольких сражений [63] с казахским ханом Бурундуком и сыновьями Джанибека Махмудом и Касымом Мухаммад Шайбани ушел на Мангышлак. Некоторое время Сыгнак находился в руках казахов Бурундук-хана, что послужило в дальнейшем мотивом передачи города жителями Сыгнака в руки Бурундук-хана, осадившего крепость, в которой укрылся Шайбани-хан, прибывший вновь в Туркестан. «Наконец, такие [люди], как Кази Садр ал-ислам, Чикмак йузбеги и Сиддик-шайх, эта группа представителей [горожан], созвав людей Сыгнака, сказали: «Прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану. Целесообразно нам передать этот вилайет Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприятности» [64].

В течение длительного периода борьбы за присырдарьинские города Сыгнак чаще, чем другие города, попадал в руки казхских ханов, так как именно здесь, на окраине Туркестана, находились зимние кочевья казахов, что облегчало возможность подчинения и самого города. Так, сообщение Рузбехана Исфагани, относящееся к 1504—1505 гг., включает Сыгнак в число подвластных казахам территорий: «Когда [Мухаммад Шайбани-хан] достиг пределов казахских земель, он прошел Сыгнак и дошел почти до Кара-Абдала, который является центром их зимнего кочевья» [65]. Как уже говорилось выше, казахи владели Сыгнаком и в середине XVI в. Неоднократно упоминается Сыгнак и в событиях 70—80-х гг. XVI в., связанных с борьбой узбекского хана Абдаллаха с Баба-султаном и другими непокорными узбекскими султанами. В этой борьбе Абдаллах-хан воспользовался поддержкой казахского хана Хакк-Назара, а позже — Таваккул-хана, которые стремились утвердить свои позиции в Туркестане. Вакуфная грамота от 1598 г., выданная Абдаллах-ханом одному из мазаров Сыгнака, свидетельствует, по мнению П. П. Иванова [66], о его реальной власти в этих местах. Однако его власть оказалась недолговечной. С того же 1598 г. Сыгнак, как и весь Туркестан, входит во владения казахских ханов.

Отмеченная выше особенность положения Сыгнака в рассматриваемое время как крайнего города Туркестана на стыке с Дашт-и Кипчаком (ныне развалины старого Сыгнака — городище Сунак-Ата — лежат в 20 *км* на северо-восток от ж.-д. станции Тюмень-Арык Ташкентской ж. д.[67]) подтверждается свидетельством Рузбехана. Он назы-

---

[60] СМИЗО, II, стр. 125, 130, 196, 197, 211 и др. См. также ст. А. Ю. Якубовского «Развалины Сыгнака...», стр. 130, 132, 133.
[61] В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, стр. 116.
[62] «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани», л. 326а.
[63] «Шайбани-наме», лл. 7б, 8а, 10б.
[64] Там же, л. 14 а—б.
[65] «Михман-наме», л. 86а.
[66] П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 33.
[67] А. Х. Маргулан. Из истории городов..., стр. 79.

вает Сыгнак «последним обстроенным, земледельческим и населенным пунктом» и не упоминает о расположенных ниже по течению Сыр-Дарьи городах Дженде, Янгикенте и Барчынлыгкенте, очевидно, не потому, что жизнь в них прекратилась в XIII—XIV вв., как пишет А. Ю. Якубовский [68], а потому, что Рузбехан имел в виду только границы Туркестана. Как говорят результаты исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции последних лет, городская и оседлоземледельческая жизнь в низовьях Сыр-Дарьи развивалась и в последующие столетия. Так, на городище Джан-кала (средневековый город Дженд) прослеживается жизнь вплоть до XVII в.[69]

Рузбехан отмечает, что к его времени (начало XVI в.) город Сыгнак несколько утратил свою былую мощь и славу, сократилось его население («сейчас число жителей невелико»). Главной причиной этого была борьба Мухаммад Шайбани-хана с казахскими ханами, в результате которой пострадал не один только город Сыгнак, но и другие города Туркестана. Раньше же, говорит Рузбехан, город был «известен своей обширностью и мирным населением» и следы прошлого величия сохранились еще до его дней. «Этот город в древности был очень цветущим, был окружен большими постройками и обработанными полями, богат разнообразными продуктами и являлся торговым пунктом для казакского народа»[70].

Как и в прошлом, современное Рузбехану население города и окрестных селений занималось поливным земледелием, о чем свидетельствуют также и отмеченные археологами следы средневековой ирригационной системы. Огородными культурами, бахчами и садами были заняты возделанные участки вокруг города. Далее располагались пахотные орошаемые земли, занятые посевами зерновых культур. Интересно приведенное Рузбеханом свидетельство о том, что «поля орошаются выведенными из Сейхуна арыками». Система орошения Сыгнака и его окрестностей, приблизительные размеры орошаемых земель достаточно подробно изучены А. Ю. Якубовским [71] на основании вакуфных документов и обследований на месте; рассмотрены они также в работе Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, которые на основе литературных и археологических данных делают вывод, что Тюмень-Арык — единственный канал, выведенный из Сыр-Дарьи в ее среднем течении [72], что противоречит, однако, сведениям Рузбехана, указанным выше. Этот магистральный канал не только снабжал водой и орошал земли в самом городе и вблизи его, но захватывал довольно значительную окрестную территорию. Другой арык — Бузгил-Узак — также снабжал город и окрестности сырдарьинской водой, заполнявшей во время разлива озеро Бузгил-Узак, откуда она поступала потом через одноименный арык в город [73].

Земли, расположенные с северо-западной и северной сторон города, орошались мелкими арыками, выведенными из горных речек, стекавших с Каратау, — Мын-Булак, Чулак, Арсланди, Кизил-Тал, Кельте-Чалгия (Калта-Джалгийа) [74] — и из других источников (напри-

---

[68] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака..., стр. 134.

[69] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 282, 291.

[70] «Михман-наме». См. в сб. : «Прошлое Казахстана...», стр. 108—109.

[71] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака..., стр. 159.

[72] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 148—150; см. также: А. Х. Маргулан. Из истории городов..., стр. 82.

[73] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака..., стр. 159.

[74] Там же, а также: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 268; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 150.

мер, упомянутые в вакуфной грамоте Абдаллах-хана источники Токтамыш, Хисарчук и Хараш) [75].

По сведениям письменных источников Сыгнак в рассматриваемое время предстает перед нами не только как центр значительного земледельческого округа, но и как крупный торговый город. Часть земледельческих продуктов, как вытекает из свидетельства Рузбехана, поступала через сыгнакский рынок в Дашт-и Кипчак, для которого Сыгнак был самым ближайшим из всех туркестанских городов центром транзитной и местной торговли: «Саганак для Дашти-Кипчака, тянущегося до Волги, является единственным торговым пунктом. Производимые в Дашти-Кипчаке товары прямо поступают сюда и, в свою очередь, необходимые для него товары идут сюда из Туркестана, Мауранахра, Кашгара и Хотана. В силу этого Саганак является все время местом сосредоточения купцов. Здесь всегда и в достаточном количестве имеются товары всех стран» [76]. Далее автор сообщает, что «прежде на рынки Сыгнака сгоняли ежедневно 500 голов верблюдов [с вьюками], которые в течение дня распродавались без остатка» [77].

Таким образом, Сыгнак был на самом стыке торговых путей не только местного значения, но и связывавших более отдаленные от Дашт- и Кипчака области. И недаром Рузбехан называет Сыгнак «гаванью Дашт-и Кипчака». Сюда кочевники-скотоводы пригоняли скот, лошадей, доставляли мясо, кожи, шерсть, шерстяные изделия, мех, а также и некоторые другие изделия как своего производства, так и привозимые из северных и северо-западных районов (Рузбехан называет в их числе «самые лучшие луки и стрелы, а также изящные товары», которые «доставляются сюда из Дашт-и-Кипчака и Астрахани» [78]). Здесь в обмен на свои продукты кочевники получали местные и доставляемые купцами из других областей хлопчатобумажные и шелковые ткани, различные изделия ремесел (металлические, керамические, стеклянные и т. д.), а также зерно, муку и другие продукты земледелия.

В числе занятий горожан и жителей окрестных мест Рузбехан называет помимо земледелия, ремесел и торговли еще и охоту: «. Степи [вокруг Сыгнака] покрыты травой и деревьями, где, подобно овцам, пасутся стада диких коз, баранов и других диких животных. Жители в летнее время охотятся на них и заготовляют на зиму мясо; дичь здесь чрезвычайно дешевая. Бывает очень много жирных лошадей, верблюдов и баранов» [79].

Из всех городов Туркестана Сыгнак был наиболее тесно связан с Дашт-и Кипчаком, что сказалось как на направленности занятий населения города, так и на его внешнем облике. Вокруг города селились многие кочевники, ведшие полуоседлый образ жизни [80]. Выгодное географическое расположение Сыгнака, большое хозяйственно-экономическое значение этого города в жизни кочевого населения прилегающих степей превратили его в политический центр, столицу государственных объединений, складывавшихся в Дашт-и Кипчаке (Белой орды — в XIV в., кочевого государства узбеков Абу-л-Хайра — в середине XV в.). Сыгнак стал крепостью, способной выдержать длительную оса-

---

[75] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв».
[76] «Михман-наме», см. в сб. : «Прошлое Казахстана...», стр. 109.
[77] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака..., стр. 135.
[78] «Михман-наме», см. в сб. : «Прошлое Казахстана....», стр. 109.
[79] Там же.
[80] П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 35.

ду, что подтверждается данными источников, повествующих о борьбе казахских и узбекских ханов за Туркестан. Так, однажды Сыгнак, в котором находился с шестью десятками человек Мухаммад Шайбани-хан, осадил Бурундук-хан с большим войском и тем не менее, несмотря на многочисленность сил и на происходившие «каждый день по два раза сражения», Бурундук-хан в течение трех месяцев не мог взять крепость и вынужден был на время снять осаду. Разумеется, Шайбани-хану удалось спастись от своего врага только благодаря сильно укрепленной крепости [81]. Эти и другие данные источников являются ярким свидетельством той мощной фортификационной системы, которая была возведена вокруг Сыгнака средневековыми строителями.

Сауран. Расположен юго-восточнее Сыгнака. Этот город также в XIV в. входил в состав Белой орды и был временами ее столицей[82]. Он сохранил свое значение важного политического и экономического центра и в последующие столетия. Окончательно Сауран был завоеван казахами в конце XVI в. Но и до этого он иногда на продолжительное время попадал в их руки. Например, в течение некоторого времени в 80-е годы XV в. его правителем был Иренчи-хан, сын одного из первых казахских ханов—Джанибека[83]. Характерно, что иногда сами жители передавали город в руки казахов[84]. Это объясняется, очевидно, помимо конкретных условий борьбы за город в данный момент, и воспоминанием о не столь уж далеком времени, когда город был столицей предшественников казахских ханов—правителей Белой орды, приложивших немало стараний к возрождению былой, домонгольской его славы[85]. Как упомянутый выше Сыгнак и ряд других присырдарьинских городов, Сауран в течение полутора веков был предметом ожесточенного спора между казахскими ханами и шайбанидами в их борьбе за власть в Туркестане. Это объясняется наряду с другими причинами и тем, что Сауран являлся одной из лучших туркестанских крепостей. О прочности крепостных стен и других оборонительных сооружений Саурана есть многочисленные сведения в источниках, относящихся к XV—XVI вв. [86] Васифи оставил красочное описание города Саурана, он восхищается его прекрасным климатом, укрепленностью, глубиной рва, окружавшего город, и высотой крепостного вала[87]. Интересные данные об обороноспособности Саурана приводит Хафиз-и Таныш[88]. Благодаря прекрасным оборонительным сооружениям, обеспеченности продовольствием, водой (внутри крепости имелись колодцы), «различного рода оружием и средствами ведения войны»[89], город мог выдержать осаду в течение нескольких месяцев. В системе оборонительных сооружений Хафиз-и Таныш называет крепостные стены с башнями, «входами и выходами», крепостной вал (баре), ров (хандак). Учитывая вполне понятное для автора преувеличение обороноспособности, нужное ему для подчеркивания могущества войска Абдаллах-хана, можно все же из его красноречивого описания сделать вывод о том, что Сауран, как крепость, занимал видное место среди туркестанских городов-крепостей XVI в. «Крепость Сабран,—пишет Хафиз-и Таныш,—

---

[81] «Таварих-и гузида», л. 105б—106а; «Шайбани-наме», лл. 14а—б.
[82] Муин ад-Дин Натанзи («Аноним Искандера»). СМИЗО, II, стр. 129.
[83] «Таварих-и гузида», л. 97а; «Шайбани-наме», л. 6а.
[84] «Таварих-и гузида», л. 109б; «Шайбани-наме, л. 19б.
[85] СМИЗО, II, стр. 129.
[86] «Шайбани-наме», л. 19б; «Фатх-наме», л. 112б и др.
[87] «Бадаи' ал-вакаи'», стр. 341.
[88] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 347а—348б, 353б—356а.
[89] Там же, 348а.

является сильно укрепленной твердыней, такой сильной и мощной крепостью, что рука вращения судьбы никогда не достигала подножия ее вала...»[90] Крепость окружал глубокий ров, «похожий на реку». «От этого рва до вершины крепости—около пятидесяти гязов...»[91] Остатки крепостной стены и рва сохранились до сих пор[92]. Для более успешной осады крепости было затребовано Абдаллах-ханом дополнительное войско из Бухары и отозвано войско, осаждавшее крепость Сузак. Из Бухары были доставлены осадные камнеметательные машины. С их помощью осаждавшие, «метая тяжелые камни... разрушали жилища жителей крепости, дома и срубы колодцев»[93]. Под стенами крепости были сделаны ими подкопы, из рва выпущена вода. Тем не менее осажденные сауранцы сумели отстаивать свою крепость, несмотря на истощенные запасы продовольствия, еще длительное время.

Как и Сыгнак, Сауран был центром земледельческого района; вокруг города были расположены селения; в «Шараф-наме-йи шахи» упомянуты также сады в окрестностях города[94], имелись посевы. Как мы уже видели, город вполне обеспечивал себя продовольствием, славился «неисчислимым богатством (мал)» и «благоустроенностью вилайета». Земледелие здесь также было орошаемым, хотя система орошения несколько отличалась от сыгнакской. Вокруг развалин Саурана, по данным археологической экспедиции[95], не обнаружено следов старой оросительной системы в виде арыков и каналов, выведенных из Сыр-Дарьи или из горных речек; зато есть письменные данные о кяризной системе орошения. По сведениям Васифи известно, что в XVI в. на расстоянии фарсаха от Саурана были построены два кяриза[96] представителем местного духовенства Мир-и Арабом. На строительстве работало около 200 индийских рабов. У истоков кяризов построено небольшое укрепление (кал'а) и водохранилище (сардабе). На участке земли, орошаемом водой одного из кяризов, был устроен чарбаг[97] — поместье с садами, виноградниками и хозяйственными постройками. Кяризы и чарбаг были обращены в вакф. Васифи сообщает еще о постройке в Сауране медресе[98]. Строительство подземной оросительной системы в XVI в. говорит о продолжавшемся хозяйственном росте Саурана.

О мерах по исправлению оросительных каналов и восстановлению земледелия в окрестностях Саурана, предпринятых Абдаллах-ханом после взятия им города в 1582 г., сообщает Хафиз-и Таныш, что отметил В. В. Бартольд[99]. Однако мнение последнего о том, что «едва ли эти меры привели к большим результатам», так как «местность скоро снова перешла во власть киргизов» (казахов. — *К. П.*), ошибочно. Археологические данные говорят о том, что и позже в Сауране, как и в

---

[90] «Шараф-наме-йи шахи», л. 348а.

[91] Там же.

[92] А. Х. Маргулан. Из истории городов..., стр. 71; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 151.

[93] «Шараф-наме-йи шахи», л. 355а.

[94] Там же, л. 346б, 347а.

[95] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 151.

[96] «Бадаи' ал-вакаи'», стр. 348—351. См. об этом: П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870, стр. 14, 21, 31; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 225—226; А. Н. Болдырев. Зайнаддин Васифи — таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957, стр. 161—163; М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, ч. I. Ташкент, 1966, стр. 281—282.

[97] «Бадаи' ал-вакаи'», стр. 355.

[98] Там же, стр. 342, 351—353, 355—357.

[99] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 226.

ряде других городов Туркестана, «жизнь продолжалась вплоть до XVIII в. и протекала весьма интенсивно»[100]. Продолжение хозяйственно-экономической деятельности в этом районе и в XVII в. засвидетельствовано и в русских документах. Так, о возможности торговли с правителем казахов «савранским царем Аблаханом» говорится в «Отписке тобольского воеводы И. С. Куракина в Посольский приказ...» от 1616 г.[101]

Ясы (Туркестан)—крупнейший город всего Туркестана, принявший к концу XVI в. его название. В литературе XIV—XVI вв. носил название Ясы (Йаси, Йасси)[102]. Этот город был центром тимуридских и затем шайбанидских наместников в Туркестане. Ясы реже, чем Сыгнак и Сауран, попадал под власть казахских ханов. Непродолжительное время—в 1579 г.—принадлежал Хакк-Назар-хану (был отдан ему вместе с г. Саураном Баба-султаном за помощь против Абдаллах-хана). Затем в нем, как и во всем Туркестане, на некоторое время утвердился Абдаллах-хан, поставивший во главе городов Туркестана своих наместников. Окончательно город перешел к казахам в 1598 г. вместе со всей туркестанской областью и Ташкентом. Казахский хан Ишим заключил в этом году договор с бухарским правителем, о чем сообщает Искандер Мунши в «Та'рих-и аламара-йи 'Аббаси»: «... По доброму совету шейхов накшбенди между ним [Баки-Мухаммадом] и правителем казахского народа, который был в Ташкенте, был заключен мир на том условии, что самаркандское войско не будет посягать на Ташкент»[103]. Ишим-хан сделал город Туркестан своей резиденцией. Крупным торговым и политическим центром владений казахских ханов был Туркестан в XVII в. В нем сосредоточилась в этом столетии основная культурная и политическая жизнь всей присырдарьинской полосы. В начале XVIII в. Туркестан вместе с Сайрамом был захвачен джунгарами.

Роль г. Ясы как политического и хозяйственного центра всей области в начале XVI в. подчеркнул Рузбехан. Он называет Ясы «столицей (тахт) правителей Туркестана». По свидетельству Рузбехана, здесь сходились торговые пути из Дашт-и Кипчака, Ферганы и Китая: «Со стороны узбекских [казахских.—*К. П.*] земель, которые суть северная сторона, и путями, ведущими к Андижану, до границ Китая... перевозят в Йасы товары и редкостные вещи (нафаис). Здесь происходит торговля [ими]. Это перевалочный пункт для купцов [различных] стран, место остановки для путешественников из [разных] стран»[104]. Данные Рузбехана говорят о том, что кочевое население было заинтересовано в этой торговле и само посещало торговые центры в Присырдарье, в частности г. Туркестан, пригоняя сюда скот и обменивая его на нужные товары.

Туркестан был также центром большого земледельческого округа, не только обеспечивавшего зерном и другим продовольствием соб-

---

[100] Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81.

[101] «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. Сборник документов». М., 1959, стр. 45—46, 49.

[102] В «Шараф-наме-йи-шахи», где рассказывается о событиях 70—80-х годов XVI в., начинает встречаться наряду с «Ясы» и название «Туркестан». Так, на л. 343а: «Абдаллах-хан приказал, чтобы победные войска отправились в поход для осады крепости Туркестан и окружили ее»; на л. 344а, в заглавии: «О выступлении... для осады Туркестана», а в самом тексте главы: «Пусть окружат крепость Йасы».

[103] Искандер Мунши. Та'рих-и аламара-йи Аббаси. Литограф. изд. Тегеран, 1314 г. (1896—1897), стр. 459.

[104] «Михман-наме», л. 116б—117а.

ственные нужды, но и поставлявшего их на туркестанский рынок. В источниках упоминаются многочисленные селения вокруг г. Туркестана, составлявшие вместе большой земледельческий оазис: селение Икан юго-восточнее города Ясы, Карачук, Йунка, Сури и др.[105] О наличии больших возделываемых и орошаемых участков вокруг самого города и в селениях говорится в упоминавшейся выше вакуфной грамоте Тимура, пожалованной им в конце XIV — начале XV в. В течение двух веков возделываемые площади оставались примерно в том же состоянии, что дало возможность столько времени спустя подтвердить принадлежность мавзолею тех же участков орошаемых земель и садов. Кроме основного участка земли, орошаемого арыком (в тексте персидский термин *джуй*) Йангича, вытекающим из родника (*чашма*) Ходжа-Тумаси, этой грамотой передавались мавзолею Ходжа Ахмеда Ясеви и некоторые другие вакфы по «два коша земли с водою» (т. е. количество пахотной земли, которую могли обработать за сезон две пары быков) от всех участков, орошаемых арыками, «сколько бы арыков в ведении Туркестана ни было». Некоторые из этих арыков перечислены в грамоте: арык Мир-Кара-су (два коша земли с участка, орошаемого этим арыком, относилось к вакфу мазара Са'ид Ваккаса); арыки Сыгнак и Чорнак (по два коша земли, орошаемой каждым из этих арыков, принадлежало мазару Хаджи-Малика по прозвищу Чорнак-Ата); арыки Кара-булак, Сазат-булак, Ак-тепе (в тексте Ак-тифа), Ур-Йар, а также арыки Миш и Аксил-Кийа, вытекающие из родника Кок-таш (вместе с частью земель, орошаемых арыками Чорнак и Сыгнак, эти арыки принадлежали «отделению Сыгнак»); арыки Кийа-Джук, Бохарчук, Шат, Дарваза, Ташанак, Ча'а и Куш-Курган (по два коша земли с участков, орошаемых этими арыками, передавались хатибу Дарвишу Али Сыгнаки). Только перечисленные в этой грамоте некоторые орошаемые участки позволяют судить о значительной площади возделывавшихся земель вокруг г. Туркестана. Как следует из указанной грамоты, на поливных землях выращивались зерновые культуры, в частности пшеница и ячмень, огородные культуры и разводились сады (об одном из них, расположенном на землях, орошавшихся из арыка Ходжа-Тумаси, упомянуто в вакф-наме Тимура).

Позже, в XVII в., когда Туркестан стал резиденцией казахских ханов, роль этого города как центра земледельческой округи возросла еще больше, так как потребности в зерновых и других продуктах увеличились.

Как известно, г. Туркестан еще с предшествующего казахским ханствам времени стал крупнейшим центром религиозной жизни всего Туркестана и прилегающих к нему дашт-и кипчакских районов; здесь находилась могила одного из первых «святых у среднеазиатских кочевников и оседлых мусульман Средней Азии»[106]. Учитывая это и стараясь заручиться расположением местного населения и кочевников Дашт-и Кипчака, Тимур построил здесь в конце XIV в. мавзолей над могилой Ходжа Ахмеда Ясеви, который Рузбехан восторженно назвал «редкостным среди памятников населенной [части] мира, чудом творения рук человеческих»[107]. Последующие владетели г. Туркестана, включая и казахских ханов, старались поддержать роль города как центра мусульманской духовной жизни всех подвластных им земель с тем, чтобы обеспечить себе поддержку в кругах многочисленного и сильного местного духовенства. Поэтому в силе оста-

[105] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 335б, 344а.
[106] М. Е. Массон. Мавзолей..., стр. 4.
[107] «Михман-наме», л. 117а.

валась в течение многих веков и грамота Тимура о передаче большого количества обрабатывавшихся земель в вакфы местным «святым местам». По той же причине хоронили здесь и многих знатных лиц: в 1485 г. была похоронена жена Абу-л-Хайра, дочь Улугбека, Рабига-Султан-бегум, в 1524 г.—правитель Туркестана Суйундж-Ходжа-хан. Казахские ханы тоже возводили в этих местах мавзолеи и постройки религиозного характера. Здесь был построен в начале XVII в. мавзолей над могилой Ишим-хана[108] (умер в 1628 г.) и Джехангира[109].

Отрар. В этом древнейшем присырдарьинском городе, располагавшемся недалеко от впадения р. Арысь в Сыр-Дарью и разрушенном до основания монголами в начале XIII в., постепенно возродилась жизнь. К середине XIV в. он считался одним из крупнейших торговых пунктов. Белоордынские ханы в Отраре, как и в других городах Туркестана, находившихся под их властью, осуществили некоторое строительство [110]. Ко времени завоевания Отрара Тимуром город превратился в крупный торгово-ремесленный центр [111].

В начальный период борьбы казахских ханов с шайбанидами за Туркестан, т. е. в конце XV в., Отрар был значительным городом и играл большую роль в хозяйственной и политической жизни всего района. Он являлся административным центром вилайета и занимал ведущее положение среди других городов Туркестана. При тимуридах Отрар был местом пребывания их наместников (после потери ими Отрара таковым стал г. Ясы). Именно тот факт, что Мухаммад Шайбани заполучил в свои руки с помощью могульского хана Султан Махмуда г. Отрар, позволил ему с небольшими собственными военными силами быстро овладеть, используя материальные ресурсы Отрара (продовольствие, военные припасы и людскую силу), рядом других крепостей Туркестана[112].

Большое экономическое и военно-политическое значение Отрара в жизни всей туркестанской области понимали и современники тех событий, о чем отложились сведения в источниках. Так, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» рассказывается: «В это время, когда [Султан Махмуд-хан] отдал Отрар [Мухаммад Шайбани-хану], сын Мухаммад-Мазид-тархана Кул-Мухаммад-тархан был в Сабране. Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались: «Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет»,—послали человека, привели Махмуд-султана [брата Шайбани-хана] и отдали ему город Сабран»[113]. Не случайно, думается, и Мирза Хайдар, рассказывая о тех же событиях, говорит о захвате могулами и передаче ими Мухаммаду Шайбани не города Отрара, а Туркестана [114], причем имеется в виду область, так как город Йасы стал называться Туркестаном позже. В понимании автора, писавшего об этом событии несколько десятилетий спустя, отразился не сам факт заполучения Шайбани-ханом Отрара, а именно ближайший результат этого — захват большей части Туркестана. Поддержка могульским ханом притязаний Шайбани на Отрар, а вместе с ним и на весь Туркестан, вызвала противодействие казахских правителей, что привело к военным столкновениям между могулами и казахами, верх в которых одержали последние.

---

[108] М. Е. Массон. Мавзолей..., стр. 8.
[109] «История Казахской ССР», т. I, стр. 196.
[110] СМИЗО, II, стр. 122.
[111] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории..., стр. 78.
[112] «Шайбани-наме», л. 18а—б.
[113] «Таварих-и гузида», лл. 108а—б.
[114] «Та'рих-и Рашиди», л. 66а.

Отрар в это время считался надежной крепостью (кал'а), она могла выдержать длительную осаду. После занятия Шайбани-ханом Отрара крепость осадил со своим огромным войском Бурундук-хан. На выручку Мухаммада Шайбани могульский хан выслал 3000 воинов, и Бурундук-хан вынужден был снять осаду. Позже он вместе с сыновьями Джанибек-хана и в союзе теперь уже с могульским ханом Султан Махмудом, который стал опасаться усиления Мухаммад Шайбани-хана, вновь осадил Отрар, где правителем был сын Шайбани-хана Мухаммад Тимур-султан. Осаждавшие «каждый день завязывали большие сражения», однако безуспешно [115]. Автор «Михманнаме», рассказывая об этом же событии, пишет о том, что в войсках Бурундук-хана и пришедших с ним казахских султанов было более тридцати тысяч человек. Несмотря на такую многочисленность войск, осада крепости затянулась. Бурундук-хан снова был вынужден снять осаду [116].

В середине XVI в. отрарская крепость временно перешла к казахам, окончательно же вошла в состав казахских ханств вместе со всем Туркестаном в конце XVI в. Еще длительное время Отрар продолжал оставаться значительным населенным пунктом Туркестана. По данным археологов, «на городище древнего Отрара керамика XVII—XVIII вв. составляет основную массу подъемного материала» [117]. Постепенно, однако, город потерял свое значение вместе с разрушением ирригационной системы [118], некогда орошавшей известный отрарский земледельческий оазис.

Сайрам. Этот город, расположенный на месте древнего Исфиджаба (по мнению некоторых ученых, недалеко от него), в позднее средневековье был центром богатого, густонаселенного района, лежавшего на стыке путей из Мавераннахра в северную часть Туркестана и далее в степь. Благодаря своему географическому положению в XV—XVII вв. он находился в самом узле переплетавшихся здесь интересов правителей кочевого Дашт-и Кипчака и Туркестана, Западного Могулистана и среднеазиатских феодальных государств. Во всех персо- и тюркоязычных сочинениях, содержащих сведения об их взаимоотношениях, упоминания о Сайраме и связанных с ним событиях встречаются очень часто.

Советскими учеными [119] на основе обследований развалин города уже выявлена роль Сайрама как крупного торгово-ремесленного центра. На его развалинах археологи обнаружили остатки развитого керамического производства. Показано и значение Сайрама как центра богатого земледельческого оазиса. Еще в 1893 г. В. В. Бартольд писал, что «все пространство от Чимкента до Сайрама прорезано высохшими арыками» [120], а позже отметил глубокую древность земледельческой культуры в Сайраме [121]. О значительной площади возделывавшихся земель внутри огороженного двумя линиями стен пространства, занятых, очевидно, садами и другими древесными насаждениями, писал

---

[115] «Шайбани-наме», лл. 20а—21б.
[116] «Михман-наме», лл. 78б—79а.
[117] Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика..., стр. 31.
[118] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 149.
[119] П. П. Иванов. Указ. статьи; М. Е. Массон. Старый Сайрам; А. Х. Маргулан. Из истории городов..., стр. 63—67.
[120] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 111.
[121] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 222.

М. Е. Массон. По его наблюдениям, за линией стен располагались поля, занятые посевами зерновых [122].

Археологические данные о развитии земледелия в сайрамском округе дополняются сведениями из источников о значении сайрамского оазиса в обеспечении области зерном и другими земледельческими продуктами. Как сообщает Рузбехан, сюда, «в пределы восточных земель Туркестана» (а к ним он относит Ясы, Сайрам и другие города), отправлял за сбором зерна и другого продовольствия Шайбани-хан («чтобы было собрано огромное количество орудий, предметов вооружения (йарак), вещей (асбаб), продуктов (акват) для всех [состоящих] в победоносном войске, дабы в сердца их не закралось беспокойство о продовольствии (азук)» [123]. Сюда же, в Сайрам, столетие спустя, в конце XVI в., посылал за зерном своего эмира Шахим-бия Абдаллах-хан, который безуспешно осаждал Сауран и очень нуждался в хлебе (из-за длительного стояния под стенами Саурана, в опустошенных и разоренных его окрестностях «о хлебе осталось [у людей] лишь одно воображение, провизия кончилась, зерно пшеницы стало дороже крупинки жемчуга, люди обессилели из-за недостатка пищи»). В Сайраме Абдаллаху, несмотря на обостренные отношения с правителем этого города, ставленником его врага Баба-султана, удалось получить достаточное количество зерна. («...Воины приводили катары верблюдов и мулов и увозили зерно. Вновь и вновь приходило все больше людей, которые предлагали взять зерно» [124]). Одной из главных целей предпринятой Абдаллах-ханом осады Сайрама в 1582 г. было также намерение «довольно легко взять из этого города продовольствие (азук)» [125].

Вся возделываемая в районе Сайрама площадь орошалась при помощи арыков, отведенных из многочисленных речек, стекающих с юго-западных склонов Каратау и Таласского Алатау. Некоторые из этих рек, сохраняющих и поныне свои названия, упомянуты в источниках: Арысь, Сайрам-Су (на которой стоял г. Сайрам), Буган, Чайан, Арсланлык и др.[126]

О прекрасном климате Сайрамского оазиса, благоприятном для орошаемого земледелия, писал Рузбехан: «Я нашел, что это чрезвычайно приятный город. Он основан на ровной, открытой степи, очень красивой и свежей. Воздух его очень приятный, животворящий, [такой], что вселяет в сердце радость и силу. По окраинам его пасутся, словно овцы, стада диких коз; во всех окрестностях (нахийа) растут деревья [разных] пород» [127].

Как типичный средневековый феодальный город Сайрам был в то же время и хорошо укрепленной крепостью, за стенами которой скрывалось не только городское, но и сельское окрестное население во время феодальных междоусобиц и бесконечных войн. «Основная часть города окружена такой высокой стеной (сур), что рука обладания не может быстро дотянуться до стен ее; вокруг нее [вырыт] такой недоступный ров, что ноги казахов отказываются вступить туда», — так писал Рузбехан в пору борьбы казахов за Присырдарью с Шайбани-ханом. Этот ров вокруг Сайрама упоминается и Хафиз-и Танышем при описании им событий конца XVI в. В это время Сайрам все еще

---

[122] М. Е. Массон. Старый Сайрам, стр. 37.
[123] «Михман-наме», л. 48б.
[124] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 350б—351а.
[125] Там же, л. 331б.
[126] Там же, лл. 334а—335а.
[127] «Михман-наме», л. 116а.

обладал значительными фортификационными сооружениями. Впоследствии, когда Сайрам стал одним из укрепленных центров казахских ханств, казахи совершали отсюда набеги на окрестности Бухары и Самарканда и здесь же скрывались во время ответных походов бухарских правителей.

Сайрам наряду с Туркестаном сохранял свое значение торгово-земледельческого центра и крупного стратегического пункта и в XVII в. Это объясняется той большой ролью, которую он играл в жизни казахских ханств как центр экономической и духовной (в смысле мусульманской религии) жизни. В 1681 и 1683 гг. к Сайраму подходили джунгары, а в 1684 г. они разграбили и разрушили его, часть городского населения была уведена ими на Или, а затем в Восточный Туркестан [128]. Вторично Сайрам завоевали джунгары в 1723 г. вместе с Ташкентом и Туркестаном.

Постепенно роль экономического и административного центра сайрамского района перешла (в середине XVIII в.) к соседнему Чимкенту [129], который до этого был одним из многочисленных селений, окружавших Сайрам. (Селение — قریه — Чимкент в форме Чими-Кент چمی کنت упомянуто в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди [130]).

Аркук. В источниках, описывающих события XV—XVI вв., происходившие в Присырдарье, довольно часто упоминается небольшая крепость на левом берегу Сыр-Дарьи — Аркук, которую Рузбехан назвал «ключом для завоевания других крепостей» Шайбани-ханом [131]. Располагалась крепость, по описанию Рузбехана, на расстоянии 1 фарсаха (6—7 км) от Сыр-Дарьи. Она являлась связующим пунктом между Мавераннахром и Туркестаном. («Отсюда ведут дороги в восточные крепости Туркестана, такие, как город Йасы и Сайрам, и другие вилайеты» [132]). По данным Рузбехана, Аркук не отличался своими размерами и не имел торгового значения («...В этом городе не совершаются торговые сделки и нет лавок» [133]). Это было небольшое укрепление, окруженное многочисленными мелкими селениями, расположенными вдоль Сыр-Дарьи, на ее левом берегу. О наличии таких селений «в западных районах от реки Сейхун» пишет Рузбехан [134]. Все эти селения вместе с Аркуком составляли большой земледельческий оазис, производивший значительное количество зерновых. Это подтверждают сведения Рузбехана о снабжении продовольствием за счет местных возможностей войска Шайбани-хана, «безграничного» по своему размеру [135], при подготовке им (Шайбани-ханом) похода на казахов. Несмотря на зимний период и «дороговизну и скудость» хлеба и других продуктов питания, «было заготовлено все необходимое для войска без того, чтобы кто-либо [из жителей] жа-

---

[128] Молла Муса. Та'рих-и амнийа. Рук. ЛО ИНА С 335, стр. 514. Перевод В. П. Юдина для сборника «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»

[129] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. стр. 277—278.

[130] Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме, рук. ИВ АН УзССР, № 4472, л. 128а; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 223.

[131] «Михман-наме», л. 66а. Сведения об Аркуке из «Михман-наме» приведены и проанализированы Р. Джалиловой в ее статье «К истории аграрных отношений в государстве Шейбани-хана в начале XVI века» («Общественные науки в Узбекистане», 9, 1963, стр. 38—40.

[132] «Михман-наме», л. 47а.

[133] Там же, л. 47б.

[134] Там же, л. 47а.

[135] По словам Рузбехана, только Мухаммад Тимур-султан привел с собой 30 тыс. конницы. «Михман-наме», л. 48а.

ловался на причинение зла войском или испытывал притеснения со стороны армии или говорил бы [об этом]» [136]. «Воины, — пишет Рузбехан, — толпами выходили из домов этой ничтожной крепости с ношами и с грузом продовольствия, верблюды их были нагружены всякого рода добром, а ноши полны [им]» [137]. Допуская даже несомненное преувеличение добровольности сдачи хлеба населением и факта отсутствия притеснений со стороны войск Шайбани-хана (а такое преувеличение имело место, так как автор хотел подчеркнуть, что «вся эта благоустроенность городов Туркестана — из-за безграничной милости его величества [Шайбани-хана]»), из слов автора «Михман-наме» все же можно сделать вывод о значительном развитии орошаемого земледелия в XV—XVI вв. на левом берегу Сыр-Дарьи, в районе Аркука и других мелких крепостей, о которых пишет Рузбехан. Археологами подтверждается наличие в этой местности следов древней оросительной сети, основанной на арыках, отведенных из Сыр-Дарьи [138].

Сведения из других средневековых сочинений дополняют рузбехановскую характеристику Аркука: несмотря на небольшие свои размеры, крепость могла выдержать длительную осаду. Так, в период утверждения Мухаммад Шайбани-хана в Присырдарье Аркук был осажден объединенными силами казахов Бурундук-хана и Мухаммад-Мазид-тархана; в Аркуке находился брат Шайбани Махмуд-султан, оставленный правителем этой крепости [139]. Осада длилась 40 дней, но оказалась безуспешной. При описании происходивших под Аркуком сражений упомянуты ворота в крепостной стене Аркука. В конце XVI в. Аркук упоминается при описании военных действий между Абдаллах-ханом и Баба-султаном [140].

В числе городов-крепостей левобережья Сыр-Дарьи упомянут Рузбеханом еще **Узгенд**. «Эта крепость (кал'а), — пишет он, — также расположена на берегу Сыр-Дарьи, ниже крепости Аркук, [находится] в цветущем состоянии. Расстояние от нее до Сейхуна — примерно один фарсах» [141]. Как и Аркук, Узгенд — одна из крепостей, оказавшихся в руках Шайбани в начале его вторжения в Присырдарью. Но в отличие от Аркука, сдавшегося добровольно, население Узгенда оказало сопротивление. Взяв эту крепость, Шайбани посадил в ней своего сына Мухаммад-Тимура [142].

Об Узгенде, как и об Аркуке, упоминает Хафиз- и Таныш, что говорит о продолжавшейся в этих городах жизни по крайней мере до начала XVII в.[143]

По восточным и русским средневековым источникам XV—XVI вв. известна также небольшая крепость **Ак-Курган**, лежавшая между Туркестаном и Сайрамом, недалеко от Яны-Кургана и на некотором расстоянии от Сыр-Дарьи. «А от Янгургана (Яны-Кургана. — *А. Макшеев*) 70 верст Акнурган град. А от Акнургана 110 верст град Саирям, от реки 20 верст» [144]. Эта небольшая крепость Акнурган,

---

[136] Там же, л. 47б.

[137] Там же.

[138] А. Д. Руднев. Следы древних городов на Сыр-Дарье. ПТКЛА, год V. Ташкент, стр. 57—62; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 150,

[139] «Таварих-и гузида», лл. 105б—106б.

[140] «Шараф-наме-йи шахи», л. 322а.

[141] «Михман-наме», л. 57а.

[142] «Таварих-и гузида», л. 105б.

[143] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 322б, 323а.

[144] А. И. Макшеев. Географические сведения «Книги Большого чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. «Записки РГО», т. VI, 1880, стр. 31.

упомянутая в «Книге Большого чертежа», по мнению А. Макшеева, и есть крепость Ак-Курган. Таким образом, она была расположена на правой стороне Сыр-Дарьи, хотя Хафиз- и Танышем упоминается вместе с Аркуком, т. е. на левом берегу: «Они (войска Баба-султана. — *К. П.*) прошли Аркук и дошли до Ак-Кургана» [145]. О переправе через Сыр-Дарью, которая как будто бы разделяет эти две крепости, здесь ничего не сказано. Возможно, однако, что речь идет о разных небольших крепостях, носивших это довольно распространенное в отношении мелких укреплений название [146].

Упоминаются в источниках еще некоторые небольшие укрепления: **Йаканкент**, при впадении в Арысь Боралдая, **Карасман**, или Кара-аспан,[147] на левом берегу Арыси, и др. Сведений о них, однако, никаких нет.

При описании событий, связанных с борьбой Шайбани-хана с казахами за Присырдарью, авторы восточных сочинений часто упоминают город **Сузак**, исторические судьбы которого переплетались в этот период с таковыми городов Туркестана. Детального описания Сузака в источниках, однако, нет. Отмечается только, что Сузак был значительной крепостью, окруженной рвом [148]. Располагался он на северных склонах Каратау, рядом с современным одноименным поселком. Археологические данные говорят о том, что Сузак пережил период подъема в XV — XVI вв. [149] Все это время город принадлежал дашт-и кипчакским правителям, сначала Белой орды, затем казахских ханств. Город представлял собой крупный торгово-ремесленный пункт, выдвинутый в степь.

На основании приведенных выше сведений письменных источников, дополняемых данными из исследований археологов, можно говорить о некотором росте городской жизни в Присырдарье в изучаемый период.

Монгольское нашествие в начале XIII в. оказалось настоящей катастрофой для присырдарьинских городов, как и для всей Средней Азии. Монголами были уничтожены многие населенные пункты, разрушена оросительная сеть, без которой земледелие в этом районе невозможно, так же как невозможна и жизнь в городах.

Но постепенно разрушительные последствия монгольского нашествия были преодолены, многие города в Присырдарье вновь возродились к жизни, хотя некоторые из них не достигли домонгольского уровня. На восстановление городской и сельской (земледельческой) жизни в Присырдарье огромное воздействие оказали издавна сложившиеся экономические связи кочевого скотоводческого населения средневекового Казахстана с оседлым земледельческим населением районов Средней Азии. Кочевники Дашт-и Кипчака были крайне заинтересованы в торговом обмене с населением земледельческих областей, так как им было необходимо получать товары ремесленного производства (керамические, стеклянные, металлические изделия, хлопчатобумажные ткани и т. д.), продукты земледельческого труда, главным образом зерно, а также предметы роскоши, пользовавшиеся спросом

---

[145] «Шараф-наме-йи шахи», л. 322б.

[146] Так называлась, например, пограничная крепость-рабат в нижнем течении Сыр-Дарьи. См.: В. А. Каллаур. Древние местности Аулие-Атинского уезда. ПТКЛА, год тринадцатый. Ташкент, 1909.

[147] «Шараф-наме-йи шахи». лл. 334б, 335а; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, 1864, стр. 302.

[148] «Шараф-наме-йи шахи», л. 349а—б: «Шайбани-наме», л. 9б; Махмуд бен Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН УзССР № 1375, л. 136б.

[149] Л. Б. Ерзакович. Указ. статья, стр. 80—81.

у господствующей верхушки (Рузбехан называет в числе таких «прекрасных и редкостных товаров» «украшения для одежды», ковры, «украшения из серебра и золота» и др.). Все это они получали в обмен на скот, мясо, шерсть, кожи, ковры, одеяла, войлочные изделия, кошмы и т. д. Об обоюдной заинтересованности как кочевников, так и оседлого земледельческого населения в таком торговом обмене говорили многие ученые (В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, П. П. Иванов, М. Е. Массон, В. С. Батраков [150], Т. А. Жданко[151] и др.), и нет смысла подробно останавливаться на этом.

Подчеркнем лишь мысль, высказанную Б. Г. Гафуровым [152] и поддержанную многими учеными, [153] о том, что хозяйственные связи, торговля скотоводов-кочевников с населением земледельческих районов способствовали развитию как ремесленного производства (спрос нужно было удовлетворять), а вместе с ним городской жизни, так и земледелия (спрос на зерно как со стороны кочевников, так и населения городов). Все это оказало воздействие на восстановление и некоторый рост городской и оживление сельской жизни в Присырдарье (Туркестане) в XIV—XVI вв. Через эти города, как указано в работах многих исследователей, осуществлялись торгово-экономические связи еще в домонгольское время, когда в них наблюдался наивысший расцвет хозяйственной и культурной жизни. Теперь, в XIV—XVI вв., восстановление и развитие городской жизни в оседлоземледельческих оазисах Туркестана произошло под непосредственным влиянием объективной необходимости указанных выше хозяйственных связей кочевых и оседлых районов. Ведь спрос кочевого населения прилегающих степей на ремесленные изделия и продукцию земледельческого труда мог быть удовлетворен не только за счет привоза их из глубинных районов Средней Азии, но и за счет местного производства. Поэтому города в Присырдарье, как мы видели выше, были не только торговыми пунктами по перевозке, перевалке товаров из других областей, но и сами являлись центрами ремесленного производства и развитых земледельческих оазисов. Как свидетельствует современник, экономическая жизнь в Туркестане и его городах в начале XVI в. достигла значительного развития. Дав яркую характеристику Аркука, Рузбехан замечает: «Многие города Туркестана по благоустроенности не только подобны Аркуку, но и превосходят его» [154].

Города Туркестана являлись центрами оптовой торговли на древних караванных путях. Сюда (по Рузбехану, в Йасы и Сыгнак) свозились товары из многих стран — из Мавераннахра, Хорезма, Восточного Туркестана, прибывали «казахские купцы» (تجار قزاق) [155], которые везли в степи нужные кочевникам товары. В имеющихся источниках нет сведений о степени развития товарно-денежных отношений у казахов. Происходили ли эти «торговые сделки» «казахских купцов» в городах Туркестана, о которых говорит Рузбехан, в виде

---

[150] В. С. Батраков. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958, стр. 4—5, 18—20.

[151] Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1961, № 2, стр. 54; Ее же. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 278—279.

[152] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Госполитиздат, 1949, стр. 354.

[153] См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 446, 448, 496.

[154] «Михман-наме», л. 47б.

[155] Там же, л. 79б.

натурального товарообмена (ремесленные изделия и зерно на скот и продукты скотоводства) или в них играли свою роль деньги, — точных данных нет. Внутри самих городов и между ними помимо натурального обмена была развита и денежная торговля. О монетах местного чекана приводил данные А. Ю. Якубовский в статье о Сыгнаке; археологами известны также монеты с чеканом Кенджде, Отрара, относящиеся к XIII—XIV вв.[156] О развити торговли и денежного обращения в присырдарьинских городах в более позднее время свидетельствуют серебряные и медные монеты XVI в., выпущенные местным монетным двором в г. Ясы, о которых сообщает Е. А. Давидович, и найденные в Сузаке бухарские монеты XV—XVI вв.[157] Дальнейшие раскопки на городищах присырдарьинских городов и розыски письменных материалов дадут более подробные сведения о развитии денежного обращения в данном районе.

Рузбехан говорит о наличии базаров в Сыгнаке, Ясы. Относительно Аркука он делает замечание, что в нем нет базара и лавок, очевидно, в противоположность другим более крупным городам, в которых таковые имелись.

В степь шли с местных базаров не только привозившиеся из других стран товары, но и местные. О развитии местного ремесленного производства уже приводились некоторые сведения. На городищах Туркестана археологами собрано большое количество подъемного материала, свидетельствующего как о развитии местного ремесла, так и о наличии торговых связей с другими областями Средней Азии. Наибольшее количество подъемного материала составляют керамические изделия, в том числе и местного производства, центры которого были в Отраре, Сайраме и других местах [158]. В связи с развитием земледелия и садоводства развивалось, очевидно, и металлическое производство по выделке различных сельскохозяйственных орудий и инструментов (кетмени, ножи и пр.). На наличие ремесел по выделке различного воинского снаряжения указывают сведения Рузбехана о посылке за «военным снаряжением» (йарак), различными «вещами» (асбаб) в «восточные крепости Туркестана» (Сайрам, Ясы) для подготовки войска Мухаммада Шайбани в поход на казахов. Говоря о приказе Шайбани-хана («чтобы жители Туркестана не производили никаких торговых сделок с казахскими купцами»), Рузбехан называет и те самые товары, которые могли привлечь внимание казахов и о которых говорилось выше [159]. Вполне возможно, что эти товары могли производиться на месте.

Важную роль в жизни присырдарьинских городов играло земледелие. Города были окружены полями, садами и огородами, обработкой которых занимались и горожане. Наряду с орошаемым земледелием в жизни местного населения Туркестана (и городов в том числе) играло большую роль скотоводство. Скотоводством занимались переходившие на оседлое и полуоседлое положение кочевники, которые

---

[156] Э. Гулямов, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Краткий обзор). Сталинабад, 1956, стр. 32; В. Д. Жуков. Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 310.

[157] Е. А. Давидович. Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). «Известия АН ТаджССР», № 3, 1968, стр. 84; Л. Б. Ерзакович. Указ. статья, стр. 79.

[158] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 79—80, 196—198.

[159] «Михман-наме», лл. 49а, 85а.

оказывали большое влияние на жизнь городов. Кочевая феодальная знать при завоевании городов продолжала вести кочевое хозяйство и одновременно получала в свое владение города, а с ними и доступ к эксплуатации городского торгово-ремесленного и земледельческого населения. Интересно отметить тот факт, что мерилом богатства городской знати являлась не только собственность на землю, но и на скот [160].

Особенность положения присырдарьинских городов на границе между оседлым и кочевым миром отразилась, таким образом, как на их хозяйственном облике, так и на политической истории всего этого экономически и исторически самостоятельного района. Как известно, возникновение присырдарьинских городов связано с внутренними процессами социально-экономического развития местного населения — земледельцев и скотоводов. Дальнейшему росту городов, как сказано выше, способствовало их выгодное положение на древних торговых путях. Большое экономическое, политическое и культурное значение присырдарьинских городов и всего района в жизни населения Дашт-и Кипчака определило и их исторические судьбы, всегда тесно связанные с историческими судьбами всего средневекового Казахстана.

3. НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОАЗИСАХ ТУРКЕСТАНА В XV—XVII ВВ.

Внутренний строй среднеазиатских (и вообще восточных) городов считается одной из труднейших и «малоисследованных проблем востоковедной историографии» [161]. Это тем более относится к присырдарьинским городам XV—XVII вв., так как в отличие от других среднеазиатских крупных городов средневековья, история которых хорошо отражена в источниках и документах и которые сами сохранились до новейшего времени, по истории присырдарьинских городов имеется вообще мало сведений как в исторических сочинениях, так и в документах (актах, вакуфных грамотах, пожалованиях и пр.), а сами они дошли до нас только в виде развалин, пока еще недостаточно изученных археологами. Особенно мало сохранилось материалов в письменных источниках для характеристики социально-экономических отношений в этих городах.

Указанные выше немногочисленные документальные данные и сведения из исторических сочинений позволяют охарактеризовать присырдарьинские города в XV—XVII вв., т. е. во время их последнего расцвета, как типичные феодальные города, столь характерные для восточного средневековья. Пусть эти присырдарьинские города были не так велики и пышны, как столицы среднеазиатских феодальных государств — Бухара и Самарканд, как крупные центры удельных владений — Балх, Андижан и другие, однако в социально-экономическом отношении они являлись такими же феодальными средневековыми городами, тесно связанными со всей системой феодальных отношений, опутанными узами феодального гнета.

Как отмечают многие исследователи [162], одной из наиболее свое-

---

[160] Там же, л. 50а.

[161] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве хулагуидов. «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 85.

[162] И. С. Брагинский. К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху. Доклад на объединенной научной сессии..., «Материалы...», стр. 424; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 43;

образных черт феодализма на Востоке является полная зависимость города от феодалов. «Восточный город приспосабливался к феодальной системе, а не вел с ней ожесточенной борьбы. Феодалы на Востоке господствовали в городе, как и в деревне, и «воздух города» здесь, в отличие от Европы, никого не «делал свободным» [163]. В силу исторически и экономически сложившихся условий здесь, на Востоке, крупное феодальное землевладение (государственное ли, духовное ли, вакф или частная собственность — мильк) всегда сочеталось с мелким крестьянским землепользованием. Феодалы, как правило, не вели своего хозяйства на принадлежавшей им земле, а сдавали ее в аренду мелкими участками крестьянам-издольщикам. Сами же землевладельцы-феодалы жили в городах, в ставках правителей, составляя господствующую городскую верхушку. Феодальная знать подчиняла себе всю городскую жизнь, ремесло и торговлю.

Эта характерная черта восточных (и среднеазиатских в том числе) городов наблюдается и в присыдарьинских городах. Более того, именно небольшие размеры этих городов-крепостей, относительно слабое развитие ремесленного производства и тесная связь с земледельческой округой еще более усиливали их зависимость от небольшой кучки местных феодалов и от очередного правителя Туркестана. Одна и та же феодальная знать господствовала и над городом, и над его сельской округой — земледельческими поселениями (в перс. тексте *мауза'* — местечко, местность, подчиненная административному центру вилайета; *дих* — деревня, селение [164]) и окрестными пастбищами (*кишлак, йайлак, курук*).

Здесь следует подчеркнуть, что хозяйственные функции между тем и другим типом населенных пунктов (т. е. между городом и селением) в Присырдарье исследуемого периода не очень четко разграничены [165]. Особенно это касается вопросов земледелия. Выше уже отмечалась большая роль земледелия в жизни городского населения, которое широко занималось им. Часто эти возделываемые земли вокруг города были защищены стеной. Судя по некоторым грамотам (1400, 1543 гг. или 1548, 1634 гг.), городское население, занимавшееся земледелием, подлежало обложению поземельным налогом — харадж, что лишний раз подчеркивает роль земледелия в жизни городов Туркестана.

Это сказалось и на терминах, которые применяют авторы нарративных сочинений в отношении присырдарьинских городов. Очень редко употребляется в отношении этих городов термин *шахр* (перс. «город»); обычно этим термином в восточных средневековых источниках называется административный центр вилайета, отличающийся от окрестных сельских населенных пунктов своими размерами; кро-

---

И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 284—285 и др.

[163] К. А. Антонова. Выступление на заседании секции общественных наук президиума АН СССР в январе 1964 г. В кн. : «История и социология». М., 1964, стр. 278.

[164] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 261б, 335а; Грамота от 1617 г. (П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 341).

[165] Это характерно и для других стран восточного средневековья. См. : К. З. Ашрафян. Городские движения в Делийском султанате в XIII—XIV вв. «Советское востоковедение», № 4, 1958, стр. 62; Ее же. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.). М., 1960, стр. 161—162.

ме того, этот центр был обнесен крепостной стеной [166]. Таким термином называет Рузбехан крупнейшие присырдарьинские города Сайрам и Ясы (Туркестан), бывшие центрами вилайетов [167]. Подчеркивая значение этих городов, он называет иногда их и арабским термином *медина* (مدينة — город). Впрочем, Рузбехан и другие авторы часто заменяют термин *шахр* более распространенным в тюркских языках словом *кал'а* (араб. قلعة — крепость, цитадель), обозначавшим не только собственно крепость, но и город вообще, тем более что средневековый восточный город, как правило, был обнесен крепостной стеной. Термином *кал'а* называются нашими авторами все крупные присырдарьинские города (центры вилайетов): Ясы, Сайрам, Отрар, Сауран, Сыгнак, Узгенд [168]. Так они назывались, очевидно, и местным тюркским населением. В то же время этот термин относится нашими авторами и к небольшим населенным пунктам, хотя и обнесенным крепостными стенами, таким, как Аркук, Куджан [169]. В тех же сочинениях встречается в отношении крупных центров и термин *балада* (بلده — городок, местечко, от араб. بلد мн. ч. بلاد — страна, область, город); в форме *билад* этот термин часто применяется Рузбеханом в отношении Туркестана как области страны [170]. Но одно дело, когда этот термин, обозначающий городок, местечко, употребляется в отношении небольшого населенного пункта, например Сыгнака, размеры которого уже во времена Рузбехана были незначительны, хотя он и оставался центром вилайета [171], и совсем другое дело, когда тот же Рузбехан относит этот термин к довольно крупному в то время городу Сайраму («приятный городок Сайрам» بلده طيبه سيرام) или к городу Ясы [172], который он же сам называл столицей местных правителей и который Мас'уд бен Османи Кухистани характеризует как «одну из важнейших крепостей Туркестана» [173]. Иногда же к крупным населенным пунктам прилагался упомянутый выше термин *дих* (поселение, деревня), и В. В. Вельяминов-Зернов переводит его даже словом *город* [177].

Вариаций различных терминов, применявшихся средневековыми авторами к одному и тому же населенному пункту, можно приводить очень много. Так, Васифи [175] называет Сауран и словом *шахр*, и *балада*, и *кал'а*, и *касаба*, хотя последнее может означать как «небольшой городок», так и «большая деревня», «селение».

В «Шараф-наме-йи шахи» [176] г. Сайрам, как и Узгенд, назван помимо уже указанного слова *шахр*, также и термином *маузи'*, который, как известно, означал небольшую местность, земледельческое поселение. Возможно, что это говорит о потере Сайрамом к концу XVI в. своего значения как крупного центра. Однако пока еще, не

---

[166] К. З. Ашрафян. «Тарих-и Фируз-шахи» Афифа как исторический источник (к истории Индии второй половины XIV в.). «Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, 1957; Ее же. Делийский султанат, стр. 162.

[167] «Михман-наме», лл. 47а, 109б и др. См. также «Шараф-наме-йи шахи», л. 278а, «Шайбани-наме», лл. 7а, 8а, 9а, 10б.

[168] Там же, лл. 47а, 57а, 78б, 109б и др.; «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани», л. 328б; «Шараф-наме-йи шахи», лл. 322а, 346б.

[169] «Михман-наме», лл. 47а—б, 120а и др.

[170] Там же, лл. 104б, 106а и др.

[171] Там же, лл. 47а, 109б.

[172] Там же, лл. 112а—б, 114б, 115а. 116а—б.

[173] «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани», л. 328б.

[174] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., ч. II, стр. 282.

[175] «Бадаи' ал-вакаи'», стр. 337, 341, 342, 378.

[176] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 261а, 308б, 323а.

проведя более подробного изучения терминологии средневековых авторов, применявшейся ими в отношении различных населенных пунктов, рано делать такие выводы, хотя изучение этого необходимо для выяснения социально-экономических отношений в средневековье. Такая задача, т. е. изучение «оценки современников в отнесении поселений к деревенским или недеревенским» выдвигается советскими исследователями [177].

Приведенные выше примеры неразборчивости в применении различных терминов к одним и тем же населенным пунктам, наблюдающейся у авторов восточных сочинений, и даже у такого сведущего автора, каким был Рузбехан, подтверждают лишний раз неразграниченность хозяйственных функций между городом и крупными селениями, большую роль земледелия (наряду с торговлей и ремеслом) в жизни присырдарьинских городов.

Эта существенная сторона в характере присырдарьинских городов способствовала еще большему укреплению в них политического и экономического господства феодалов. Владельцы земельных массивов, как пахотных, так и пастбищных, были одновременно и господствующей верхушкой в городе. В присырдарьинских городах, имевших столь тесную связь с земледелием, хотя и были в значительной степени развиты торговля и ремесло, однако они находились в полной зависимости от феодальных владетелей, извлекавших доходы из ремесленного производства и из торговли как путем тяжелых налоговых поборов, так и путем ограбления городского населения во время бесконечных войн.

Как осуществлялась эта феодальная эксплуатация присырдарьинских городов в интересующий нас период? Длительное время, как известно, за присырдарьинские города шла упорная борьба между правителями кочевого Дашт-и Кипчака и оседлых районов Средней Азии. В течение XIV—XVII вв. города Туркестана попадали под власть ханов Белой и Золотой орд, Тимура и мангытов, кочевых узбеков Абу-л-Хайра и тимуридов, казахских ханов и могулистанских правителей, Шайбани-хана и его потомков, пока, наконец, в них не утвердились казахские ханы. Каждый из этих сменявших друг друга владетелей Туркестана старался выжать из богатого края все возможное, что, разумеется, отрицательно сказывалось на его хозяйственной жизни. На протяжении длительного времени менялись правители, но суть эксплуатации присырдарьинских городов оставалась той же самой — феодальной. Всем перечисленным выше феодальным владетелям Туркестана был присущ взгляд на государство, «как на частную собственность правящего дома» [178], что вообще является, как известно, характерной чертой феодализма на Востоке. Каждый очередной правитель, захватывавший Туркестан, свободно распоряжался завоеванной территорией, превращал его в целом или по частям в удел кого-либо из членов ханского рода или какого-либо представителя военно-кочевой феодальной знати. При Абу-л-Хайре завоеванные им в 1446 г города Присырдарьи были розданы в основном членам ханского рода. В «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» сообщается, что крепость (*кал'а*) Сузак была пожалована им (арзани дашт) Бахтийар-султану, который был сыном двоюродного брата Абу-л-Хайра Хизр-хана; управление (хакумат) Сыгнаком было поручено (тафвиз намуд) Манедан-оглану, Уз-

---

[177] Ю. Л. Бессмертный. Изучение раннего средневековья и современность. «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 86—87.

[178] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958, стр. 54.

генд передан предводителю мангытского племени Ваккас-бию мангыту за оказанную ими при завоевании Туркестана помощь [179]. При тимуридах Туркестаном управляли наместники или правители (хакимы). Например, в конце XV в. хакимом Туркестана был известный Мухаммад-Мазид-тархан, сидевший в г. Ясы (Туркестане) и Отраре, а его сын Кул-Мухаммад-тархан восседал в Сауране [180]. Так же раздавал завоеванные присырдарьинские города своим близким Мухаммад Шайбани-хан. В период борьбы за Туркестан крепость Отрар была передана им в управление сыну, Мухаммад-Тимур-султану [181], Сауран — брату Махмуд-султану [182], затем после ухода узбеков в Мавераннахр правителем всего Туркестана был назначен Шайбани-ханом Кучкунджи-султан (Кучим-султан) [183], его дядя. Когда Кучкунджи стал ханом, Туркестан был отдан им в удел своему сыну Убайдулле-султану [184].

С переходом присырдарьинских городов в руки казахских ханов правителями отдельных городов и целых вилайетов становились члены ханского рода — султаны. Так, известно, что в конце XV в., в период борьбы казахов с кочевыми узбеками Шайбани-хана, длительное время правителем Сузака был сын Джанибек-хана Махмуд-султан (Бинаи говорит, что весь сузакский вилайет был в его «владении» а городом Сауроном одно время владел Иренджи-султан [185], сын Джанибек-хана. В дальнейшем, когда казахи подчинили Туркестан и Ташкент, также сохранялась удельная система владения теми или иными городами членами ханского рода. Например, Абулгази сообщает, что в 1625—1626 гг. казахский хан Ишим правил в г. Туркестане. В это же время его брат Турсун сидел в Ташкенте [186].

Пожалования узбекских и казахских ханов в Туркестане их родственникам или представителям кочевой знати были, очевидно, пожалованиями сойургального типа, хотя в приведенных выше и других примерах из источников они не названы термином *сойургал*. В «Шараф-наме-йи шахи» встречается этот термин в отношении двух вилайетов, переданных в 1579 г. Хакк-Назар-хану Баба-султаном, который захватил некоторую часть Туркестана после бегства из Ташкента: «[Баба-султан] отдал в сойургал (به سویرغال داد) этой толпе, подобной яджуджам, вилайеты Йасы и Сауран» [187]. Но это скорее формальное применение широко известного автору термина, не отражающего суть дела в данном случае, поскольку здесь мы имеем просто временную уступку за военную помощь или, по крайней мере, за нейтралитет захваченных Баба-султаном земель правителю соседних кочевых племен, домогавшемуся той же территории. Несколько выше в своем сочинении Хафиз- и Таныш говорит о том, что казахи теснили Баба-султана из захваченной им территории и он вынужден был обратиться за помощью к своему противнику Абдаллах-хану, которому жаловался: «Недавно казахские султаны пришли из Дашт- и Кипчака

---

[179] «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани», л. 326а.

[180] «Таварих-и гузида», л. 108а—б, здесь Кул-Мухаммад назван беком Саурана, а в «Фатх-наме» Шади—хакимом (л. 112а).

[181] «Михман-наме», л. 78б.

[182] «Таварих-и гузида», л. 108б.

[183] «Михман-наме», л. 62б; «Шайбани-наме». л. 36а.

[184] А. А. Семенов. Первые шейбаниды..., стр. 145.

[185] «Шайбани-наме», л. 10а; «Таварих-и гузида», л. 97а.

[186] Historie des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I, Texte, St.—Pbg., 1871, p. 167.

[187] «Шараф-наме-ий шахи», л. 278а.

и требуют землю (вилайет) в этих местах, а у меня нет возможности противостоять [им] и сил для борьбы с ними» [188].

Как известно, сойургал представлял собой форму наследственного земельного пожалования с налоговым и судебно-административным иммунитетом, широко распространившуюся в Средней Азии и Иране еще в XIV в.[189] Сойургалами называли как крупные удельные владения родственников правителя (например, уделы сыновей и внуков Тимура, а позже родственников Шайбани-хана и его преемников), так и менее значительные по размерам пожалования военно-феодальной знати.

Как бы ни назывались земельные пожалования в Туркестане, которыми наделялись родственники ханов и родоплеменная знать, суть их оставалась одной и той же: ничем не ограниченное господство военно-феодальной верхушки над местным оседлым населением и рядовыми кочевниками. Раздавая целые районы с городами, с окрестными земледельческими селениями и прилегающими к ним пастбищами, ханы обеспечивали себе поддержку военно-феодальной знати, удовлетворяли ее не только военной добычей, но и большими постоянными доходами, поступавшими в виде налогов и разного рода повинностей с городского торгово-ремесленного и сельского земледельческого населения. И. П. Петрушевский особо подчеркнул этот характер эксплуатации кочевой знатью населения земледельческих районов при помощи сойургала, который «в Иране и Средней Азии был формой господства кочевого феодала-завоевателя, тюрка и монгола, над оседлыми земледельцами и формой эксплуатации этих последних» [190]. Владелец крупного сойургала, опиравшийся на подвластное ему кочевое племя как на военную силу, чувствовал себя полноправным владыкой всего района. Особо тяжелой эксплуатации подвергалось оседлое (городское и сельское) население. Приход кочевников в земледельческий район всегда, как известно, приводил к резкому столкновению интересов земледельческого и кочевого населения: здесь и нехватка земель для пастбищ, под которые занимались кочевниками не только свободные пастбища, но и возделываемые, орошаемые земли, и прямое изъятие у местного населения продуктов ремесла и земледелия, в которых всегда была потребность у кочевников. Это противоречие в интересах кочевого и земледельческого населения нашло отражение в упомянутой выше вакуфной грамоте Абдаллах-хана от 1598 г., сама необходимость выдачи которой была вызвана жалобой местного сыгнакского землевладельца, садр ал-ислама, на то, что подвластные Абдаллах-хану «кочевые племена» (аилатийе-йи майан) «наносят ущерб» землям, расположенным вдоль его каналов (джуйха-йи ма). Переселение кочевников в земледельческий район приводило к сокращению обработанных земель, по крайней мере в первое время (в дальнейшем происходил процесс оседания некоторой части кочевников, а следовательно, и расширение посевной площади).

Феодальная эксплуатация местного земледельческого населения

---

[188] Там же.

[189] А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (образование института суюргал). «Историк-марксист», 1941, № 4; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 302; «История Узбекской ССР», т. 1, стр. 326, 351—352, 393; И. П. Петрушевский. К истории института сойургала. «Советское востоковедение», т. VI, 1949, стр. 232—249; Его же. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 272—274; А. Еренов. Указ. работа, стр. 65.

[190] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 274.

осуществлялась завоевателями не без помощи местной городской знати, как светской, так и духовной. Надо сказать, что местная городская и сельская верхушка, светская и духовная знать, на протяжении длительной борьбы за присырдарьинские города дашт- и кипчакских и среднеазиатских правителей пользовалась определенной свободой и могла лавировать между противниками, добиваясь себе некоторых привилегий от того завоевателя, которому в данный момент удалось одолеть своего противника. Можно привести многочисленные примеры о поддержке той или иной стороны, жаждавшей захватить Туркестан, местной знатью, которая выбирала, на чьей стороне ей выгоднее быть в данный момент, какая сторона сильнее. Так, например, городская знать Сыгнака в лице местного духовного главы, садр ал-ислама Кази Сиддик-шайха и бека Чикмак-йузбеги передала Сыгнак, захваченный было Шайбани-ханом в самом начале его появления в Присырдарье, казахскому хану Бурундуку [191]. В дальнейшем, когда Шайбани-хану удалось с помощью могульского хана Султан-Махмуда укрепиться на юге Туркестана, в частности в Отраре и Сайраме, «муллы и ходжи Сабрана» изгнали из города тимуридского наместника Кул-Мухаммад-тархана и призвали к себе правителем брата Шайбани-хана [192], но спустя три месяца те же «муллы и ходжи» и «старейшины Сабрана» сдали крепость осадившему Сауран Бурундук-хану и Касим-султану, которым к тому времени удалось потеснить Шайбани-хана в завоеванных им районах. В источниках встречаются имена отдельных представителей местной знати, примкнувших к Шайбани-хану или к казахскому хану Бурундуку. Так, вышеупомянутого Чикмака-йузбеги мы видим в битве при Согунлуке, где он был убит; в этой же битве был убит Эмир Бек-Ата бахадур «из йигитов Туркестана» [193], бежавший из Отрара от тимуридского наместника к Шайбани-хану [194]. Одну из высших должностей — садра занимал у Шайбани-хана выходец из Сайрама Шараф ад-Дин Абд ар-Рахим [195]. О присоединении к Шайбани-хану части жителей присырдарьинских городов и большого числа представителей феодальной знати этих городов, ранее удалившихся по разным причинам в тимуридские государства, сообщает Р. Г. Мукминова [196].

Ценой своей поддержки завоевателей местная знать сохраняла свою земельную собственность и покупала у них различные привилегии: освобождение от налогов (тарханство), пожалование новых земель, оросительных каналов. Так, в благодарность за добровольную сдачу крепости Аркук местной знатью, возглавлявшейся одним «из самых старших здешних старейшин» Кази Бикчиком [197], и дальнейшую поддержку Шайбани-хана, последний предоставил им («жителям этой крепости» اهل این قلعه) «тарханство, [освободив] от государственных (диванских) тягот и повинностей» (тархани аз тахмилат ва таклифат- и дивани) [198]. Предоставленным тарханством воспользовалась, разумеется, городская знать, так как в основном именно в ее

---

[191] «Таварих-и гузида», л. 106а; «Шайбани-наме», л. 14а—б.

[192] «Таварих-и гузида», л. 108б; «Фатх-наме», л. 112а—б; «Шайбани-наме», лл. 18б—19а.

[193] «Таварих-и гузида», л. 97б.

[194] «Шайбани-наме», л. 9а.

[195] «Михман-наме», л. 114б.

[196] Р. Г. Мукминова. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. «Известия АН УзССР», 1954, № 1, стр. 77.

[197] «Шайбани-наме», л. 7а.

[198] «Михман-наме», лл. 47б, 48а. См. также указ. выше ст. Р. Джалиловой, стр. 39—40.

руках находились возделываемые земли и она должна была платить до получения прав тарханства налоги в государственную казну; основные же производители — крестьяне — арендовали землю у феодалов на тяжелых условиях, и они, конечно, ничего не получили от предоставления тарханства.

Особые привилегии получали от ханов и удельных владетелей (см., например, грамоту 1634 г.) представители высшего духовенства, пользовавшегося большим влиянием на местное население. Поддержка духовенства помогала им укрепить свою власть над Туркестаном. Влияние на городскую и сельскую жизнь, которым пользовалось мусульманское духовенство, здесь, как и в Средней Азии, было основано «на чрезвычайно высоком удельном весе духовенства в местном феодальном землевладении» [199].

Крупная духовная знать (шайх ал-ислам, садр ал-ислам, казии, шейхи, муллы, мутавалли и т. д.), чтобы не лишиться своих владений и больших доходов при смене одного правителя другим, оказывала последнему всяческую поддержку и склоняла к повиновению ему местное население. Примеры этого уже приводились выше. В ответ духовенство приобретало милостивое расположение нового правителя, узбекского или казахского хана, получало подтвердительные грамоты на старые вакуфные земли, новые земли и прочие пожалования. Так, Абдаллах-хан подтвердил грамоту Тимура о вакфах мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане. Грамотой 1598 г. он подтвердил вакф мазара Аллама Абу-л-Хасана Зийа ад-Дин-шайха Сыгнаки, а в 1634 г. этот же вакф подтвердил новый удельный правитель Обайдаллах-хан. Вакуфные земли приносили большие доходы мусульманскому духовенству. За счет доходов от вакуфных земель (посевы, сады и др.) существовали многочисленные представители местного духовенства: мутавалли, хатибы, чтецы Корана (корра') и т. д. Особенно большая часть дохода попадала попечителю вакфа — мутавалли, который распоряжался не только своей долей доходов вакфа (по вакуфной грамоте Тимура, выданной мавзолею Ходжи Ахмеда Ясеви, $^1/_{10}$ всех доходов получал мутавалли), но и урывал немало от остальной части, так как распоряжался он ею сам, несмотря на строгие обязательства «беречь [доходы], распределяя их строго по назначению» [200].

Судя по сохранившимся грамотам, вакфы составлялись в присырдарьинских городах и их окрестностях из значительных участков лучших орошаемых земель и представляли собой крупную категорию феодального землевладения, на которую распространялся налоговый иммунитет. Только при шайбанидах с вакфов взимались некоторое время налоги, затем они были вновь отменены [201]. Это нашло отражение и в грамотах, касающихся духовенства присырдарьинских городов. Так, в грамоте Абдаллах-хана от 1598 г. нет указаний на освобождение вакфа мазара Зийа ад-Дина Сыгнаки от налогов; в грамоте 1634 г., подтверждающей неизменность того же вакфа, говорится об освобождении его от всех налогов и о предоставлении прав тарханства всем шейхам — потомкам этого «святого», которые исполняли при его мазаре должности чтецов молитв.

Помимо вакуфных земель, которыми распоряжалось местное мусульманское духовенство, оно владело значительными площадями

---

[199] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 29.

[200] «Туркестанские ведомости», 1901, № 39.

[201] Н. Махмудов. Из истории земельных отношений и налоговой политики лимуридов. «Известия АН ТаджССР», № 1, 1963. Душанбе, стр. 28.

земель на правах феодальной собственности, создававшихся как путем скупки, так и путем пожалований разных лиц, в том числе и ханов. Например, грамотой Тимура о назначении Сирадж ад-Дин-шайха шайх ал-исламом ему было пожаловано несколько участков орошаемой земли на четырех каналах, причем все эти участки освобождались от государственных и других налогов (их владельцу были предоставлены права тархана). Предоставление должности главного духовного судьи (куззат ал-ислам), который был вторым по значению лицом после шайх ал-ислама [202], также сопровождалось, как видно из грамоты 1543 г. (или 1548 г.), пожалованием земли и прав тарханства помимо других денежных доходов, определенных в жалованной грамоте. О наличии собственных земель у духовенства говорится и в грамоте от 1598 г., в частности, садр ал-ислам Камал ад-Дин, как уже говорилось, жаловался на ущерб, причиняемый кочевниками его «землям, [расположенным вдоль] его каналов».

Грамотой 1617 г. ишану Асадаллах-ходже был передан на правах дарубаста [203], т. е. с освобождением от налогов, оросительный канал под Сайрамом, а вместе с ним, очевидно, и орошаемая им земля, как указывает на это А. Еренов [204].

К местному мусульманскому духовенству в Присырдарье прибавилась еще и пришлая с Шайбани-ханом духовная знать. В «Михманнаме» [205] сообщается о некоем «великом сеиде» и «ученейшем муже», который прибыл вместе с туркестанскими «вельможами и знатными лицами» (акабир ва а'йан) в Аркук приветствовать Шайбани-хана. Этот «араб из Йемена» Саййид Шамс ад-Дин более двадцати лет прожил в Мавераннахре и Туркестане, был близок к Шайбани-хану, оказал ему помощь при завоевании Туркестана «и теперь бросил посох постоянного местожительства в городе Сайраме». Здесь, в Сайраме, он «приобрел семью и слуг» (ахл ва 'айал), скот и земельную собственность (маваши ва 'акар), очевидно, немалую, так как принадлежал к знатнейшим лицам Туркестана.

Из вышесказанного о землевладении мусульманского духовенства понятна огромная роль его в жизни туркестанских городов; экономическое могущество духовной знати было основой ее политической силы и идеологического влияния на народные массы.

Значительную часть городской (землевладельческой) верхушки составляли помимо духовенства представители военно-феодальной знати, а также гражданской администрации. Таковыми являлись упоминающиеся в исторических сочинениях и жалованных грамотах беки (минбиги, или мирхазаре, йузбиги и т. д.), владевшие большими земельными массивами как на правах собственности, так и на правах условных пожалований. Это были в основном представители родоплеменной кочевой знати; помимо огромного количества скота и обширных пастбищ, которыми они владели до прихода в Туркестан, в их руки попали земледельческие селения и орошаемые земли.

В числе представителей центральной и местной администрации названы различные должностные лица: вазиры, вакили [206] (وكيل —

---

[202] А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии». «Труды АН ТаджССР», т. XXV, 1954, вып. 2, стр. 31.

[203] М. А. Абдурахимов. К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст) в Узбекистане в XVI—XVII вв. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 4.

[204] А. Еренов. Указ. работа, стр. 67.

[205] «Михман-наме», л. 50а.

[206] См. грамоту от 1538 г.

наместник), хакимы (حكيم — правитель области, губернатор), назначавшиеся ханами и удельными правителями в городах и вилайетах (сам удельный правитель, султан или бек, почти все время находился в ханской ставке или принимал участие в военных походах), различные чиновники по сбору налогов, арбабы (служащие водного надзора)[207], а также представители низшей администрации—калантары (كلانتر — начальник городской полицейской службы), кедхуда (сельские старосты) и пр. Все они также или владели крупными земельными участками как на правах условного пожалования, так и на правах собственности (мильк), или получали содержание за счет собранных с населения налогов (как, например, финансовые чиновники—'амалдар). О существовании собственности на землю есть упоминание в грамоте 1598 г., в которой ряд источников (чашме) и несколько оросительных каналов названы мильком жителей Сыгнака (ملك سيغنا قيان). Однако судить точно о размерах этих мильков (были ли они крупной феодальной собственностью землевладельцев или мелкой крестьянской собственностью, может быть, связанной и с общиной) на основании имеющихся данных не представляется возможным.

Сведений о землепользовании в Туркестане XV—XVII вв. в наших источниках почти нет. Крестьянство вместе с податным сословием горожан в источниках называется общим термином *ра'ийат* (мн. ч. ра айа). В основном же этим термином обозначались крестьяне-земледельцы. На основании скудных данных наших источников, а также по аналогичным сведениям из истории аграрных отношений в Средней Азии можно сделать вывод о том, что одна часть крестьянства владела землей на правах собственности, другая же часть, составлявшая основную массу крестьянства, арендовала ее на правах наследственной или временной аренды у крупных землевладельцев, которые, как известно, своего хозяйства не вели. Арендовали крестьяне крохотные участки земли на очень тяжелых условиях у владетелей условных пожалований и собственников; арендовали они и участки вакуфных земель. Несомненно, о сдаче в аренду вакуфных участков идет речь в грамоте Тимура, выданной мазару Ходжи Ахмеда Ясеви: «Названный хатиб должен получить два коша земли с водою, сеять там хлеб или сдавать под посев(زراعت كنند يا كنانند)». В названных выше грамотах упоминаются два типа крестьян-арендаторов: *шарик*[208] (شريك —перс., в букв. значении—соучастник, товарищ, компаньон) и *каранде*[209] (كارنده —от перс. كاريدن، كاشتن, основа наст. врем.— كار —сеять,

[207] Так переводит встречающийся почти во всех грамотах термин *арбаб* (мн. ч. от ارباب, — владыка, господин: в форме мн. ч. в перс. яз. означает — помещик, господин) П. П. Иванов («Очерк истории каракалпаков», стр. 34) со ссылкой на А. А. Семенова («Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства». Труды САГУ, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 29). Но возможно, что в данных грамотах термин *арбаб* обозначает именно крупного землевладельца. Иначе чем объяснить, что категория лиц, именуемых термином *арбаб*, в грамотах ставится рядом с «великими» и «почтенными» эмирами (грамоты 1543 и 1598 гг.) и высшей духовной знатью (грамота 1634 г.), сопровождается пышными эпитетами: «благородные» (грамоты 1543 и 1634 гг.), «великие» (грамота 1598 г.), что вряд ли могло иметь место по отношению к простым чиновникам? Чем объяснить также, что «должностные лица», к которым принадлежали и «служащие водного надзора», упомянуты в грамоте 1598 г. после всех других категорий лиц, относящихся к высокопоставленной верхушке, в том числе и арбабов? О термине *арбаб* см. также в книге М. А. Абдураимова «Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве», стр. 100, 295—296.

[208] Грамоты 1400 (1401 г.), 1538, 1543 (или 1548), 1634 гг.

[209] Дарубест 1617 г. В кн.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 341.

засевать). Оба эти термина имели техническое значение феодально-зависимого крестьянина-издольщика вообще[210]. Об условиях этой издольной аренды наши источники не сообщают. Однако несомненно, что они были очень тяжелыми, а крестьяне-издольщики — совершенно бесправными. Так, например, в грамоте от 1617 г. указывалось, что крестьянам запрещается пользоваться водой пожалованного в дарубаст ишану Асадаллах-ходже арыка без ведома его владельца. Нарушение этого запрета могло навлечь на виновника проклятие ишана и лишение его заступничества за грехи. Крестьяне-издольщики (*карандеха*) окрестных селений отвечали за нарушение указа, за причиненный ущерб и порчу арыка изъятием у них их собственного имущества.

В вакуфных грамотах, упомянутых выше, термин шарик стоит рядом с термином ходжа (خواجه شريك رعيت‌لار). П. П. Иванов переводит это выражение как «крестьяне, арендующие [землю] у ходжей», и делает вывод о том, что ходжи владели на правах собственности большими участками земли, чем поддерживали свой духовный авторитет[211]. Непонятно только, при всей правильности этого вывода, почему в грамотах понадобилось выделять крестьян-издольщиков, арендующих землю только у ходжей, тогда как они арендовали ее и у владельцев всех других категорий земельной собственности. В. П. Юдин склонен переводить это выражение как «райяты, [принадлежащие к категориям] ходжа [и] шарик»; крестьяне, таким образом, подразделяются на две категории: ходжи-собственники земли и арендаторы-издольщики. Конечно, какая-то часть ходжей относилась, очевидно, к категории зажиточных крестьян-собственников, составляющих в это время и в поздний период (в XVIII—XIX вв.) иногда целые селения[212] и живших в более сносных условиях, чем остальная масса крестьянства. Но основная часть ходжей, потомков арабских завоевателей или причислявших себя к ним, входила в привилегированное сословие[213] и часто занимала высшие духовные должности. Из рода ходжей был, например, шайх ал-ислам Сайрама Камал ад-Дин[214], ишан Асаддаллах-ходжа был крупным земельным собственником[215].

Самые общие сведения содержатся в изученных источниках и о феодальной эксплуатации городского торгово-ремесленного люда и крестьян — земледельцев и скотоводов. В вакуфных грамотах 1400, 1543 и 1634 гг. упоминается широко известный налог *харадж* — поземельная подать (также и в форме харджи-хараджат, от перс. خرجی — расход, трата и خراجات мн. ч. от خراج — налог; впрочем, этот сложный термин мог обозначать и налоги, сборы вообще, как постоянные, так и случайные). В этих же трех грамотах приводится сложный термин *алык ва салык* آلیق و سالیق или *алык ва салыг* (آلیق و سالیغ); как полагает А. А. Семенов, этот термин означает

---

[210] Об арендаторах-издольщиках Средней Азии, обозначавшихся этими терминами, см.: П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. «Известия АН СССР», 1935, № 8, стр. 755; Его же. Очерк истории каракалпаков, стр. 35—36; А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 29—30.

[211] П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 35.

[212] А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства..., стр. 14 и 65.

[213] Там же, а также: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 275—276.

[214] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.»

[215] Грамота 1617 г. (П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 341).

«налоги», «подати вообще»[216]. Термин *мардикар* (مردکار от перс. مرد — человек, کار — дело, работа) также упоминается в грамотах 1400, 1543 и 1634 гг. По мнению ряда советских исследователей аграрных отношений в Средней Азии[217], этим термином обозначались принудительные работы по рытью оросительных каналов, их очистке, строительству и ремонту мостов, дорог и пр. Очевидно, термин *мардикар* напоминает распространенный в средневековом Иране *бигар*, также означавший «принудительные работы»[218].

В грамоте Убайдаллах-хана от 1634 г. к упомянутым выше податям и повинностям добавлено несколько других. Налог *мал-и джихад* (مال جهاد) Бартольд определил как «деньги на войну за веру (с калмыками)»[219]. В. П. Юдин, комментируя грамоту 1617 г. для «Сборника материалов...», предполагает, что В. В. Бартольд, возможно, неточно прочитал и опубликовал текст грамоты в данном месте: вместо مال جهاد, возможно, в тексте было مال و جهات — известный термин, означающий «поземельную подать» (синоним термина *харадж*). Смущает комментатора то, что этот термин стоит в грамоте после термина خراج, но ведь, по данным того же И. П. Петрушевского, на которого ссылается В. П. Юдин, употребление в одной податной рубрике двух терминов — «обычный для персидского языка прием передачи одного понятия двумя синонимами»[220].

Наконец, упомянутые в этой же грамоте термины *куналга и джамалга*[221] означали тяжелую для городского и сельского населения повинность принимать на постой на определенное время «проходящие войсковые части» (куналга) и «следующих по службе административных чинов», гонцов, сборщиков налога, а также разных знатных лиц (джамалга). Раийаты обязаны были предоставлять всем им и их слугам помещение, средства по перевозке, кормить их и т. д.

Помимо указанных налогов и повинностей упомянуты в источниках и другие, в частности, обязательные по мусульманскому праву[222]. Из них в грамоте 1543 г. говорится о *закате* — «подать с торговли и недвижимого имущества, взимавшаяся с мусульман»[223]. Упоминания об известном налоге *тагар* содержатся в «Михман-наме»[224]. Этим термином назывался натуральный сбор с крестьян и горожан «для снабжения войск продовольствием»[225]. Размеры этих сборов неизвестны. Судя по сведениям Рузбехана, в виде *тагара* собирали как продовольствие, провиант (آذوق — азук) для войск в виде хлеба (غله), так

---

[216] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 5—6.

[217] Там же, стр. 6; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в. Л., 1962, стр. 114; М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, стр. 292.

[218] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрный вопрос..., стр. 394.

[219] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 268.

[220] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрный вопрос..., стр. 373, прим. 4.

[221] О них см.: А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 6. О повинности *куналга* («постой») см. также в указ. выше книге И. П. Петрушевского, стр. 59.

[222] О них см. : И. П. Петрушевский. Указ. раб., стр. 360.

[223] Там же.

[224] «Михман-наме», л. 47а. В тексте: غله تغار Р. Джалилова переводит غله تغار как «принудительно взятый хлеб». См. : указ. статья, стр. 39. Встречается термин تغار и в других местах сочинения Рузбехана (л. 92б—93а.)

[225] И. П. Петрушевский, Указ. раб., стр. 383.

и фураж для верховых и вьючных животных (علیق — ʻалык). Сбором тагара занимались чиновники дивана (диванийан) и ясаулы (йасавулан). Тагар являлся тяжелым налогом для крестьян, так как его размеры были неопределенными, а значит — великими, посланцы хана, опираясь на военные силы, могли «выколачивать» из населения столько, сколько было нужно, разоряя и опустошая целые районы. В частности, в упомянутом Рузбеханом случае [226] для войск Шайбани-хана, отправлявшихся в поход на казахов, «в восточных районах Туркестана», было собрано месячное (йекмахе) довольствие. Количество же войск исчислялось десятками тысяч. Только у Мухаммад-Тимур-султана имелось более 30 тыс. конницы [227], у Суйундж-Ходжа-хана было более 10 тыс. конницы и около 30 тыс. пехоты, у Кучим-султана — около 10 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты [228] и т. д. Можно представить, как огромны были размеры тагара и как тяжела и разорительна была эта подать для раийатов.

К сожалению, в источниках мало сведений для характеристики всей налоговой системы, посредством которой осуществлялась феодальная эксплуатация крестьян. В источниках мало сведений и для характеристики положения городских низов (ремесленников, мелких торговцев и других категорий), системы налоговых сборов с них и для характеристики всего ремесленного производства в целом. Можно отметить только, что вся жизнь туркестанского города была подчинена его феодальному владетелю. Тяжесть налогов, повинностей и разных поборов, упомянутых выше, распространялась не только на крестьян (как на земледельцев, так и на рядовых кочевников), но и на городское торгово-ремесленное население. Освобождение от налогов в пользу центральной власти (хана), т. е. предоставление прав тарханства, о котором шла речь выше, служило обогащению только знати, а не основных производителей, так как они по-прежнему несли всю тяжесть налогов и арендной платы в пользу собственника земли или ее временного владельца.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ ТУРКЕСТАНА ДЛЯ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ

Стремление казахских ханов овладеть присырдарьинскими городами, как и подобные действия белоордынских ханов, главы узбекского ханства Абу-л-Хайра, а затем и Мухаммад Шайбани-хана, объяснялось прежде всего экономическими причинами. Выше уже говорилось о большом значении для кочевого населения казахстанских степей хозяйственных связей с оседлыми земледельческими районами Средней Азии, которые осуществлялись через присырдарьинские города. Эти города играли роль не только перевалочных пунктов, передатчиков привозимых из городов Мавераннахра товаров, но и сами непосредственно участвовали в этом торговом обмене и развивались благодаря ему: потребляли продукцию скотоводческих степей, использовали их сырье — шерсть, кожи для своего ремесленного производства, снабжали их жителей изделиями своего ремесла (керамикой, металлическими предметами и т. д.) и земледельческой продукцией. Естественно, что обе заинтересованные в этой торговле стороны — и правители Дашт- и Кипчака и правители Мавераннахра —

---

[226] «Михман-наме». л. 49а.
[227] Там же, л. 48а.
[228] Там же, л. 63б.

стремились прибрать к своим рукам присырдарьинские города — центры этой торговли. Так было в период правления ханов Белой орды, Тимура и его потомков, причем борьба эта оказалась небезуспешной для белоордынских ханов, сумевших овладеть присырдарьинскими городами и осуществивших строительство в них [229]. Так было и позже при первых казахских ханах, Шайбани-хане и их преемниках.

От того, в чьих руках находились города Туркестана, зависела возможность взаимной торговли, столь необходимой для жителей Дашт- и Кипчака. Это превосходно понимал Шайбани-хан, когда он, желая ослабить могущество казахских ханов и не допустить их в Туркестан, запретил пускать казахских купцов в Туркестанские города: «На самом деле, — пишет Рузбехан, — им [казахским ханам] стало ясно, что вследствие крайней нужды в одежде, основной элемент которой — хлопчатобумажная ткань (карбас), — а одежда и саван необходимы для людей, — им нужно вторгнуться в пределы владений (точнее, в города — билад. — *К. П.*) его величества хана, так как последовал приказ, чтобы жители Туркестана не производили никаких торговых сделок с казахскими купцами и чтобы между ними [т. е. обитателями Дашта] и жителями этих городов не было общения и посещения купцов. Временами также издавался приказ, чтобы в некоторых районах Туркестана и в городах Хорезма грабили казахских купцов» [230].

Свидетельство Рузбехана о необходимости взаимной торговли для жителей Дашт- и Кипчака и городов Туркестана, о большой нужде казахов в изделиях городского ремесла, в частности в хлопчатобумажных тканях, весьма ценно для характеристики взаимоотношений оседлых и кочевых народов в области мирной торговли, поскольку в имеющихся источниках, касающихся в основном только событий политической истории, вообще мало таких сведений. Эти торговые отношения не прерывались даже в период войны, не говоря уже о мирном времени [231], чему есть свидетельства в источниках. Так, в «Тавариx- и гузида» и в «Шайбани-наме» Бинаи сообщается, что в начальный период борьбы между Шайбани-ханом и Бурундук-ханом в Туркестан через Аркук направлялся караван купцов с товарами из Бухары [232]. Описывая третий поход Шайбани-хана на казахов, сопровождавший хана Рузбехан говорит о существовании этой торговли и о роли в ней казахских купцов: «Купцы их [казахов] постоянно посещают центр мусульманских стран (билад), купцы тех [мусульманских стран] также появляются среди них» [233]. О прибытии купцов из Бухары к Саурану, в самый разгар военных действий между Абдаллах-ханом и сторонниками Баба-султана, сообщает Хафиз- и Таныш [234]. Безусловно, хотя торговля и продолжалась, военные действия, взаимные грабительские набеги противников нарушали торговлю и отрицательно сказывались на экономическом положении как присырдарьинских городов, так и степных районов.

Стремление обеспечить постоянство торговых связей с оседло-

---

[229] СМИЗО, II, стр. 128—130, 196.

[230] «Михман-наме», л. 79б. См. также: А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, стр. 37.

[231] Б. А. Ахмедов. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с тимуридами. «Уч. записки ЛГУ». № 304, вып. 14. «История стран Востока», 1962, стр. 80; Его же. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 109.

[232] «Таварих-и гузида», л. 105б; «Шайбани-наме», л. 13б.

[233] «Михман-наме», л. 88а.

[234] «Шараф-наме-йи шахи», л. 356а.

земледельческими районами и особенно желание прибрать к своим рукам центры этой торговли — богатые присырдарьинские города с их многочисленным торгово-ремесленным населением, чтобы присваивать себе богатства этих городов как в виде прямого отчуждения продукции земледельческого и ремесленного труда при временном захвате этих городов, так и в виде регулярного налогового обложения земледельцев, ремесленников и торговцев — в случае длительного владения этими городами и окружающими их оазисами, — было важнейшей экономической причиной, обусловливавшей борьбу казахских ханов за завоевание этих городов.

Другой причиной экономического характера, толкавшей казахских ханов на завоевание присырдарьинских территорий, являлась необходимость обеспечения подвластных им кочевых племен зимними пастбищами. В силу географических особенностей казахстанских степей и сложившихся издавна традиций кочевого хозяйства, требовавших перекочевки на зиму из Дашт- и Кипчака в южные районы, в малоснежные и с довольно теплой зимой присырдарьинские степи [235], казахские ханы, распространившие в 70—80-х годах XV в. свою власть на степи к северу от Арала и Каратау, сразу же обратили внимание на богатые пастбища присырдарьинского района. Интересные сведения о значении этих пастбищ для казахов содержатся в сочинении Рузбехана, который приводит красочные описания Дашт- и Кипчака, пригодного, однако, по его словам, только для летних кочевий [236]. С наступлением же зимы казахи перекочевывают на зимние пастбища: «Они [идут] из пределов Дашта и районов реки Адил, которую называют Итиль», на зимовку. Этими зимними пастбищами, по словам Рузбехана, служит для казахов побережье Сыр-Дарьи, богатое растительностью, камышами и травой [237]. «Когда они прибывают к месту кочевья, они размещаются вдоль реки Сейхун. Длина занимаемой ими площади по берегу реки Сейхун, вероятно, составит более трехсот фарсахов» [238]. Естественно, что казахов привлекали не только низовья Сыр-Дарьи, но и степи в ее среднем течении, где также были отличные пастбища. Как мы видели выше, пахотные орошаемые земли располагались в основном только вблизи городов и селений. Остальные степные, предгорные и прибрежные пространства оставались свободными, пригодными для выпаса скота. В ряде источников неоднократно упоминаются пастбища в районе туркестанских городов: таковы пастбища Сыгнака, на которые претендовал Барак-хан [239], Сайрама [240], Ак-Кургана [241], пастбища (курук) недалеко от Ясы [242] и др.

Рузбехан в своем сочинении дает исключительно ценные сведения о характере владения пастбищами у казахов в начале XVI в. Он пишет, что «каждый их султан держит в руках обладания и власти (быть может, «неограниченного владения») одну из областей (нахийа)

---

[235] О зимних пастбищах в присырдарьинских степях см. в кн.: Н. В. Остроумов. География Туркестанского края с краткими сведениями о ханствах Бухарском, Хивинском и Закаспийской области. Самарканд, 1891, стр. 13.

[236] «Михман-наме», л. 73а.

[237] Там же, л. 73б.

[238] Там же.

[239] Му'ин ад-Дин Натанзи («Аноним Искандера»). СМИЗО, II, стр. 197.

[240] «Та'рих-и Рашиди», л. 175а; А. А. Семенов. Первые шайбаниды..., стр. 140.

[241] «Шараф-наме-йи шахи», л. 350а.

[242] Там же, 335б.

этой страны [т. е. Дашт- и Кипчака]» [243]. Это же относится и к их зимним кочевьям на Сыр-Дарье. Описав перекочевку к Сыр-Дарье на зимние пастбища, Рузбехан поясняет, что каждый султан со своим улусом занимает строго определенное место [244]. Такими султанами называет он Джаныш-султана и его сына Ахмеда, Таныш-султана, Касым-султана. Каждый из них занимал со своим улусом определенный район зимних кочевий на Сыр-Дарье: Джаныш-султан располагался у Кара-Абдала [245] на Сыр-Дарье; в 15 днях пути от Кара-Абдала находились зимние кочевья «великого хана» — Бурундук-хана [246], на Сыр-Дарье же располагался на зимовку улус Таныш-султана [247] и другие улусы [248].

Постоянные внутренние феодальные распри и междоусобная борьба за верховную власть над кочевыми племенами (например, Касым-хана с Бурундуком, о чем прямо говорит автор «Та'рих- и Рашиди») тесно связаны и с борьбой за обладание лучшими пастбищами, более удобными кочевьями не только на уже занятых территориях, упомянутых выше, но и на соседних. Такими удобными для зимних кочевий территориями были и туркестанские земли по средней Сыр-Дарье, за которые вели долгую борьбу казахские ханы и султаны.

Присырдарьинские города нужны были казахам и как оборонно-стратегические пункты. Как известно, казахские ханства не представляли собой единого централизованного государства. Это были непрочные государственные образования, ослаблявшиеся внутренней междоусобной борьбой ханов и султанов, сепаратистскими устремлениями биев и других представителей родоплеменной знати. В этой борьбе отдельные казахские ханы и султаны искали себе опору в ближайших к их кочевьям городах и укрепленных пунктах района Каратау и Сыр-Дарьи, которые могли бы содействовать их упрочению и в экономическом и в военном отношениях (как нам уже известно, присырдарьинские города были неплохими для того времени крепостями и могли выдержать длительную осаду). Опираясь на захваченные ими в Туркестане города, казахские ханы и султаны могли скорее добиться утверждения своей власти над непокорной и вероломной родоплеменной знатью, постоянно готовой переметнуться на сторону того потомка джучидского рода, который в данный момент обладал более реальной властью.

Длительная и небезуспешная борьба Бурундук-хана с Шайбаниханом за присырдарьинские города способствовала и расширению и укреплению его власти среди кочевников Дашт- и Кипчака [249]. Постепенному усилению власти Касым-хана [250] в итоге развития внутренних противоречий и борьбы в ханстве Бурундука способствовали и его

---

[243] «Михман-наме», л. 72б.

[244] Там же, л. 73б. Вопрос о территории владений казахских ханов в Дашт- и Кипчаке в конце XV—начале XVI в. хорошо освещен в статье С. К. Ибрагимова «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник...», стр. 144.

[245] Там же, л. 97а.

[246] Там же, л. 104б.

[247] Там же, л. 108а.

[248] Там же, л. 111а.

[249] Рузбехан говорит, что Бурундук-хан мог выставить до 400 тыс. воинов, а казахские кочевья простирались до р. Итиля (Волги). «Михман-наме», л. 71б и 73а.

[250] О его могуществе достаточно красноречиво, хотя, возможно, и с преувеличением, говорит автор «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдар: в войске Касым-хана насчитывалось до 1 млн. человек, он так усилился, что у Бурундук-хана от реальной власти осталось только «одно имя («Та'рих-и Рашиди», лл. 46б, 174б).

успехи в Туркестане (передача ему Сайрама Катта-беком, поход его на Туркестан и Ташкент).

Позже, когда казахские ханы утвердились в конце XVI в. в присырдарьинских городах, их новые владения — города Туркестан, Сайрам и другие, а также Ташкент — явились опорными пунктами для нападений на города Мавераннахра.

Не лишне отметить, что такую же роль Туркестанскому вилайету отводил и Мухаммад Шайбани-хан как в его первоначальном стремлении одолеть своих противников в Дашт- и Кипчаке и утвердить верховную власть над кочевыми племенами, так и в последовавшем за его поражением от казахских ханов решении захватить тимуридское государство, ослабленное внутренней междоусобной борьбой удельных владетелей и недовольством народных масс. Поэтому так упорна была в конце XV и первом десятилетии XVI в. борьба Шайбани-хана с его постоянными соперниками в присырдарьинских городах — казахскими ханами и султанами. На первом этапе, когда Шайбани-хан [251] захватил ряд городов Туркестана и, опираясь на них, решил утвердиться в Дашт- и Кипчаке, ему пришлось все время иметь дело с наступавшими на Присырдарью казахским ханом Бурундуком и султанами, сыновьями Джанибека. Не сумев одолеть их, Шайбани-хан вынужден был уйти из северной части Туркестана и, опираясь на оставшиеся в его владении города — Туркестан (Ясы) и Отрар, повести наступление на Мавераннахр. В дальнейшем Шайбани-хану, уже правителю бывших среднеазиатских владений тимуридов, пришлось постоянно отстаивать от набегов казахов свои северные владения — и не только в Туркестане, но и в Мавераннахре (до окрестностей Самарканда и Бухары доходил, например, в 1508 г. Ахмед-султан, сын Джаныш-султана [252]). Шайбани-хан старался поэтому как военными (организацией походов против казахов), так и экономическими мерами, о которых говорилось выше, всячески противодействовать продвижению казахов в туркестанские города, чтобы тем самым не допустить их и в Мавераннахр, куда они стремились не только с целью грабежа, но и для завоевания территории [253].

Политика превращения туркестанской территории в барьер, отделяющий Мавераннахр от кочевого Дашт- и Кипчака, которую осуществлял Мухаммад Шайбани-хан в начале XVI в., была не новой. Подобного же рода политика проводилась и раньше, при Тимуре и тимуридах в их отношениях с ханами Белой и Золотой орд, а затем и с Абу-л-Хайром [254]. Правители кочевого Дашт- и Кипчака, как известно, и тогда стремились — и небезуспешно — держать в своих руках присырдарьинские города и в этом стремлении сталкивались с противоположно направленными интересами среднеазиатских феодальных правителей в Туркестане. Конечно, Шайбани-хан уже не имел возможности, как, скажем, Тимур, вмешиваться, опираясь на туркестанские города, в междоусобную борьбу в Дашт- и Кипчаке, но он имел еще достаточно сил, чтобы сдерживать казахов в их продвижении в

---

[251] О двух различных этапах взаимоотношений Шайбани-хана с казахскими ханами см. у А. А. Семенова в ст. «Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов» (в упомянутой выше книге «Материалы по истории таджиков...», стр. 72) и в ст. С. К. Ибрагимова «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник...», стр. 149—150.

[252] «Михман-наме», л. 94а—б.

[253] С. К. Ибрагимов. «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник...», стр. 150.

[254] Б. А. Ахмедов. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с тимуридами, стр. 92—93.

Туркестан. Его преемникам — шайбанидам пришлось труднее. Кучкунджи-хан и ташкентские правители Суйундж-Ходжа-хан и его сын Султан Мухаммад должны были отражать набеги казахов не только на Туркестан, но и на Ташкент. А в 80-х годах XVI в. последнему сильному шайбанидскому правителю Абдаллах-хану самому пришлось передать казахам ряд населенных пунктов (дих) в Туркестанском вилайете за помощь в борьбе с претендентом на шайбанидский трон — Баба-султаном [255].

Окончательно утвердившись в туркестанских городах и в Ташкенте в конце XVI в., казахские ханы сами использовали их в качестве опорной базы для нападений на центральные области Средней Азии, и аштарханиду Имам-Кули-хану в начале XVII в. пришлось вести с ними длительную и тяжелую борьбу.

Таким образом, Туркестан был важен для казахов, так же как до них для кочевых узбеков Абу-л-Хайра и Мухаммада Шайбани [256], и в экономическом (как район развитого земледелия, ремесла и торговли, территория с прекрасными пастбищами, удобными и для зимовья) и в военно-стратегическом отношениях.

Какое влияние оказали города Туркестана на социальные отношения, сложившиеся в казахских ханствах? Вопрос этот очень сложный, так как вся проблема в целом, т. е. социально-экономические отношения в казахских ханствах, развитие казахского общества по пути феодализма, до сих пор еще остается малоизученной.

Здесь, в Туркестане, казахи были включены в систему развитых феодально-земельных отношений, сложившихся издавна на этой территории, что не могло не послужить толчком к более быстрому и более глубокому развитию этих отношений и в их среде. Аналогичное ускорение развития феодализма имело место, как известно, и у кочевых узбеков, завоевавших Среднюю Азию [257].

Военно-феодальная кочевая знать становилась помимо имевшегося в ее распоряжении большого количества скота и пастбищ также владельцем торгово-ремесленных городов, земледельческих селений вместе с их орошаемыми землями, новых прекрасных кочевий. Сфера ее феодальной эксплуатации расширялась: в ней оказывались не только массы рядовых кочевников-соплеменников, но и земледельческое и городское население Туркестана. Владение присырдарьинскими городами укрепляло экономическую и политическую мощь и ханов и феодально-кочевой знати. Это вело, с одной стороны, к усилению феодального гнета, которому подвергались народные массы — как оседлые земледельцы, так и кочевники, потому что, обладая большей экономической силой, феодальная верхушка казахского общества могла уже более открыто, не маскируясь патриархально-родовыми обычаями, эксплуатировать своих подданных. С другой стороны, рост экономической силы увеличивал политическую самостоятельность феодальной знати, вел к сепаратизму, независимости от центральной ханской власти удельных владетелей (Абулгази сообщает, например, о враждебных отношениях между владетелем Ташкента Турсуном и его братом «великим ханом» Ишимом, правившим в Туркестане).

Некоторые исследователи (В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Бартольд) связывают с завоеванием казахскими ханами присырдарьин-

---

[255] «Шараф-наме-йи шахи», л. 261б.
[256] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 34.
[257] Там же, стр. 68.

ских городов распадение казахского народа на три жуза [258]. Хотя вопрос об образовании трех жузов до сих пор не решен, однако доля истины во мнении упомянутых исследователей есть, так как хозяйственная и политическая обособленность казахов в Присырдарье действительно имела место, а это было, очевидно, не последней причиной в образовании жузов.

Своеобразной чертой социально-экономических отношений у казахов в районе присырдарьинских городов является переход значительной части их к оседлому и полуоседлому образу жизни в рассматриваемый период. В других районах Казахстана, как установлено советскими исследователями, также существовала (особенно в долинах рек) полуоседлая земледельческая культура. Это подтверждает широко известную мысль К. Маркса о том, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» [259]. В районе же Туркестана процесс оседания казахов развивался особенно интенсивно. Этому способствовало, конечно, непосредственное общение пришедших казахов-кочевников с местным оседлым населением. На этом сказывалось воздействие городов и высоко развитой земледельческой культуры, с древнейших времен существовавшей в этом районе. Оседавшие кочевники шире вовлекались в торговые отношения, знакомились с навыками местного ремесленного производства и поливного земледелия.

Обнищание массы кочевников — скотоводов, вызванное различными причинами (феодальная эксплуатация, джут, потеря скота во время беспрерывных войн и набегов и т. д.), толкало многих из них на занятие более устойчивым видом хозяйственной деятельности — земледелием. Причиной оседания была, очевидно, как и в Средней Азии [260], и нехватка пастбищ, так как постепенно в этот район, где располагалась в конце XVI—XVII вв. ханская ставка, стянулись значительные массы кочевников из Дашт- и Кипчака. Переход на оседлость и полуоседлость нашел отражение и в источниках, в частности в грамотах 1538 и 1598 гг. В первой грамоте упомянуты в составе населения Сайрамского вилайета «жители и поселенцы аймаков и кентов» (кент — слово иранского происхождения, в тюрк. яз. означает *селение* [261]); в грамоте Абдаллах-хана от 1598 г. подразделены *аймаки* (аймакат) «живущие [постоянно] в селениях (дихнишин), [полуоседло] в кишлаках (кишлакнишин) и кочующие (сахранишин)», упомянуты также кочевые племена (илатийе). Часть аймаков (аймак, умак — род, племя; по П. П. Иванову — кочевое смешанное население, частично переходящее на оседлость [262]) к концу XVI в., следовательно, перешла к оседлости и называлась вместе с местным земледельческим населением термином *дихнишин* (букв. «сидящий в деревне»); другая часть переходила к полуоседлому образу жизни, превращая свои зимовья «в места постоянного жительства» [263] (кишлакнишин — «сидящий, живущий в зимовках»); третья часть населения продолжала кочевать (сахранишин). Постепенно возрастала в связи с оседанием численность казахов в присырдарьинских городах и селениях: если в грамоте 1538 г. названы только тюрки (по мнению П. П. Иванова,

---

[258] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., ч. II, стр. 382—383; В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1, стр. 97.

[259] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 28. М., 1962, стр. 214.

[260] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 72.

[261] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 210.

[262] П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 35.

[263] Его же. Очерки по истории Средней Азии, стр. 72.

коренное население городов, в частности Сыгнака, бывшие чем-то средним между узбеками и казахами [264]), то в грамоте, относящейся к концу XVI в., названы в составе населения Сыгнака арабы, тюрки, казахи и каракалпаки. В XVII в. в связи с окончательным утверждением казахских ханов в Присырдарье численность казахов в составе местного населения еще более возросла.

В заключение коснемся причин постепенного затухания жизни в некоторых присырдарьинских городах к XVIII в. Главной причиной этого, помимо утраты этими городами их торгового значения в связи с освоением новых морских торговых путей, является феодальный гнет, сковывавший своими тяжкими узами как жизнь города, так и окрестного земледельческого района. Феодалы выколачизали из крестьянства и городского ремесленного населения доходы, оставляя им самый низкий минимум для существования. Тяжесть издольной мелкой аренды не могла улучшить сельскохозяйственное производство, поэтому оно отличалось застойным характером. В городе феодалы также не вкладывали никаких средств в развитие ремесленного производства. Застойность феодальных отношений в XV—XVII вв.[265], господство их и в городской жизни сдерживали рост городов. Бесконечные феодальные междоусобицы, отсутствие прочной централизованной власти оказывали разрушительное влияние на города, на систему ирригации, без которой здесь невозможно было сельскохозяйственное производство. Все эти причины застоя были общими и для городов Средней Азии [266].

Есть и другие причины затухания жизни в присырдарьинских городах. Эти города на протяжении двух столетий (XV—XVI вв.) были настоящим яблоком раздора между дашт- и кипчакскими и мавераннахрскими правителями. В течение длительного времени города Туркестана являлись ареной бесконечной ожесточенной борьбы между ними. Это накладывало самые отрицательные последствия на его хозяйственную и культурную жизнь. Если мирные торговые связи кочевых районов с оседлыми, как показано выше, стимулировали некоторый рост присырдарьинских городов, то продолжительная, почти непрерывная борьба за эти города оказала губительное влияние на их экономическую жизнь [267].

Захватывая города, обе боровшиеся стороны, чувствуя себя временными властителями их, нещадно обирали городское и сельское население, не оставляя никакой возможности для простого воспроизводства, не говоря уже о росте и укреплении экономики края. В источниках, как уже упоминалось, приводятся многочисленные примеры грабительских набегов на присырдарьинские города как казахов, так и узбеков Шайбани-хана и его преемников, а также могулов. Эти набеги сопровождались разграблением городов и селений [268], разрушением оросительной системы [269], захватом богатой добычи [270], уго-

---

[264] Его же. Очерк истории каракалпаков, стр. 35.

[265] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 43. См. также: «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 425, 490.

[266] Там же.

[267] Т. А. Жданко. Проблемы полуоседлого населения..., стр. 53—54; Р. Г. Мукминова. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. Труды ИВ АН УзССР, вып. III, 1954, стр. 122.

[268] «Та'рих-и Рашиди», л. 45б.

[269] «Шараф-наме-йи шахи», л. 355б.

[270] Там же, л. 279б, 380а; «Михман-наме» л. 99а, 101б—102а; «Шайбани-наме», лл. 20б, 21б, 24а.

ном массы скота [271], уводом в плен населения [272]. Какое губительное воздействие оказала на экономическую жизнь городов и селений Туркестана эта длительная борьба, можно видеть из свидетельств современников. Если в самом начале XVI в., отмечая высокий уровень сельскохозяйственного производства в Аркуке и его окрестностях, Рузбехан говорит, что другие города Туркестана еще более славятся своим благосостоянием и что в них легко можно собрать нужное количество продовольствия [273], то в конце этого же века Абдулла-хан сталкивается здесь с трудностью в снабжении продовольствием, с «неблагоустроенностью места стоянок» [274].

К отрицательным последствиям длительной борьбы за присырдарьинские города и постоянной феодальной междоусобицы на их хозяйственную и культурную жизнь в конце XVII — начале XVIII в. присоединились также разрушительные нашествия джунгар.

---

[271] «Михман-наме», л. 102б.
[272] Там же, л. 95а; «Шараф-наме-йи шахи», л. 334б.
[273] «Михман-наме», л. 49б.
[274] «Шараф-наме-йи шахи», лл. 355б—356а.

В. Я. БАСИН

КАЗАХСТАН В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Казахстан в системе внешней политики России на Востоке и русско-казахские дипломатические отношения интересуют нас не только потому, что данный вопрос недостаточно изучен, но и потому, что в результате развития этих отношений определилась российская ориентация Казахстана, логически завершившаяся присоединением его к России. Хотя юридически включение Младшего жуза в состав России относится к 1731 г., а Среднего — к 1740 г., фактически до 1782 г. все сношения с ними осуществлялись Коллегией иностранных дел наравне с другими государствами. Представители Казахской степи в Москве и Петербурге назывались «посланниками», «послами». Тем самым правительство России на деле признавало, что Казахстан все еще не является частью Российской империи.

Лишь в 1782 г. после замечания Екатерины II о том, что «орда сия в числе подданных ее величества состоит, то и не свойственно департаменту, поставленному для отправления внешних дел, вступать в распоряжения, кои не иноко, как внутренними почестями долженствуют» [1], все дела, касающиеся Казахской степи, были переданы в ведение генерал-прокурора. Посланники стали называться «депутатами», как и все губернские представители. Однако ввиду того, что влияние царизма долгое время распространялось лишь на роды, кочующие близ пограничных линий, вопросы, касающиеся Казахской степи «по политической части и по соседству и связи их с прочими пограничными империи всероссийской» [2], т. е. внешнеполитические вопросы, все еще оставались в ведении Коллегии иностранных дел. Что же касается Старшего жуза, то с ним дипломатические сношения велись вплоть до 1847 г., до его присоединения к России.

Дело в том, что даже в середине XIX в. чем глубже в степь, тем менее реальной была власть царской администрации. «Из оных (Младшего и Среднего жузов. — *В. Б.*) подданными российскими называют себя только роды, кочующие в северной части степей, за Уралом и Иртышом и имеющие необходимую нужду в покровительстве пограничных русских начальников, прочия, живя в отдалении, или

[1] «Из краткого описания о положении и состоянии киргиз-кайсацкого народа». Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1793, д. б/н, л. 33; «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 209. См. также: А. Сабырханов. Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVIII в. «Известия АН КазССР. Серия общественных наук», 1965, вып. 2, стр. 32.

[2] «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 209.

не признают над собой никакой посторонней власти, или отдают себя под защиту соседственных владений»[3]. М. Красовский признавался, что «целою ордою мы все-таки не владеем, потому что не углубляемся в степь Оренбургского ведомства так, как в степь Сибирского, и поэтому самое менее, нежели в последней, приобретаем должных знаний для ведения сообразного с нуждами народа устройства»[4]. В начале второй половины XIX в. даже Л. Мейер не мог точно определить южную границу Младшего жуза. «Южная граница, — писал он, — ...неопределенна. Обыкновенно считают Яны-Дарью за предел наших владений на юге. Здесь, собственно говоря, соседственного владения нет, потому что пустыня Кизиль-Кум фактически не принадлежит никому»[5].

В XVI — первой половине XIX в. происходил постоянный обмен русско-казахскими дипломатическими миссиями, материалы о которых дают богатейшие сведения для изучения данной темы и свидетельствуют о том, что эти дипломатические связи представляли собой длительный, весьма тяжелый, очень сложный и своеобразный процесс, находившийся в зависимости от сочетания разнообразных факторов, изобиловавших как взлетами, так и падениями.

Правительство России всегда придавало большое значение Казахстану в системе своей внешней политики на Востоке, в которой важную роль «играли отношения между Россией, с одной стороны, и среднеазиатскими ханствами (Хивой, Бухарой) и Персией — с другой...»[6]

Чтобы лучше понять и осмыслить сущность событий, связанных с той ролью, которую Россия придавала Казахстану в своей внешней политике на Востоке вообще и развитию русско-казахских отношений в частности, следует прежде всего в общих чертах рассмотреть, что же собой представляет так называемый восточный вопрос и политика, которой придерживалась Россия в нем[7].

Известно, что Россия не могла сохранить свою независимость и процветать без наличия выхода к морям, хорошо налаженной торговли с соседними странами. Поэтому целью политики России на Востоке становилось обеспечение ее экономических и политических интересов на южных и юго-восточных границах. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что в связи с падением Византийской империи и ее столицы Константинополя возникла угроза для безопасного существования ряда европейских государств, правительства которых пытались использовать Россию для борьбы с турками. Однако, как свидетельствуют события, в конце XV и в первой половине XVI в. «московские государи не хотели разрывать дружбы с султанами, стараясь исключительно о том, чтобы упрочить торговые выгоды своих под-

---

[3] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 156—157.

[4] М. Красовский. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, ч. 1. СПб., 1868, стр. 80.

[5] Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865, стр. 11.

[6] В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. М., 1951, стр. 6.

[7] Весьма интересные подробности по этому вопросу см.: С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. «Ученые записки императорского Московского университета. Отдел юридический». Вып. одиннадцатый. М., 1896.

данных в областях, подвластных Турции». Более того, они «искали дружбы с этими последними (султанами. — *В. Б.*) против христианской Польши и Литвы» [8].

Однако южные и юго-восточные границы русского государства подвергались нападениям со стороны соседних народов и в первую очередь крымских татар — вассалов Османской империи. Ввиду этого главная задача России в это время состояла, в частности, в том, чтобы обезопасить себя от их нападений «и обеспечить свою торговлю на берегах Черного моря...» [9] Затем встал вопрос о расширении российской территории до «естественных» границ (Черное, Каспийское моря, Яик, Уральские горы и т. п.).

Если в начале XV в. Россия не играла решающей роли в Европе, то к концу княжения Ивана III она уже «заняла в ней почетное место» [10]. Как указывает Маркс, «к концу его княжения мы видим Ивана III сидящим на вполне независящем троне. Рядом с ним — дочь последнего византийского императора. У ног его — Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты» [11]. И далее: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи московита» [12].

Теперь уже при решении международных вопросов русское государство занимало «вполне самостоятельную позицию». Ни одной из европейских стран, несмотря на все старания дипломатов, не удалось превратить могущественную русскую державу в орудие своей политики [13]. Именно в это время, в 1464 г., Иван III направил своих послов в Герат, к эмиру Абу Саиду, который встретил их «с большим вниманием» и почетом. К сожалению, успеху посольства помешала неблагоприятная политическая обстановка, сложившаяся в то время в Тимуридском государстве. Однако посольство все же сыграло определенную роль в оживлении русско-среднеазиатских торговых связей. Достаточно отметить, что уже в XV в. русские купцы появились в Самарканде. Этот факт, между прочим, как указывают Б. Д. Греков, С. А. Покровский, Ю. А. Соколов и В. Г. Тизенгаузен [14], свидетельствует об ошибке В. В. Бартольда, считавшего, что «англичанину Дженкинсону» принадлежит «почин в организации русско-среднеазиатских

---

[8] К а р н о в и ч. Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига. «Отечественные записки», 1878, № 1, стр. 132.

[9] С. Ж и г а р е в. Указ. соч., стр. 68, 145.

[10] «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 200.

[11] Т а м же.

[12] Цитируется по кн. : «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 289.

[13] К. В. Б а з и л е в и ч. Русское национальное государство при Иване III. В кн.: «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 271.

[14] Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 314; С. А. П о к р о в с к и й. Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947, стр. 38; Ю. А. С о к о л о в. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России. «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина». Материалы к вопросу прогрессивного значения присоединения. Новая серия, вып. 142. Исторические науки, кн. 30. Ташкент, 1958, стр. 22—23; В. Г. Т и з е н г а у з е н. Первое русское посольство в Герат. «Записки Восточного отд. русского археологического общества», 1886, т. I, вып. 1. стр. 30—31.

отношений» [15]. А. Дженкинсон впервые проехал через казахские степи в 1557, а затем в 1561 году и в последующие годы [16].

При Иване IV, внуке Ивана III, международная политика России стала еще более весомой. Ко второй половине XVI в. закончилось политическое объединение России, постепенно она превращается в централизованное, а позднее — в абсолютистское государство. В это время Россия стремилась к расширению торговых связей как с восточными, так и западными государствами [17].

Взятие русскими войсками Казани в 1552 г. и сдача без сопротивления Астрахани в 1556 г., а несколько ранее — падение Золотой орды, приблизили границы России вплотную к Казахской степи. Стало возможным сосредоточение в руках русского государства большей части пути по Волге и прилегающих к ней степей. «Россия, — писал Н. М. Карамзин, — примкнув свои владения к Каспийскому морю, открыла для себя новые источники богатства и силы...» [18] Турецкий султан Сулейман I, издевавшийся над европейскими государями, презиравший папу и императора, которого даже считал своим данником, в 1569 г. в первый раз убедился в могуществе России, «когда посланное им войско для изгнания русских из Астрахани было разбито царем Грозным» [19]. После этого султан стал искать «расположения России, страшась московского царя более, чем других христианских государей...» [20]

Закончившаяся в 1582 г. Ливонская война создала русскому государству более благоприятные условия для активизации восточной политики. Как известно, в 1586 г. усилились русско-грузинские связи, завершившиеся присягой кахетинского царя Александра в 1587 г. на верность России и установлением московско-кахетинских дипломатических отношений [21]. При Борисе Годунове в состав России вошел отдаленный тогда от Москвы Воронеж, в середине XVII в. — часть Украины, а в начале XVIII в. русские границы подошли к Азовскому морю. Это, однако, привело к резкому ухудшению взаимоотношений с Турцией, не желавшей уступать своих территориальных приобретений. Вместе с тем эта политика вошла в непосредственное противоречие с западными державами (Англия, Франция, Австрия, Пруссия и др.), которые не хотели усиления России за счет ослабления Турции и всячески этому препятствовали.

Таким образом, «для России восточный вопрос не есть только одна борьба Европы с Азией, морского берега со степью. Заключая в себе все несомненные признаки этой борьбы, восточный вопрос для русского народа осложняется еще столкновениями с западными державами из-за решения его» [22]. По образному высказыванию австрий-

---

[15] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2. 1925, стр. 176.

[16] Е. В. Тарле. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV—начало XIX в.). М., 1965, стр. 109.

[17] А. И. Заозерский. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. Сб. «Россия и Запад». Петроград, 1923, стр. 98; М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964, стр. 4.

[18] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, гл. V. СПб., 1851—1853, стр. 139.

[19] Успенский. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887, стр. 58.

[20] С. Жигарев. Указ. соч., стр. 70.

[21] См. : Е. Н. Кушева. Русско-кабардинские отношения в конце XVI—начале XVII в. В кн. : «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». т. I. М., 1967, стр. 116—117.

[22] С. Жигарев. Указ. соч., стр. 20.

ского дипломата XIX в. Прокеш-Остена, «то, что по отношению к Турции называют восточным вопросом, есть только вопрос между Россией и остальной Европой» [23].

Петр I, который, по определению Ф. Энгельса, был «действительно великий человек» [24], считал, что Россия, занимающая очень выгодное географическое положение между Западной Европой и Азией, может извлечь значительные экономические выгоды лишь в случае развития торговли между ними. «Как благодетельно, — считал он, — должно отразиться на преуспеяние русской промышленности направление европейско-азиатской торговли через Россию» [25]. Неудавшийся Прутский поход, в результате которого Петр I обязался возвратить Турции Азов, разрушить только что возведенные таганрогское, каменнозатонское и новобогородицкое укрепления и отказаться от побережья Азовского моря [26] и, в особенности, трагически закончившиеся походы А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца, заставили его активизировать свою политику в направлении Казахских степей.

Не случайно поэтому Петр I, находясь в 1722 г. в Астрахани, после возвращения из Персидского похода, высказал желание, «несмотря на большие издержки, хотя бы до миллиона», о приведении в российское подданство «издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд». По сведениям А. Тевкелева, являвшегося переводчиком в этом походе, Петр I дал очень меткое определение значения Казахстана в российской политике, сводившееся к тому, что Казахские степи являются «ключом и вратами» «всем азиатским странам и землям», «и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех азиатских странах комоникациею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять» [27]. Петр I считал присоединение Казахстана к России «необходимым для утверждения нашего влияния и торговли в Средней Азии и через нее в Индии» [28]. Следовательно, речь шла в данном случае лишь об упрочении торгово-экономического влияния России в этих странах.

Вспомним, что в «Проекте обер-секретаря Ивана Кириллова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими», составленном в 1734 г. на имя Анны Иоанновны, обращалось внимание императрицы на «два дела великой и безсмертной славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству...: первое... сибирская и камчатская экспедиции, второе, еще не открытое, **киргиз-кайсацкое** и **каракалпацкое** (выделено нами. — *В. Б.*). И когда... ко совершенству произведутся, то надежду подает, что ко многому еще многое владение российское и доходы ко облегчению поданных прибудут» [29].

---

[23] Цитируется по кн.: С. Жигарев. Указ. соч., стр. 53.

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 12.

[25] См.: А. Шепелев. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией до начала XIX столетия. «Средняя Азия. Альманах. Научно-литературный сборник». Ташкент, 1895, стр. 15.

[26] М. Юдин. Двухсотлетие движения русских в Туркестан. «Известия Туркестанского отдела ИРГО», т. XIII, вып. 1. Ташкент, 1917, стр. 102—103. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ), № 2398.

[27] См.: «Разные бумаги генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах, 1762 год». «Временник императорского Московского общества истории о древностях Российских». М., 1852, кн. 13, отдел III, стр. 15.

[28] Шиле. Киргизы. Исторический очерк и народный характер. «Природа и люди», 1879, кн. IV, стр. 3.

[29] «Тургайские областные ведомости», 1899, 18 апреля, № 16—17, стр. 1.

Иначе говоря, политика России состояла в этот период главным образом в том, чтобы превратить Казахские степи в прочный и надежный экономический и торговый мост, соединяющий ее со Средней Азией и другими восточными государствами. И хотя это было лишь продолжением политики России времен Ивана III и Ивана IV, достаточно четко она стала проявляться лишь с первой половины XVIII в. ввиду ускоренного развития в недрах разлагавшегося феодально-крепостнического строя капитализма, нуждавшегося в расширении внутренних и внешних рынков, выгодных источников сырья, удобного транзита. По этому поводу не лишним будет вспомнить высказывание Ф. Энгельса о том, что «страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время, как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города, — такая страна была обречена на упадок» [30].

К тому же путем приобретения новых земель царизм пытался «смягчить внутренние противоречия, приглушить борьбу крепостного крестьянства против своих угнетателей» [31]. Условия экономического развития толкали Россию на расширение сферы влияния на юге и юго-востоке. Вместе с тем, в случае присоединения Казахстана, Россия рассчитывала «в острый момент осложнения внешнеполитической обстановки» [32] использовать его вооруженные силы, которые при условии, «когда б они (казахи. — *В. Б.*) у владельцев своих могли быть в послушании», легко можно было бы довести до 50—60 тысяч «и более самых исправных и доброконных людей по большей части с огненным оружием» [33]. Это означало, что сквозь политику царского правительства в отношении к Казахстану с самого начала просматривались финансово-экономические, политические и военные интересы.

Этой политике были подчинены все действия правительства. Но прежде всего надо было «стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря» [34], которому Петр I придавал большое значение в упрочении политического и торгового влияния в среднеазиатских и других восточных государствах. В данном случае российская стратегия исходила из значительного превосходства России в военном и экономическом отношениях, равно как и в средствах вооружения. Вместе с тем царское правительство понимало, что для осуществления своих целей этих сил было явно недостаточно. Поэтому главное внимание уделялось упрочению политического влияния в Казахстане и среднеазиатских ханствах путем использования внутренних усобиц, направлению воинских отрядов для превращения их в личную гвардию местных владетелей, строительству ряда крепостей, дипломатическим средствам.

Следовательно, Казахстан являлся не только целью, но и средством в осуществлении восточной политики России. Если бы Российская империя не придавала этой роли Казахским степям, ее правительство

---

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

[31] Л. А. Никифоров, М. М. Штранге. Внешняя политика России во второй половине XVIII в. В кн.: «История СССР». Первая серия, т. III. М., 1967, стр. 501.

[32] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 135.

[33] Представление генерал-майора А. Тевкелева и коллежского советника П. Рычкова в Коллегию иностранных дел от 22 января 1759 г. АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1759, д. 6, л. 4. Фотокопии хранятся в Институте ИАЭ АН КазССР.

[34] Центральный государственный военно-исторический архив (далее ЦГВИА) СССР, ф. ВУА, д. 1062, л. 59об.

не пошло бы на присоединение столь огромного края лишь в целях защиты казахского народа от постоянной опасности извне.

Таким образом, Петр I, не изменив начал русской восточной политики, лишь придал ей «более энергичный и правильный характер» [35].

Как справедливо указывалось на расширенном заседании секции общественных наук президиума АН СССР, проведенном в Москве в январе 1964 г., до сих пор в исторической литературе господствует ошибочное мнение, связывающее прогрессивное значение присоединения отдельных нерусских народов к России главным образом с судьбами этих народов после Великого Октября. В ряде трудов в одностороннем порядке акцентируется внимание на колонизаторскую политику царизма[36], или же в какой-то степени, вольно или невольно, эта политика идеализируется. Отдельные авторы пытаются найти какое-то «принципиальное отличие» между хищническими приемами «передовых капиталистических стран Европы» в своих колониях «на Востоке (Австралия, Африка, Индия и др.)» и гнетом царизма в колониальных окраинах России, в том числе в Казахстане [37], не видя порочной сущности всей колониальной системы.

Многие историки, модернизируя прошлое взаимоотношений народов царской России, упускают из виду сложность межнациональных отношений, жесточайший национальный и социальный гнет со стороны эксплуататорских классов не только господствующей нации, но и местных баев и феодалов, разжигание эксплуататорскими классами национальной розни и вражды. Тем самым умаляется роль и значение Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей, по образному определению В. И. Ленина, царскую «тюрьму народов» и положившей начало подлинно братским отношениям между всеми народами нашего социалистического государства[38].

Некоторые исследователи предвзято утверждают, что как только Казахстан был присоединен к России, тут же прекратились междоусобицы и положение в степи стабилизировалось. Но достаточно еще раз внимательно посмотреть работы Н. Г. Аполловой и других исследователей, а также вернуться к архивным источникам, чтобы убедиться в том, что колониальная администрация Оренбургской и Сибирской губерний делала все для того, чтобы противопоставить друг другу казахских владетелей, ослабить каждого из них в отдельности и на их противоречиях укрепить свои позиции в степи.

При характеристике Казахстана в системе внешней политики России на Востоке надо учитывать указание В. И. Ленина о том, что в недрах России, этой «великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии» 9/10 населения стремилось «свои отношения к соседям» основывать «на человеческом принципе равенства» [39]. Именно в это время стали обозначаться две России, о чем говорил А. И. Герцен: «Две России в начале XVIII столетия стали враждебны друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская ..., с другой—Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, обиженная, демократическая...» [40]. И далее: «Нельзя безнака-

---

[35] С. Жигарев. Указ. соч., стр. 57.

[36] См., например: С. Д. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I. Алма-Ата — М., 1935.

[37] В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, стр. 115—117.

[38] См. : «История и социология». М., 1964, стр. 127—129, 137.

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 106—108.

[40] А. И. Герцен. Избранные философские произведения. М., 1948, стр. 61.

занно смешивать Россию с ее правительством... Зимний дворец—не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия вне дворца, вне табеля о рангах растет»[41].

Не следует забывать также и то, что, несмотря на явно колонизаторские цели царизма, приход русских в Казахстан носил объективно прогрессивный характер. Прогрессивное влияние российской экономики и культуры находилось в непримиримом противоречии с политикой царизма, тормозившей развитие казахского народа. Но вопреки политике царского правительства присоединение Казахстана к России ускорило его экономическое развитие. Казахстан постепенно втягивался в сферу более передового хозяйства, развивались более зрелые формы феодальных отношений.

Клеймя грязь и мерзость царской администрации, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем ценили «действительно... прогрессивную роль» России «по отношению к Востоку». 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу писал, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»[42]

В связи с этим следует отметить, что до сих пор за рубежом имеет место серьезное искажение политики России в восточном вопросе. Буржуазные историографы «пытаются дискредитировать Россию в глазах народов Востока, отождествляя ее народ и общественное мнение с царизмом...»[43], что, естественно, мешает правильному осмыслению ряда вопросов принятия малыми народами российского подданства.

Без учета этих весьма важных обстоятельств невозможно, на наш взгляд, правильно решать проблему включения Казахстана в состав России.

История русско-казахских отношений все больше привлекает внимание историков. Лишь за последние 20 лет вышло несколько ценных работ по истории присоединения Казахстана к России—насыщенные богатым фактическим материалом и значительными теоретическими обобщениями книги и статьи Н. Г. Аполловой, Е. Бекмаханова, М. П. Вяткина, Н. Е. Бекмахановой, А. Сабырханова, Г. И. Семенюка и др.[44] Разумеется, что в упомянутых исследованиях авторы в той или иной степени касаются и интересующего нас вопроса, но лишь постольку, поскольку это им необходимо для решения других проблем истории Казахстана. Так, например, Н. Г. Аполлова в своей монографии «Экономические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в.» показала хозяйство и общественно-политический строй Казахстана на-

---

[41] Его же. Полное собрание сочинений и писем, т. X, стр. 438.

[42] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

[43] В. А. Георгиев. Англо-американская буржуазная историография восточного вопроса. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 180.

[44] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Ее же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; Ее же. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. В кн.: «Города феодальной России». М, 1966 и др.; Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М, 1957; «Очерки истории Казахстана XIX в». Алма-Ата, 1966; М. П. Вяткин. Батыр Срым. М., 1947; Н. Е. Бекмаханова. Участие казахов Среднего жуза в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. «Общественные науки. История, философия, экономика». Сборник статей аспирантов и соискателей, вып. VI, ч. II. Алма-Ата, 1965; А. Сабырханов. Казахско-русские отношения в 50—90-х годах XVIII века. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1965; Г. И. Семенюк. Политика царизма в Казахстане до начала крестьянской войны 1773—1775 гг. (Царизм и феодальная верхушка казахского общества). В кн.: «Крестьянская и классовая борьба в феодальной России». Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967; Т. Ж. Шоинбаев. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Автореферат докторской диссертации. Алма-Ата, 1966.

кануне присоединения к России, а также отобразила те изменения, которые произошли в нем после присоединения. Следовательно, эта монография относится к числу исследований, касающихся социально-экономических последствий включения Казахстана в состав российской экономики. Ее же работа «Присоединение Казахстана к России» положила начало марксистскому пониманию вопроса присоединения малых народов, в частности казахов, к России. Н. Г. Аполлова одна из первых ввела в научный оборот неизвестные до нее уникальные документы и материалы по истории русско-казахских отношений, почерпнутые из различных архивохранилищ страны. Но она в своих исследованиях не ставила целью осветить проблему, стоящую перед нами. Несмотря на это, книги и статьи Н. Г. Аполловой представляют для нас особый интерес. Они оказали неоценимую помощь в работе над данным исследованием. Ценность ее работ усиливается еще тем, что в них дан исчерпывающий для того времени обзор источников по вопросам присоединения Казахстана к России. Нам в связи с этим представляется совершенно необоснованной и тенденциозной рецензия В. Ф. Шахматова на книгу Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России», извратившего подлинный ее смысл и значение[45].

Вопреки отдельным необоснованным утверждениям о том, что о внешней политике России на Востоке вообще и русско-казахских отношениях в первой половине XVIII в. в частности можно судить лишь на основании восточных источников, следует указать, что по этому вопросу имеется довольно обширная литература на русском языке, основанная на многочисленных русских и иностранных архивах. Достаточно вспомнить о ряде самостоятельных капитальных трудов дореволюционных авторов и исследованиях, изданных в советский период, а также весьма обстоятельных и оригинальных журнальных статьях, посвященных различным аспектам русско-казахских отношений, чтобы понять, что едва ли можно найти что-либо новое в восточных источниках по этому вопросу. К тому же почти все известные сочинения восточных авторов (в особенности тюркских и арабских) давно уже переведены на русский язык дореволюционными исследователями Н. Бичуриным, В. Тизенгаузеном, И. Березиным, В. В. Вельяминовым-Зерновым, В. В. Григорьевым, В. В. Бартольдом, Н. В. Кюнером и другими, а также советскими исследователями А. Н. Кононовым, В. А. Владимирцовым, С. К. Ибрагимовым, С. Волиным, Ю. А. Зуевым, К. А. Пищулиной, Н. Н. Мингуловым, О. Ф. Акимушкиным и др. Имеются широко известные переводы и на западноевропейские языки. Что же касается письменных свидетельств этого периода на казахском языке, то они почти полностью отсутствуют. Вот почему наша работа написана на основании русских, частично западноевропейских и некоторых переведенных на русский язык восточных источников, являющихся основными, достаточно полными и абсолютно достоверными [46].

---

[45] В. Ф. Шахматов. Путаная и аполитичная хрестоматия фактов. «Большевик Казахстана», 1949, № 4.

[46] Официальными документами, послужившими главным источником для исследования по данной теме, явились грамоты русских царей, указы Правительствующего сената и Коллегии иностранных дел, переписка русского правительства с губернаторами и ханами, султанами, батырами, биями, тарханами, старшинами, а также переписка губернаторов с ними; донесения, экстракты, представления, обзоры, рапорты губернаторов русскому правительству; записи бесед начальника Оренбургской комиссии, оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов с казахскими ханами, батырами; дневники, доклады, рапорты, донесения («статейные списки») российских дипломатических представителей, гражданских и военных чиновников,

1. РУССКО-КАЗАХСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

К началу XVIII в. Россия представляла собой могущественное централизованное абсолютистское государство, которому принадлежало веское слово при решении многих сложнейших международных проблем. Заметно возрастал престиж русского оружия, в особенности в связи с Азовскими походами Петра I, Полтавской битвой и победой России в Северной войне. По образному определению А. С. Пушкина, Россия вошла в число великих держав при стуке топора и громе пушек. Благодаря этому она «получила лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития... страны» [1].

Международное положение России настолько упрочилось, что, пожалуй, не было ни одного государства, которое не имело бы в Москве, а затем и в Петербурге постоянной дипломатической миссии. Уже в первой половине XVIII в. Россия ввела за границей систему постоянных дипломатических представителей. Старый Посольский приказ, возникший в XVII в., не мог уже обеспечить усилившиеся требования внешнеполитической жизни. Не случайно поэтому при Петре I в начале XVIII в. наряду с Посольским приказом была создана «Походная посольская Канцелярия», преобразованная в 1720 г. в особую Коллегию иностранных дел, просуществовавшую до 10 апреля 1832 г. Если в 1689 г. в Посольском приказе работало 92 сотрудника, то в 1720 г. в Коллегии иностранных дел было уже 120 и в 1762 г. — 261 сотрудник [2].

Казахстан в это время не являлся единым государством. Он был раздроблен на три жуза со своими ханами, не подчинявшимися друг другу. Не было единства и в самих жузах, в которых шла постоянная междоусобная борьба за власть, пастбища [3]. Политическими вла-

---

направлявшихся в Казахстан для переговоров с ханами, султанами и другими властителями; сведения сибирских татар, сопровождавших среднеазиатские торговые караваны или стоявших во главе их. Ценный научный материал почерпнут из донесений и журналов А. Тевкелева, П. Рычкова и других, которые, как известно, длительное время находились в Казахской степи. Все эти документы и материалы выкопированы из Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА СССР), АВПР, ЦГВИА СССР, Центрального государственного исторического архива (ЦГИА СССР), архива АН СССР, а также архивов Ташкента, Казани, Алма-Аты. Омска, Оренбурга и других городов страны и в основном сосредоточены в двух сборниках документов и материалов, благодаря чему появилась возможность изложить некоторые общие и частные наблюдения по данной теме, основанные на совокупности известных в настоящее время русских архивных источников («Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». Сборник документов и материалов. Составители Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, Г. И. Семенюк, Т. Ж. Шоинбаев. Алма-Ата, 1961; «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках». Сборник документов и материалов. Составители Ф. Н. Киреев, В. Я. Басин, Т. Ж. Шоинбаев, К. Ж. Жунисбаев, В. С. Мусаева. Алма-Ата, 1964).

Сведения об отдельных моментах русско-казахских отношений нами почерпнуты из «Актов исторических» (тома I—IV) и «Дополнений к актам историческим», «Сибирских летописей», «Продолжения древней Российской вивлиофики», «Полного собрания законов Российской империи» и др. При написании работы использованы сочинения классиков марксизма-ленинизма, работы Н. Г. Аполловой, М. П. Вяткина, Н. И. Веселовского, А. Добросмыслова, А. Е. Еренова, С. Зиманова, И. Крафта, П. Рычкова, Н. Рычкова, А. Левшина, С. Е. Толыбекова и других авторов.

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the 18-th century. London, 1899, p. 87.

[2] См. : В. А. Зорин. Основы дипломатической службы. М., 1964, стр. 25; Т. К. Крылова. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. «Исторические записки», т. 7, 1940, стр. 117; Ее же. Статейные списки петровских дипломатов. «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 163; «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 233, 271—272, 294—295.

[3] Об этом см. : Н. Г. Апполова. Указ.соч.; С. Зиманов. Общественный строй казахов в первой половине XIX в. Алма-Ата, 1958; Его же. Политический

детелями степи являлись ханы Тауке (умер в 1715 г.), Каип (убит в 1718 г.), Абулхаир (убит в 1748 г.). Власть их ввиду отсутствия экономической базы для ее централизации была номинальной. Казахские ханы действовали нецелеустремленно и разрозненно. К этому следует добавить постоянную угрозу захвата казахских земель со стороны Джунгарского ханства, в особенности усилившуюся в первые десятилетия XVIII в. Джунгарская экспансия сразу же обнаружила хозяйственную, политическую и военную слабость казахских жузов. Джунгары сравнительно легко захватили Старший жуз и значительно ослабили связи между отдельными владениями Младшего и Среднего жузов.

С начала XVIII в. все более усиливается обмен посольствами между Россией и восточными государствами, в том числе и с Казахстаном, наиболее полное выражение получивший во втором и третьем десятилетиях. Посольства «дворянина Трушникова с казаками» в Северный Тибет в 1714—1716 гг., экспедиция 1719 г. для исследования озера Нор-Зайсан и Черного Иртыша под руководством Колмакова, Урусова и Сомова, двукратная поездка в Джунгарию (1713 и 1720 гг.) в качестве посла Ивана Чередова, а также Унковского и Угрюмова (1722 и 1732 гг.) и другие внешнеполитические акции русского государства в отношении Средней и Центральной Азии объективно способствовали развитию дипломатических отношений России с Казахстаном, поскольку поддержание связей с народами и государствами Азии делало неизбежным прямые контакты представителей русского правительства с казахскими владетелями.

Во главе казахских посольств стояли султаны, старшины, бии и батыры. Они же осуществляли связь между казахскими жузами и среднеазиатскими государствами [4]. Следует учитывать, что во многих случаях по просьбе казахских ханов их интересы при российской администрации представляли среднеазиатские купцы и дипломаты.

Мы уже отмечали, что важную роль в осуществлении своей политики на Востоке правительство России придавало упрочению торгово-экономических отношений с восточными государствами, в особенности со Средней Азией. Толчком к непосредственному вмешательству России в дела Средней Азии явился приезд в 1700 г. к Петру I посланца хивинского хана Шахнияза, который обратился с просьбой о принятии российского подданства. Русский царь специальной грамотой от 30 июня 1700 г. удовлетворил эту просьбу.

В 1703 г. хивинский хан Арап-Мамет, преемник Шахнияза, повторил ходатайство о принятии в российское подданство, а Петр I с послом направил новую грамоту, в соответствии с которой «поволил его, хана, со всеми сущими под его владением принять под свою царскую высокодержавную руку в вечное подданство». Однако в связи с тем, что Россия в это время была связана Северной войной, правительство не смогло «воспользоваться представившимся... удобным поводом к расширению русского влияния на закаспийские страны».

строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960; А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; Т. Шоинбаев. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. «Коммунист Казахстана». 1954, № 8 и др.

[4] См.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 57, 113; А. Сабырханов. Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVIII в. «Известия АН КазССР». Алма-Ата, 1965, вып. 2, стр. 26.

Хотя поступок Шахнияза и его преемника является, по-видимому, лишь «азиатской уловкой — извлечь возможно больше выгоды из номинального подчинения более сильному государю, не заботясь нисколько об использовании обязанностей, налагаемых действительным подданством» [5], это свидетельствует о том, что уже тогда складывались условия, заставлявшие среднеазиатских властителей задумываться о выгодах российского подданства. Во всяком случае, если бы это подданство было осуществлено, не закончилась бы так трагически экспедиция Бековича-Черкасского в Хиву, которая в немалой степени способствовала уяснению истинного положения дел в Казахской степи, укреплению позиций России на Востоке.

Предлогом для экспедиции послужили «поздравления Ходжи-Мухаммеда в связи с восшествием на ханский престол» [6]. К этому надо прибавить сведения, полученные от почетного туркмена Ходжа-Нефеса, прибывшего в Петербург с поручением родичей ходатайствовать о принятии туркменского народа в российское подданство и представленного в начале 1714 г. Петру I «одним из наиболее видных вдохновителей и исполнителей планов петровской восточной политики» князем Бековичем-Черкасским [7]. Ходжа-Нефес рассказал, что «в стране, лежащей при Аму, добывается песошное золото», что ранее эта река впадала в Каспийское море. Чтобы обезопасить себя от русских, хивинцы отвели ее в Аральское море, «но, перекопав плотину, можно обратить реку в прежнее русло» [8]. Это сообщение подтвердил и посланник хивинского хана в Петербурге Ходжи-Мухаммад Ашур-Бек, предложивший построить при устье старого русла Аму-Дарьи в районе Красноводской косы крепость с гарнизоном на тысячу человек, заявив при этом, что «хан не будет этому препятствовать». В случае, если бы удалось повернуть Аму-Дарью в Каспийское море, Россия получила бы удобный внутренний и, что главное, безопасный путь в Среднюю Азию. Все это весьма импонировало Петру I.

В мае 1715 г. Бековичу-Черкасскому был придан отряд в 1760 человек, выдано 5000 рублей «на всякие расходы» [9]. Прибыв в том же году в Астрахань, Бекович сообщил в сентябре в Петербург о первых обнадеживающих результатах своей деятельности в этом городе [10]. К

---

[5] ПСЗ, т. IV, № 1932; А. Шепелев. Указ.соч., стр. 16.

[6] А. Шепелев. Указ.соч., стр. 18—19.

[7] Александр Бекович-Черкасский, до принятия христианства Девлетгирей — один из ближайших сотрудников Петра I, из рода кабардинских владетелей Бекмурзиных. По существующей версии, был вызван в Москву княгиней Анной Васильевной Черкасской, приходившейся ему по мужу внучатой теткой, закрепившей за ним родовое имение. Воспитывался в доме князя Б. А. Голицына (дядька Петра I), изучил русский, латинский языки и различные науки. В 1707 г. был отправлен за границу для обучения морскому делу. По возвращении в 1711 г. направлен с дипломатическим поручением в Кабарду, где вел переговоры с представителями северокавказских народов. См. : «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 2. М., 1957, стр. 5—6; Т. Х. Кумыков. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; А. Шепелев. Указ. соч., стр. 16; В. Б. Вилинбахов. Походы А. Б. Черкасского на Каспийское море и в Хиву (1714—1717 гг.). «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. XIV, 1959, стр. 60; С. В. Любимов. Князья Бековичи-Черкасские. М., 1915, стр. 12; «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию», ч. I, 1715—1856. Ташкент, 1955, стр. 13.

[8] См. : Л. Берг. Аральское море. СПб., 1908, стр. 44; Д. Голосов. Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством кн. Ал. Бековича-Черкасского. «Военный сборник», т. 10, 1861; М. А. Юдин. Указ. соч., стр. 102—120.

[9] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 3512, л. 1.

[10] «В приезд свой в Астрахань,— доносил он Петру I,— осведомился через жителей... о реке Дарье, откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что... берется вершиной в

концу октября флотилия, состоящая из 31 судна, 1877 военных при 19 орудиях, на снаряжение которых затратили 30 638 рублей, была готова к отплытию, а 7 ноября из Астрахани она взяла курс на Гурьев. Флотилию, однако, постигла неудача: из-за сильных штормов и раннего льда несколько судов затонуло, оставшиеся 3 декабря возвратились обратно [11].

В 1715 г. Бекович-Черкасский, А. Ренталь, 10 морских офицеров, 14 астраханских дворян, среди них И. Званский, Н. Федоров, А. Тараковский и туркмен (проводник) Ходжа-Нефес в сопровождении отряда в 6350 человек, имея в своем распоряжении 150 верблюдов [12], 20 судов, произвели исследование восточного побережья Каспия [13]. Результатом экспедиции явилось составление первой карты Каспийского моря. Было доказано, что реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья не впадают в Каспий, о чем Петр I указывал французскому картографу Гильо Делилю в 1717 г. во время пребывания в Париже [14].

Индии, течет Бухарскою землею в Хивинскую, падает в... Аральское море...» См. : А. П. Соколов. Описи Каспийского моря с начала осьмнадцатого века по настоящее время. «Записки Гидрографического департамента», т. X, 1852, стр. 3.

[11] В «Материалах Военно-ученого архива» мы читаем: «А по оной отписке из Астрахани обер-коменданта Чирикова оной господин князь Черкасской отправился из Астрахани в путь 28, а из черней (Астраханские черни.— *В. Б.*) морем ноября 7-го дня и носило в море с месяц, и суды затерло льдом, между Астрахани и Яику; и оной господин князь Черкасской, с служилыми людьми прибыл в Астрахань декабря 3 дня 714 году. И по ведомостям с Яику из Гурьева городка 3 струга с провиантом затерло в Яицком Устье, два струга на Терке, а об одном неведомо». (См.: «Материалы Военно-ученого архива», т. I, 1871, стр. 420; В. Б. Вилинбахов. Указ. соч., стр. 64—65).

[12] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 3512, лл. 3, 4 об.

[13] Маршрут проходил: Астрахань, через Каспийское море, Гурьев к восточному берегу моря, мыс Тюб-Караган, Балханский залив, устье Актама, Красноводский залив, по морю до Астраханского залива, обратно до Астрахани. Дополнительный маршрут И. Званского, Н. Федорова А. Тараковского: мыс Тюб-Караган, караванная дорога в Хиву до р. Карагач, вправо в степь до русла р. Аму-Дарьи (Узбой), Узбою до уроч. Ати-Ибрагим, оттуда до Красноводского залива. См.: «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» ч. I. 1715—1856. Ташкент, 1955, стр. 13

[14] Л. С. Берг. Очерки истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 286. Имеются любопытные данные о том, что «кубанский Султан-Герей в начале 1715 г. нечаянно напал при Астрахани на Аюки (хан волжских калмыков.— *В. Б.*) и захватил собственные его кибитки со всем имуществом. Самый Аюки со своим семейством едва спасся, уходя к отряду российских войск, которых князь Александр Бекович-Черкасский вывел из Астрахани к реке Богде для прикрытия хана. Сии войска стояли в строю, когда кубанские татары проходили мимо их, и хотя хан просил Бековича стрелять по них, но князь отказал ему в том под предлогом, что без царского указа не может учинить сего. Злобствующий хан тотчас придумал средство отомстить Бековичу. Он тайно известил хивинского хана, что сей князь под видом посольства едет в Хиву с войском, и хивинцы по сему известию скрытно приготовились к встрече Бековича». См. : Иакинф (Бичурин). Историческое обозрение ойротов или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 184—186. Этой же версии придерживаются также: Б. Броневский. История Войска донского, ч. III. СПб., 1834, стр. 71—72; Нил Попов. Татищев и его время. М., 1861, стр. 245—246.

По другим данным, «в начале января 1715 г. свыше 30 тыс. кубанских татар пришли под Астрахань с намерением разорить калмыцкие становища. Втрое превосходя численностью калмыков, они разбили их, убив более 3 тысяч человек. После этого татары, забрав пленных и добычу, двинулись домой, не причинив никакого вреда русским жителям».

«Астраханский комендант, а с ним Александр Бекович, пришли с тремя тысячами войска на помощь калмыцкому каравану и хотели уже начать вторичный бой с татарами, но кубанский военный начальник предъявил коменданту письменный приказ царя, которым дозволялось нападать на калмыков везде, где только их встретят». «Это событие имело в дальнейшем весьма важные последствия для судьбы экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву, поскольку хан Аюк отказался участвовать в походе и сообщил хивинскому хану о намерениях русского отряда». См. : Эристов. Аюки, хан Калмыцкий. «Энциклопедический лексикон», изд. Плюшара, т. III, 1835, стр. 526—527.

В феврале 1716 г., находясь в Либаве, Петр I поручил Бековичу-Черкасскому на судах, принадлежащих хивинскому хану, «отпустить купчину по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, а оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера, описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной ...» [15] Тогда же Петр I указал на необходимость построить ряд крепостей на берегу Каспийского моря и склонить хивинского хана «к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию в его службе и чтобы он за то радел в наших интересах. Будучи у хивинского хана, проведать о бухарском, не можно ли и его, хотя и не в подданство (ежели того нельзя сделать), но к дружбе привести таким же манером...» [16]

По существу, «это был план полувоенного — полумирного подчинения Средней Азии» [17], рассчитанный на то, что его выполнение будет облегчено весьма непрочным положением ханов и междоусобной борьбой крупных и мелких феодалов.

В экспедиции участвовали кроме А. Бековича-Черкасского капитан Ренталь, поручик Кожин, подпоручик Давыдов, штурман Брандт, капитан Ван дер-Вейде, стольник Саманов и проводник Ходжа-Нефес. Им был придан военный отряд в 6655 человек при 22 орудиях и флотилия из 138 судов. В сентябре 1716 г. почти весь отряд Бековича погрузили на флотилию. 9 октября прибыли в залив Тюб-Караган, где началось строительство укрепления, названного «крепостью Святого Петра», которое, хотя и находилось на бесплодной, безлесной и безводной косе, представляло собой весьма удобный промежуточный пункт между Астраханью и Красными водами. 120 километров к югу от залива Тюб-Караган, в заливе Бехтир-Лиман, позднее переименованном в честь Бековича в залив Александр-Бай, было заложено укрепление Александровское, очень удобное с точки зрения организации обороны.

В начале ноября 1716 г. флотилия Бековича появилась у Красных вод, где у входа в Балханский залив была заложена третья крепость. В декабре экспедиция взяла обратный курс на Астрахань. Из-за льдов, покрывавших Каспий, шли вдоль берега и возвратились в Астрахань 20 февраля 1717 г. В том же году в Хиву и Бухару были направлены дипломатические миссии [18].

Из Хивы от российских послов поступали тревожные известия: их встретили весьма подозрительно, взяли под стражу, «а об обратном пути и помина нет». В Хиве уже знали о строительстве отрядом Бековича-Черкасского на восточном берегу Каспия ряда крепостей, «о сборе конницы в Астрахани, и что князь Бекович идет не посольством, а войною...» [19] В начале марта 1717 г. калмыцкий хан Аюка

---

[15] С. Идаров. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией. СПб., 1884, стр. 493.

[16] АВПР, ф. Глав. архив 1—9, д. 12, лл. 1253—1254; д. 3, 1826—1833, л. 214; ПСЗ, т. V, № 2993.

[17] В. П. Лысцов, В. А. Александров. Персидский поход и отношения России с Китаем. В кн.: «Очерки истории СССР XVIII в., 1-я четверть». М., 1954, стр. 602.

[18] Д. Голосов. Указ. соч., стр. 319; «Материалы Военно-ученого архива» т. I, 1871, стр. 273, 427—430; В. Б. Вилинбахов. Указ. соч., стр. 70—73; «Московитянин», 1842, № 12, стр. 390 (донесения полковника Ван дер-Вейде); И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря. «Записки ИРГО», кн. IV, 1850; «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию», ч. I, 1715—1856. Составитель О. В. Маслова. Ташкент, 1955, стр. 13—14; М. А. Юдин. Указ. соч., стр. 12—13.

[19] Д. Голосов. Указ. соч., стр. 323—324.

сообщал поручику Кожину беспокоящие сведения о том, что «тамошни бухарцы, касак, каракалпак, хивинцы збираются вместе и хотят на служилых людей итьти боем», а сам отказался участвовать в хивинском походе, отправив от себя Бековичу 10 человек во главе с туркменом Манглей Кашка в качестве «особого посольства» к хивинскому хану.

Лично Бекович-Черкасский в мае того же года также получил сообщение от астраханского обер-коменданта Чирикова о готовности хивинцев, бухарцев и каракалпак «великим собранием на дороге» встретить его отряд. Хивинский хан Ширгазы собирал войска и направил уже передовой отряд в тысячу человек навстречу Бековичу [20]. Бекович, однако, пренебрег этими сообщениями и стал готовиться к новому походу, теперь уже в глубь Средней Азии, который оказался для него роковым.

Хотя окончательно экспедиция была оснащена в апреле 1717 г., Бекович бесплодно простоял месяц в Гурьеве, упустив благоприятное весеннее время. Лишь 11 июля 1717 г. в составе «не менее трех тысяч войск», а всего свыше 4 тысяч человек, в числе которых был купеческий караван «из 30 армянских, бухарских, хивинских и русских купцов» с товарами на 5 тысяч рублей [21], экспедиция двинулась из Гурьева по маршруту: р. Эмба — Большая хивинская дорога — восточный чинк Усть-Урта — Хива [22].

[20] См.: «Материалы Военно-ученого архива», т. I, 1871, стр. 302, 292; М. А. Юдин. Указ. соч., стр. 12—13.

[21] В. Б. Вилинбахов. Указ. соч., стр. 74—75.

[22] «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию», стр. 14. А вот более подробный маршрут движения отряда Бековича-Черкасского (по данным Ходжа-Нефеса):

Наименование маршрута	Число переходов	Число дневок
Река Акмурзы	1	—
Река Эмба, переправа	7	2
Вверх по р. Эмба до уроч. Багагат	2	—
Колодец Дуг-кана (Уч-кан на новых картах)	2	2
Колодец Мансулмас (Мансу-алмаз)	3	—
Колодец Чилдана	2	—
Здесь с ночлега бежали присланные ханом Аюком проводники и их место занял Хофжа-Нефес.		
Колодец Сын (в песках Сам)	2	3
Колодец Кос-Шегозе	1	—
Колодец Белалвли (Белеули)	1	—
Колодец Дурали	2	3
Колодец Ялгызу	3	3
Отсюда Бекович послал хивинскому хану астраханского дворянина Кереитова с сотнею казаков и оставил на отдых у колодца 1000 казаков, у которых были лошади истощены.		
Колодец Шершидун	2	5
Река Каракуммет (уроч. Кара-Гумбет) у оз. Айбугир	2	—
Вдоль озера до урочища Аккуль	1	2
Отсюда были посланы верблюды для «забрания казаков», оставленных у колодца Ялгызу: здесь же князь А. Бекович-Черкасский встретился с посланцами хивинского хана.		
Вдоль оз. Айбугир до р. Карагача, версты за две от нее (вероятно, арыка из рукава р. Аму-Дарьи)	3	—
Итого	34	20

См.: В. Б. Вилинбахов. Указ. соч., стр. 75; «Записки ИРГО», кн. IX, 1853, стр. 327; М. А. Юдин. Указ. соч., стр. 12.

Экспедиция потерпела неудачу, сам Бекович со своими спутниками был убит в Хиве в 1717 г., а построенные им на пути крепости снесены хивинцами [23]. Результатом экспедиции явилось то, что впервые в истории правильно был описан и картографически изображен восточный берег Каспийского моря [24].

Как известно, окончилась неудачей и попытка достигнуть Индии участником экспедиции Бековича-Черкасского А. Тевкелевым, судно которого было занесено штормом в Астрабад, что привело к его пленению астрабадским наместником [25].

Путь в Среднюю Азию осваивался не только со стороны Каспийского моря, но и из Сибири. Вместе с тем со стороны Сибири ставилась задача уточнения положения на границе с Джунгарией, «в какое время воевать его контайшу, и из которых мест...». В это время русское правительство, испытывавшее значительные затруднения в связи с длительными войнами, содержанием огромной армии и административных органов, требовавшими крупных затрат, интересовалось джунгарскими делами, поскольку оно имело сведения о богатейших «золотых россыпях» в районе города Яркенда. К тому же в рассматриваемый период Петр I готовился к известному Персидскому походу, в связи с чем обращалось серьезное внимание на обстановку, создавшуюся на юго-восточных границах России.

В 1713 г., т. е. почти одновременно с Ходжой-Нефесом, сибирский губернатор М. П. Гагарин доложил Петру I о возможности строительства ряда крепостей по Иртышу и проведения укрепленной линии через Джунгарию до Яркенда [26]. Он же предложил овладеть этим городом, «вызвался снарядить и содержать нужные для такой экспедиции войска из доходов Сибирской губернии» [27]. 22 мая 1714 г. Петр I подписал указ подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухгольцу «О походе в Калмыцкую землю на реке Дарье, для покорения тех мест, где добывают золото» [28].

В соответствии с указом И. Д. Бухгольц должен был направиться в Тобольск к сибирскому губернатору М. П. Гагарину, взять у него «воинских людей и с ними идти на Ямыш озеро», основать город, перезимовать и весной двинуться «к помянутому городу Еркету». «А как бог поможет, — читаем мы в инструкции Петра I И. Д. Бухгольцу от 24 мая 1714 г., — тогда трудиться тот город достать и как

---

[23] В 1726 г. хивинский хан прислал в Россию своего посланца Сабханкула с повинною. Несмотря на жестокость хивинцев в отношении Бековича-Черкасского, посланец Хивы был милостиво принят. Русское правительство выразило лишь досаду, а посланец отпущен обратно, «понеже во всем свете над посланниками реванжу не отыскивают, и такого обычая нет». 27 апреля 1727 г. Верховный тайный совет разрешил возобновить прерванные Хивой торговые связи. См. : «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 52, а также: А. Шепелев. Указ. соч., стр. 33.

[24] Т. Н. Мельникова. О заливе Александра Бековича-Черкасского. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. XIII. Нальчик, 1957, стр. 419—429. Подробности убийства А. Бековича-Черкасского. см. : В. Б. Вилинбахов. Указ. соч.; М. А. Юдин. Указ. соч., и др.

[25] АВПР, ф. Глав. архив 1—9, 1826—33, д. 3, л. 214; Я. В. Ханыков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства и их окрестностями. «Записки РГО». СПб., 1851, кн. V, стр. 297.

[26] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 162.

[27] А. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарой при Петре Великом. СПб., 1853, стр. 2; А. Шепелев. Указ. соч., стр. 18.

[28] Омский облгосархив, ф. 366, оп. I, д. 2, лл. 1—12. Копии хранятся в рукописном фонде Института ИАЭ АН КазССР, инв. № 1499.

с помощью божиею овладеет, то оный укрепить» [29]. На пути продвижения отряд Бухгольца должен был создавать «редуты для складки провианту и для коммуникаций» на расстоянии шести дней или по неделе времени езды друг от друга.

Экспедиция в составе трех тысяч человек направилась из Тобольска в июле 1715 г. на 60 плотах и дощаниках вверх по Иртышу. В г. Таре к ней примкнуло 1500 конников, державших путь вдоль Иртыша. К 1 октября отряд Бухгольца достиг Ямышева озера, давно известного русским промышленникам своей чистой и белой солью. Отряд высадился на зимовку с тем, чтобы весной двинуться на Яркенд. 29 октября почти в трех километрах от правого берега Иртыша, в месте, откуда вытекает ручей Пресный, «при устье ручья Пресного, на утесистом обрывистом берегу Иртыша, вдающемся мысом в реку» [30], была заложена Ямышевская крепость.

Еще накануне этого события царское правительство предприняло некоторые дипломатические шаги в отношении Джунгарии. 27 февраля 1715 г. Петр I и сибирский губернатор М. П. Гагарин направили джунгарскому хунтайджи грамоту, в которой опровергалась принадлежность к Джунгарии некоторых пограничных земель. В ней также ставился вопрос о предоставлении бухарским и другим купцам свободной торговли в Сибири. Укажем также и на демарш к джунгарскому хунтайджи летом 1716 г., выразившийся в отправке к нему посланников Василия Чередова и Тимофея Этигера со специальным посланием о движении в район Яркенда экспедиции подполковника И. Бухгольца «для проведывания серебряных и золотых, медных и иных руд и для строения города и чтоб он, контайша, от тех посланных людей никакого опасения себе не имел». Его просили о том, чтобы «тем посланным царского величества людям никакие бы ссоры не чинили». В то же время российское правительство заметило, что «буде он, контайша, пожелает быть в охранении царского пресветлого величества и он бы, контайша, ему, царскому величеству, и с людьми своими в послушании был, как и Аюка, хан Калмыцкой; а царское величество, его, контайшу, будет содержать також, как и Аюку хана, во всяком охранении и от всех его неприятелей оберегать...» [31]

Демарш этот, однако, успеха не имел. Экспедиция И. Бухгольца в конце февраля 1716 г. подверглась нападению и осаде 10 тыс. джунгар. В результате осады, продолжавшейся свыше трех месяцев, спаслось лишь 700 человек, которые на обратном пути основали Омскую крепость [32].

В 1717 г. была организована новая экспедиция во главе с полковником Ступиным, которая восстановила разрушенную джунгарами Ямышевскую крепость. В этом же году между Омской и Ямышевской крепостями была заложена крепость Железинская, через год — Семипалатинская, а в 1720 г. экспедиция во главе с И. М. Лихаревым при впадении р. Ульбы в Иртыш основала крепость Усть-Каменогорскую [33].

После неудач экспедиций А. Бековича-Черкасского и И. Бухголь-

---

[29] АВПР, ф. Глав. архив 1—9, д. 12, л. 1253.

[30] М. А. Юдин. Указ. соч., стр. 10.

[31] Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 2, лл. 1—12.

[32] И. Бухгольц был убит во время нападения на него отряда джунгар. См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 91.

[33] Н. В. Алексеенко. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX веках. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1961, стр. 5; А. Шепелев. Указ. соч., стр. 19.

ца правительство Петра I в своих отношениях с правителями Средней Азии и Казахстана вынуждено было перейти «исключительно к использованию дипломатических средств» [34].

Особый интерес России к Казахстану намечается в начале XVIII в.[35] К этому времени Казахская степь оказалась изолированной на международной арене. Крайне обострились отношения и с Россией. В связи с частыми нападениями со стороны степи на российские поселения царская администрация предпринимала ответные меры. С востока и северо-востока казахским землям угрожала Джунгария. Находящийся в декабре 1698 г. в городе Тобольске джунгарский посол сообщал уже о летнем военном походе джунгар против казахов в район бассейна рек Чу и Талас, принесшем значительный ущерб казахам. В частности, они потеряли несколько тысяч убитыми и до десяти тысяч пленными.

На первых порах, однако, джунгарская экспансия не вызывала особой озабоченности у казахов ввиду того, что их потери возмещались, как правило, более успешными нападениями на сибирские населенные пункты, в особенности в 1700—1702 гг., в которых участвовало по две, а иногда и по четыре тысячи человек. Вместе с тем в ряде случаев они успешно отражали нападения джунгар, а нередко и сами совершали в их пределы удачные рейды [36].

Со временем стало сказываться слабое вооружение Казахского ханства по сравнению с могущественной Россией. К тому же вести войну одновременно на два фронта — с Россией и Джунгарией казахам просто было не под силу. Ввиду этого уже в 1703 г. встречаются официальные заявления владетелей Казахской степи о провале политики ударов по сибирским поселениям. Российский посол в Джунгарии Матвей Городничий сообщал тогда: «Да Казачьи ж Орды посланец говорил: прежде сего ходили мы войною воеватца в Русь Тобольского уезду под слободы и многих де русских людей войною побивали, а иных де брали в полон многое ж число; а ныне же русские люди стали во оберегательстве, и когда де бывает их Казачьи Орды воинской приход под слободы и на бое де стали менять голову на голову» [37].

Как видно из приведенного высказывания, казахам стало невыгодно осуществлять эти набеги, так как по существу они никаких прибылей не давали, а жертвы были не меньше, если не больше, чем у российских отрядов. Более того, представители мелких и средних казахских владетелей, ранее ратовавшие за организацию набегов на сибирские поселения, равно как и подавляющее большинство окружения Тауке, начинают убеждаться в бесцельности нападений на российские пограничные районы, которые не только не компенсировали затрат, но в большинстве случаев приносили прямые убытки для казахского хозяйства. Поэтому обнаруживается тенденция вести дело на мирное урегулирование спорных, нерешенных вопросов. Во всяком случае, сторонники российской ориентации начинают оказывать все большее влияние не только на правящую верхушку, но и на подавляющее большинство казахских масс. Теперь уже высказываются и за организацию торговли с Россией.

---

[34] Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в первой половине XVIII в. В кн. : «История СССР». Первая серия, т. III. М., 1967, стр. 338. См. также: В. П. Лысцов, В. А. Александров. Персидский поход и отношения России с Китаем. В кн.: «Очерки истории СССР, XVIII в., первая четверть». М., 1954, стр. 603.

[35] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 95.

[36] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I. СПб., 1882, стр. 150.

[37] Дополнения к Актам Историческим (далее ДАИ), т. X, стр. 383.

Именно в это время хан Тауке предпринял новые попытки по улучшению отношений с Россией. В частности, в 1702 г. было принято решение о направлении на Ямышевское озеро специального казахского посольства. Однако ему не суждено было осуществиться из-за угрозы перехвата его джунгарами, переросшей в опасность для казахских кочевий и самого казахского народа. В связи с этим в 1703 г. Тауке предварительно направляет посольство к джунгарскому хунтайджи, но оно потерпело полный провал из-за продолжавшихся казахско-джунгарских и казахско-русских стычек. Кстати сказать, эти стычки продолжались и в первые полтора десятилетия XVIII в.[38]

Со времени захвата джунгарами «богатых пастбищ в Семиречье и городов в среднеазиатских владениях»[39] наблюдается активный процесс передвижения казахских кочевий на северо-запад, в пределы нынешней Кустанайской, Актюбинской и Уральской областей[40]. В результате этого значительная часть казахских родов оказалась выбитой из старой, привычной колеи, экономически связывавшей их со среднеазиатскими рынками, был нарушен установившийся столетиями цикл кочевок.

Этим можно объяснить, что первое казахское посольство во главе с Тайкомуром добралось в Россию лишь в сентябре 1715 г. Это посольство, направленное в Уфу для улаживания казахско-башкирских разногласий в ответ на башкирское посольство в Казахскую степь весной этого же года, не пошло дальше рассмотрения некоторых пограничных споров, которые, кстати сказать, не были урегулированы. Более того, в связи с тем, что прибытие посольства совпало с набегом Абулхаира на башкирские земли в районе Ново-Шешминска, оно надолго было задержано в Уфе. Однако в качественно новой ситуации набег Абулхаира не мог повлиять на тенденцию улучшения казахско-русских отношений, ибо обе стороны в равной степени были к тому времени в этом заинтересованы.

Что касается российской дипломатии, только что начавшей осуществлять активную политику на Востоке, то она теперь крепко хваталась за любую возможность сравнительно бескровного решения задач казахско-русского сближения. Чтобы стимулировать торговый обмен, правительство России предусматривало конкретные шаги. Сибирский губернатор сообщал в связи с этим верховному казахскому властителю о том, что принимает меры по улучшению торговли с казахами и представителями среднеазиатских государств[41]. Вот почему местная российская администрация, хотя и задержала посольство Тайкомура в связи с набегом Абухлаира, тут же направила на имя казахского хана Тауке письмо, в котором упор делался на необходимость решения спорных вопросов мирным путем. Во всяком случае, Каип, преемник Тауке, в своем ответе сообщал в июле 1716 г., что получил это письмо «и зело тому обрадовался»[42].

Первым серьезным шагом Казахстана на пути к политическому соглашению с Россией можно, по-видимому, считать посольство «хана Каипа и народа», прибывшее в российские пределы в 1716 г. По-

---

[38] См. : «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. I. СПб., 1882, стр. 256.

[39] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 184.

[40] А. Добросмыслов. Сведения о народностях, населявших нынешнюю Тургайскую область до присоединения киргиз Малой орды к России. «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 2.

[41] См. : «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 157.

[42] Архив АН СССР. Списки Тобольской архивы, ч. 4, № 14, лл. 195—196.

сольство было направлено в Тобольск к сибирскому губернатору М. П. Гагарину в сентябре 1716 г. во главе с Бекбулатом Екешевым и Байдаулетом Буриевым с просьбой, «чтоб-де губернатор сибирский донес ц. в. и примирился бы с нами вечным миром...» [43] Казахские послы, принятые по личному указанию Петра I «ласково», предлагали заключить военный союз с Россией для совместной борьбы с джунгарским владельцем, с которым у них была «ссора из давних лет» и выделяли для этого 20—30 тысяч казахских воинов. Хан предлагал присылать в Тобольск ежегодно или через год «для торгу Казачьей орды и бухарцом» в количестве, которое будет указано из Тобольска, но «чтоб ездить им (казахским купцам. — *В. Б.*) для торгов было свободно» [44].

Послы Бекбулат Екешев и Байдаулет Буриев сообщили также, что для укрепления дружественных отношений хан принимает меры против тех, кто участвует в набегах на российские слободы, вплоть до применения казни или, если будет на то требование российского правительства, пойманных будут направлять в Тобольск, «и тем бы людям учинить указ в Тобольску...» [45]

Аналогичные посольства были направлены в Казань и Уфу.

Правительствующий сенат положительно отнесся к предложениям казахских посланцев. Находясь под впечатлением неудач экспедиций Бековича-Черкасского и Бухгольца, Петр I дал указание хорошо принимать все казахские посольства. Что касается предложений проекта соглашения с казахским ханом, переданного через посольство Екешева и Буриева, то, по мнению Петра I, он должен был предусмотреть, «чтобы они (казахи. — *В. Б.*) жили с нашими подданными в вечном миру и никуды никаких набегов на оных не чинили» [46].

В ответ на посольство Бекбулата Екешева и Байдаулета Буриева по приказу сибирского губернатора М. П. Гагарина 14 октября 1716 г., еще до получения указа Петра I, для переговоров о возобновлении торговли и заключения военного союза с казахами в ставку Каипа был направлен из Тобольска сын боярский Никита Белоусов с сопровождавшими его лицами. Главная их цель состояла в том, чтобы собрать сведения о настроении людей в Казахской степи, происходящих там событиях, сущности казахской государственности и т. п.

Посольство должно было сообщить Каипу о том, что правительство России довольно сообщением казахских послов Екешева и Буриева о желании казахов поддерживать мирные и торговые сношения со своим могущественным соседом. Со своей стороны российское правительство сообщало Каипу, что им дано указание, чтобы «везде в городах... с людьми Казачьей Орды ссоры никакой не имели». Белоусов сообщил Каипу о решении своего правительства всюду через русскую границу пропускать «по 50 человек людей Казачьей Орды с торгов», которым будет обеспечена надлежащая безопасность передвижения во время их пребывания в России.

На посольство возлагалась обязанность «о войне на контайшу говорить разговоры, в какое время им послать воевать его, контайшу, и из которых мест, и в каком числе людей они (казахи. — *В. Б.*) его будут воевать» [47]. Переговоры, однако, не обязательно должны были привести к подписанию договора о совместной русско-казахской борь-

---

[43] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 16.
[44] Архив АН СССР. Списки Тобольской архивы, ч. 4, № 14, л. 192 об.
[45] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 153.
[46] Архив АН СССР. Списки Тобольской архивы, ч. 4, № 14, лл. 194 об.—195.
[47] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 154—156.

бе с Джунгарией. Это можно было сделать лишь с санкции Правительствующего сената.

Посольство Никиты Белоусова пробыло в Казахстане почти год (с октября 1716 г. до сентября 1717 г.). Российский посол встречался с ханом Каипом и влиятельными султанами, имел с ними длительные беседы по интересующим обе стороны вопросам, в частности о прекращении взаимных набегов, которые, как правило, кончались угоном скота, лошадей, грабежом имущества. Хан Каип высказал твердое пожелание «в миру быть с Россией и заключить соглашение о том, чтобы совместно «контайшу воевать» [48].

Сибирский губернатор остался «весьма доволен» посольством Белоусова и в своем письме к хану Каипу еще раз подтвердил согласие возобновить мирные связи с Казахстаном. Гагарин подчеркивал, что в соответствии с указом Петра I будут приниматься меры для розыска лиц, занимающихся угоном казахских лошадей. В то же время внимание Каипа обращалось на необходимость прекращения «воровства» с их стороны [49].

Характерно, что при Каипе посольствам предшествовала длительная переписка не только с сибирским губернатором, но и с Казанским и другими, причем она продолжалась и после возвращения посольств, так как способствовала организации новых миссий. Обмен русско-казахскими посольствами, как правило, завершался взаимными заверениями быть в «мире и дружбе».

Обращает на себя внимание то, что Каип все чаще подчеркивает мысль о желании с «великим государем... моим (с Петром I. — *В. Б.*)... вечной мир и союзно жить... , чтобы с приятелем моим быть вам мирно и союзно и с неприятельми также жить в недружбе. И мне также с вашими приятели жить в вечном союзе, а неприятелями также в недрубже». Далее Каип развертывает перспективу развития и укрепления дружественных отношений, которые будут способствовать повышению боеспособности обоих государств. «И увидя такой наш мир и союз, — пишет хан Каип казанскому губернатору Петру Салтыкову 10 января 1718 г., — другие наши приятели обрадовались, а неприятели также опасались» [50].

Красной нитью в письмах Каипа к российским властям в начале XVIII в. проходит мысль о необходимости «совместно контайшу воевать». Каип неоднократно просит у Петра I «многих ратных людей», имея в виду российские вооруженные отряды, сопровождавшие караваны за солью из Тобольска «в Ямышино озеро». Хан сообщает о неоднократных нападениях джунгар на казахские улусы, результатом которых, как правило, было их разорение, убийство людей, угон скота и пленных. Только в 1717 г. джунгары дважды совершали налеты на казахские аулы, завершавшиеся их разорением. Он просит в случае, если «разорители попадутся вам (т. е. российским властям. — *В. Б.*), в руки приказать «казнить смертно без остатку, чтоб другим было неповадно...» [51]

Характерно, что уже в этом и последующих документах сквозит тенденция признания Каипом, а затем и Абулхаиром, могущества российского государства, желание получить от него покровительство, а возможно, и принять его подданство, ибо только оно, кроме всего

---

[48] Об этом см. также: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 133.

[49] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 156—157.

[50] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 21.

[51] Там же.

прочего, «давало единственную возможность получить поддержку в борьбе с воинственными соседями, сжимавшими казахов с юга и востока и угрожавшими не только самостоятельности, но и самому существованию казахского народа» [52].

Чтобы разобраться в создавшейся обстановке и получить новые сведения о взаимоотношениях между казахами и джунгарами, в конце 1717 г. по указу Петра I и указанию сибирского губернатора М. П. Гагарина в Казахскую степь было направлено во главе с Борисом Брянцевым специальное посольство, в состав которого входили Яков Тариштин, Кабай Мамеев и другие, имеющие уже полномочия на подписание военного соглашения против джунгар. Посольство везло также с собой предложения о предоставлении казахам беспошлинной торговли в рамках ишимских острогов группами в 50 человек [53].

Чтобы устранить возможные на первых порах недоразумения, посланцы должны были направить в расположение казахских вооруженных отрядов казака Соснина и служилого татарина для того, чтобы «естьли та посылка Казачьей Орды сойдутца людьми царского величества, которые воюютца с контайшею, чтоб в то время людем царского величества явили о них Казачьей Орде, чтоб, вместе промышляя над калмыками, и меж себя бы ссоры не чинили» [54].

К первым казахским аулам посольство добралось 21 января 1718 г., где произошла встреча с мурзой Кутлубаем. Последний сообщил, что летом 1717 г. при р. Аягуз произошло сражение между 30-тысячным казахским войском во главе с Абулхаиром и Каипом, с одной стороны, и джунгарами — с другой. Обе стороны соорудили деревянные валы, откуда производился обстрел позиций. В результате сражения казахские войска вынуждены были отступить без особых потерь. По другим же данным, казахов «калмыки гнали полдни и их людей побили...» Казахи понесли большие потери, что, по-видимому, является более правдоподобным.

При встрече с братом Абулхаира султаном Мамаем последний заявил российскому послу Брянцеву, что «с людьми его царского величества быть в миру они всегда желают...» «Казачьего народа все люди говорят, — писал 11 марта 1718 г. в своей отписке сибирскому губернатору Брянцев, — что-де с людьми российского народа быть в миру всегда они желают...», [55] — таков был вывод посла.

4 мая 1718 г. посольство Брянцева прибыло в ставку Абулхаира. Через Бекбулата (одно время являвшегося посланцем хана Каипа у сибирского губернатора князя М. П. Гагарина и в то же время чинившего «многое помешательство» посольству Брянцева) ему были переданы подарки, а 5 мая произошла встреча с самим Абулхаиром. В беседе с Брянцевым Абулхаир акцентировал внимание российского посла на необходимость воевать с джунгарами, ибо, как он считал, именно джунгары являются главными противниками казахов и что именно от них исходит главная опасность для казахского народа. Он также подчеркнул, что казахи заинтересованы в расширении торговли с Россией и обещал принимать меры для предотвращения набегов на российские пограничные селения. «Велю стрещи, — говорил Абулхаир, — чтоб отнюдь воровать в сибирские остроги не ездили» [56].

---

[52] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 130.
[53] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, стр. 155.
[54] Архив АН СССР. Списки Тобольской архивы, ч. 4. № 14, л. 200.
[55] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, стр. 160.
[56] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 24.

Посольство Брянцева побывало и в Туркестане, ставке хана Каипа, куда оно прибыло 25 июня 1718 г. 12 июля произошла встреча с Каипом. В беседе с ним выяснилось, что между Россией и Казахстаном существовал и ряд разногласий, наиболее существенными из которых были продолжавшиеся взаимные набеги, грабежи, задержание пленных. Достаточно отметить, что только в 1717 и 1718 гг. группа казахов и каракалпаков во главе с татарином Сеитом и его племянником Абдреманом Таукиным несколько раз совершала нападения на Казанский уезд, в результате чего разорили и пожгли многие села и деревни, «и людей в полон побрали» [57].

В то же время обе стороны стремились разрешить споры мирным путем, путем соглашения, дружественного союза. Это подтверждается хотя бы тем, что когда хану Каипу стало известно о грабительских нападениях группы Сеита и Таукина на Казанский уезд, он тут же поспешил сообщить Петру I о принимаемых им мерах для их розыска. «И вышеописанного вора Сеитку сыскать приказал сыну своему Кудайберде-Багадыр-султану, — писал Каип в декабре 1718 г. Петру I, — чтобы он расставлял от себя людей везде по дорогам и по перелазам, по переправам, и изловили б неотложно».

Следовательно, Каип был озабочен тем, что набеги на российские территории казахских «воровских шаек» могут ухудшить хорошо складывавшиеся взаимоотношения с Россией и поэтому искренне стремился во что бы то ни стало пресечь их. Не случайно, что им только по этому вопросу к Петру I через казанского губернатора П. Салтыкова было направлено несколько посланников с письмами, в которых хан беспокоился, «чтобы нам не прогневать Вашего величества о том, что беглый вор от вас Сеитка, и про то велено, чтобы, поймав, прислать его к Вашему царскому величеству» [58]. Если учесть слабость Казахского ханства и совершенную невозможность отпора джунгарской агрессии без помощи извне, становится понятным правильность этих устремлений Каипа.

Еще накануне встречи с посольством Брянцева, 1 мая 1718 г., Каип через свое посольство, возглавляемое Елметом Баулуковым, обратился с письмом к сибирскому губернатору М. П. Гагарину, в котором ставился вопрос о взаимном обмене пленными. Каип обращается к Гагарину с просьбой оказать содействие в возвращении лошадей, угоняемых башкирами [59]. В то же время хан предлагает мир, военный союз, расширение торговли.

7 октября 1718 г. Шаба и Багадур, посланцы Абулхаира, прибыли в Тобольск и передали М. П. Гагарину письмо, в котором предлагался союз, дружба, расширение торговли. Вопрос о расширении торговли ставился не случайно, ибо среднеазиатские рынки не могли удовлетворить всех растущих потребностей обмена. Именно поэтому уже к началу 30-х годов XVIII в. наблюдается тяготение казахов к российскому рынку, в частности к торгу у Яика [60]. Абулхаир еще раз напоминал о том, что казахи усиленно готовятся к отражению нападения джунгар.

28 октября в Тобольск приехало еще два ханских посланца — батыры Байбек и Тулебай. Они привезли письмо Гагарину от Каипа, в

---

[57] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 162—163.

[58] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 29—30.

[59] Только в 1718 г. казанские башкиры угнали у казахов 500 лошадей. «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, стр. 162.

[60] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 167.

котором ставился вопрос о расширении торговых связей, об обмене пленными, о присылке российских войск для борьбы с «контайши». «Контайши вам и нам недруг, — пишет Гагарину хан Каип, — а на него итти мы вздумали, великому государю будем писать, чтоб силы прислать, и буде пришлют, и мы готовы воеватца или миритца...»[61] А через месяц с небольшим, 10 декабря 1718 г., Абулхаир сообщил Петру I о готовности служить российскому государю «не токмо на конях», но и «пешей служить рад белому царю»[62]. Служба эта, однако, предполагалась на условиях вооруженной помощи России в борьбе с джунгарским ханством.

Это уже были реальные предпосылки для возникновения антиджунгарского российско-казахского альянса, которому, однако, не суждено было осуществиться. Пока русско-казахские отношения строились на равных основаниях и целью их было заключение военно-политического союза против Джунгарии, казахская феодальная верхушка активно поддерживала эту политику своих ханов. Когда же казахские ханы, убедившись в том, что их владения, расшатывавшиеся феодальной раздробленностью и постоянными усобицами, не в состоянии своими силами противостоять нажиму Джунгарии, поставили вопрос перед российскими властями о принятии казахами российского подданства, то некоторая часть наиболее влиятельной местной феодальной верхушки не поддержала их.

К этому же времени и российская администрация получила основательные данные о совершенной незначительности военной мощи своего предполагаемого союзника, который в данном случае не мог оказать существенную помощь российским вооруженным силам в борьбе с Джунгарией. Тем самым не оправдались расчеты российского правительства об использовании военной мощи казахов для осуществления своих целей в степи и при решении вопросов значительно активизировавшейся политики царизма на Востоке. Местная российская администрация имела довольно точные сведения и о политической слабости казахских владетелей. Вот почему у царских властей на этом этапе русско-казахских отношений охладел интерес к их укреплению. В связи с этим несколько ослабли связи России, в особенности после смерти Петра I (1725 г.), с Казахстаном, Средней Азией и другими восточными государствами.

Выше уже отмечалось, что одним из факторов, тормозивших развитие экономики Казахстана, явилась внешнеполитическая опасность. «С самого начала своего владения, — читаем мы в журнале капитана Унковского, — он, контайша (имеется в виду джунгарский хунтайджи Цеван-Рабтан; 1697—1727. — *В. Б.*), войска содержит против Казачьей Орды около тридцати тысяч и многих оных казаков повоевал»[63]. Эту опасность можно было устранить лишь «путем укрепления экономических связей с государством, которое должно было стоять на более высоком уровне экономического и культурного развития»[64]. Ряд казахских владетелей, и в частности Абулхаир и его окружение, уже тогда понимали, что таким государством является Россия. Вот почему тема борьбы с джунгарами и просьбы об оказании Россией помощи в этом важном деле не сходит со страниц писем, которые и впредь направляли Каип и Абулхаир российскому

---

[61] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, стр. 167.

[62] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 29.

[63] «Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану Ивана Унковского. «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 2, 1887, стр. 193.

[64] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 53.

правительству. Эта же тема являлась главной в заданиях казахским посольствам, направлявшимся в Россию. Однако казахские господствующие классы захлестывала усобица, борьба за первенство в крае, за ханское кресло, нередко завершавшаяся вооруженными столкновениями. Все это ослабляло Казахстан и в конечном счете, когда хорошо подготовленные в военном отношении джунгары произвели нападение на Казахскую степь, казахи по существу оказались не подготовленными к отпору [65].

Именно на это обстоятельство обратил внимание в мае 1734 г. начальник Оренбургской комиссии И. Кириллов в своем представлении Анне Иоанновне, указав, что когда Старший, Средний и Младший жузы жили между собой в согласии, «то имели во владении своем знатные провинции и городы Туркестан, Сайрам, Ташкент, и иныя к ним принадлежащия местечка...», лежащие вдоль Сыр-Дарьи. Когда же эти жузы «вошли не в согласие, то зенгорской калмыцкой владелец Контайша у них все оные провинции отнял. С той обиды все те киргиз-кайсацкие орды с зенгорскими калмыками в непристойной войне и могли б тех калмык одолеть, ежели б обще согласились, а у них один как с войной пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмык теряют» [66].

В связи с вторжением на территорию Казахстана джунгар для казахов сложилась чрезвычайно сложная обстановка, которая достигла своей кульминации в 1723 г. Как известно, 1723 г. вошел в историю как Актабан шубрунды — Великое бедствие, постигшее казахский народ. «Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, — пишет Ч. Ч. Валиханов, — киргизцы, подобно стадам испуганных сайгаков..., бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда — около Самарканда, Малая — в Хиве и Бухаре... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства» [67].

Заметим, однако, что вторжение джунгар в Казахстан создало чрезвычайно сложную обстановку не только для казахов, но и для волжских калмыков и азиатских владений России. Волжские калмыки, с одной стороны, были заинтересованы в военном союзе с джунгарами для совместной борьбы с казахами. Поэтому они выражали удовлетворение в связи с этим вторжением. Более того, они направляли к джунгарам своих послов, договаривались через них о союзе против казахов; для укрепления связей калмыцкие тайши стремились породниться с джунгарской верхушкой. С другой стороны, победы джунгар над казахами вели к тому, что последние были вынуждены отступать на запад — к Уралу и Волге, а это создавало угрозу для кочевий волжских калмыков.

В то же время вторжение джунгар в казахские степи создавало серьезную опасность для российских территорий в Сибири и препятствовало интересам России в Средней Азии. Джунгарский хунтайджи Галдан-Церен «и так уже несколько городов завладел, и как все в свое владение подберет, тогда России с таким соседом труднее управлятца» [68].

---

[65] Об этом более подробно см. : Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 148—185.

[66] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 107—108.

[67] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Ответ. редактор А. Х. Маргулан. Том I. Алма-Ата, 1961, стр. 427.

[68] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 131.

Сложность обстановки усиливалась еще и тем, что российское правительство оказывало волжским калмыкам помощь в борьбе с казахами, так как Россия не была заинтересована в переходе казахов за Яик. Вместе с тем Россия, вынужденная отстаивать от джунгар далеко протянувшуюся иртышскую линию, должна была в соответствии с указом Петра I от 19 января 1721 г. «не ссориться с калмыками (джунгарами. — *В. Б.*) и даже стараться установить с ними торговлю». Усиление же джунгар за счет обессилевших казахов заставило Петра I уделить серьезное внимание этому вопросу. В связи с этим для получения сведений о событиях за Иртышом к джунгарскому владетелю и был направлен российский посол И. Унковский, прибывший туда в конце 1722 г.[69]

Единственный выход, который видели казахи в этой тяжелой для них обстановке, в особенности обострившейся к 30-м годам XVIII в., было принятие российского подданства. От решения этого вопроса по существу зависела дальнейшая судьба казахского народа, а поэтому ходатайство о принятии подданства становится основной задачей казахских посольств к правительству России и русско-казахской дипломатической переписки. Это знаменовало собой наступление качественно нового этапа в дипломатических отношениях между Казахстаном и Россией.

Значительную роль при решении вопроса о принятии казахов в российское подданство сыграл военный и политический деятель хан Абулхаир, сумевший правильно оценить весьма сложное внутреннее и международное положение Казахской степи, ранее других понять, что устранить угрозу со стороны Джунгарского ханства и прекратить внутренние усобицы можно лишь с помощью военной мощи русского государства в условиях включения Казахстана в состав России. Эта тактическая линия совпадала с интересами России в Казахстане.

Еще в начале 1726 г. в каракалпакских степях состоялась встреча представителя российского правительства муллы Максюты Юнусова с Абулхаиром, в ходе которой шли переговоры о принятии казахами российского подданства. В результате этих переговоров Абулхаир направил в Петербург посольство во главе с Койбагаром Кобековым[70] с задачей добиться «протекции» России, подобно волжским калмыкам. Иначе говоря, перед посольством Койбагара Кобекова ставилась задача добиться разрешения на право кочевок между владениями башкир и рекой Урал, «чтобы был обеспечен свободный проезд в Россию, безопасность от яицких казаков и башкир, а также разрешено было произвести размен пленных в Уфе». Казахи просили возвратить пленных в размен на «российских пленных, которые имеются у них в киргиз-кайсацкой орде». Со своей стороны казахи обещали «служить во всякой верности и по указам ея величества когда наряд имеет быть против каких неприятелей»[71].

Однако миссия Кобекова окончилась неудачно, ибо, как указывалось в решении Коллегии иностранных дел, «пользы, чтоб под протекциею е. и. в. быть, не находится»[72]. Такое решение было связано с

---

[69] А. Шепелев. Указ. соч., стр. 33; Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начало XIX в. М., 1960, стр. 91; В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 210.

[70] М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. ОГИЗ. Госполитиздат, 1941, стр. 120.

[71] В. Лебедев. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5 (78). См. также: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 194, 195.

[72] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1726, картон 1, лл. 38об.—39об.

тем, что принятие казахов в российское подданство повлекло бы за собой «серьезные осложнения во взаимоотношениях с Джунгарией»[73]. Поводом для непринятия условий послужило отсутствие «доказательств о полномочии» посольства[74].

Несмотря на неудавшуюся попытку, «Абулхаир-хан, будучи пред протчими киргис-кайсацкими владельцами гораздо умнее и проворнее, и видя, что оная орда, с одной стороны, ... от зюнгорского калмыцкого народа, а с другой—от башкирцов частые набеги и разорения претерпевает, рассудил искать и просить о принятии со всеми его людьми в подданство Российское» [75]. Он знал, что волжские калмыки и башкиры, давно уже находившиеся в подданстве России, были ограждены от разорительных набегов соседственных владетелей. Абулхаир рассчитывал, что с принятием подданства «он и над зюнгорцами реванш получить возможет» [76], т. е. со временем получить казахские земли, захваченные джунгарами.

30 апреля 1730 г. в Уфу прибыло посольство Абулхаира во главе с Сеиткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым, обратившееся с посланием к Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластным ему народом в российское подданство. В послании Абулхаира обращает на себя внимание тот немаловажный факт, что хан делает упор на весьма напряженные взаимоотношения казахов с башкирами. Это же подтверждается и «кондициями» (условиями) подданства казахов, где указывается, что «башкиры с ними (казахами.—*В. Б.*) ... не мирятся ...» Между Казахской и Башкирской степью имели место существенные противоречия, которые наносили большой ущерб обеим сторонам. Книга Азиатского департамента приводит сведения о том, что много нападений казахов на башкирские земли наблюдалось особенно в 1715 г.[77] Не случайно поэтому Абулхаир правильно, по-видимому, рассчитывал на то, что принятие российского подданства устранит эти противоречия. Характерно, что и в «кондициях» мы встречаем слова: «...Дабы повелено было им (казахам. — *В. Б.*) с оными башкирцами быть в миру и в соединении»[78].

Таким образом, надо полагать, стремление казахов и башкир оградить себя от взаимных нападений (угон скота, лошадей, грабеж и т. п.) явилось также одной из причин, ускорившей решение вопроса о принятии казахами российского подданства. Одновременно с этим Абулхаир рассчитывал в случае принятия российского подданства опереться на могущественную Россию против Джунгарии, расширить торговлю с нею, получить право пользоваться пастбищами между Волгой и Уралом, подавить своих соперников и упрочить свою единоличную власть в Казахской степи. Иначе говоря, в это время «тяга под владычество России имела единственную причину—поиски выгодного сюзерена-покровителя»[79], что являлось благоприятным выходом из тяжелого положения, создавшегося для казахского народа в связи с опасностью извне и внутренними распрями.

---

[73] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 195.

[74] А. Добросмыслов. Сведения о народностях, населявших нынешнюю Тургайскую область до присоединения киргиз Малой орды к России. «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 2.

[75] ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 24. См. также: П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 104.

[76] «Книга Азиатского департамента № 21», л. 78 об. «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 134.

[77] Там же, стр. 144. Имеется в виду набег Абулхаира на Ново-Шешминск.

[78] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 49.

[79] П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 11.

Следовательно, просьбы хана Абулхаира о российском подданстве надо расценивать как его стремление оградить казахский народ от внутренних усобиц и внешней опасности. При этом, однако, не следует упускать из виду весьма важные побудительные мотивы Абулхаира использовать подданство России в корыстолюбиво-эгоистических целях укрепления своей единоличной власти в крае при помощи российского оружия, что шло вразрез с интересами других крупных казахских владетелей, видевших в Абулхаире своего ближайшего соперника и не желавших поэтому его усиления за счет царского правительства. Этим в основном и объясняется сопротивление некоторых казахских султанов, биев и старшин курсу Абулхаира на принятие российского подданства.

Что касается правительства России, то оно прежде всего рассчитывало, что с принятием казахов в российское подданство превратит территорию Казахстана в опорную стратегическую базу для осуществления своей политики на Востоке. Вместе с тем оно имело в виду, что создадутся условия, при которых казахи должны будут выполять различные поручения военного характера. В частности, казахских ханов рассчитывали использовать для подавления башкирских и калмыцких восстаний, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти,—вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов»[80].

В этой связи уместно привести выдержку из донесения И. Кириллова Анне Иоанновне: «Понеже калмыки давно подданные е.и.в. также и башкирцы, а к тому ныне прибыл третий народ киргиз-кайсацкий, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно и, ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргисцов обратить..., а напротив того, буде многие кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцев послать и тако друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск»[81].

Мысли Кириллова перекликаются с высказываниями А. Тевкелева, который в апреле 1733 г. доносил в Коллегию иностранных дел: «А оные киргис-кайсаки, также калмыки и башкирцы, признаваются одного состояния—народ дикой и лехкомышленной, ежели паче чаяния... из них который один учинится российской стороне противным, то можно другие два народа против оного одного противника послать и можно надеяться, что без утруднения к тому российского войска оного противника ими самими усмирить можно»[82].

Российское правительство рассчитывало, что принятие казахов в подданство обезопасит юго-восточные границы России, ибо «они (казахи.—*В. Б.*) в верности себя содержать будут и тамошние подданные (яицкие казаки, башкиры, калмыки.—*В. Б.*) в покое от них останутся, а хотя б того не учинили (т. е. если казахи не примут российское подданство.—*В. Б.*), то иного из того не видно, окроме что по старому будут неприятелями»[83].

Надеялось оно также и на то, что казахи будут обеспечивать безопасность продвижения русских и среднеазиатских торговых караванов и способствовать приведению в российское подданство «соседей

---

[80] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 160.
[81] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 131—135.
[82] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 100.
[83] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 133.

своих хивинцов и аральцов...»[84] Нельзя не учитывать и того, что с включением Казахстана в состав России правительство рассчитывало на возвращение российских пленных и получение обещанной казахскими правителями дани. Следует, однако, учитывать, что дань скорее имела символический, чем номинальный характер, так как в экономическом отношении она никак не влияла на казахов Младшего и Среднего жузов, число которых превышало в то время один миллион человек, а ясак колебался с отдельных властителей от 1000 до 3000 лисьих и корсачьих шкур в год.

2. ПОСОЛЬСТВО А. И. ТЕВКЕЛЕВА И БОРЬБА ФЕОДАЛОВ ВОКРУГ ВОПРОСА О ПРИСОЕДИНЕНИИ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Для сообщения казахам Младшего и Среднего жузов о принятии их в российское подданство и приведения к присяге на подданство России 30 апреля 1731 г. в Казахстан было направлено специальное посольство во главе с А. Тевкелевым, которое после почти трехмесячного пребывания в пути 4 июля 1731 г. прибыло в Уфу. Здесь ему были приданы геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев, несколько башкирских старшин, 60 человек сопровождающих, 200 лошадей и 12 верблюдов[1]. Прежде всего надо было определить более краткий и безопасный маршрут посольства. По этому вопросу советовались со старожилами, хорошо знающими местность и не раз бывавшими в Казахской степи; изыскивали лиц, непосредственно знавших хана Абулхаира, его приближенных и пользовавшихся у них доверием.

7 июля к А. Тевкелеву явился башкир Алдарбай со знатным представителем казахского духовенства, приближенным Абулхаира, Махомет-ходжой. Они сообщили А. Тевкелеву, что Абулхаир находится в районе рек Тургай и Иргиз[2] (по тому времени пять—шесть недель ходу от Уфы) и подтвердили его желание принять российское подданство. В беседах с ними выяснились условия проезда по степи. Для обеспечения безопасности продвижения посольства Тевкелева к Абулхаиру были посланы сын Алдарбая с казахом Росбаем. Они должны были предупредить хана о приезде русского посольства. С этой же целью к Абулхаиру был направлен башкир Кидиряс Моллакаев, который возвратился от него 22 августа. Вместе с ним прибыло четыре представителя от хана Абулхаира и султана Батыра во главе с Сиюндюком[3]. Как сообщил Кидиряс Моллакаев, «Абулхаир-хан безмерно-де радовался», когда ему стало известно о прибытии Тевкелева в Уфу[4].

Уместно отметить, что именно во время поездки посольства Тевкелева к Абулхаиру (и до этого) происходили события, которые могли способствовать ухудшению взаимоотношений между Россией и Казахстаном (имеется в виду ухудшение отношений между башкирами и казахами в связи с набегами друг на друга). 14 июля посланец Абулхаир-хана Кутлумбет Коштаев сообщил Тевкелеву, в частности, что в течение почти полутора лет (1730—1731 гг.) башкиры произвели несколько нападений на казахов, обычно заканчивавшихся угоном большого ко-

---

[84] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 108.

[1] ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 24; «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 3; В. Лебедев. Из истории отношений казахов с царской Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 194; Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 203.

[2] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 208.

[3] Там же, стр. 195.

[4] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 46—47.

личества скота и пленных, причем у Абулхаира и других сторонников русского подданства складывалось впечатление, что эти набеги башкиры совершают по указанию русского правительства. Это вело к частым откочевкам казахов на юг и юго-восток и ослабляло позиции сторонников русского подданства.

Это еще раз свидетельствует о том, что надо было принимать все меры для стабилизации положения в степи, иначе говоря, ускорить принятие в российское подданство казахов, что, бесспорно, должно было ослабить сложившуюся напряженность в отношениях между башкирами и казахами, с одной стороны, и укрепило бы позиции сторонников русского подданства в казахской степи — с другой.

Когда Абулхаиру стало известно от Кидиряса Моллакаева о направлении к нему русского посольства во главе с А. Тевкелевым с целью приведения казахов к присяге на русское подданство, он со своими улусами возвратился в район Тургая и Иргиза. Для встречи и охраны посольства Абулхаир снарядил отряд во главе со своим сыном, султаном Нурали, и зятем, султаном Батыром.

22 августа 1731 г. Сиюндюк передал А. Тевкелеву письмо от Абулхаира, в котором он подтверждал свое согласие принять российское подданство. Обращает на себя внимание следующая выдержка из письма: «Ежели и.в. высокую десницу на нас положит, а мы главы свои преклонять будем, и какую службу на нас положить соизволит, ото всего нашего сердца и со всею душою служить будем. И с помощью божиею махометинском законе знатной бухарской хан Аболфеиз-хан отдался в мою волю. Брат мой хивинский хан Албас-хан отдался в мою же волю. Кочующий по реке Ходже Ченнет-Даряс-Акбатур-бек в мою же волю отдался. Барак-хан, владение ево 4000, город Ташкент, Сири, Торкостан, в наших руках» [5].

Посланец Абулхаира Сиюндюк устно объявил А. Тевкелеву, что хивинский хан, двоюродный брат Абулхаира, и бухарский хан также желают быть в русском подданстве, о чем русский посол донес в Коллегию иностранных дел 26 августа 1731 г.

В ставку Абулхаира А. Тевкелев прибыл 5 октября 1731 г. в сопровождении почетного эскорта и охраны из 200 казахов во главе с султаном Нурали. А. Тевкелеву была представлена специальная кибитка невдалеке от резиденции Абулхаира. 200 лошадей и 12 верблюдов, принадлежавших посольству, определили в ханский табун. К кибитке Тевкелева приставили «тайной караул, чтоб прежде объявления е.и.в. грамоты не допускать с ним, А. Тевкелевым, видеться и прежде желая слышать, что в оной написано» [6]. Поэтому между А. Тевкелевым и Абулхаиром на первых порах были установлены негласные связи, осуществлявшиеся через башкиров Таймаса и Кидряса. По ночам виделись они и непосредственно. В частности, Тевкелев не один раз переодевался в «худое платье кайсацкое» и приходил к Абулхаиру. Последний неоднократно приходил к Тевкелеву.

Во время этих тайных встреч между Абулхаиром и А. Тевкелевым происходил откровенный обмен мнениями, в результате которого выяснилось, что Абулхаир просит российского подданства единолично, без совета с другими ханами, султанами и старшинами. Выяснились и побудительные мотивы, которыми руководствовался Абулхаир.

По мнению Абулхаира, если бы он писал Анне Иоанновне сам без согласия других ханов, султанов и старшин о том, что желает

---

[5] Там же, стр. 45

[6] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 49.

принять русское подданство, то, возможно, Анна Иоанновна и не согласилась бы на это и не направила бы А. Тевкелева к нему. Теперь же, по приезде А. Тевкелева, задача по приведению к присяге казахов должна быть облегчена.

Абулхаир рассказал А. Тевкелеву, что с древнейших времен его предки владели городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими им владениями. Долгие годы велась война между казахами и джунгарами, в результате которой сопротивление казахов было сломлено, большая территория перешла в руки джунгар, много казахов погибло и попало в плен, в числе их находились жена и мачеха Абулхаира. Лишившись упомянутых городов, Абулхаир был вынужден «выехать к кочевым народам киргис-кайсакам»[7].

Как сообщил Абулхаир А. Тевкелеву, казахи находились в состоянии войны с волжскими калмыками, башкирами и бухарцами. По существу, казахи «со всех сторон» были окружены «неприятельми». Ко времени приезда Тевкелева «з Бухарией и Хивою помирились, токмо остались неприятели ево волжские калмыки и оральские башкиры». По мнению Абулхаира, мир с калмыками невозможен, ибо они, как правило, его нарушали. Что касается башкир, то они «без указу е.и.в. с ним, Абулхаир-ханом, миритца не хотят». Чтобы с башкирами и калмыками «быть в миру, а от хонтайши отискивать свою реванж», Абулхаир и направил «своих посланцев просить протекцию российскую»[8].

Касаясь вопроса о принятии российского подданства казахами, Абулхаир просил Тевкелева, чтобы он «не вдруг их принуждал к присяге», а постепенно, причем «сперва же надобно знатных старшин *довольствовать подарками, чтобы они тем умяхчились. А ежели-де* знатные старшины на то склонятся и киргис-кайсацкие народы от старшин отстать не могут»[9]. Причем Абулхаир, во избежание «большого смятения» среди старшин, просил А. Тевкелева до определенного времени не сообщать им о второй грамоте, где говорится о том, что Абулхаир вместе со всеми старшинами и другими ханами желает российского подданства. Таким образом, перед Тевкелевым стояла нелегкая задача — вначале привести в подданство влиятельных старшин, за которыми могли пойти остальные.

Заметим, что не дремали и противники Абулхаира, боявшиеся усиления его единоличной власти. Они не могли ему простить, что при решении вопроса о подданстве он «превысил свою власть». Именно в этом «многие старшины усматривали не только нарушение исконного обычая, но и посягательство на ту политическую роль, которую они завоевали себе»[10].

Как мы уже отмечали, к кибитке А. Тевкелева был поставлен «тайный караул». В ночь с 6 на 7 октября 1731 г., после окончания очередной тайной встречи Абулхаира с Тевкелевым, последний в сопровождении башкира Тоймаса возвратился к себе в кибитку. По просьбе Абулхаира Кидряс Моллакаев проводил его к кибитке. На обратном пути на Кидряса совершили нападение караульщики из числа старшин-противников Абулхаира. Его «били и спрашивали, что не свел ли он переводчика Тевкелева с Абулхаир-ханом»[11]. Кидряс ничего не сказал, до утра находился под караулом и лишь утром 7 октября возвратился к Тевкелеву.

---

[7] Там же, стр. 49
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 213.
[11] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 50.

Через верного человека Абулхаир потребовал от Тевкелева прислать подарки для старшин, на что последний ответил, что это будет сделано лишь после того, как хан «присягу учинит». Хан вторично прислал человека, который сообщил Тевкелеву о необходимости выполнить требование Абулхаира для успокоения старшин «противной партии» [12], которые стали грозить убийством Тевкелева. Последний обещал прислать подарки с грамотой императрицы, после чего старшины сообщили, что ждут русского посла.

В тот же день в десятом часу вечера Тевкелев в сопровождении геодезистов А. Писарева и М. Зиновьева и семи башкирских старшин, «взяв с собой е. и. в. грамоту и жалованье», пошел к кибитке Абулхаира. Перед кибиткой его встретили двое казахов и проводили к Абулхаиру, стоявшему в окружении знатных старшин. Тевкелев передал Абулхаиру грамоту Анны Иоанновны. Русского посла любезно посадили по левую сторону от Абулхаира, после чего первый произнес речь, в которой кратко изложил причину приезда посольства. Русское посольство, по словам Тевкелева, прибыло в Казахскую степь ввиду того, что «понеже ко всепресветлейшей государыне Анне Иоанновне... прислал Абулхаир-хан посланцов своих... с листом своим и с словесным прошением о принятии... хана, со всем... владением в подданство российское, и быть вам с подданными российскими в миру, и... императрица вас, Абулхаир-хана, старшину и все киргис-кайсацкое войско пожаловали, повелели по прошению Вашему в подданство российское принять» [13]. Тевкелев отметил также, что русское правительство надеется, что «хан и все войско казахское будут всегда в непоколебимой верности России себя содержать», как это и положено «верным подданным обыкновенно чинить надлежит». После этого Тевкелеву было велено идти в свою кибитку и ждать.

Из «Журнала» Тевкелева мы узнали, что после его ухода все содержимое, принесенное им, было снесено в одно место, а затем «начали между собой делить». Именно в это время у некоторых старшин, противников Абулхаира, закрепилась идея убить Тевкелева и разделить все привезенное им, а «людей разобрать по себе», о чем рассказал Тевкелеву один из сопровождавших его, присутствовавший при этой сцене.

Тевкелев созвал совет с участием знатных башкир Алдарбая Исекеева, Таймаса Шаимова, Косемиша Бекходжина, Орадая Обозинова, Кидряса, Шиму-батыра Колтечакова, Отжаша Разманкулова, Акамуллу, где шел большой разговор о возможностях предотвращения надвигавшейся беды. Присутствовавшие высказались за то, чтобы обратиться к знатному батыру старшине Букенбаю, крупному скотоводу, ведшему обширную торговлю с Россией [14], его зятю, батыру Исету и двоюродному брату, мурзе Худай-Назару, «которых изо всех старшин лутчия и сильные люди и доброго состояния...» [15]. Довольно полную характеристику Букенбая можно почерпнуть из следующего высказывания А. Тевкелева: «...Господь бог дал мне одного доброго человека, — доносил Тевкелев вице-канцлеру графу А. Остерману

---

[12] Так назывались противники Абулхаира, боявшиеся, что присоединение к России укрепит его единоличную власть и соответственно ослабит их позиции. «Абулхаир-хан,— читаем мы в донесении Тевкелева от 5 января 1732 г.,— желает, чтоб протекциею е. и. в. быть ему самовластным и дети б его понеже были наследниками». «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 201.

[13] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 51.

[14] Там же, стр. VIII.

[15] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, д. 1, л. 90.

5 января 1732 г., — помощника из киргис-кайсацких и знатных старшин, называемого Букенбай-батыром, через которого я себе получил от смерти спасение и его старанием киргис-кайсаков в подданство всероссийское привел. И он, Букенбай-батыр, человек постоянной и умной и доброва сердца...» Судить о Букенбае мы можем и еще по одному замечанию А. Тевкелева: «И он, Букенбай-батыр, объявил мне свою тайность, — сообщал русский посол в Коллегию иностранных дел, — и просил, ежели-де паче чаяния, киргис-кайсацкая орда не состоит в слове и отстанут от подданства всероссийского, то он, Букенбай-батыр, и зять ево, Исет-батыр, и брат ево, Худай-Назар-Мурза, от них, киргиз-кайсаков, отстанут и желают быть под рукою е. и. в. всероссийского».

По приказу главы русского посольства был разыскан Букенбай, при встрече с которым Тевкелев обратил его внимание на то, что он прибыл в Казахскую степь по просьбе хана Абулхаира, что же касается российского подданства, то речь может идти лишь о добровольном его принятии казахами. Если же казахи добровольно не пожелают принять присягу на русское подданство, то они должны «отпустить добрым обычаем» русское посольство домой.

Тевкелев просил Букенбая оказать содействие в приведении к присяге казахов [16]. За это ему было обещано товаров на 500 рублей. Букенбай отказался от подарков, заявив, «что он таких товаров не возьмет, а будет услуги оказывать и без того. Ежели ж возьмет настолько товаров, то будет служить для денег, а не для верности... , за что не сподобится доброй славы...» [17]

9 октября 1731 г. Тевкелев отпустил свой конвой в Уфу («дабы не все погибли») и отправил с ними письмо уфимскому воеводе. Вечером того же дня к нему приехал Букенбай с сообщением о том, что на 10 октября намечается собрание старшин, куда приглашен Тевкелев. Букенбай предупредил, что он со своими сторонниками также будет на собрании «ни до какого зла не допустит». В то же время он просил Тевкелева держаться смело и уверенно. При этой встрече Букенбай тайно принял присягу на российское подданство и обещал «всякие добрые и верные... услуги показывать и к пользе Российской империи всякие добрые способы чинить...» [18]

На следующий день Тевкелева призвали на собрание старшин, на котором он был «спрашиван с великою яростью и гневом, зачем он, Тевкелев, к ним в Киргис-Кайсацкую орду приехал». Тевкелев подробно объяснил присутствующим старшинам цель своего приезда. Когда старшины узнали, для чего приехал Тевкелев, они потребовали от Абулхаира ответа, почему он без их согласия обратился с просьбой о русском подданстве. «Из древних лет, — читаем мы в «Журнале», — имеется обычай, что ханы без совету старшин ничего не повинны чинить, а он то учинил без совету» [19].

В ответ но эти обвинения Абулхаир объяснял, что сделал это для того, чтобы «иметь подданство великого монарха, и желает видеть свету, и лучше от них (старшин. — *В. Б.*) убиен будет, нежели страмно живот терпеть» [20]. Дело в том, что Абулхаир по существу пользовался совершенно небольшой реальной властью. Говоря словами Тев-

---

[16] А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и частью Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 3.

[17] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 52—53.

[18] Там же, стр. 54.

[19] Там же.

[20] Там же.

келева, приводящего в «Журнале» мысли Абулхаира, хан «только имя носит ханское, а воли над подданными никакой не имеет и живет, как между скотом; понеже кто и лошадь имеет в руках, тот об ней промышляет, бережет, во всем охраняет, кормит, когда холодно — покрывает, а замарается — моет, а лошадей же диких в степях, не имеющих оберегателя, люди же бьют и звери ловят. А ныне, подобно тем зверям, он, хан, не имеет себе оборонителя...» [21]

Некоторые старшины «противной партии» высказались, что они не советовали Абулхаиру принять российское подданство, соглашаясь лишь с тем, «чтоб с Россией быть в миру». Тевкелев приехал в степь, чтобы «смотреть киргис-кайсацкого войска, и высмотреть и потом... воевать...», а поэтому «ево, Тевкелева, киргис-кайсаки в Россию живого не отпустят» [22].

В ответ Тевкелев произнес речь, смысл которой мы здесь приведем в кратком изложении: Россия — большое государство, «и такому славному монарху с вами... быть в миру неприлично...», так как она не опасается казахов. Опасаться и стремиться к русскому подданству должны казахи, ибо для них существует серьезная угроза со стороны калмыков, джунгар, башкир, сибирских поселений и яицких казаков. Силой приводить в подданство Тевкелев не собирается, но старшины должны учесть, что в русском подданстве находятся «...царь грузинской..., хан колмыцкой, ...Аликулу-хан мугальской, ...Усмей-хан калпацкой, самовластные же князья кабардинския, кумыцкия, терския, барагунские, аксайския» [23]. Если старшины не хотят принимать подданства — пусть скажут и отпустят посольство.

После Тевкелева выступил Букенбай-батыр и заявил собранию, что «в подданстве российском быть желает». Его поддержали Абулхаир и Исет-батыр. Затем «присягу на алкаране учинили» на российское подданство Абулхаир, Букенбай, Исет, его брат Худай-Назар-Мурза, а за ними 27 знатных старшин [24]. Часть старшин («противная партия»), присутствовавшая на собрании, присягу не приняла.

«Противная партия» грозила Тевкелеву смертью. 5 января 1732 г. Тевкелев доносил вице-канцлеру А. Остерману: «...Три месяца был я почти под саблею, и на каждый день объявляли мне смерть» [25].

15 октября 1731 г. Абулхаир потребовал от Тевкелева большое количество товаров для раздачи «противной партии», «чтоб они больше не умножались и злое намерение оставили...» Однако Тевкелев отказал в этом под предлогом их отсутствия. Через два дня к Тевкелеву приехал Букенбай «для увещевания его», чтобы он не боялся угроз. На это Тевкелев ответил, что он ничего не боится и вряд ли сторонники «противной партии» посмеют его убить. Если же это и произойдет, то за него отомстит «всемилостивейшая государыня императрица всероссийская... и оных... киргис-кайсаков могут по указу е. и. в. всех разорить и досконально их искоренить одними калмыками и башкирами» [26].

---

[21] Там же.

[22] ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 25.

[23] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 54.

[24] А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и частью Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 4.

[25] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, д. 1, л. 90.

[26] Здесь уместно, однако, отметить, что посол Тевкелев несколько преувеличивает свою стойкость и храбрость. Но это вполне закономерно, так как ему хотелось блеснуть перед императрицей и еще раз проявить свои верноподданнические чувства.

На следующий день, 18 октября, Букенбай уехал в свой улус. «Противная партия» росла. Участились нападения на кибитку Тевкелева. «Днем и ночью с великими криками нападать начали и лошадей из табуна отбивали... и всяческим образом делали ему, Тевкелеву, обиды». Тевкелев же кочевал и «стоял с ханами вместе». За воровство лошадей Тевкелева Абулхаир поймал двух казахов, которых «бил и мучил... больно, и скованных держал». Для разрядки обстановки хан 20 октября потребовал у Тевкелева товары, чтобы подарить недовольным старшинам, иначе он не мог гарантировать ему жизнь. Тевкелев вынужден был это сделать, отослав их в сопровождении Таймаза.

А затем события развивались следующим образом.

22 октября к Тевкелеву явился посланник Абулхаира с сообщением о том, что в ночь с 22 на 23 октября ожидается нападение старшин рода Джалбас Баймурата «с великим собранием» на хана и Тевкелева. Тут же к Тевкелеву явился и сам Абулхаир для совета. Направили за Букенбаем, однако он находился на расстоянии трех дней ходу.

К этому времени к стоянке Абулхаира и Тевкелева подошли люди Баймурата, «токмо хан своим двором соединитца с обозом Тевкелева не успел». Для Тевкелева возникла смертельная угроза. Русский посол призвал к себе геодезистов А. Писарева и М. Зиновьева, «всех дворян, конных казаков, солдат и башкиров и собственных своих людей». После этого начались уговоры старшин «поступить мужественно» и так, как «надлежит верным подданным...» России. До поздней ночи были обложены станы Тевкелева и Абулхаира. Баймурат требовал отдать двух задержанных конокрадов и лишь после того, как его требование было выполнено, захватив 15 лошадей, уехал со своими людьми.

После ухода Баймурата обоз Тевкелева соединился с обозом Абулхаира. По указанию Тевкелева находившийся при нем уфимский купец Иван Кормщиков, захватив много товаров, вместе «с некоторыми башкирцами» тайно уехал в Уфу.

Из дневника Тевкелева, который он вел регулярно, мы узнаем, далее, что 3 ноября 1731 г. «противная партия» вновь произвела нападение на русского посла. Всю ночь шел бой, завершившийся убийством представителя «противной партии» Байкора, брата старшины Баби-бея, после чего, отогнав из табуна Тевкелева 17 лошадей и трех верблюдов, нападающие скрылись [27].

5 ноября в ставку Абулхаира и Тевкелева прибыл Букенбай *вместе со своим улусом и братом мурзой Худай-Назаром*. Букенбай заверил Тевкелева, что будет драться с «противной партией» «до капли крови» и присяге своей на верность России не изменит.

В ходе бесед, происходивших между Тевкелевым, с одной стороны, Абулхаиром и Букенбаем — с другой в последующие дни последний заверил посла в том, что он и его сторонники примут все меры для того, чтобы «привести добрым порядком в покой и в тишину» сторонников «противной партии». Тевкелев все время подчеркивал мысль о том, что у России и без казахов хватает подданных и он, Тевкелев, не думает «за ними ходить и их домогатца», что только «ежели сами пожелают», тогда казахи будут приняты в российское подданство и что в конечном итоге сторонники «противной партии» поймут, что они были не правы и «зделали худо». В ответ Абулхаир под-

---

[27] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 56, 59.

твердил, что даже в случае, если вся «киргис-кайсацкая орда будет... противна, и думали б за то его убить досмерти», он все равно не изменит своего намерения принять русское подданство [28]. В особенности укрепилось это мнение Абулхаира после того, как Тевкелев обещал ему помощь и протекцию даже в случае, если казахи и не примут русского подданства. Отметим, что в данном случае, как и во многих других, Тевкелев был неискренен в отношении своих собеседников, так как Россия, как нами уже указывалось, была заинтересована в том, чтобы упрочить свое влияние на огромной территории Казахстана, являющейся важным стратегическим, политическим и торговым пунктом.

В ходе дальнейших совещаний было решено поступать с «противной партией» «добрыми и ласковыми словами», путем увещеваний, что и было поручено Букенбай-батыру.

Между тем происки «противной партии» не прекращались. Особенно это проявилось во время пребывания Тевкелева и Абулхаира на охоте в районе Аральского моря, куда они прибыли 13 ноября 1731 г.[29] Во время охоты, когда Абулхаир ускакал от Тевкелева километров на пять, на русского посла налетел отряд из «противной партии» во главе со старшиной Сырлыбаем, имевший цель убить Тевкелева или захватить его живым. В это время при Тевкелеве находилось «башкирцев 10 человек с сайдаками, 6 человек людей Букенбай-батыря с ружьями, да 2 человека уфимских казаков» [30]. Тевкелеву ничего не оставалось делать, как взять двух казаков-уфимцев и под прикрытием остальных мчаться к обозу, находившемуся примерно в шести километрах. Доскакав до него, Тевкелев направил на помощь своему прикрытию отряд башкир, но помощь пришла тогда, когда отряд «противной партии» уже по существу одолел прикрытие, причем башкир Таймас Шаимов уже был захвачен. Отбить его не удалось.

На следующий день Тевкелев направил в лагерь «противной партии» своего лазутчика султана Нияза с целью проведать их намерения, силу и узнать о судьбе Таймаса. Вернувшись вечером 18 ноября, султан Нияз сообщил, что Таймаса мучили, но он жив. Что касается «противной партии», то силы ее «очень-де много умножатца и в том намерении стоят, что Тевкелева убить досмерти...», сопровождающих его людей взять в плен, а товары забрать. После этого они намеревались направить войска в Уфимский уезд, чтобы разграбить его [31].

15 ноября к Тевкелеву приехал Букенбай с приближенными людьми для совета. Он взял на себя миссию добиваться возвращения Таймаса и попытаться мирным путем успокоить «противную партию». Для этого к ней был направлен его брат мурза Худай-Назар. А через четыре дня, 19 ноября, к Тевкелеву явились люди Абулхаира, потребовав выдачи всех имеющихся товаров для раздачи влиятельным людям «противной партии» с целью их привлечения на свою сторону. «Пожитки-де, — говорил Абулхаир Тевкелеву, — дело наживное, а после смерти человек не оживает» [32]. Правильно оценив обстановку, Тевкелев выполнил эту просьбу Абулхаира после того, как хан вторично прислал своих людей. Абулхаиру было передано «два сундука

---

[28] Там же, стр. 56.
[29] Там же, стр. 57.
[30] Там же.
[31] Там же, стр. 58.
[32] Там же, стр. 59.

и два тая, в которых было собственных его, Тевкелева, пожитков всякого товару на 867 руб...» [33]

21 ноября 1731 г. возвратился мурза Худай-Назар с 30 старшинами «противной партии», которые были приведены к присяге на российское подданство. Эти старшины обещали уговорить Сырлыбая отпустить башкира Таймаса. Уже 24 ноября по просьбе мурзы Худай-Назара Даулбайбеку удалось убедить старшину Сырлыбая приехать к Тевкелеву. Сырлыбай в сопровождении 10 человек привез с собой пленного башкира Таймаса и тут же подтвердил Тевкелеву, что он не является сторонником присоединения к России. Но главное, что побудило его вести борьбу с Тевкелевым, это убийство находящимися при Тевкелеве башкирами его брата. Получив от Тевкелева подарков на 100 рублей, Сырлыбай отбыл к себе.

В это же время произошло событие, которое подняло авторитет Тевкелева в глазах старшин «противной партии» и повысило шансы на приведение их к присяге. Присланный к хану Среднего жуза Самеке посол калмыцкого владельца Черен Дондука имел встречу с Тевкелевым, во время которой в присутствии многих старшин «посланец в похвалу и пользу России говорил, как обретается в подданстве российском и как протекцию е. и. в. от неприятельских нападений охранены бывают...» [34]

В то же время нельзя сбрасывать со счета подрывную деятельность калмыцких владельцев Доржи Назарова и сына его Лобжи, через своих посланцев подстрекавших Абулхаира и всех казахов против российского подданства. Но их деятельность успеха не имела. Абулхаир понимал, что «калмыцкая орда — ветер, а Российская империя — непоколебимый столб...» Он еще раз подтвердил Тевкелеву, что от России «до смерти своей руки не оторвет, и до капли своей крови служить будет верно, и присягу свою не повергнет...» [35]

Характерно, что 21 мая 1732 г. Абулхаир в письме к Анне Иоанновне о подстрекательстве казахов против России со стороны калмыцкого владельца Доржи сообщал, что он отказал последнему в помощи в его борьбе с Россией. Абулхаир подчеркивал, что всегда будет оказывать помощь русскому государству в борьбе с его врагами: «...Я, Абулхаир-хан, — читаем в его письме, — со всем владением своим, з беками и батырами своими Вашему и. в. о пребывании в верном подданстве присягали в такой силе, что Вашего и. в. с приятельми приятство иметь, а с неприятельми — неприятельски поступать» [36]. Вместе с тем калмыцкие посланцы были отосланы обратно с ответом, что «Абулхаир-хан воевать российских городов и Черендондуковых калмык войска не даст, и сам не пойдет...», ибо Доржа и Лобжа изменили России. Абулхаир ставил их в известность, что если русское правительство распорядится «калмыцких владельцев воевать», Абулхаир мобилизует все силы, чтобы выполнить это распоряжение [37]. Такой ответ вполне логичен. Абулхаир был заинтересован в укреплении своих позиций в России, с одной стороны, и ослаблении калмыков — с другой.

В 20-х числах ноября 1731 г. Тевкелев через башкира Кошана Рахманкулова получил сведения о происках хивинского посланца про-

---

[33] Там же.
[34] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 60.
[35] Там же, стр. 73—74.
[36] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, д. 1, л. 145.
[37] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр.75, 88, 90.

тив русского подданства в стане султана Батыра, считавшего, что принятие русского подданства усилит власть Абулхаира. Его же активно поддерживали калмыцкие князья, кочевавшие между Уралом и Волгой. Нужно было принять меры к тому, чтобы склонить султана Батыра к российскому подданству, хотя «Батыр-султан, — как говорил Букенбай, — не гораздо склонен к российской стороне...» Речь в данном случае шла о том, чтобы «хотя не для верности, но чтоб не пристал к противной партии» [38]. И Тевкелев и Букенбай хорошо понимали, что в первую очередь надо было склонить на свою сторону влиятельных лиц.

3 декабря 1731 г. по приглашению Тевкелева к нему прибыли султан Батыр, сын Абулхаира, султан Нурали и батыр Букенбай. Батыр, получив подарки, присягнул на верность России [39]. На следующий день Тевкелева пригласили на обед к «доброжелательному старшине» батыру Кара, на котором присутствовали хан Абулхаир с зятем (султан Батыр) и сыном, Букенбай и многие старшины «ханской партии», которые заверили Тевкелева в том, что они примут все меры для приведения к присяге казахов Младшего жуза.

Знаменательно, что слух о пребывании Тевкелева в Младшем жузе разнесся по всей степи. Об этом стало известно и каракалпакскому хану Гаипу, от которого 9 декабря прибыло посольство в составе восьми человек с грамотой. В грамоте говорилось: «...Понеже мы, каракалпацкой Гаиб-хан и главной духовной Мурадшейх уведомились, что киргис-кайсацкие ханы и старшины приняли подданство всероссийское, также и они желают быть в подданстве ж е. и. в. и для договора с вами отправили посланцев своих» [40]. А 12 декабря каракалпацкое посольство, уполномоченное ханом Гаипом на принятие русского подданства, подписало «на особливом листе» присягу на верность и подданство России. 4 марта 1732 г. Тевкелев сделал следующую запись в своем дневнике: «...Приехал каракалпакской старшина Оразак-батыр, который был послан от переводчика Тевкелева к аральскому народу чтоб их склонять в подданство российское быть, которой переводчику Тевкелеву объявил тако: он, Оразак-батыр, аральского Шатермир-хана и аральских народов быть в подданстве российском склонил и пришлютца-де от них, аральцев, к нему, Тевкелеву, посланцы».

О стремлении к русскому подданству каракалпаков свидетельствуют и такие данные. 25 июня 1732 г., например, к Тевкелеву «из верхней Каракалпакской орды приехал знатной духовной Улан-ходжа, которой хивинского хана тесть родной» и «объявил, что и они желают быть в подданстве российском», для чего он намеревался поехать в Москву [41].

В это же время предпринимаются некоторые шаги по приведению к присяге на русское подданство среднеазиатских ханств. В частности, 17 декабря 1731 г. к Тевкелеву прибыл Абулхаир с сообщением о его намерении направить своего сына султана Нурали к хивинскому хану Эльбарсу с предложением принять русское подданство «с подданными своими, и договориться о комерции, дабы как российские купцы в Бухарию, так и бухарские в Россию через кир-

---

[38] Там же, стр. VIII, 60.
[39] Там же, стр. 61.
[40] Там же, стр. 61.
[41] Там же, стр. 62, 68, 95. Еще в 1722 г. каракалпакский хан Ишим-Магомет направил посольство в Петербург. См.: И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 175.

гизскою орду с караванами ездили свободно» [42]. Тевкелев возразил Абулхаиру, что торговать через Казахскую степь почти невозможно из-за постоянных разорительных набегов «разбойничьих шаек», которые «страху от ханов не имеют». Русский посол высказал предположение, что добиться безопасной торговли через Казахскую степь можно тогда, когда у впадения Ори в Яик будет построена крепость, в которой хан и его приближенные от всех казахских родов будут зимовать, а в его распоряжении будет соответствующая вооруженная сила, в результате чего «киргис-кайсаки будут находиться в немалом страху». Эту идею «хан принял за благо» и обещал «к тому старшин... склонять» [43]. А 19 декабря Нурали отбыл в Хиву с целью, как говорил Абулхаир, «что может-де быть, паче чаяния е. и. в. то и учиница, а ево в том будет услуга» [44].

Отметим, однако, что к этому времени в хивинском ханстве «сложилась крайне неблагоприятная обстановка для приведения к российскому подданству хивинцев и что здесь определилась враждебная позиция хивинских старшин как в отношении Абулхаира, так и в отношении России» [45]. Не случайно Нурали и сопровождавшие его лица были встречены враждебно в Хиве, «и отъехал сын Абулхаир-хана ис Хивы со озлоблением без всякого довольствия». Поведение хивинцев вызвало неудовольствие у Абулхаира, который в беседе с Тевкелевым заявил, что «он-де за ту злобу будет с хивинцами воеватца» [46].

И действительно, 17 апреля 1732 г. Абулхаир направил султана Нурали к аральскому хану с заданием уговорить его выставить объединенные вооруженные силы против Хивы, а 19 апреля послал курьера в Хиву с письмом, которое приведем здесь полностью, ибо оно проливает свет на некоторые детали взаимоотношений Казахстана с Хивой, на личность Абулхаира, выступающего здесь полновластным сюзереном, претендующим «на изъявление покорности хана хивин-

---

[42] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 96.

[43] В. Лебедев. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 188. Отметим, что именно Тевкелеву принадлежит идея построения города у впадения Ори в Урал, а не Абулхаиру, как утверждают некоторые исследователи. Абулхаир лишь поддержал эту идею, а затем уже неоднократно выступал с просьбами о построении этого города. В своем донесении в Коллегию иностранных дел Тевкелев следующим образом обосновывает свою идею строительства упомянутого города: «...На устье реки Орь всеконечно надобно зделать фортецию для того, что киргис-кайсаки аманатов давать на Уфу детей старшин отказали. А как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят, яко судьями у киргис-кайсацких дел, в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политичных аманатов и киргис-кайсаком пакости делать российским подданным будет невозможно, понеже оная крепость будет им, кайсакам, великий страх, а российским подданным превеликое охранение. И ежели оная крепость построена будет, то в Бухару, в Хиву, в Ташкент и Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани, понеже устье реки Орь от города Уфы растоянием 550 верст, а Хива от того же устья 600 верст, а до Бухар от того же устья 800 верст. И дорога зело способная, воды довольные, о чем впредь объявлено будет в лантхарте. См.: АВПР, ф. 122, 1733, д. 1, л. 158 об. «Казахско-русские отношения в XVI—веках», стр. 96. «Из оной же крепости до Хивы, — писал в другом месте А. Тевкелев, —каравану ходить гороздо способнее, нежели из Астрахани, понеже в пути вод и дров довольно получить можно всегда, и ездить надлежит в лете в сентябре месяце, а не зимою; а из Астрахани за безводием в степях всегда караваны ходят зимою». См.: АВПР, ф. 122, 1733, д. 1. л. 158 об. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 101. Таким образом, по мнению Тевкелева, крепость должна была стать экономическим, политическим и стратегическим пунктом России.

[44] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 62—63.

[45] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 217.

[46] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 68.

ского как своего наместника», и его отношение к России. Письмо это — «одна из страниц в истории отношений с Хивинским ханством в первой половине XVIII века» [47].

«В прошлом 1731-м г. декабря... отправил сына своего Нуралисултана к вам в Хиву объявить, что я, Абулхаир-хан, с своею ордою принял подданство российское, чтоб и Хивинская речь посполита приняла подданство российское, может-де быть е. и. в., по прошению моему, прежнюю вину вашу отпустить соизволит, також-де договоритца о комерции. И вы, Хивинская речь посполита, не токмо по тому моему письму (имеется в виду грамота Абулхаира, направленная с Нурали 19 декабря 1731 г. — *В. Б.*) не учинила исполнение, но всякую противность сыну моему и образу показали. Також-де двух человек, которые были с сыном моим, содержали в Хиве под караулом. И хотя б вы российское подданство и не приняли, токмо б моему сыну тяжкой обиды и противности показать вам не надлежало понеже моей добродетели и вам зело много, ибо когда пришел было вам последней гонец от аральского хана, но я вас освободил и всякое спомоложение чинил, в чем вы обещали мне и присягали тако: пока я жив слушать мои указы, а своего хана почитать яко наместником моим. А ныне то все позабыли, и стали делать мне всякие противности. И понеже через сие вам объявляю, что отправил я сына своего, соединяясь с аральским ханом, воевать вас, хивинцов, а потом дожидайтесь и меня на себе войною в нынешнем, 1732 г., в сентябре месяце [48].

Заметим, однако, что поход этот, как и следовало ожидать, оказался неудачным. Хивинцы, узнав о планах Нурали, подкупили знатного аральского старшину Аныш-Абыза, чтобы «сыскав способ, Абулхаир-хана сына и киргис-кайсацкую старшину назад возвратил». Им удалось поссорить казахских старшин с аральцами. Казахские старшины, сопровождавшие Нурали, ушли обратно, оставив Нурали у аральского хана Шатемира, где он жил четыре месяца и возвратился назад 27 октября 1732 г. [49].

Вернемся, однако, к посольству. 15 декабря 1731 г. Тевкелев, Абулхаир. и Букенбай направили в Средний жуз, который «пред Меньшою ордою гораздо людняя и богатее» [50], и его хану Самеке послов с подарками и предложением принять российское подданство, откуда они возвратились 25 декабря. Между ними и ханом Самеке имели место длительные беседы, в которых Самеке высказал свою обиду на Абулхаира, без согласования с ним сообщившего русскому правительству о желании принять российское подданство всем казахским народам. Несмотря на эту обиду, Самеке в принципе был за российское подданство. Он подчеркнул, что «желает быть в подданстве всероссийском», но «не по совету Абулхаир-хана, но сам своим желанием». Тем самым он проявил свое понимание значения этого события для казахского народа. Во время одной из бесед Самеке «присягал быть в подданстве российском, написав письмо, приложил свою печать и обязался из Средней орды из своего владения отправлять через посланцов своих ясаку в Москву...» [51] Самеке обещал встретиться с Тевкелевым в мае 1732 г., но встреча эта не состоялась из-за вновь возникшей опасности для Среднего жуза со стороны Джунгарии.

---

[47] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 26.

[48] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 71—72.

[49] Там же, стр. 79—80, 89.

[50] Там же, стр. 581.

[51] Там же, стр. 64.

5 января 1732 г. Тевкелев направил в Государственную коллегию иностранных дел клятвенные обещания о верности России ханов Абулхаира и Самеке, султанов Барака и Нуралы, ханши Пупай и представителей Каракалпакии. Отметим, однако, что подданство Самеке было чисто номинальным. «А брат мой Шемяки-хан, — писал Абулхаир Анне Иоанновне, — Вашему и. в. противится и с Среднею ордою соединился, а я ево в состояние привести не могу...» [52]

Уже в мае 1732 г. к Тевкелеву приехал старшина Среднего жуза Чакчак Букенбай-батыр с приглашением приехать в Средний жуз для встречи со старшинами [53]. Тевкелев отаказался поехать под предлогом дальности и отсутствия лошадей («езды недели 2 или 3, и ехать не на чем...»)[54]. Посланец хана Самеке сообщил Абулхаиру о том, что на Средний жуз движется 30-тысячное джунгарское войско. Абулхаир «послал по всем своим улусам, чтоб о том киргис-кайсацкие старшины ведали и были б готовы» к встрече противника. Чтобы получить более точные сведения «где хойтайшино войско, и сколько их, и хто при войске главным, и вред киргис-кайсакам не учинил ли...», Абулхаир 26 июля направил в Средний жуз своего представителя Акжигита. Акжигит возвратился назад 16 августа и доложил о сражении, которое произошло между казахами Среднего жуза и джунгарами, насчитывавших примерно семь тысяч человек. В результате сражения в плен к джунгарам попало 20 кибиток [55] казахов «да несколько лошадей...». По сведениям же, поступившим к Тевкелеву от верных ему башкир, в плен к джунгарам попало «200 кибиток с 6000 лошадей да 10 000 овец».

Чакчак сообщил, что «ныне у них собрание всенародное не будет...», ввиду того, что «от хунтайши-де идет на них войско — и для такой притчины всякой будет свой улус беречь...» [56]

Тевкелев получил сведения и о подстрекательских действиях в Среднем жузе посланцев упомянутых выше калмыцких владетелей. После бесед с Тевкелевым Чакчак убедился в том, что нельзя сравнивать «калмык с Российскою империею» ни по количеству населения, ни по обширности территории, ни по силе. Поэтому Чакчак обещал принять меры по изоляции калмыцких подстрекателей и склонять «в подданство российское» казахов Среднего жуза.

В это время давали уже о себе знать первые признаки разложения в среде старшин «противной партии». Часть из них утратила в себе решимость бороться до конца против присоединения к России, так как стала понимать, что только Россия может их защитить от внешней опасности. Некоторые были сторонниками немедленного перехода на сторону «ханской партии». Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Взять хотя бы то, что 7 февраля 1732 г., например, к Абулхаиру и Тевкелеву приехал сын старшины Баба-бея Акча с шестью товарищами и сообщил, что «они пришли на истинную дорогу, от злаго намерения отстали, и отправили-де их старшина вся войска противная с повинною...» [57] Иначе и быть не могло. Наиболее

---

[52] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, д. 1, л. 145 об.

[53] В. Лебедев. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 208.

[54] «А паче Тевкелев затем не поехал,— читаем мы в «Журнале» Тевкелева,— что башкирцы уфинские, Средней орды киргисцов, которые приехали отгонять лошадей, порубили досмерти с 30 человек». См. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 76.

[55] Там же, стр. 76.

[56] Там же, стр. 74.

[57] Там же, стр. 66.

дальновидные из старшин «противной партии» слишком хорошо отдавали себе отчет в том, что отказ от принятия российского подданства может поставить на карту вопрос о самом существовании казахского народа ввиду непрекращающейся опасности со стороны джунгар.

Между тем, несмотря на разброд и шатание среди старшин «противной партии», их происки против Тевкелева и Абулхаира продолжались, Тевкелеву поступали все новые сообщения об их подготовке к нападению на лагерь русского посла с целью умерщвления его и хана Абулхаира. Через батыра Тюлебая 4 февраля 1732 г. стало известно, в частности, о состоявшемся собрании старшин «противной партии», которые «имели-де между собою совет, как с переводчиком Тевкелевым поступать». Мнение присутствовавших разделилось: часть склонялась к тому, чтобы его убить, другая часть — оставить в живых в силу того, что убийство его могло повлечь за собой серьезные осложнения с Россией, с одной стороны, и решение многих старшин принять российское подданство — с другой, тем более что на май месяц 1732 г. было назначено общее собрание старшин по этому поводу.

В лагере Абулхаира и Тевкелева стали готовиться к вооруженному отпору старшинам «противной партии». 9 февраля «старанием Букенбай-батыра» в ставку Тевкелева из Каракалпакии возвратились башкиры в составе 160 кибиток, предки которых были захвачены в плен каракалпаками еще в 70-х годах XVII в.[58] В результате у Тевкелева «стал немалой кураж, понеже люд оружейной и дельной — на конь сядут с 300 человек». 13 февраля 1732 г. было получено сообщение от Букенбая, согласно которому «противная партия» направила якобы к Тевкелеву «100 верблюдов, 300 человек людей, и хотят взять обманом Абулхаир-хана и ево, Тевкелева, и убить, и чтоб от того предостерегался»[59]. Во избежание столкновения с «противной партией» Абулхаир вместе с Тевкелевым 14 февраля откочевал от острова Каратюпа «за залив Оральского моря к стороне российской». Заметим, что к этому времени у Тевкелева все лошади и верблюды были угнаны, и ему для передвижения последние были предоставлены Букенбаем.

Но откочевка не устранила угрозу нападения. 6 марта к Тевкелеву прибыли сторонники присоединения к России братья Кара-батыр и Баимбет-батыр с сообщением о том, что к ставке русского посла движутся старшины «противной партии» Баба-бей, Бабаджан, Тумабей, Исмамет-бей, Утегул-бей, Байжан-бей, Малыбай-бей, Утеп-батыр, Акча-батыр, Сартай-батыр «со многими кайсаками». И хотя батыры, прибывшие к Тевкелеву, не знали, с какой целью направлялись представители «противной партии», встала необходимость быть настороже. На следующий день, 7 марта, к нему же приехали Букенбай и Исет. После совета с ними было решено принять меры по установлению причин продвижения сторонников «противной партии», а затем уже в зависимости от их целей принимать те или иные действия. Об этом же было сообщено Абулхаиру.

9 марта сторонники «противной партии» Баба-бей и Джантумабей со своими людьми подошли к кочевьям Абулхаира и остановились неподалеку от обоза Тевкелева. К Тевкелеву направили двух представителей «противной партии», потребовавших выдачи башки-

---

[58] Там же, стр. 96.
[59] Там же, стр. 66, 67.

ра, застрелившего Байкара, брата Баба-бея. Тевкелев ответил отказом, мотивируя тем, что он был убит во время нападения на русский обоз. Ввиду этого с 19 марта сторонники «противной партии» блокировали обоз Тевкелева, «по воду и по дрова не выпускали, стерегли кого б поймать...» А 21 марта они произвели нападение на башкир, бой длился до утра, пока на помощь не пришли люди Букенбая. Нападавшие отступили, оставив трех раненых и захватив 46 башкирских лошадей. Но тут же Тевкелев добился примирения, раненые были отпущены, сторонникам «противной партии» «за все нанесенные им обиды» было заплачено 347 руб. 56 коп., ими же было возвращено 35 лошадей, «а 11-ть... удержали за своих раненых лошадей» [60].

Но успокаиваться было еще рано. События развивались так, что, с одной стороны, увеличивалось количество сторонников русского подданства («ханская партия») за счет сокращения приверженцев «противной партии»; с другой стороны, «противная партия» не упускала своих позиций и все еще контролировала поступки значительного количества казахов. Если период с марта по май месяц 1732 г. прошел без прямых столкновений представителей «противной партии» с Тевкелевым и «ханской партией», то в мае и в последующее время угроза для русского посольства усилилась. 30 мая к Абулхаиру прибыло двое представителей «противной партии» с требованием выдачи Тевкелева; в противном случае они угрожали, что «приедут собранием, ево, Тевкелева, возьмут от Абулхаир-хана сильно, а его самово (Абулхаира. — *В. Б.*) убьют». Против этих двух посланцев Абулхаир предпринял репрессивные меры, «взял под караул и сковал в железы, и держал». Один из них был отпущен. Ему было наказано сообщить «противной партии», «если они хотят умереть, то б они к нему, Абулхаир-хану, приехали, а переводчика Тевкелева он им, противным кайсакам, пока жив будет, в руки не отдаст. А ежели оные противные кайсаки от злаго намерения отстанут и придут к Абулхаир-хану с повинною, то они, противные кайсаки, будут от него, Абулхаир-хана, награждены и причтены з добрыми кайсаки» [61].

9 июля 1732 г. из Уфы приехал мурза Худай-Назар, сопровождавший возвращавшихся из Казахской степи башкир, и доложил старшинам, что «хто е. и. в. служит верно, тот по высокой милости забвению предан не бывает, как-де и он за свою службу высокую е. и. в. милость от уфинского воеводы господина Кошелева награжден довольно...», а также и о том, что «российской народ доброй, во обхождении зело приятной, и в городе Уфе гарнизон сильной, коных и пеших воинов будет тысяч 20». Казахи «от него оные... услыша и от того времени не токмо доброжелательные во благодеянии, но и противники стали быть слабее» [62]. Это событие в какой-то степени укрепляло позиции сторонников российского подданства.

Между тем 29 августа к Тевкелеву явилось два представителя «противной партии» Среднего жуза с сообщением о том, что люди посла отдельно от него отпускаться не будут, а лишь вместе с ним. Нетрудно догадаться, что «противная партия» исходила из тех соображений, что если будут отпущены люди Тевкелева, то ему будет гораздо легче уйти из Казахских степей и тем самым спасти свою жизнь. Она ставила также перед собой цель по возникновении соответствующих подходящих условий заманить русского посла в Средний

---

[60] Там же, стр. 69.
[61] Там же, стр. 75.
[62] Там же, стр. 76.

жуз и умертвить. Если же, рассчитывали они, Тевкелеву какими-нибудь путями удалось бы выбраться в Россию, то «за учиненные ему великие обиды» «взаимно-де от российских подданных будут чинитца им (казахам. — *В. Б.*) обиды ж и разорения; или после-де и сам он, Тевкелев, придет на них войною!...» Вот почему «противная партия» считала, что «надлежит ево (Тевкелева. — *В. Б.*) убить» [63].

Для Тевкелева это не являлось неожиданностью, и он решил посоветоваться с влиятельными лицами Младшего жуза, в частности с Букенбаем. Букенбай поставил в известность русского посла о том, что он принимал, принимает и будет принимать все зависящие от него меры для недопущения убийства Тевкелева и приведения к присяге на русское подданство сторонников «противной партии». И это были не только слова. В результате активной деятельности Букенбая посланцы Среднего жуза взяли свое требование обратно и пригласили Тевкелева с его людьми в Средний жуз, где посол «сам сможет их в подданство привести...» «Но Тевкелев, не имея твердой надежды, что народ лехкомыслен, и самовольно чрез волю доброжелательных плуты свое хотение учинить могут, а паче по причине убийства башкирцами киргисцов 30-ти человек, ехать опасался» [64].

Однако обстановка все больше обострялась. 1 октября 1732 г. в Казахскую степь прибыл Болюк, представитель мятежного калмыцкого правителя Доржи Назарова и сына его Лобжи, который стал подстрекать казахов объединить силы против верных России калмыцких правителей Черен Дондука и Лекбея и всячески препятствовать принятию казахами российского подданства. Он обещал представителям «противной партии» многочисленные подарки. Такое поведение калмыцкого подстрекателя явилось поводом для усиления антирусских и антиханских проявлений «противной партии». Достаточно отметить, что они «стали возмущать всю киргис-кайсацкую орду, и востали на Абулхаир-хана, и на Букенбай-батыра, и на Исет-батыра и на прочих доброжелательных старшин» [65]. Дошло до того, что сторонники «противной партии» объявили хану Абулхаиру, что в случае, если он «упустит Тевкелева», его ждет смерть. «И Абулхаир-хан от страху не знал, что делать».

Русскому послу были созданы почти невыносимые условия. Сторонники «противной партии» «приставили... подсматривать... Тевкелева накрепко, чтоб он не ушол и письма б ни с кем не писал». Они же направили гонцов по Младшему и Среднему жузам с заданием собрать 20 000 воинов для соединения с калмыцким владетелем Лобжою «воевать тех, хто ему будет неприятель».

Чтобы как-то наладить свою связь с Россией, Тевкелев искал подходящую оказию. Найдена она была через батыра Букенбая в лице купца Уфимского уезда казаха Чавбарса Касболатова. Через башкира Таймаса Касболатов был поставлен в известность о намерении направить его в Уфу в качестве связного Тевкелева. Получив согласие, Тевкелев передал ему письмо на имя уфимского воеводы, в котором последний информировался о положении в степи. Несмотря на то, что Касболатов был задержан и обыскан старшинами «противной партии», письмо не было найдено, так как оно было спрятано в молитвенник. Заметим, кстати, что по получении в Петербурге сведений о тяжелом положении посольства Тевкелева в Казахской степи, Коллегия иностранных дел считала уже дело с принятием казахов в под-

---

[63] Там же, стр. 77.
[64] Там же, стр. 78.
[65] Там же, стр. 79.

данство России проигранным и направила уфимскому воеводе 1000 рублей для выкупа Тевкелева [66].

К этому следует прибавить, что прибывший к Тевкелеву 19 октября Абулхаир сообщил послу о приезде в степь нового посланца калмыцкого владельца Лобжи, который убеждал Абулхаира не верить «обманным и прелестным словам Тевкелева». Абулхаир и Букенбай потребовали от посланца Лобжи не только покинуть пределы Казахской степи, но откочевки «со всеми улусами назад за Яик, пока он цел, а блиско б к кайсакам не приезжал; а ежели-де назад не поедет, но еще будет возмущать, то он, Букенбай-батыр, прямо будет ево разорять» [67].

Прибывшие 15 ноября к Тевкелеву посланцы от калмыцкого хана Черен Дондука [68] во главе с Монхончи и от его приверженца владельца Лекбея во главе с Махолаем привезли обнадеживающие новости. К этому времени положение хана Черен Дондука сильно упрочилось благодаря приходу в Калмыцкую степь значительного числа русских солдат во главе с князем Борятинским [69]. Могуществу антирусской партии и ее вдохновителю Доржи Назарову был нанесен серьезный удар. Эти сообщения не могли не отразиться на поведении «противной партии», приверженцы которой все чаще переходили на сторону «ханской партии». Положение сторонников русской ориентации упрочивалось.

Но все это еще не означало, что Тевкелеву можно было торжествовать победу. Наоборот, все еще существовала серьезная угроза самой его жизни. Взять хотя бы то обстоятельство, что с 5 по 17 ноября 1732 г. старшинам «противной партии» удалось сколотить четырехтысячный отряд, численность которого умножалась. Во главе этого отряда встал неоднократно упоминавшийся нами зять Абулхаира, сын хана Каипа, султан Батыр, добивавшийся убийства Абулхаира и признания себя ханом. И хотя Абулхаира упорно поддерживали батыры Букенбай и Исет, а также старшины, сторонники «ханской партии», обстановка продолжала оставаться напряженной.

Все осложнилось тем, что, как сообщил казах Есенбай 17 ноября 1732 г., башкирский отряд, состоявший из 1000 человек, произвел нападение на улусы Среднего жуза, пленил «человек со 100 и 2000 лошадей, да 40 человек убили досмерти...» [70] Ввиду этого из Среднего жуза прибыло 5 представителей и потребовали от старшин «противной партии», «чтоб Тевкелева как можно под крепким караулом содержали, пока придет войско из Средней орды, понеже башкирцы Среднюю орду немало разорили» [71]. Об этом немедленно было сообщено Абулхаиру и Букенбаю.

В этот же день Абулхаир прибыл к Тевкелеву и между ними состоялась длительная беседа, в ходе которой Абулхаир высказался в том смысле, что если приедут казахи из Среднего жуза «и какую пакость учинят над Тевкелевым, то оное худое имя останетца на него, Абулхаир-хана»; Тевкелева во что бы то ни было следует немедленно отпустить в Россию; у Абулхаира при всей его преданности России

---

[66] А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и частью Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 4.

[67] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 79.

[68] Ханское звание Черен Дондуку присвоено специальной грамотой Анны Иоанновны в 1732 г.

[69] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 80.

[70] Там же, стр. 81, 83.

[71] Там же, стр. 81.

нет сил и средств унять «вольной и дикой киргис-кайсацкой народ». Абулхаир просил Тевкелева донести императрице о верности хана; что «инако не можно сию орду привести в состояние, кроме того, что надобно всех противных старшин искоренить и иных переказнить, а иных послать в дальние городы; не токмо оных старшин, но и зятя своего, Батыр-салтана, в руки отдаст...»[72] Хан акцентировал внимание на необходимости устранения старшин и старшего поколения—противников русского подданства и ориентировки на султанов—представителей молодого поколения, сторонников «ханской партии».

Хан напомнил русскому послу об идее строительства города-крепости в устье Ори. В знак своей верности России Абулхаир выразил согласие направить в Москву своего сына султана Ерали и внучатого брата султана Нияза в качестве посланников. Абулхаир изъявил желание ежегодно «посылать к е.и.в. по одному своему сыну» и «всепокорностно исполнять» волю русского правительства, не имея «никакого отговорку».

Узнав о событиях, происшедших в Среднем жузе в связи с нападением башкир, 20 ноября к Тевкелеву приехал Букенбай, который согласился с тем, что «ежели-де из Средней орды приедут многолюдно, то-де будет не без затруднения спасать его, Тевкелева»[73]. Букенбай, одобрил мнение Абулхаира о необходимости отправки Тевкелева в Россию вместе с сыном и внучатым братом хана. Он же дал согласие отправить вместе с Тевкелевым племянника и дать в провожатые до Уфы своего брата Худай-Назара.

Обстановка накалялась еще и потому, что как раз в это время башкиры произвели новое нападение на казахов, закончившееся тяжелыми ранениями нескольких казахов. Если бы об этом стало известно старшинам «противной партии», Тевкелеву было бы трудно возвратиться назад. Не случайно, что, когда Абулхаиру и Букенбаю стало об этом известно, они приняли меры к тому, чтобы эти сведения не были разглашены, «чтоб не было б отъезду Тевкелева наше помешательство от кайсаков»[74].

Не лишним будет отметить убежденность Абулхаира в том, что в конечном итоге все казахи примут русское подданство. «Киргис-кайсаки,—говорил он неоднократно Тевкелеву,—прежде люд был вольной и ни от кого страху не имели, и в подданство ни у кого не были, для того-де они делают пакости; а протчие киргис-кайсаки есть многие добрые люди, а года два или три придут все в подданство...»[75]

Сведения о готовящемся отъезде Тевкелева просочились в ряды старшин «противной партии». 21 ноября 1732 г. собралась большая толпа казахов во главе с Тянгри-Бирдеем и просила Абулхаира «держать Тевкелева крепко, чтоб он не ушол». Более того, они потребовали выдать Тевкелева «и которые при нем есть башкирцы» в Средний жуз и держать их там до тех пор, «пока башкирцы возвратят их, киргис-кайсацких, ясырей». Толпа, подстрекаемая «противной партией», угрожала Абулхаиру смертью в случае, если Тевкелев будет отпущен в Россию «без ведома всей киргис-кайсацкой орды...» Обо всем этом Абулхаир сообщил Тевкелеву, предупредив его ни в коем случае не идти к толпе, а послать башкира Таймаса.

На следующий день, 22 ноября, Абулхаир представил Таймаса собранию старшин, на котором ему предъявили счет о потерях. Они

---

[72] Там же.
[73] Там же, стр. 82.
[74] Там же.
[75] Там же, стр. 82—83.

заявили, что Тевкелев будет задержан до тех пор, пока не будут возмещены потери и возвращены пленные. По требованию собрания Таймас должен был выехать в Уфу и обо всем этом сообщить русской администрации. Таймас ответил, что Тевкелева он не оставит. Что касается набегов башкир на казахов, то не одни только башкиры в этом виноваты. Казахи сами неоднократно производили нападения, причем не только на башкир, но и на русских. Он напомнил, в частности, присутствующим о нападении казахов на русский торговый караван во главе с полковником Гарбером, о пленении казачьих жен и 16 детей в Яицком городке, об убийстве почти 40 башкир, угоне шести тысяч лошадей, о продаже казахами в рабство башкирских детей на невольничьем рынке в Хиве и т. п.

Таймас потребовал от собрания отпустить Тевкелева в Россию, чтобы не привести «такого великого и в свете славного монарха е. и. в. в великой гнев». В таком случае «всей киргис-кайсацкой орде спасатца будет трудно». Однако собрание не поддалось нажиму Таймаса и продолжало требовать от Абулхаира не отпускать Тевкелева. На это Абулхаир отвечал, что все казахи и он, Абулхаир, в частности, являются российскими подданными и не к лицу им выступать против России. Поэтому он не будет держать Тевкелева и отпустит его вместе со своим сыном. В случае же, если его, Абулхаира, убьют, «то-де останутца ево дети, а хотя и детей ево всех побьют, то-де останетца сын ево, который посылается ко е. и. в. с Тевкелевым, а высокою протекциею... императрицы ево, Абулхаир-хана, кровь отомстит им оной сын ево»[76].

Собрание с мнением Абулхаира не согласилось и разъехалось «с великою злобою».

23 ноября к Тевкелеву приехал Абулхаир вместе с сыном и внучатым братом для направления их в Россию. В своем письме Анне Иоанновне Абулхаир сообщал: «...Отправил я, нижайший раб, со всенижайшим прошением о всех нужнейших делах моих сына своего Ерали-султана, Чадикбая и Тевелбай-Мурзу»[77]. Он еще раз подтвердил, что «отдается в волю...императрицы». Вслед за Абулхаиром приехали «двое из старшин и племянник Букенбай-батыря, которые наряжены с сыном Абулхаир-хана, и для препровождения Тевкелева до Уфы— брат Букенбай-батыря Худай-Назар-Мурза...»[78]

Мы уже отмечали, что у русского посольства не осталось ни одной лошади. Абулхаир и доброжелательные старшины выделили Тевкелеву 15 лошадей, на которых рано утром 24 ноября 1732 г. они тронулись в далекий путь из урочища Найзакискен. С Тевкелевым выехали второй сын Абулхаира султан Ерали, двоюродный брат хана султан Нияз, старшины Чадик-бей, Худай-Назар-Мурза, племянник Букенбая батыр Мурзагельди, мурза Тювелбай, Кикчак-Нурди и Байгунчек с сопровождающими их лицами[79]. Чтобы «за... Тевкелевым не было погони», до вечера их сопровождали хан Абулхаир, Букенбай «и многие доброжелательные старшины»[80].

---

[76] Там же, стр. 84.
[77] Там же, стр. 98.
[78] Там же, стр. 84.
[79] Представляет интерес то обстоятельство, что в 1740 г., во время вторжения в Хивинское ханство войск персидского шаха, в числе плененных были султан Ерали, его жена, шурин и теща со всеми другими членами семьи. (См. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 133). Является ли это пленение случайным совпадением — трудно сказать. Во всяком случае антирусские силы извлекли из этого для себя определенные выгоды.
[80] На наш взгляд, сообщение К. Кереевой-Канафиевой о том, что в составе посольства Ерали были представители Старшего жуза Аралбай и Аразгельды (Рыс-

В Уфу посольство возвратилось 2 января 1733 г. Кроме сына хана Абулхаира, султана Ерали, и нескольких старшин, отданных в аманаты, на руках у Тевкелева были присяги казахов на подданство России, в которых предусматривалась верность России, согласие направлять казахские отряды на помощь русским войскам по первому требованию русской администрации. Казахские старшины обязались не производить нападений «на яицких казаков, на башкирцов и на калмык и на других подданных российских», не чинить им никаких обид, «а жить с оными мирно и безсорно». Предусматривалось также обеспечение безопасности торговых караванов, вплоть до выделения специальных военных отрядов для их охраны. Были взяты обязательства о взаимообмене пленными, кроме казахских пленных, «которые в христианском законе находятся...»[81]

Тевкелев, оставив казахское посольство в Уфе, один направился в Петербург. Получив разрешение на их прибытие в столицу, он возвратился за членами посольства.

10 февраля 1734 г. султан Ерали, сын Абулхаира, в торжественной обстановке был принят в Петербурге императрицей Анной Иоанновной. В своей речи на приеме он еще раз подтвердил, что казахский народ «удостоился высочайшей... протекции и принятия в вечное подданство» России. Ерали подчеркнул, что казахи просят «содержать нас *в неотменной своей императорской милости и защищении...*»[82] (выделено нами.—*В. Б.*). Таким образом, устами Ерали было высказано то, чего недопонимали сторонники так называемой «противной партии»: принятие русского подданства должно защитить Казахскую степь от опасности извне.

В ответной речи государственного вице-канцлера А. Остермана было подчеркнуто, что хан Абулхаир «с своим народом должен по своей учиненной подданической присяге... всякую свою верность и службу показывать»[83].

Эти две речи наглядно свидетельствуют о взаимной русско-казахской заинтересованности в принятии Казахстана в русское подданство.

Во время пребывания в Петербурге представители Казахской степи ознакомились с достопримечательностями Петербурга. «Третьего дня,—писали «Санкт-Петербургские ведомости» в 1734 г.,—были також де... в императорской Кунсткамере и всеобретающиеся там редкие вещи с великим интересом смотрели»[84], побывали в Кронштадте, «где довольно диковинок». Члены посольства видели море, военные корабли[85]. Таким образом, Ерали и его спутники, кроме всего прочего, получили представление о России и как о морской державе, о чем под-

---

кельды), якобы включенные в ее состав Абулхаиром для своего возвеличения в глазах русского правительства и заодно в Казахской степи, является неточным. (См. К. Киреева-Канафиева. Указ. соч., стр. 42. Дело в том, что в момент отъезда да Тевкелева, Ерали и сопровождавших их лиц Аралбая и Аразгельды не было в ставке Абулхаира. Они к нему прибыли лишь в конце 1733 г. (См. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 101—103).

[81] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 81—82 об. Из истории Казахстана XVIII в. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 135. Эта присяга была подписана ханом Абулхаиром и знатными старшинами 10 октября 1731 г.

[82] П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, стр. 8; А. Добросмыслов. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Оренбург, 1900, т. I, стр. 112—114; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 105—107; ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 25.

[83] П. И. Рычков. Указ. соч., стр. 8.

[84] «Санкт-Петербургские ведомости», 1734, № 27, стр. 118.

[85] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 41.

робно рассказали своим соотечественникам после возвращения на родину. В свою очередь в Петербурге появилось «великое желание... чтобы о жилище и прочих обстоятельствах недавно прибывших сюда киргизских и башкирских народов обстоятельное и надежное известие получить» [86].

Султан Ерали и члены посольства приняли присягу в верности России. Ерали был оставлен в качестве аманата.

А теперь попытаемся выяснить, выполнило ли посольство Тевкелева возложенную на него миссию и как сказалась она на дальнейшем развитии русско-казахских отношений. Но прежде всего отметим, что по этому вопросу существуют различные точки зрения.

Во-первых, точка зрения тех, которые считают, что принятие казахами русского подданства, «имевшее свое начало в недоразумении с обеих сторон,—как русского правительства, и киргизского (казахского) народа, не только не содействовало безопасности наших (русских.—*В. Б.*) границ и торгового движения, но в связи с некоторыми неудачными мерами администрации, отдалило слишком—на целое столетие—прочное утверждение наше в Киргизской степи» [87]. Они, по существу, считают, что Тевкелев не выполнил своей миссии. Этой «тенденциозной, явно ошибочной точки зрения...» [88] придерживались Л. Мейер, Р. Лобысевич [89] и др.

Во-вторых, группа исследователей в лице А. И. Макшеева, М. Красовского [90] и других, считавших, что хотя казахи и приняли российское подданство, они по-прежнему оставались «независимыми, не платили податей и не несли никаких обязанностей в отношении России» [91].

Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, мы еще раз убеждаемся, что посольство Тевкелева сыграло неоценимую роль в дальнейшем развитии русско-казахских отношений. Посольство способствовало тому, что ярче стали видны перспективы казахско-русского сближения, нагляднее проявились противоречия в казахском обществе, определилась расстановка сил, контрастнее выделялись группировки, стремившиеся к российскому подданству и им противостоящие, а также наметилось отношение к российскому подданству широких народных масс.

Ближайшими положительными результатами российского подданства казахов явились указы императрицы, запрещавшие волжским калмыкам, башкирам, русским, сибирским и яицким казакам «войною ходить и разорять» казахов под страхом большого наказания [92], в то время как до этого нападения на казахов проходили совершенно безнаказанно. Не случайно же ханша Пупай, присутствовавшая на одном из собраний старшин Младшего жуза, собранном в связи с приездом в степь по заданию Тевкелева сакмарского казака Кубека летом

---

[86] «Примечания на ведомости», ч. 28. СПб., 1734, стр. 114.

[87] А. Шепелев. Очерк дипломатических сношений России с Средней Азией до начала XIX столетия. Средняя Азия. Альманах. Научно-литературный сборник с календарем на 1896 г. под редакцией Е. Т. Смирнова. Ташкент, 1895, стр. 34.

[88] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 9.

[89] Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865; Ф. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб., 1900.

[90] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890; М. Красовский. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами штаба. Область сибирских киргизов, т. I—III. СПб., 1868.

[91] А. И. Макшеев. Указ. соч., стр. 103.

[92] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 386.

1748 г., заявила, что казахи с вхождением в состав России получили: «1-е—спокойное житие, 2-е—никакой неприятель на них отважно не нападет», так как народ получил «немалую оборону»[93]. Можно сослаться и на речь знатного старшины бия Каратука, произнесенной на приеме у Неплюева в Оренбурге 13 июля 1749 г., когда он заявил, что «приведением в подданство... здешним торгом свободно пользуются и чрез то ни в чем нужды не имеют и желают, дабы оной здесь и впредь так свободно происходил, чтоб не токмо самим им, киргис-кайсакам, но и женам их безопасно было приезжать и отъезжать, как-де то и чинится»[94].

Наконец, сведения о посольстве Тевкелева, как эхо, прокатились по всей Казахской степи, дошли до кочевий Старшего жуза, в результате чего в конце 1733 г. посланцы Старшего жуза Аралбай и Аразгельды прибыли к хану Абулхаиру с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед Анной Иоанновной о принятии Старшего жуза в русское подданство. «И Большая орда... будет служить, как и протчия подданныя... и все повеления исполнять будут. и желают купечество распространять в Ташкент, в Семеркант, в Бухары, в Хиву, в Тюркустан, в Хожан и в протчие тамошния места, и от тех мест — в российская города». В словесном заявлении указанных послов подчеркивалось, что «все Большей орды старшина будет присягать, когда указом е. и. в. хто прислан будет к Абулхаир-хану на устья реки Орь, и тамо учинит с ним кондиции»[95].

В то же время султаны и бии Старшего жуза Коадар-бий, Тюлябий, Сатай-батыр, Кангильди-батыр и Буляк-батыр обратились с посланием непосредственно к Анне Иоанновне с просьбой о принятии их, а «також и всей орды беги в подданство» русское[96].

Это была первая попытка со стороны Старшего жуза войти в состав России. И. Кириллов упорно и настойчиво советовал правительству не только не отказывать казахам Старшего жуза в русском подданстве, а, наоборот, «всякими образы приласкать, потому что от той и протчих киргис-кайсацких орд бухарцы и другие тамошние народы в страхе находятся, ибо потеряв городы и провинции контайше, назад тому лет пять (примерно в 1729 г.—*В. Б.*), оною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков, разорили... Когда ж они будут под российскою протекциею, то и для зюнгарского владельца и для Бодакшана надобны, и так, что вместо здешних войск чюжия, да и на чюжих же воевать будут, чему явная проба». В данном случае предусматривались далеко идущие цели. В случае принятия Старшим жузом русского подданства, создавались благоприятные условия для присоединения к России среднеазиатских ханств, тем более что к тому времени хан Жолбарыс овладел Ташкентом, откуда и были присланы посланцы. Что касается Джунгарии, то в это время «колмыки зенгорския присылали к ним (к Жолбарысу), дабы жить в миру».

Учитывая все это, Анна Иоанновна 10 июня 1734 г. подписала указ о принятии казахов Старшего жуза в российское подданство, который был направлен Абулхаиру через казахов Татлымбет-батыра и Бабек-теленгута с тем, чтобы он «привел к подданству Большую орду...» Старший жуз принимался в русское подданство на условиях, идентичных для Младшего. Хан Старшего жуза приглашался в устье р. Орь, где намечалось строительство города, к И. Кириллову и Тевке-

---

[93] Там же, стр. 390.
[94] Там же, стр. 462.
[95] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 101.
[96] Там же, стр. 102—103.

леву для «учинения присяги». Со своей стороны хан Жолбарыс сообщал возможности активизации русско-среднеазиатской торговли и обещал организовать охрану этих караванов[97].

19 сентября 1738 г. Анна Иоанновна своей грамотой на имя Жолбарыса подтвердила принятие Старшего жуза в состав русского государства, о чем было дано специальное распоряжение начальнику Оренбургской экспедиции В. Татищеву[98], который к этому времени сменил И. Кириллова. В этом же году было издано узаконение о распространении торговли России с казахами Старшего жуза[99].

Однако в связи со сложностью международной обстановки и отдаленностью Старшего жуза от России в то время попытка эта не увенчалась успехом. Один из активных сторонников принятия русского подданства хан Жолбарыс был убит в Ташкенте 5 апреля 1740 г.

Несмотря на это, мы вправе утверждать, что уже тогда, в 30-х годах XVIII в., посольство Тевкелева способствовало осуществлению курса на присоединение к России всей Казахской степи, окончательно завершенного в середине XIX века[100].

3. ЦАРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И КАЗАХСКИЕ ВЛАДЕТЕЛИ

А. Первые шаги Оренбургской администрации

Период, последовавший после посольства Тевкелева, характеризуется бурной дипломатической перепиской по различным вопросам хозяйственной и политической жизни, развернувшейся между Коллегией иностранных дел и правителями казахских жузов, в особенности Младшего и Среднего. В основном они касались сооружения крепости на р. Орь, причин задержки выплаты ясака русскому правительству, вторичной посылки в Казахскую степь русского посольства во главе с А. Тевкелевым, нападения на караван полковника Гарбера и т. д.

Попытаемся теперь рассмотреть, как развивались события после отъезда Тевкелева.

Как известно, в 1734 г. была создана Оренбургская экспедиция, в задачу которой входило управление Казахской степью, Башкирией и Каракалпакией. Мы уже упоминали о том, что по идее Тевкелева Абулхаир неоднократно ставил перед русским правительством вопрос о строительстве крепости у места впадения реки Орь в Урал. С назначением на должность начальника Оренбургской экспедиции И. Кириллова[1] в начале 1734 г. им было сделано специальное представление в Коллегию иностранных дел по поводу этого строительства,[2] в котором ставились вопросы, требующие своего разрешения. К таким вопросам, в частности, Кириллов относил точное определение места строительства крепости, необходимое количество рабочих и орудий труда. И. Кириллов поднимал вопрос о заблаговременной заготовке «на екатерин-

---

[97] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 110—111, 120—121, 118—119, 106, 104, 128. «Книга Азиатского департамента, № 21», л. 88. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 137.

[98] И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизских степных областях. Оренбург, 1898; АВПР, ф. 122, 1738, д. 2, лл. 3—4.

[99] ПСЗ, т. IX, № 7511, 7657.

[100] За заслуги в осуществлении российского подданства Младшего и Среднего жузов Тевкелеву было присвоено звание полковника. См.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 245.

[1] Кириллов Иван Кириллович, обер-секретарь сената, статский советник, географ и статист. Первый начальник Оренбургской экспедиции.

[2] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 104—105.

бурхских заводах... тысяч на 20 работников лопаток, кирок, тележек и протчего»[3], о чем предлагалось информировать Абулхаира. По предложению Кириллова руководителем этого строительства должен был стать А. Тевкелев. В другом месте, касаясь строительства этого города, И. Кириллов подчеркивал, что кроме всего прочего «город закроет за собою башкирцов и все набеги воровских киргис-кайсаков, которые теми местами проходили, пресечет»[4].

Обращалось внимание на то, что строительство города будет способствовать распространению «внутренней комерции»; купеческие караваны для покупки русских товаров из Туркестана и Ходжента будут ходить не в Бухару, а в глубь России, в район Ори и Урала. В случае представления и иностранным купцам определенных привилегий они начнут селиться в новом городе, а это будет способствовать развитию торговли. «А хотя б, паче чаяния,—писал Кириллов,—ничего дальнего владения и богатства не получим, да ничего ж и не потеряем, но всегда от нового города прибыль останетца на нашей стороне».

В этом же представлении И. Кириллов дал краткую характеристику Каракалпакии, в которой подчеркивается, что принятие в русское подданство каракалпаков явится полезным не только для них, но и для России. К такому выводу Кириллов пришел, в частности, потому, что, во-первых, «каракалпацкой народ имеют хлебопашество и родитца у них довольно пшеницы, пшена, просы и ячменя, который хлеб у них киргис-кайсаки на бараны другой скот меняют...», и, во-вторых, из-за выгодного географического расположения «близ Аральского озера по реке Сыр, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить от ... Новгорода до Бухар и до Бодокшана, и в Индию и наипаче чрез те места, ежели какие нечаянные противные случаи не помешают, удобно разсыпанные букарския владения одно под другом в вечное е. и. в. подданство приводить»[5].

Уже в этом представлении И. Кириллов дал довольно подробное описание богатств недр Казахстана, которые необходимо было изучить «прежде, нежели Водокшан случай допустит завладеть»[6].

Кириллов сообщает о том, что у казахов и каракалпаков есть «во владенье горы подле Сыр-Дарьи», которые они называют свинцовыми, «и берут свинцу столько, сколько хотят, и льют пули...», что в свинце имеется примесь серебра. В представлении обосновывалась мысль о том, что сера и селитра, имеющиеся в достатке в Казахстане, могут «удовольствовать» потребности России в порохе[7].

Внимание императрицы обращалось на то обстоятельство, что Казахская степь может стать поставщиком «на всю российскую кавалерию за дешевую мену на сукна российских фабрик» лошадей, «а лошади киргис-кайсацкия и башкирския — добрыя и крепкия»[8].

И. Кириллов дал обоснование необходимости присоединения к России Бадахшана, находившегося во владении самаркандских, а потом бухарских ханств. «Водокшанская провинция, — читаем мы в кирилловском представлении, — нужна в российское владение для многова в ней имеющегося богатства». Н. Кириллов предлагал использовать эти богатства «так, как из Америки гишпанцы и португальцы получают...», причем «без движения больших российских войск...»[9]

---

[3] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, л. 2.
[4] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 110.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 111.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 112.
[9] Там же, стр. 111.

Заметим, что представление И. Кириллова о трех казахских жузах от 1 мая 1734 г. являло «собой план больших мероприятий... решения широких государственных задач»[10]. По существу же оно явилось программой политики царского правительства в отношении Казахстана и других восточных государств на ближайшие десятилетия.

В Петербурге весьма внимательно отнеслись к этому проекту. В особенности его поддерживал и дал ход будущий канцлер А. П. Бестужев-Рюмин[11]. Представление И. Кириллова было тщательно изучено Коллегией иностранных дел, а 18 мая 1734 г. Анна Иоанновна утвердила инструкцию начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову о взаимоотношениях с башкирами, казахами, Джунгарией и Хивой[12].

В инструкции, в частности, ставился вопрос о том, чтобы иметь постоянного негласного представителя русской администрации в «ордах новоподданных народов при ханах..., которым не токмо на собственное их обращение смотреть, но и разведывать, не имеют ли каких противных нашей стороне согласий с такими народы, которые еще не подданные, или каких себе недовольств, и буде усмотрят в том что ни есть худобы, от того пристойными представлениями отвращать и ведомости в город давать, а из города, буде в явной противности, то башкирцами или из них новых, одну на другую орду поднимая, смирять, а своих людей в таких случаях беречь, а ежели такое произошло неудовольство, в том надлежащее поправление учинить».

Ставилась задача получения регулярной и всесторонней информации Коллегии иностранных дел о положении не только в Казахской степи, но и в сопредельных с Казахстаном странах, для чего предусматривалось «из башкирцов или киргисцов посылать под образом торгу надежных людей...»

Касаясь вопроса о Джунгарии, Анна Иоанновна предписывала избегать вооруженных конфликтов, в то же время не допуская «нападения на сибирския места» и ограждая «от всяких податей, которыя они (джунгары.—*В. Б.*) с наших подданных сибирских народов приходя лехкими партиями, берут...»[13]

Что касается Хивы, то необходимо было оказывать всяческое воздействие Абулхаиру в его борьбе с нею, но не войсками, а «порохом и ружьем также и людьми, где потребно будет, только такими, которые из башкирцов и татар выберутся охотники». В случае же, если Абулхаир стал бы требовать русские войска, то на это ему следовало отвечать, что их дадут лишь после сооружения города у впадения Ори в Урал и пристани на Аральском море.

10 июня 1734 г. Анна Иоанновна прислала Абулхаиру грамоту о согласии на постройку города в устье р. Орь для защиты «Абулхаирхана и старшин и всего войска, також-де и других киргис-кайсацких и каракалпацкого в наше подданство пришедших орд ханов и старшин, и всего ж войска и посольства от наших и ваших неприяте-

---

[10] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, стр. 98.

[11] А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и частью Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 5.

[12] ПСЗ, 1830, т. IX, № 6576.

[13] А. Добросмыслов. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734, т. I. Оренбург, 1900, стр. 63—68.

лей...» [14] В тот же день на место строительства города командировали И. Кириллова и А. Тевкелева. Вместе с ними находился и сын Абулхаира, султан Ерали [15].

Абулхаиру было наказано «при первом случае во время построения города, так и всегда от внезапных неприятельских нападений всякое охранение чинить, и о худых и противных чьих намерениях и замыслах нашим статскому советнику Кириллову и полк. Тевкелеву и войскам нашим, где как случай допустит, заблаговременно ведомости подавать и других упомянутых подданных наших ханов и старшин и войско в том утверждать...» [16]

В этот же день хану Среднего жуза Самеке была направлена царская грамота по поводу его повторной просьбы о российском подданстве. Напомнив хану, что в 1731 г. им было подписано обязательство о вхождении в состав российского государства, которое он нарушил, предприняв несколько попыток нападения «на наших подданных башкирцов», Анна Иоанновна сообщила ему о направлении в район строительства города И. Кириллова и А. Тевкелева с неограниченными полномочиями принимать присяги от желающих войти в русское подданство. За попытки к нападению на башкирские земли Самеке был прощен, а российское подданство Среднего жуза вновь было подтверждено, но из-за смерти Самеке грамота эта не была вручена [17]. Новый хан Среднего жуза Кучук и султан Барак в конце декабря 1735 г. в своем письме на имя Тевкелева подтвердили подданство Среднего жуза России и просили организовать российское посольство в Средний жуз. Вопрос ставился так, что российское посольство должно было находиться в Среднем жузе длительное время («как у Абулхаир-хана»), причем пребывание посольства правящая верхушка Среднего жуза намеревалась использовать для укрепления своих позиций [18].

Между тем Абулхаир продолжал настаивать на строительстве города при устье р. Орь. В частности, в конце 1734 г. он направил специальное письмо Анне Иоанновне, в котором упорно и пространно разъяснялись причины его бессилия в отношении казахов и почему в 1733 г. не представлены в качестве ясака лисьи и корсачьи шкуры. Хан напоминал, что «киргис-кайсацкие... народы указу моего не слушают» и даже роптали на него за то, что отправленные им в Петербург сын султан Ерали, султан Нияз и находившиеся вместе с ними «старшины уже третий год, как отсюда отъехали, а назад не возвратились» [19]. Абулхаир еще раз подчеркнул, что если будет построен город, его власть упрочится и он «киргис-кайсацких народов в подданство» приведет.

И это были не просто обещания. Именно в результате деятельности, которую активно развернул Абулхаир российское подданство в 1736 г. принял батыр Среднего жуза Янбек со своими людьми, подтвердили свое подданство султан этого же жуза Барак, родной брат хана Среднего жуза Самеке Абулмамбет со своими улусами. В то же

---

[14] А. Левшин. Описание киргис-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. II. СПб., 1832, стр. 117—120,

[15] «Книга Азиатского департамента № 21», л. 85 об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 136.

[16] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 117. Более подробно о строительстве города у впадения Ори в Яик см.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в., стр. 95—112.

[17] А. Добросмыслов. Тургайская область. Исторический очерк, т. I. Тверь, 1902, сноска 12.

[18] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 122—123.

[19] Там же, стр 121.

время Абулхаир поднимал вопрос об отмене пошлин с казахских купцов [20].

Ответная грамота императрицы, направленная Абулхаиру 24 февраля 1736 г., свидетельствует о том, что российское правительство осталось довольным действиями хана по приведению к подданству России казахов. Эта же грамота сообщала Абулхаиру о направлении к нему его сына султана Ерали, султана Нияза вместе с сопровождавшими их старшинами. Вместо них был направлен сын Абулхаира султан Кожахмет в сопровождении племянника Абулхаира султана Клыча Мухаммеда в качестве полномочного представителя казахского хана при императрице.

Характерно, что именно в это время уже стали ясно проявляться классовые интересы российских крепостников-помещиков и казахских феодалов. Это подтверждается активным участием Абулхаира в подавлении бакширского восстания 1735 г. под предводительством Карасакала. В этом отношении наиболее достоверным источником является донесение И. Кириллова в Коллегию иностранных дел от 23 октября 1736 г.[21], в котором начальник Оренбургской экспедиции, опираясь на сообщения «казака-нагайца» Кубека и «дворового служителя» хана Абулхаира — Бабека, сообщает, в частности, следующее: «И как хан (Абулхаир. — *В. Б.*), так и салтан и старшины везде единогласно объявили верность свою показать в службе на воров-башкирцов.

И с тем прислали хан... Байбека (Бабека. — *В. Б.*), а салтаны и старшины других, кои обретаютца в Самаре. И до приезду ево, Кубекова, и в бытность в орде, из Средней и Меньшей орды кайсаки войной ходили на Сибирскую и Нагайскую дороги и многих бакширцов побили и раззорили, а других в полон взяли... А...Абулхаир-хан... намерен еще над ворами-башкирцами поиски чинить по первому зимнему пути...» [22] В то же время было обещано изловить Карасакала, руководителя башкирского восстания, если он будет обнаружен в степи. Это обещание было подтверждено также и во время переговоров Урусова с Абулмамбетом, Аблаем и другими султанами и старшинами в августе 1740 г.

Сошлемся еще на один весьма убедительный документ. 3 сентября 1755 г. хан Нурали направил письмо Оренбургскому губернатору И. Неплюеву, в котором сообщалось о поимке и выдаче участников башкирского восстания, бежавших в казахские степи от преследования царских карателей. В письме Нурали с большим цинизмом сообщает о количестве убитых и раненных ближайшими помощниками хана башкир, в числе которых были женщины, старики и дети, скрывавшиеся у казахских шаруа. Нурали сообщает И. Неплюеву: «И онаго... мое усердие изволите усмотреть, что я то из моей к е. и. в. верности учинил» [23]. За эти «подвиги» Нурали получил особые привилегии во время кочевок в районе Яика [24], за что он уведомил И. Неплюева о том, что в его усердии царские власти могут не сомневаться.

Таким образом, то, чего добивался царизм, — натравливание малых народов друг на друга — было достигнуто. Царское правительст-

---

[20] Там же, стр. 125—126.
[21] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1736, д. 2, лл. 13—14.
[22] Там же.
[23] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 538—540.
[24] Там же, стр. 542.

во, искусно опираясь на противоречия между ними, смогло использовать казахов против башкир во время их восстания.

Правительство требовало от Абулхаира принятия мер для охраны русских торговых караванов. Понимая, что это сулит ему значительные выгоды, Абулхаир в августе 1738 г. через В. Татищева обратился с посланием к Анне Иоанновне, в котором предлагал свои услуги в этом отношении. Абулхаир не упустил случая еще раз заверить императрицу в своей верности присяге на российское подданство. В частности, 3 августа 1738 г. 15 человек во главе с Абулхаиром и 4 августа 100 человек во главе с султаном Нурали вместе со старшинами прибыли в Оренбург (Орск), где их принял В. Н. Татищев (1686—1750), назначенный в 1737 г. в Оренбургскую комиссию, которая была предназначена для подавления башкирского восстания, «и в верной службе присягу учинили», в результате чего, как писал Абулхаир Елизавете Петровне в сентябре 1743 г., «мы со всей ордой в подданство пришли» [52]. В своей грамоте от 19 сентября 1738 г. Анна Иоанновна выразила удовлетворение таким поведением Абулхаира.

В это же время наблюдаются первые признаки, свидетельствующие о стремлении казахов (в особенности Среднего жуза) добиться разрешения у царского правительства на перекочевку к российским населенным пунктам для меновой торговли. Начальник Оренбургской комиссии генерал-лейтенант князь В. Урусов доносил 22 октября 1739 г. в Коллегию иностранных дел, что 17 октября 1739 г. к нему явились казах Байдаулет и татарин Сарысахай с письмами от прапорщика Этыгерова (направленного в Средний жуз российским правительством для наблюдения за событиями) и влиятельного батыра Среднего жуза, первого тархана Джаныбека, зятя Абулхаира. Джаныбек просил разрешения прикочевать в район Черного озера (близ Яика) для торговли в Яицком городке. Вместе с тем В. Урусов высказал свое сомнение, действительно ли казахи нуждаются в том, чтобы «на Яике покупать на пропитание хлеб и харч», так как «прежде киргисцы хлеба никогда не покупали и нужды в том не имели». Следовательно, Урусов опасался, не кроется ли здесь какой-либо подвох, нет ли у них «какого худого намерения». Но и отказывать казахам Среднего жуза в их стремлении было нельзя, чтобы не дать повода для активизации антироссийских настроений. Однако, чтобы не допустить распыления российских вооруженных сил и не дать повода для подхода больших групп казахов к Яику и Яицкому городку, Урусов сообщил Джаныбеку, что русское правительство во избежание нападения на казахов калмыков во главе с Дондуком Омбо, а также, чтобы «российским купцам в их купечестве» не были «помешательства», может разрешить казахам торговать в районе реки Яик лишь во вновь построенном «по прошению Абулхаир-хана» городе Оренбурге, да и то небольшими группами в 50 человек и при условии, чтобы они «никаких наглостей не делали». А чтобы казахи не сосредоточивались у Яицкого городка, Урусов распорядился казахские товары в Оренбурге покупать по более высоким ценам, чем в Яицком городке, а в районе Яицкого городка русские товары продавать дороже, чем в Оренбурге. Одновременно Урусов направил распоряжение прапорщику Этыгерову всеми возможными средствами получить сведения об истинных причинах прикочевки казахов к Яику и действительно ли они стремятся в район Кубани, как об этом сообщил Сарысахай, связ-

---

[25] «Материалы по истории политического строя Казахстана», т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 32—33; «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 87—88об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 138.

ной Этыгерова. В то же время Урусов распорядился «обретаюсчемуся на Яике майору Дурасову» «иметь в войске крепкую осторожность, дабы им какого нечаянного вреда от них (казахов. — *В. Б.*) не причинилось» [26]. И хотя Урусов требовал от Дурасова не чинить казахам «обманов и озлоблений», в данном случае налицо явное стремление царского правительства не допустить казахов в район Яика.

Посол Джаныбека сообщил, что в Среднем жузе принимаются меры для розыска и возвращения товаров, которые были отобраны летом 1739 г. у казанских купцов, причем если эти товары не будут найдены, они будут заменены соответствующим количеством скота. Байдаулет поставил в известность Урусова и о стремлении Джаныбека возвратить российских пленных. Без сомнения, в этом отношении хороший пример подал Абулхаир, который в 1738 г. через геодезиста Шишкова «российских пленных без размену немалое число» возвратил. Из этого следует, что хотя в степи и было неспокойно, а проведение торговых операций связывалось с определенным риском, налицо были обнадеживающие проявления стабилизации положения в Казахстане.

Но если взаимоотношения с казахами Малого и западной части Среднего жузов налаживались и в этом были взаимно заинтересованы обе стороны, то совершенно иное положение создавалось в восточной части Среднего жуза. Именно с востока в это время надвигалась серьезная опасность джунгарского вторжения. Сарысахай, например, сообщил Урусову, что летом 1738 г. к владениям хана Абулмамбета, султанов Аблая и Барака подошло одиннадцать тысяч «черных калмык» (джунгар), но «учинили ль» они разорения или нет, этого не было известно [27].

Б. Русско-казахские переговоры в 1740 и 1742 гг.

Начало 40-х годов характеризуется дальнейшими устремлениями российского правительства закрепить свои позиции в Казахской степи. Анализ событий свидетельствует о том, что эти планы совпадали с интересами казахской правящей верхушки, надеявшейся при помощи российских вооруженных сил укрепить свое положение в степи. Вот почему все отчетливее наблюдаются взаимные устремления к улучшению взаимоотношений. Положительную роль в укреплении русско-казахских связей сыграли переговоры в Оренбурге в 1740 и 1742 гг.

В период с 19 августа по 1 сентября 1740 г. состоялись переговоры начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта князя Василия Алексеевича Урусова с султанами Нурали и Ерали, а также батырами Джаныбеком, Букенбаем и Есетом, являвшимися представителями Младшего и Среднего жузов. Несколько позже в них приняли участие прибывшие в Оренбург хан Среднего жуза Абулмамбет (1734— 1771) и султан Аблай (с 1771 по 1781 гг. — хан Среднего жуза), который, по справедливому замечанию Чокана Валиханова, к этому времени являлся «самым сильным из владельцев Средней орды». Более того, российская администрация по преимуществу стара-

---

[26] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1739, д. 2, лл. 7—11.

[27] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 130—131.

лась иметь дело не с ханом, который в «то время ничего не значил», а именно с Аблаем и его братом Султанбеком [28].

«Мы, — говорили казахские послы, — приехали о разных делах доносить и научиться, коим бы образом наших своевольных людей от худых поступок и дурачества удерживать...»

В Оренбурге они были встречены с большими почестями. 22 августа, например, в лагерь послов, расположенный в семи верстах от Оренбурга, было направлено 24 гренадера, 60 мушкетеров «с трубами и литаврами», «шесть лошадей заводных в богатом уборе». Из лагеря в Оренбург впереди ехал «урядник с двенадцатью гранадирами, конюшей, лошади заводные, затем драгуны, за драгунами трубы и литавры, затем салтаны и близ их капитан и переводчики, за ними ево (т. е. Абулхаира. — *В. Б.*), а в замке капрал и двенадцать гранадир... Полки и казаки все стояли в параде и держали ружье у ноги, и... не доехав сажен за пятьдесят, ...то отдала салютация из семи пушек...»

В этот же день 106 старшин, сопровождавших султанов Нурали и Ерали и батыра Джаныбека «через ахуна по их махометанскому закону» полковником князем Еделевым были приведены к присяге на российское подданство. В ходе бесед султан Нурали подтвердил, что казахи в любой момент готовы силой оружия помогать русским войскам. «...Ежели б-де указом е. и. в. повелено было и нам служить против ея неприятелей, то-де и мы готовы» [29], — говорил Нурали.

Представителя Среднего жуза Джаныбека интересовало, где кочует Дондук Омбо. Этот вопрос поднимался им постольку, поскольку российская администрация опасалась нападения на казахов Дондука Омбо, как аргумент против их прикочевки в район Яицкого городка.

Много внимания во время переговоров было уделено вопросам безопасности продвижения торговых караванов. Имелся в виду, в частности, российский торговый караван в сопровождении воинской команды во главе с артиллерийским полковником Гарбером, который в 1732 г. отправился через Астрахань в Хиву и Бухару. Как известно, в Казахской степи караван подвергся нападению, оказался в осаде и через несколько дней вынужден был сдаться. Караван разграбили, а Гарбера с незначительной частью отряда и «небольшим остатком из того каравана отпустили назад...» [30]. Был выяснен волновавший тогда российскую администрацию вопрос о разграблении ташкентского торгового каравана, состоявшего из «казенных и купеческих товаров на 25 тысяч рублев», во главе с майором К. Миллером, направлявшегося из Оренбурга в Ташкент в 1738 г. в сопровождении казахского конвоя. В его составе находился подпрапорщик Алексей Кошелев, который должен был описать тракт и провести географические исследования. Караван был ограблен в Старшем жузе, люди уве-

---

[28] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Ответственный редактор А. Х. Маргулан. Том I. Алма-Ата, 1961, стр. 427. Заметим, однако, что в Казахской степи наряду с Аблаем были и другие значительные личности, которые пользовались среди казахского народа не меньшим авторитетом, чем Аблай, но из-за серьезных противоречий, соперничества Аблай, пользуясь своим положением, делал все для того, чтобы не допустить их в Оренбург для переговоров. К таким лицам можно отнести прежде всего известного в Среднем жузе бия Казбека, который, будучи занят войной с джунгарами, направил письма через своих старшин оренбургской администрации, но они, однако, не были допущены Аблаем к высшим чиновникам, а «письма утаены...дабы...Казбек-бий с Каракисецким улусом *в российской стороне в знании не был* (курсив наш. — *В. Б.*). См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 648—649.

[29] Там же, стр. 135, 138.

[30] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 80—81. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 135.

дены в плен, а К. Миллер спасся лишь благодаря покровительству Джаныбека [31].

Российская делегация настаивала на возвращении отобранных товаров или компенсации их стоимости. Казахские послы сообщили, что ограбившие караван находятся на территории Старшего жуза. Хан Абулхаир накануне отъезда в Оренбург направил в Старший жуз нарочных с письмом, в котором требовал возвратить награбленное. Аналогичные действия предприняли и батыр Джаныбек, поставив грабителей в известность, что если они не возвратят награбленные товары, и в случае, если «указом повелено будет, то он готов иттить на них войною и всех их рубить» [32].

Урусов, высказав свое удовлетворение такими действиями против грабителей, в то же время предложил воздерживаться от применения силы. Генерал-лейтенант дал понять, что неплохо было бы задержать кого-либо из грабителей и держать в качестве заложника до тех пор, пока не будут возвращены товары. Джаныбек и другие представители Казахской степи согласились с этим предложением. Более того, они привезли с собой несколько человек, участвовавших в грабежах караванов, которых решили использовать при поимке их главарей.

Были обсуждены мероприятия по возвращению товаров других ограбленных караванов, а также «каким... образом утвердить безопасность, чтоб караваны впредь беспрепятственно ходить могли, дабы оную безопасность твердо основать, чтоб впредь грабительств быть не могло» [33]. Пришли к соглашению: каждому торговому каравану следует придать надежную охрану из знатных представителей улусов; эта охрана не должна заниматься вымогательством, для надежности оставлять аманатов; в числе охраны могут быть русские воинские команды до тридцати человек с легкими пушками.

Во время переговоров были затронуты вопросы «о примирении калмыцких ссор». Речь шла о преодолении казахско-калмыцких противоречий, связанных с угоном табунов лошадей и пленением людей, а затем взаимным мщением. Взаимные нападения повторялись очень часто. Особенно в этом отношении знаменит 1738 г., когда имели место нападения двух казахских воинских отрядов «на самого хана Дондук Омбу» у Волги по дороге Астрахань — Кизляр, результатом которых явилось пленение 2000 калмыцких кибиток, «калмыцких идолов и книг» [34]. По сообщению Н. Г. Аполловой, в том же году были проведены большие мероприятия по подготовке крупного похода казаков «в верховья реки Кумы на улусы калмыцкого хана Дондук Омбо», причем по указанию Абулхаира было собрано казахское ополчение в составе 22 800 человек, состоящее из отрядов Джаныбека в количестве 10 400 человек, султана Батыра — в количестве 1033 человека, батыра Есенбая — 100 человек, батыров Есета, Букенбая и Алтая — 2000 человек [35]. В свою очередь калмыцкий хан Дондук Омбо стремился к мщению: был набран двадцатитысячный отряд во главе с его сыном Галдан Норби, но поход не удался из-за измены

---

[31] Там же, стр. 137, См. также: К. Киреева-Канафиева. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963, стр. 54.

[32] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 553.

[33] Там же, стр. 144, 162.

[34] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 86об.—87об. «Красный архив», 1938, т. 2 (37), стр. 137.

[35] Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 100.

последнего своему отцу. Несмотря на это, «калмыки под... киргис-кайсак равномерные подбеги чинили» [36].

Примечательно, что батыры Младшего жуза Букенбай и Есет, участвовавшие в переговорах, обещали принять все меры для прекращения войны с калмыками. В то же время они заметили, что если калмыки будут продолжать нападения, то им будет трудно удержать казахов от ответных мер. Посланцы Абулхаира передали Урусову просьбу хана о разрешении направить послов к Дундук Омбо, «чтоб учинить примирение и затем бы уже никаких ссор не взчинить». Урусов одобрил этот план и со своей стороны высказал готовность оказывать всяческое содействие.

Во время встреч Урусов дал понять казахским послам о возможности использования казахов «в регулярной ее и. в. службе». Это первый признак того, что российское правительство всерьез было заинтересовано в укреплении своих позиций в Казахстане, использовав для этого наряду с другими средствами и представителей казахской верхушки на государственной службе.

Коснулись также вопроса о возвращении российских пленных, находящихся в Казахской степи, и пленных казахов, содержавшихся в Тобольске, Астрахани и других городах, причем Джаныбеку была представлена выписка о примерном количестве российских пленных «в Киргис-кайсацкой орде... также и о всех грабительствах...» [37] Джаныбек обещал принять меры для возвращения всех российских пленных, находящихся в Среднем жузе, заявив при этом: «Какие-де мы верные подданные будем, когда уже российских людей, разумея в том числе и татар, не дадим?» [38].

Сложнее обстояло дело с возвращением пленных калмыков. По откровенному заявлению Джаныбека, их всех невозможно возвратить, так как многие из них проданы на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Все усугублялось тем, что казахскому народу должно было понадобиться значительное время, чтобы простить калмыкам их грабительские действия по отношению к ним. К тому же в это время, по поступившим к Джаныбеку сведениям, калмыки готовили на осень 1740 г. «великим числом на киргиз-кайсацкие улусы» нападение.

Джаныбек потребовал присвоения ему тарханского звания, «чтоб он с улускими своими людьми властнее поступать, а дураков и воров наказывать мог...» Здесь налицо явно эгоистические устремления Джаныбека, стремившегося с помощью российской администрации укрепить свое положение в степи. «Будут у меня на спине кости потверже и грудь-де моя, как каменная гора зделается», — говорил Джаныбек Урусову. Это требование пришлось по вкусу начальнику Оренбургской экспедиции, надеявшемуся в лице Джаныбека найти опору для проведения своей политики в Казахской степи. Урусов обещал добиться через Петербург указа о присвоении Джаныбеку тарханского звания [39].

---

[36] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 137.

[37] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 146, 150.

[38] Там же, стр. 147.

[39] Переговоры эти примечательны еще и тем, что в них русская сторона задолго до Георги, Паласса, Фишера и других исследователей впервые получила интересные сведения о церемонии посвящения в ханы. В частности, Джаныбек сообщил Урусову, как был произведен в ханы Абулмамбет, сын хана Булата, официально получившего этот титул в 1739 г. во время нахождения в Туркестане «от знатнейших киргис-кайсацких родов... Аргинского, Актайского и Уваккирейского и от других... и по прибытии в орду от многих родов поднят на епанче (широкая верхняя одежда без рукавов. — *В. Б.*)». По сообщению Джаныбека, церемония «поднятия на епанче»

По просьбе хана Абулхаира ставился вопрос о восстановлении города на Сыр-Дарье, древней столицы Жанкент, который хан хотел сделать своей резиденцией. Несколько позднее хан обратился к русской администрации с просьбой о командировании к нему строительных инженеров для восстановления этого города, который должен был явиться также и крепостью для борьбы с джунгарами. Договорились этот вопрос решить лишь после рекогносцировки местности [40].

28 августа 1740 г. Урусов принял хана Среднего жуза Абулмамбета и его брата султана Аблая с большими почестями. Секретарь Оренбургской комиссии статский советник П. А. Рычков. (1712—1777) зачитал их речи, написанные в традиционном стиле той эпохи. Хан и султан подтверждали желание казахов Среднего жуза быть в российском подданстве. В речах внимание акцентировалось на вопросе о принятии казахов «в непобедимое защищение высочайшей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных... подданных...» [41]

Тут же Абулмамбет и Аблай в соответствии с ритуалом присягу «учинили, заключа оную обыкновенным по их закону заклинанием и целованием курана, а потом поднятием оного на головы», после чего Урусов вручил им сабли в серебряной оправе. Сабли были вручены также батырам Младшего жуза Букенбаю и Есету. Затем присягу приняли 128 старшин, а на следующий день, 29 августа, ее приняли 165 старшин Младшего жуза [42].

После принятия присяги между Урусовым, с одной стороны, и Абулмамбетом и Аблаем, с другой, состоялась дружеская беседа, в ходе которой султан Аблай высказал свои верноподданнические чувства в отношении России. «Наши-де предки, — говорил Аблай в беседе с Урусовым, — назвав многих ханами, были честные и знатные люди и всегда знатных у себя приятелей имели, почему-де и нам также поступать надлежит...» Он выразил желание, чтобы Урусов был ему, Аблаю, «большим братом» [43].

Казахские послы проявили особый интерес к международному положению России. И это не случайно. Нужно было иметь полное представление о государстве, которому казахи вверяли свою судьбу. Разумеется, что это государство должно было быть сильным. Вот почему Урусов уделил особое внимание разъяснению политических событий, происшедших за последние десятилетия. Например, он рассказал послам о русско-турецкой битве при Азове, взятии Очакова и др. Была произведена показательная стрельба из пушек. Любопытно, что меньше чем за минуту было «тринадцать зарядов выпалено». Как заявил Урусов, «у нас из пушки могут десять раз выпалить пока их киргиз-кайсак ружье заправит» [44]. Эти сведения заслуживают внима-

---

сводится к тому, что из баранины готовят обед, за которым молят «о счастии нововыбранного хана». Потом хана садят на белую епанчу, знатные люди поднимают его с земли, затем епанчу разрывают на мелкие кусочки и раздают их всем присутствующим в знак того, «что он при ханском выборе был». По свидетельству батыра Нияза, казахские ханы всегда избирались по наследству и по ближней линии. В случае, если наследник был неспособен к ханскому правлению, избирали другого, «хотя и не так блиского, да достойного» («Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 148—155).

[40] Направленное в Казахские степи посольство Д. Гладышева и И. Муравина имело задание исследовать рекомендуемое Абулхаиром место для строительства города-крепости.

[41] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 152.

[42] Там же, стр. 152, 157. Н. Г. Аполлова сообщает, что присягу приняли 120 старшин. См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией, стр. 119.

[43] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 153.

[44] Там же, стр. 154, 155.

ния в том отношении, что они проливают свет на состояние русской артиллерии в середине XVIII в. и говорят о довольно высоком уровне ее развития.

В то же время представители Казахской степи впервые получили здесь элементарные сведения по географии — о частях света, различных странах и т. п. Характерно, что Абулмамбет просил Урусова обо всем этом написать на татарском языке и передать ему, на что было дано согласие. Более того, Урусов обещал распорядиться сделать в Самаре «такую книжицу», в которой подробно осветить некоторые вопросы географической науки и переслать в Казахскую степь. Обращает на себя внимание то, что уже тогда, во время встреч, хан Абулмамбет заявил: «Мы... теперь... видим, что не видывали, ...слышим, что не слыхивали, а знать... все оное... весьма надобно и можем.... тем пред всеми нашими народами хвалиться» [45].

20 августа — 7 сентября 1742 г. состоялась еще одна встреча между оренбургской администрацией и казахскими владетелями, на которой присутствовали джунгарские и каракалпакские послы.

20 августа 1742 г. к урочищу Каменный Брод, невдалеке от Орской крепости, где расположился лагерем И. Неплюев, в соответствии с достигнутой договоренностью прибыли хан Абулхаир, батыр Джаныбек с сопровождающими их лицами. Через день к ним приехал сын Абулхаира султан Ерали. 23 августа Неплюев организовал в честь Абулхаира и сына его, султана Ерали, прием, на котором присутствовали Джаныбек, зять хана Абулхаира, Дербишалей, «с протчими киргис-кайсацкими старшинами», а также джунгарские послы Кошка и Бурун и их каракалпакские коллеги, батыры Момор и Кушак.

Персональный состав присутствовавших на приеме свидетельствует о серьезных надеждах, которые возлагала на предполагавшиеся переговоры российская администрация. Расчет российских властей состоял прежде всего в том, что каракалпакские и, в особенности, джунгарские послы должны были явиться непосредственными свидетелями того, что казахи не только юридически, но и фактически являются подданными российского государства. Не случайно именно в присутствии джунгарских послов было подтверждено российское подданство 178 биями и старшинами, представителями Младшего, Среднего и Старшего жузов [46]. Причем при подтверждении российского подданства И. Неплюев в особенности акцентировал внимание на принятии российского подданства старшинами и биями Старшего жуза, который, как известно, не входил еще тогда в состав российского государства и по существу был оккупирован Джунгарией.

Российской администрации надо было добиться признания Джунгарией статус-кво о российском подданстве казахов и необходимости ведения всех дел, касающихся Казахской степи, только через российское правительство. Именно поэтому значительное время официальной части переговоров, на которых присутствовали представители Джунгарии, было отведено уточнению вопросов взаимоотношений России,

---

[45] Там же, стр. 162.

[46] От Среднего жуза присягали в подданство России прежде всего казахи, жившие главным образом в Пограничной линии: 1) кустанайские казахи во главе с Джаныбеком, так назыв. сары-жетым, шакшак; 2) кереи, расселявшиеся в низовье р. Ишим и вдоль Горькой линии; 3) омские казахи (кереи, кипчаки); 4) казахи Иртышской линии (часть аргынов, найманов). Все они назывались «верноподданными». Что касается казахов, живших к югу от Кокчетава до Балхаша, то они в основном присягали на подданство России после ликвидации ханской власти и принятия «Устава о сибирских киргизах», 1822 г. (По сообщению академика АН КазССР А. Х. Маргулана).

Джунгарии и Казахстана. Представителями российской администрации много внимания было уделено выяснению истинных причин приезда в Казахскую степь джунгарских посланцев и их требований от казахских правителей дани и аманатов в пользу Джунгарии. Такие действия джунгарских представителей И. Неплюевым были квалифицированы как «непристойно чинимые требования», направленные на подрыв и ослабление хорошо складывавшихся отношений между Россией и Казахстаном.

Характерной особенностью переговоров по этому вопросу является абсолютное единство взглядов российских и казахских представителей. Хан Абулхаир и батыр Джаныбек, например, заявили, что какие бы события ни происходили в степи и какие бы интриги ни чинили противники российского подданства в Казахстане и за его пределами, они проводили и будут проводить политику укрепления русско-казахских связей, ибо «их (казахов. — *В. Б.*) главная нужда в том... состоит» [47]. Так как эти высказывания отражали интересы подавляющего большинства казахского народа, представители российской администрации предложили, чтобы они стали известны джунгарскому хунтайджи через его посланцев, присутствовавших на переговорах. С этим предложением согласились казахские правители; более того, Абулхаир «уверял о всегдашней своей верности, которую он с детьми своими и с людьми непременно продолжать должен...» [48]

Небезынтересно отметить, что во время переговоров И. Неплюева с джунгарскими посланниками Кошкой и Буруном последние хотели представить вторжение Джунгарии в Казахстан как стремление отомстить казахам, которые якобы воспользовались «происходившей (в Джунгарии. — *В. Б.*) с китайцами долговремянной и кровопролитной войной», «в зюнгорские границы вбегая, причиняли многие разорения», а когда Галдан-Церен «с китайцами замирился», он направил в Казахстан войска, чтобы отомстить жителям Казахской степи за причиненные ими «обиды». Следовательно, джунгарские представители пытались, с одной стороны, свернуть всю вину за агрессивные действия Джунгарии против Казахстана на казахов, а с другой — все свои преступные действия, связанные с массовым уничтожением казахского народа, представить как невинную операцию по наказанию «нарушителей джунгарского покоя», влекущей за собой взимание дани и аманатов с казахов Младшего и Среднего жузов, не говоря о казахах Старшего жуза, от представителей которых «у их владетеля (Галдан-Церена. — *В. Б.*) аманаты всегда содержатся» [49].

Отвечая джунгарским посланникам, И. Неплюев высказался в том смысле, что Джунгария никаких юридических прав на получение аманатов и взимание дани с казахов не имеет, ибо казахи являются подданными России. Что касается имеющих место «нападений» казахов на Джунгарию, то им, Неплюевым, будут приняты меры для их прекращения, причем в этом ему окажут поддержку казахские ханы.

Приняв за должное разъяснение И. Неплюева, джунгарские посланники в то же время высказали опасения, что «только-де на словах ханских утверждаться ни в чем невозможно, ибо-де он, что поутру говорит, то к вечеру уже не сдержит и в другом состоянии находится» [50].

---

[47] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 230.
[48] Там же, стр. 231.
[49] Там же.
[50] Там же, стр. 232.

В ответ на эти возражения Неплюев заявил, что в любом случае все пограничные конфликты между Джунгарией и Казахской степью должны разрешаться только через российское правительство, тем самым показав джунгарским представителям, что Россия будет неотступно защищать свои привилегии и бороться не только за сохранение своих позиций в Казахстане, но и за их расширение и упрочение. В то же время И. Неплюев дал понять, что русские будут стремиться решать спорные вопросы путем переговоров. Речь даже шла о направлении к Галдан-Церену специального российского посланника [51].

Другая сторона переговоров в Орске касается серьезных противоречий, сложившихся между Абулхаиром и его сторонниками и ханом Абулмамбетом, который, «согласясь с Бараком и Батырем салтанами. . . , умыслил, чтоб податей зюнгарскому владельцу . . . и аманатов дать, и ежели б он, Абулхаир-хан, такого их худова совета угрозами не разорвал, то то и действительно было учинено». Причем тут же Абулхаир потребовал от Неплюева «для обуздания... народа ему три тысячи человек войска (по одной тысяче от русских, калмыков и башкир. — *В. Б.*) дать, чрез то-де лехкомысленный их народ в подобающем страхе и послушании останется по всем е. и. в. указом исполнять возможно будет» [52]. Когда же Абулхаира спросили, чем же тогда объяснить приезд в Орск по просьбе Оренбургской комиссии хана Абулмамбета с сопровождающими лицами, хан Младшего жуза заявил, что это он делает «от страху», а стоит ему выехать обратно, в степь, он будет продолжать старую политику заигрывания с Джунгарией. В виду этого Абулхаир предлагал, «чтоб для утверждения верности» самого Абулмамбета и сына его оставить в аманатах.

Здесь мы встретились с конкретным примером междоусобной борьбы двух партий, которая, как известно, закончилась убийством Абулхаира в 1748 г.

Разумеется, что эта борьба мешала созданию единства в Казахской степи. Главным в этой борьбе было стремление оказаться на первом месте, занять ключевые позиции на обширных пространствах Казахстана. И дело здесь, конечно, не в том, что Абулмамбет выступал против укрепления связей с Россией. К этому времени он уже присягнул на верность России. Как раз стремление Абулмамбета платить дань и давать аманатов Джунгарии являлось лишь результатом суровой необходимости. Добровольно хан Среднего жуза на это не пошел бы. Но раз угроза оставалась, Абулмамбет рассчитывал использовать ее для ослабления позиций Абулхаира перед российской администрацией путем видимости принятия джунгарского подданства. Словом, Абулмамбет действовал методами Абулхаира, причем это удавалось ему значительно легче, нежели Абулхаиру из-за того, что кочевья Среднего жуза находились несколько дальше от России, чем Младшего.

Все это прекрасно понимали в Орской крепости, причем российская администрация рассчитывала извлечь из этих противоречий определенные выгоды. Прежде всего отсутствие единства среди казахских ханов облегчало ей с наименьшими затратами «с помощью мирных средств» [53] осуществление планов господства в Казахской степи. Не случайно Неплюев во время переговоров акцентировал внимание

---

[51] Там же, стр. 243.
[52] Там же, стр. 235.
[53] Э. Сатау. Руководство по дипломатической практике. Изд-во ИМО, 1961, стр. 11

Абулхаира на необходимости «добрые способы употребить»[54] для осуществления своих целей. Царское правительство принимало поэтому меры для еще большего усугубления этих противоречий, используя в данном случае и Абулхаира, и Абулмамбета в своих интересах. Именно потому, что российская администрация не была заинтересована в усилении одного хана за счет другого, на переговорах в Орске Неплюев под различными предлогами наотрез отказал Абулхаиру предоставить в его распоряжение требуемые им 3000 русских солдат. Вместе с тем передача Абулхаиру трехтысячного российского войска была тогда непозволительной роскошью для российского правительства. В то же время, чтобы не оттолкнуть от себя Абулхаира, ибо на него российская администрация все еще возлагала большие надежды в осуществлении своих планов, Неплюев дал свое согласие на то, чтобы хан со своими улусами кочевал «ближе к крестьянам... по рекам Илеку и Берде». Самому же Абулхаиру было разрешено «во все крепости свободно приезжать». Это означало, что «он всегда в особливой е. и. в. милости находится». Ему же обещано было постоянное снабжение «казенным хлебом». А чтобы у Абулхаира не создалось впечатления, что отказ дать русские войска в его распоряжение связан с какими-то затруднениями российского государства, ему было сказано, что в случае необходимости их «всегда найдется довольно»[55].

Во время переговоров коснулись вопроса о кочевании казахов в районе Яицкого городка и ниже его, «где кормов скотских довольно»[56]. Здесь представители российской администрации категорически выступили против предоставления казахам права пасти свой скот в этом районе[57]. Что касается торговых операций, связанных с «выменениванием хлеба», то русскими был поставлен вопрос об организации их в новых крепостях, построенных по Яику.

Обращает на себя внимание, что в ходе переговоров с Абулхаиром много времени было отведено вопросу принятия российского подданства каракалпаками, причем значительная роль в осуществлении этой задачи отводилась сыну Абулхаира, султану Нурали, прибывшему из Хивы. Задача состояла в том, чтобы направить Нурали к каракалпакам, среди которых он, как нами уже отмечалось, пользовался авторитетом. В то же время хан поднял вопрос о планах Нурали отправиться во главе казахского войска для изгнания из Хивы наместника персидского шаха Надира, чтобы «оною паки овладеть». Неплюев настоял, чтобы этот вопрос был решен лишь после согласования с правительством, на что Абулхаир дал согласие.

Значительную роль в выяснении способов, «чрез которые киргис-кайсацкий народ в надлежащем покое содержать и часто чинимые от них воровства пресечь удобнее и утвердить их в подданстве е. и. в. непоколебимо»[58], играли переговоры И. Неплюева с батыром Джаныбеком, который прибыл в Орскую крепость вместе с Абул-

---

[54] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 237.

[55] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 236.

[56] Там же.

[57] Впервые вопрос о запрещении казахам переправляться на правый берег Яика был поставлен в «Инструкции», данной И. Кириллову в 1734 г. В ней, в частности, говорится: «...Границею со стороны России назначить р. Урал и смотреть, чтобы никто из киргизов не переходил самовольно на правый берег». См.: А. Е. Алекторов. Киргизы-казаки. Исторический очерк. «Оренбургский листок», 1889, 6 августа, № 32, стр. 1.

[58] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 239.

хаиром. Прежде всего Джаныбек обратил внимание российской стороны на то, что казахи никогда не согласятся на принятие джунгарского подданства. Именно во время этих переговоров, которые происходили 26 августа 1742 г., батыр Джаныбек заявил: «...Все кайсаки... пользы своей, получаемой от подданства (русского. — *В. Б.*) не почувствовать не может, понеже-де у кого кафтана не было, у того стали два, а у кого один был, у того ныне и более. Также-де и всякую свою потребу з довольством получают, чего им нигде сыскать невозможно» [59].

Эти слова Джаныбека можно принять за истину, если учесть, что они касаются правителей Казахской степи — ханов, султанов, биев, старшин и прочих, но ни в коем случае подавляющего большинства казахского народа. Говорить о каком-то улучшении в то время материального положения трудящихся казахов не приходится. Однако одно будет верно: российское подданство уже тогда, в 40-е годы XVIII в., сыграло большую роль в защите казахского народа от порабощения, а возможно, и полного уничтожения его враждующей Джунгарией.

Касаясь вопроса о казахско-джунгарских отношениях, российская сторона настоятельно советовала представителям Казахской степи и Джаныбеку, в частности, всячески избегать столкновений с джунгарскими войсками, чтобы не давать им повода для вооруженных действий. Ставился вопрос, чтобы казахи близко «к тому владению не кочевали, ибо немногие плуты со обоих сторон великие неспокойства поднять могут».

Наиболее удобным местом для кочевания, учитывая возможность защиты от джунгарского нападения, российская администрация, как и в переговорах с Абулхаиром, считала район новых российских крепостей по рекам Илеку, Берде и Яику, но с одной оговоркой: чтобы казахи «в самую близость к крепостям не подходили» из-за возможности столкновения с русскими казаками. В то же время Джаныбек намекал на предоставление права кочевания в районе Яицкого городка ему и его улусам. И хотя русская сторона категорически отвергла его домогательства, этот пример как нельзя лучше свидетельствует о том, что правители Казахской степи пытались использовать каждую возможность для удовлетворения своих эгоистических интересов.

Была затронута волновавшая казахов проблема взаимоотношений с волжскими калмыками и башкирами. В основном сошлись на том, чтобы не допускать перехода за Яик казахов, с одной стороны, и волжских калмыков — с другой, как единственного в то время средства предотвращения столкновений между ними. К тому же договорились о принятии мер к недопущению нападения друг на друга с целью грабежа, увода в плен людей с имуществом и угона лошадей. Должны были быть приняты меры к возвращению уже награбленного и угнанного, возврату пленных русских и башкир, вплоть до применения силы по отношению к тем, кто препятствует этому.

Как и во время переговоров в августе — сентябре 1740 г., Джаныбек поставил перед российской администрацией вопрос о присвоении ему тарханского звания, при помощи которого он стремился укрепить свое влияние в Казахской степи. Неплюев обещал предварительно посоветоваться с Абулхаиром и согласовать этот вопрос с

[59] Там же.

императрицей, высказав свое личное согласие на присвоение Джаныбеку тарханского звания.

На первый взгляд может показаться, что вопрос о присвоении батыру Джаныбеку тарханского звания является второстепенным и ни в какой мере не связан с русско-казахскими отношениями. Между тем российская администрация и, в первую очередь, начальник Оренбургской комиссии Неплюев и его предшественники придавали чрезвычайно большое значение этому вопросу, рассчитывая актом присвоения тарханского звания Джаныбеку, который, по словам Неплюева, «между киргис-кайсаками не меньше ханов силен» [60], сделать еще один шаг для упрочения России в Казахстане. Со своей стороны Джаныбек, добиваясь присвоения себе звания тархана, считал, что это возвысит его в глазах его соперников, укрепит авторитет и создаст условия для извлечения лично для себя значительных выгод как материального, так и морального характера. Заинтересован был в присвоении ему тарханского звания и хан Абулхаир, строивший планы использования Джаныбека для подавления своих соперников. Следовательно, присвоение тарханского звания совпадало с устремлениями многих группировок в Казахской степи и непосредственно в кругах Оренбургской администрации. Не случайно в своем донесении сенату о присвоении Джаныбеку тарханского звания И. Неплюев 27 сентября 1742 г. обращал внимание на то, что «сильного человека при вышеозначенных обстоятельствах в постоянной е. и. в. верности иметь весьма нужно» [61].

Тарханское звание давало значительные привилегии, а присваивалось оно тем, кто ревностно служил российскому правительству, своей службой укрепляя позиции России в Казахской степи. Это создавало благоприятные условия для увеличения рядов тех, кто был заинтересован в упрочении российского подданства. Иначе говоря, присвоение тарханского звания было одним из средств закрепления подданства казахской знати [62].

Отсюда ясен смысл события, связанного с присвоением Джаныбеку тарханского звания, о котором ему было объявлено И. Неплюевым 26 августа 1742 г. «Оной Джаныбек за верность к е. и. в. службы и по достоинству верноподданного Абулхаир-хана, — читаем мы в указе, — пожалован между киргис-кайсацким народом первым тарханом и детям и потомкам ево, которыя в верной службе е. и. в. будут быть тарханами ж...» [63] Не случайно И. Неплюев обнадеживал: «Каждый по своим заслугам и во время свое получить имеет» [64].

---

[60] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 100.

[61] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 253.

[62] Н. Г. Аполлова. Политические и экономические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в., стр. 394.

[63] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1722—1755, д. 1, л. 70.

[64] Заметим, что Джаныбек при первой же представившейся возможности не упустил случая показать свою преданность России. В частности, в 1745 г., во время его пребывания в Оренбурге у Неплюева, он предложил свои услуги в организации казахского вооруженного отряда для борьбы с джунгарами. Однако в тот момент этого не понадобилось. В то же время И. Неплюев заявил, что в случае, если «оной (джунгарский. — *В. Б.*) владелец оказался и е. и. в. явным противником или б на них (казахов. — *В. Б.*) нападение учинил», тогда не только Джаныбек получит разрешение на организацию казахского ополчения, «но и такие меры примутся, чтобы ево (джунгарского владетеля. — *В. Б.*) единожды навсегда усмирить и безопасным учинить». Джаныбек же предложил свои услуги для розыска товаров с разграбленного в 1738 г. в Старшем жузе каравана. См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 2, л. 46; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 320.

Во время переговоров произошел инцидент, который чуть было не свел на нет результаты встречи. Он впервые наглядно показал российским властям неблаговидные замыслы Абулхаира в отношении России. Имеется в виду требование хана заменить своего сына, султана Кожахмета, который находился в России в качестве аманата, на сына Чингиза, родившегося от калмыцкой женщины-наложницы. Если бы это требование было выполнено, был бы нанесен удар по позициям России в Казахской степи, ибо действия Абулхаира ничто бы уже не связывало. Поэтому И. Неплюев отказал хану Младшего жуза в его требовании, заявив, что для этого нужен специальный указ императрицы. Что касается смены аманата в данный момент, то она могла быть произведена лишь на единоутробного брата — Ерали или Нурали, которые уже в то время пользовались в степи большей популярностью, нежели сам Абулхаир. Ответ вызвал крайнее неудовольствие хана.

Это были неутешительные симптомы, оставившие как у российской, так и у казахской стороны неприятный осадок. Не случайно И. Неплюев акцентировал внимание Коллегии иностранных дел на то, что хотя Абулхаир, имея своего сына в аманатах, «в противность себя оказать не может, однако ж и полагаться на него невозможно, яко человек лжив и высокомерен...»[65]

Чтобы не дать Абулхаиру повода к антироссийским действиям, И. Неплюев согласился с его просьбой ходатайствовать перед Елизаветой Петровной об утверждении «наследником ханства» старшего сына Абулхаира, султана Нурали. Абулхаир вновь подтвердил свою верность России. Следовательно, и здесь мы имеем дело с конкретным примером заинтересованности Абулхаира в использовании российского подданства в своих корыстных целях укрепления своих позиций в Казахской степи. Русские власти, понимая, что претворение в жизнь этих устремлений Абулхаира совпадает с планами царского правительства, всячески содействовало их осуществлению. Кстати сказать, в своем письме к Елизавете Петровне от 3 сентября 1742 г. Абулхаир хотя и просил возвратить сына Кожахмета, но опять заявил о своей верности России [66].

Мы уже отмечали, что для осуществления контроля над действиями Абулхаира поднимался вопрос о том, чтобы приставить к нему постоянного представителя царского правительства. К концу орской встречи таким представителем был назначен прапорщик-геодезист И. Муравин, перед которым ставилась задача «примечать на поступки ханские и репортовать», установить, какими целями руководствовался Абулхаир, добиваясь замены аманата. Муравин должен был принять меры к недопущению перекочевки казахов через Яик, чтобы предотвратить столкновения с русскими казаками и калмыками. Наконец, перед Муравиным ставилась сложная задача содействовать поимке Карасакала, возвращению беглых башкир и ограждению от нападений на торговые караваны.

Заметим, что на орские переговоры в августе — сентябре 1742 г. не прибыл приглашенный хан Среднего жуза Абулмамбет, хотя он не доехал «до крепости заполдни». Это связано со многими причинами. Наиболее существенной является то, что Абулхаир добивался задержания Абулмамбета российскими властями в качестве аманата, чего опасался хан Среднего жуза. Немаловажной является также

---

[65] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, лл. 100—101.
[66] Там же, 1743, д. 7, л. 11.

боязнь Абулмамбета в случае улучшения связей с Россией ухудшения отношений с Джунгарией, которая, как известно, усилила в это время свои агрессивные действия против кочевий Среднего жуза, находившихся далеко от России. Абулмамбет же рассчитывал с помощью Галдан-Церена получить во владение город Туркестан. Не случайно он намеревался принять джунгарское подданство и направить владельцу Джунгарии аманата, ибо, как стало известно российской администрации через Уракова и Уразина, Абулмамбет говорил: «Ежели ему сына своего к нему (Галдан-Церену. — *В. Б.*) не посылать, то нигде места будет не найтить, и как-де он (Галдан-Церен. — *В. Б.*) паки войско свое на него пошлет, то-де русские его охранить не могут...» [67] Здесь мы вплотную столкнулись с совершенно правильными доводами Абулмамбета, сводившимися к тому, что в тех условиях России, естественно, было легче оградить от джунгарского нашествия Младший жуз, нежели Средний, из-за его более значительной удаленности от России.

В. Активизация политики царизма

Теперь мы подошли к вопросу об интригах Абулхаира против Абулмамбета, связанных с серьезными противоречиями, которые обострились между ханами Младшего и Среднего жузов в 40-х годах XVIII в. Прежде всего обращает на себя внимание то, что Абулхаир зачастую шел на различные провокации с целью упрочить свое положение и извлечь для себя побольше выгод. Он никогда не брезговал никакими средствами для достижения цели. Ему ничего не стоило оклеветать перед российской администрацией того, в ком он видел своего соперника. Это тогда уже заметил И. Неплюев (сам зачастую действовавший, кстати сказать, этими же методами), сообщая 27 сентября 1742 г. в Коллегию иностранных дел: «Чиня вымышленные разглашения, более тем народы разврасчает, нежели совокупляет к верности, ибо явно есть, что он (Абулхаир. — *В. Б.*) для помянутых резонов не могши отстать, тщится один всегда верности остаться и чрез то себе пред другими вящшее почтение и награждение получать и нужным себя вменять...» [68]

В этом отношении Абулхаир «многие пакости чинил» хану Среднего жуза Абулмамбету, о чем последний догадывался. Абулхаир, требовавший от оренбургской администрации задержания в Оренбурге Абулмамбета, в свою очередь через своих лазутчиков пытался убедить хана Среднего жуза в том, что идея задержания принадлежит российским властям [69]. И хотя власти ставили перед Абулмамбетом вопрос так, чтобы он, «не уверясь таким разглашениям», оставался бы в «милости е. и. в.», он «во всем без основания» колебался [70]. Не случайно одной из причин отсутствия Абулмамбета на орских переговорах явились интриги Абулхаира против него перед российской администрацией. Более того, в донесении И. Неплюева Коллегии иностранных дел от 27 октября 1742 г. имеется прямое указание на то, что Абулхаир, стремясь опорочить Абулмамбета в глазах оренбургской администрации и тем самым укрепить свой авторитет в Казахской степи, с одной стороны, и перед русскими властями — с

---

[67] Там же, 1742, д. 4, л. 104.

[68] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 254.

[69] «Книга Азиатского департамента № 21», л. 99. «Красный архив», 1938. т. 2 (87), стр. 141.

[70] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 254—255.

другой, принимал меры к тому, чтобы убедить Абулмамбета направить аманатов джунгарскому владетелю[71]. Но и Абулмамбет имел свои планы в случае направления аманатов к Галдан-Церену получить «город Туркестант и другие некоторые места, которые... Абулмамбетовым предкам издавна принадлежали...» [72] Следует учесть, однако, что в то время, если бы даже пришлось иметь дело не только с передачей Абулмамбетом аманатов джунгарскому владетелю, но даже с переходом самого Абулмамбета на сторону Джунгарии, это не могло бы ослабить стремления к присоединению Среднего жуза к России, так как подавляющее большинство казахов Среднего жуза имело твердое намерение принять российское подданство, о чем свидетельствовали в своих донесениях представители российской администрации, находившиеся в Казахской степи. В частности, как сообщал в Правительствующий сенат И. Неплюев 8 июля 1743 г., «вся Средняя орда вслед его (Абулмамбета. — *В. Б.*) подвинулась... весьма нечаемо, ибо и за таким ево отдаленным кочеванием помянутой Средней орды немалое число поблизости здешних мест кочуют и для торгу сюда немалое людство приезжает. А буде он, хан, паче чаяния и совершенно в тамошнюю сторону (в Джунгарию. — *В. Б.*) отошел и передался, то из-за сего важных следствий и опасностей здешним местам нечаемо, и яко то во многолюдстве учинить весьма неможно» [73]. Это прекрасно понимал и Абулмамбет, который не случайно прислал своих послов к Неплюеву с сообщением о том, что он «е. и. в. во всегдашней верности пребывает». Это же подтвердили через своих посланцев султаны Барак и Батыр, которые к этому времени еще не присягали на российское подданство [74].

В то же время, как сообщил оренбургской администрации султан Ерали, существовала угроза нападения Абулмамбета и Барака на русские крепости. Наряду с этим Абулмамбет, не желая обострять отношений с Джунгарией, как явствует из донесения Неплюева в Коллегию иностранных дел от 18 ноября 1742 г., направил к джунгарскому владельцу своего младшего сына, султана Абулфеиза, в качестве аманата под предлогом предотвращения войны с Джунгарией и освобождения из плена султана Аблая, проявив тем самым склонность «к протекции зюнгарского владельца..., льстясь через него получить себе Туркестант...» и еще 32 города [75]. Однако, направив сына к Галдан-Церену в качестве аманата, Абулмамбет сковал свои действия и по существу полностью поставил себя в зависимость от джунгарского хунтайджи. Тем самым он облегчил действия Джунгарии в отношении Казахской степи.

В создавшейся чрезвычайно сложной и напряженной обстановке, в условиях активизации агрессивной политики Джунгарии в сторону Казахской степи, которая в любой момент могла привести к ее захвату, а следовательно, и переходу казахов под власть джунгарского хунтайджи, российской стороне приходилось предпринимать са-

---

[71] Там же, стр. 264.

[72] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, лл. 175—175 об.

[73] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 284.

[74] Барак принял российское подданство вместе с 10 тысячами казахов найманского рода во второй половине 1742 г. «По закону нашему, — читаем мы в письме султана Барака, направленном императрице Елизавете Петровне через его посла Сарымбета, — е. и. в. в верности присягу учинили в том, что *всякое повеление... без всякого умедления исполнить* (выделено нами. — *В. Б.*); а которые е. и. в. приятели, те и нам приятели вовеки наши, и с такими неприятелями будем поступать не счадя своего живота...» См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 268.

[75] Там же, стр. 269, 270.

мые срочные и энергичные меры для удержания, а затем и укрепления своих позиций. Прежде всего встал вопрос, что предпринимать и каким образом. В данном случае надо было действовать наверняка. Любое опрометчивое решение могло повлечь за собой нежелательные для Российской империи последствия. В то же время уместно отметить, что на том этапе развития русско-казахских отношений казахский народ и правители степи не выдвигали никаких мотивов, которые толкали бы их на отход от российского подданства, кроме тех, «что не имея защищения, принуждены поддаться зюнгарскому владельцу, и в том ему аманатов дать...» [76]

Вот почему начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев и его аппарат занялись разработкой мер по ограждению казахов Младшего и Среднего жузов от джунгарского вторжения. Перед Коллегией иностранных дел был поставлен вопрос «наискоряе совершить и утвердить» Оренбург и всю Оренбургскую линию и, в частности, «назначенные на всей линии крепости до Верхояцкой пристани и до Тоболу строением и населением людей в них утвердить», «и оные обе орды, также и нижних каракалпак в подданстве е. и. в. содержать». Намечалось остро поставить вопрос перед джунгарским владельцем о прекращении набегов на Казахстан. Большие надежды возлагались на русского посла Карла Миллера, до этого побывавшего в Ташкенте и имевшего «знакомство и дружбу» с «зенгорским славным посланцем Кашкою», направленного к Галдан-Церену не только «для пресечения всех чинимых от ...зюнгорского владельца киргис-кайсакам... сильных угроз разорением...», но и «колеблющихся ныне киргис-кайсацких ханов, салтанов и весь в непостоянствах обрасчаюсчейся киргизской народ в подданстве и в верности е. и. в. утвердить и ежели возможно будет удержать... [77] Не случайно, направившись в Джунгарию через улусы Младшего, Среднего и Старшего жузов вместе с султаном Ерали и джунгарским посланцем, русский посол встречался с казахскими биями, старшинами и батырами Сары, Букеем, Ерлибаем, Карабием, Алтабаем, Бильдебаем, Бектемир-баем, Наурузом, Мамбетбаем, Жанжигитом и другими влиятельными лицами Казахской степи, вел с ними длительные беседы, главной темой которых было предотвращение направления казахских аманатов в Джунгарию и разъяснение целей поездки российского посольства к Галдан-Церену. На Миллера же возлагалась задача добиваться того, чтобы джунгарский владелец, «сохраняя с Российскою империею доброе соседство... отправленного ханского сына не принял, но возвратил бы ево к отцу и впредь киргис-кайсаков никого б в свое владение не принимал...» [78] С аналогичной просьбой И. Неплюев обратился и к Сибирскому губернатору, которому легче было связаться с джунгарским правителем.

Этих же действий придерживались находившиеся в Среднем жузе в качестве посланников России переводчик Р. Уразин и вахмистр Лихачев. Обращает на себя внимание то, что во время их пребывания у Абулмамбета они «всеми мерами старались» убедить хана отказаться от направления своего сына к Галдан-Церену.

Большое значение для выяснения взаимоотношений хана Абулмамбета и султана Барака с Галдан-Цереном имели показания башкира Тюкана Балтасева в канцелярии Оренбургской комиссии, возвратившегося из Среднего жуза в Орск 14 августа 1743 года. В част-

---

[76] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 104.
[77] Там же, л. 103; д. 2, лл. 21—22 об.
[78] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 271.

ности, он сообщил о том, что, прежде чем отпустить из плена султана Аблая, джунгарский правитель потребовал сменить находившегося в Джунгарии сына Абулмамбета, султана Абулфеиза, на сына султана Барака. Этим самым хунтайджи рассчитывал получить признание в джунгарском подданстве не только владений хана Абулмамбета, но и султана Барака. Султан Аблай обещал по возвращении из джунгарского плена добиться выполнения этого требования. Вместе с тем Галдан-Церен выдал замуж за Аблая одну из своих дочерей и обещал ему в районе Ташкента несколько вотчин. Следовательно, джунгарский владелец имел далеко идущие цели — посредством этих сделок прочно закрепиться в Казахской степи.

В то же время Тюкан Балтасев усмотрел, что султан Аблай склонялся «к российской стороне» и «о противностях в той орде ни о каких не слыхал» [79]. Более того, сам Аблай сообщал И. Неплюеву о том, что хан Абулмамбет и его приближенные «ево в том полону без всякого старания и попечения оставили, и свобода-де ему оттоль учинена высочайшим е. и. в. призрением и милосердием чрез посылку туда майора Миллера...»[80]

Для недопущения каких-либо внезапных и непредвиденных действий со стороны Джунгарии, с одной стороны, и казахских ханств — с другой, российская администрация зорко следила за развивавшимися событиями в этом районе. В особенности же внимание обращалось на взаимоотношения хана Среднего жуза Абулмамбета с джунгарским хунтайджой Галдан-Цереном. Чтобы не дать возможности хану Среднего жуза «к стороне зюнгорской единственно прилепиться», начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев предлагал при удобном случае задержать Абулмамбета в Оренбурге за «явное нарушение присяжной ево должности» и потребовать от него в качестве аманата старшего сына, находившегося при Абулмамбете. Кстати сказать, в этом отношении взгляды Неплюева сошлись с предложением Абулхаира, о чем было сказано выше.

В своих планах укрепления позиций России в Казахской степи И. Неплюев шел еще дальше, намереваясь в случае, если Абулмамбет передастся на сторону Джунгарии, сменить его другим, более послушным ханом. Следовательно, намечается политика командования, давления, диктата царской администрации в Казахской степи. Считая, «что на нево напрасно сердятся за отдачу сына ево к зюнгорскому владельцу», Абулмамбет, как сообщал И. Неплюев в Коллегию иностранных дел в сентябре 1743 г., говорил, что это «верности ево к е. и. в. не мешает, а буде-де потребно, то у него и другой сын есть, которого он в Россию отдать может».

Таким образом, оренбургская администрация настойчиво проводила в жизнь генеральную линию русского правительства на прочное закрепление в занятых районах и недопущение захвата Джунгарией Казахской степи.

Чтобы помешать России, джунгарский правитель предпринял ряд мер военного характера. По сообщению русских посланцев, прибывших из Джунгарии, в середине 40-х годов XVIII в. Галдан-Церен сосредоточил в местах соприкосновения с казахскими кочевьями и русскими крепостями свыше 20 тысяч войск [81]. Им было придано 7 тысяч работных людей «для проложения чрез некоторыя горы к Тангутскому владению дороги» к осени 1745 г. По сообщению Уразин-

---

[79] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 3, лл. 125—125 об.
[80] Там же, д. 97.
[81] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, лл. 149—155.

на, подтвержденном командующим сибирским корпусом генерал-майором С. В. Киндерманом, «оной владелец (Галдан-Церен. — *В. Б.*) имеет намерение обретающееся вверху Иртыша российское войско осадить, а вниз по той реке розставить несколько тысяч человек караулы, дабы вверх по Иртышу не пропущать военных людей и запасу». Полковник Павлуцкий и подпрапорщик Соболев сообщали И. Неплюеву о том, что «у зюнгорцев разставлены во многих местах частые караулы, каковых прежде не бывало». И хотя, как сообщали русские казаки, находившиеся при хане Абулмамбете, «он (Галдан-Церен. — *В. Б.*) все это от страху чинит и не инаково, как токмо оборонительно стоять хочет» [82], русская администрация в Оренбурге и Тобольске должна была быть готовой к любой неожиданности.

Вместе с тем продолжали предприниматься меры по запрещению казахам с их скотом передвигаться в район Яика. 19 октября 1742 г. в соответствии с указом императрицы от 30 сентября 1742 г. было дано специальное распоряжение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева «о запрещении казахам кочевать близ реки Яик», в котором жителям Казахской степи напоминалось о запрещении переходить через Яик и о их праве кочевать лишь в районе рек Берды, Илека и других, со степной стороны впадающих в Яик, но при условии, чтобы близко не подходить к «новострояющимся крепостям, дабы тако к ссорам с русскими людьми, а особливо с яицкими казаками и с волскими калмыками никакова поводу не было, ибо то единое есть средство к спокойному житью...» [83] Казахские ханы и султаны предупреждались о необходимости отхода казахов от Яика. В случае же неповиновения оренбургская администрация грозила поступить с ними, как «с противниками высочайших е. и. в. указов...», вплоть до применения вооруженной силы.

В развитие этого распоряжения в октябре 1742 г. Оренбургская комиссия разработала инструкцию для командующего вооруженными силами этого района подполковника Ртищева, в соответствии с которой от него требовалось ни в коем случае не допускать перехода казахов через Яик, а затем и на правый берег Волги. Если же казахи со своим скотом вздумали бы силой осуществить это намерение, Ртищеву предоставлялось право «велеть войску яицкому оных не пропускать и отвращать от того намерения силою ж и оружием...» [84]

Кроме применения силы предусматривалось направление в казахские улусы представителей российской администрации, в задачу которых входило разъяснение казахам указа императрицы о запрещении перехода через Яик «ни под каким видом». Что же касается тех казахов, которые в то время кочевали между Волгой и Яиком, то они немедленно должны были покинуть эти кочевья и перейти на левую сторону Яика. Для этого предусматривалось «нарядить... из Яицкого войска сильную партию самых лутчих доброконных казаков...», при помощи которых в случае неповиновения казахов перейти *на левый берег Яика, «...силою на их кайсацкую сторону прогнать»* [85]. Более того, если потребуют обстоятельства в инструкции предусматривалось использовать против казахов калмыцкие воинские отряды, причем калмыки заранее обнадеживались, что «полученная ими добычь отдается им» [86].

---

[82] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 326—327.
[83] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 195 об.
[84] Там же, л. 191.
[85] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 266.
[86] Там же.

Перед царскими войсками была поставлена задача не только не пропускать казахов на правый берег Яика, но и все сделать для того, «чтоб и впредь на такие противности более отважиться не могли», для чего предусматривались аресты, содержание «под крепким караулом», допросы с целью установления зачинщиков и подстрекателей к нарушению царских распоряжений [87]. По указу Правительствующего сената от 5 марта 1744 г. пойманные казахи должны были направляться в ссылку «из Оренбурга... в Рогорвик, а из Сибири — на Нерчинские серебряные заводы». В то же время, в соответствии с указом Коллегии иностранных дел от 11 мая 1747 г.[88], подтвержденном 31 декабря того же года [89], предусматривалось массовое осеннее выжигание степи по одной стороне Яика вплоть до Каспийского моря, чтобы лишить казахов повода для перегона их скота на правый берег Яика.

В качестве протеста против таких действий царских властей казахи в отдельных случаях вынуждены были прибегать к нападениям на русские крепости, расположенные вдоль Оренбургской линии. Часть казахов Младшего и Среднего жузов, «отделясь от Абулхаир-хана, взбунтовав, пошли во многолюдстве под российские крепости и под волских калмык...» [90] Более того, в 40-х годах XVIII в. в ряде случаев хан Абулхаир, который не смог добиться от царских властей возвращения Кожахмета, лично являлся инициатором антирусских выступлений казахов, хотя сам оставался в стороне, стремясь использовать эти выступления в своих интересах. В частности, хан хотел создать впечатление у русских властей о своей преданности России. Если в прежние годы он объявил, что народ его не слушает, то теперь, как доносил И. Неплюев в сентябре 1743 г. в Коллегию иностранных дел, Абулхаир «старается и всякое усердие изъявляет, чтоб пленных (русских. — *В. Б.*) людей всех собрать и освободить» [91]. Несмотря на то, что хан и в это время был не в состоянии удержать свой народ в повиновении, — одно его слово в условиях нажима царского правительства могло толкнуть казахов «на всякое зло». Лично же Абулхаир «с великою неумеренностию и с угрозам... к тайному советнику Неплюеву писал, объявляя, что от неперемены сына его и народ в замешание приходит и без того успокоен быть не может» [92]. Он же, чтобы воздействовать на русское правительство и заставить его возвратить сына и прислать войска в распоряжение Абулхаира, чтобы с их помощью укрепить свое положение в Казахской степи, шел на различные провокации вплоть до инсценирования откочевки улусов Младшего жуза в район Туркестана — Ташкента [93], организации нападения на строившиеся тогда по Оренбургской линии крепости, в результате чего только в 1743 г. «при фортпостах яицких казаков людей ранили, до смерти побили, в плен побрали и разные грабежи причинили» [94].

В этой связи следует особо остановиться на противоречиях, сложившихся между оренбургской администрацией и ханом Младшего

---

[87] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 193 об.

[88] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 125, 145. «Красный архив», 1938, т. 2. (78), стр. 148, 153.

[89] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 522.

[90] Там же, стр. 294—295.

[91] Там же, стр. 303.

[92] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 109 об. — 110. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 143.

[93] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 306.

[94] «Книга Азиатского департамента № 21», л. 109. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 143.

жуза. Мы уже видели, что Абулхаир неоднократно ставил перед И. Неплюевым вопрос о возвращении своего сына, султана Кожахмета, находившегося в России в качестве аманата.

26 ноября 1746 г. на имя Неплюева из Казахской степи поступило письмо за подписью султана Нурали [95], в котором впервые официально ставился вопрос о причинах недовольства хана Абулхаира И. Неплюевым. Нурали сообщил И. Неплюеву, что Абулхаир подозревает оренбургского губернатора в скрытии от императрицы требований Абулхаира о возвращении из аманатов его сына, султана Кожахмета. Более того, стало известно из сообщения сакмарского казака М. Асанова, прибывшего из Среднего жуза в мае 1747 г., что хан Абулхаир имел «намерение послать от себя тайно и другими окольными местами нарочного человека с просьбою ево, хана, в С.-Петербург к е. и. в.» [96], чтобы добиться осуществления своих целей. Более откровенно об ухудшении отношений с оренбургской администрацией сказал сам Абулхаир в письме к А. Тевкелеву в феврале 1748 г., в котором мы читаем: «По отъезде Вашем (в 1732 г. — *В. Б.*) год от года стало быть хуже, и от самого того времени между обоими сторонами произшедшие затруднения всемилостивейшей государыне доносятся ли, я для того об отправлении Вас сюда с представлением моим просил» [97].

Заметим, однако, что подозрения Абулхаира в отношении И. Неплюева ни на чем не основывались, так как ни один шаг оренбургского губернатора в Казахской степи не делался без ведома Правительствующего сената и Государственной коллегии иностранных дел. Все его практические действия направлялись и санкционировались правительством. Поэтому, проявляя свое недовольство Неплюевым, Абулхаир тем самым показывал несогласие с некоторыми действиями российского правительства. И дело здесь, разумеется, не в том, что правительство не соглашалось на возвращение Кожахмета. Абулхаир достаточно хорошо понимал, что на том этапе развития русско-казахских отношений царское правительство не пошло бы на потерю заложника. Слишком большая заинтересованность была у него в сохранении и укреплении своих позиций в Казахстане. Даже в 1759 г., когда после принятия казахов в российское подданство прошло уже около тридцати лет, А. Тевкелев и П. Рычков, к голосу которых прислушивались в Петербурге, все еще продолжали настаивать на том, что «содержание аманатов для верности и укрепления оных орд... не только потребно, но и весьма нужно» [98].

Если более конкретно сформулировать причины недовольства Абулхаира, то они в основном сводились к тому, что полностью не оправдались надежды на усиление его власти в степи, подавление своих соперников и захват лучших кочевий при помощи российских вооруженных сил. Тем самым рушилась его концепция, официально высказанная вслух в 1740 г., о том, что лишь с приходом русских войск можно зекрепить подданство [99]. В данном случае закрепление российского подданства, по Абулхаиру, идентично укреплению его власти. Однако, как уже отмечалось, российская администрация не была заинтересована в укреплении одного хана за счет ослабления другого, в ее

---

[95] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 329—330.
[96] Там же, стр. 351.
[97] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 374.
[98] Там же, стр. 578. См. также: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 396.
[99] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 134.

планы не входило создание сильной централизованной власти в Казахстане. Наоборот, российская сторона стояла за ослабление этой власти, хотя и не исключалось на том или ином отрезке времени пользоваться силой и авторитетом отдельных правителей для осуществления своей программы. Для подтверждения этого достаточно сослаться на высказывание И. Неплюева: «В киргизском народе между протчими особливо главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может». И. Неплюев считает, далее, что если даже отбросить величайшую сложность создания в Казахской степи централизованной власти, сосредоточенной в руках сильного хана, из-за постоянной междоусобной борьбы сам факт ее создания противоречил бы интересам царского правительства. «Нынешняя их форма правления, — говорит И. Неплюев, — по дикости народной и по ситуации обоих орд (т. е. Младшего и Среднего жузов. — *В. Б.*) для высочайших е. и. в. интересов такова, каковой всегда быть надобно, ибо сильные ханы, тем под случай народного их неспокойства во усмирении их больших трудностей лутшее кажется средство в нынешней их мере содержать, не допуская ни ту, ни другую сторону как силиться, так и в большое безсилие приходить» [100].

Оренбургской администрации нетрудно было понять, что требования Абулхаира о возвращении из Петербурга его сына, да еще усиленное тезисом «без перемены другим», было лишь поводом для осуществления корыстолюбиво-эгоистических устремлений хана Младшего жуза.

Добиваясь осуществления своих целей, Абулхаир шел на различные авантюры, вплоть до проведения активной агитации среди своих соплеменников о необходимости откочевки к среднеазиатским ханствам и даже «преклонитца к персидскому шаху» [101]. Он надеялся, что его угрозы произведут нажим на царское правительство и вынудят его предоставить в распоряжение Абулхаира требуемую вооруженную поддержку, дабы «ему в народе своем и над протчими владельцами усилиться и чрез то народом своим в свои виды действовать» [102]. Эти устремления Абулхаира легко были разгаданы в Оренбурге. В них российская администрация усмотрела «коварство», шедшее вразрез «с высочайшими е. и. в.» интересами [103]. Ввиду этого любые шаги Абулхаира не являлись неожиданностью.

Между тем Абулхаир продолжал свою антироссийскую деятельность, с особой силой проявившуюся в феврале 1746 г. и в январе 1747 г. В феврале 1746 г. две сильные партии казахов обошли яицкие форпосты ниже Гурьева морем, по льду, перешли на правый берег Яика и в районе Красного Яра разбили и ограбили калмыцкий улус и станы русских рыбаков, угнали много табунов лошадей, скота и увели в плен 638 калмыков и русских [104], в числе которых были русские купцы А. Ганюшкин, И. Ветлугин, переводчик Араслан Бекметев, казак А. Версин и другие [105]. В результате этой операции было убито 55 человек. Через год, в январе 1747 г., отряд казахов в составе 500 человек, обойдя учрежденные по Яику форпосты и минуя Гурьев, подошел степью к Волге, ограбил местных жителей и угнал

---

[100] Там же, стр. 401.
[101] Там же.
[102] Там же, стр. 362, 264.
[103] Там же, стр. 361.
[104] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 127—127об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 148.
[105] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 387.

много лошадей и скота. На обратном пути он попал в засаду, устроенную яицкими казаками, и, потеряв 50 человек убитыми и 102 лошади, ушел в степь [106]. Как сообщали в Оренбург казахские батыры Чабай, Алтай и Кирилбай, ханом Младшего жуза готовились новые нападения. Были мобилизованы «киргис-кайсаки немалым собранием под волских калмык» с целью «тракт иметь подле моря (Каспийского. — *В. Б.*)» [107]. Поднять казахов на такое «собрание» против волжских калмык для Абулхаира особого труда не составляло, так как у них «с калмыками издревле бывали ссоры» [108]. Страсти усиливали заявления Абулхаира о том, что «доколь река Яик не высохнет, так и киргизский народ, даже до представления света, от Яика не отлучится, понеже, кроме оного, удобного места им другого не отыскать» [109]. Но такой поход привел бы к обострению взаимной вражды между Казахской и Калмыцкой степью, с яицким казачеством, а, следовательно, сыграл бы отрицательную роль в осуществлении российских планов в Казахстане. Именно в «плутовстве» Абулхаира видел И. Неплюев главную причину беспорядков в Казахской степи. В то же время, как сообщал оренбургский губернатор в Коллегию иностранных дел 9 февраля 1747 г., в этих беспорядках участвовало лишь незначительное число казахов, да и то лишь из ближайшего окружения Абулхаира. «А чтоб весь народ генерально к тому участны были, — писал Неплюев, — того признать невозможно» [110].

Несмотря на это, российская администрация ускоренными темпами предпринимала меры по пресечению антироссийских выступлений в Казахской степи. Для обуздания недовольных казахов предлагались различные способы. Например, уфимский вице-губернатор Аксаков считал целесообразным использовать против них башкир. И если сенат не согласился с этим мнением Аксакова, то не потому, что им двигали какие-то гуманные побуждения, а лишь из-за того, что «будучи худоконны, нечего не преуспеют как сами, заехав в киргиз-кайсаки, пропадут». Направление башкир в Казахстан вызвало бы еще большее противодействие казахов, и в этом случае надо было бы снарядить «не малое число воинских людей... к защищению их (башкирских. — *В. Б.*) жилищ» [111]. Но, пожалуй, самым веским аргументом против предложения Аксакова была боязнь царского правительства, что в случае направления башкир против казахов «некоторые из них вместо поиску к известному плуту Карасакалу» перейдут [112].

Наконец, царским правительством были предприняты меры, «чтоб всякую их (казахов. — *В. Б.*) на такие злодейства охоту и отважность на всегдашнее время пресечь» [113]. Эта политика находила разъяснение в совершенно циничных формах: «...С неусыпным моим попечением старание имею и всегда прилежать долженствую, чтоб оные степные народы, сколько возможность допустит, в страх и во обуздание привести» [114], — писал И. Неплюев в своем представлении Правительствующему сенату 8 июля 1743 г. В другом месте он более откровенно разъясняет, что значит держать степные народы в

---

[106] «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 148—149.
[107] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 334.
[108] Там же, стр. 340.
[109] Там же, стр. 366.
[110] Там же, стр. 334.
[111] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 6, л. 2об.
[112] Там же.
[113] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 334.
[114] ЦГАДА СССР, ф. 248, кн. 18/140, л. 238.

страхе: «Некоторые киргис-кайсацкие Меньшей орды улусы намерены тогда были вниз по Яику кочевать, — доносил в Коллегию иностранных дел И. Неплюев, — и ежели б оные и на продерзость поползнулись, то и отомстить свободнее, ибо возможно одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца и тем их в страх привести...» [115] Следует, однако, тут же заметить, что хотя это представление И. Неплюева и было принято Коллегией иностранных дел «в рассуждение», оренбургскому губернатору поручалось в случае явной «продерзости» казахов не смешивать всех их, «а только некоторых на страх другим, калмыками или башкирцами смирить» [116].

Предусматривалось усиление воинских команд в пограничных районах и организация воинских поисков в Казахскую степь.

20 сентября 1743 г. сенат принял указ о посылке воинских отрядов против казахов, нападающих на русские крепости. Решающее значение придавалось отборным частям яицких казаков, которым предоставлялось право «не только лошадиные табуны отгонять, но и самих бы их (казахов. — *В. Б.*), сколько можно более захватить».

Царское правительство рассчитывало, что это обезопасит русские крепости, создаст условия для обмена плененных казахов на русских пленных и будет способствовать тому, чтобы постоянно держать казахов в «страхе и надлежащем подданстве» [117]. Кстати сказать, указ этот предусматривал в случае жалобы казахов на яицких казаков в Оренбургскую комиссию, «отозваться, что яицкие казаки учинили то собою без указу за их обиды...» [118]

Кроме яицких казаков и регулярных русских войск, против казахов имелось в виду использовать волжских калмыков, также недовольных беспокойством со стороны Казахской степи, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Мы же упомянем лишь о жалобе наместника калмыцкого ханства Дондук Даши на шестикратное нападение казахов на калмыцкие улусы в 1743 г., в результате чего было взято в плен «более 30 душ, а пожитков и скота... весьма много» [119].

Как видно, царскому правительству было на кого опереться. По этому поводу 28 сентября 1743 г. было принято специальное постановление Правительствующего сената, подписанное графом Алексеем Бестужевым-Рюминым, Карлом Бреверсом, Петром Курбатовым и Василием Бакуниным [120], в котором внимание правителей калмыцкой степи акцентировалось прежде всего на «киргис-кайсацкое к е. и. в. клятвопреступление, ...учиненные ими при Оренбурге злодейства, ...часто чинимые ими ж на калмыцкие улусы подбеги» и необходимость «отомщение чинить и затем на оных калмыцкие войска и лехкие партии посылать...» Петербург в данном случае советовал объяснить казахам, «что хотя калмыкам или башкирцам такие поиски чинить указом и запрещено, но они, не стерпя чинимых им от киргиз-кайсаков нападений, собою на то мщение поступили...» [121], тем более

---

[115] «Книга Азиатского департамента № 21», л. 139. «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 151.

[116] И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Хронологический перечень грамот. Оренбург, 1898, стр. 21.

[117] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 6, л. 3.

[118] Там же, л. 3 об.

[119] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 102—102 об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 144.

[120] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 6, лл. 6—7 об.

[121] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 140—140 об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 151.

что поводов для этого было более чем достаточно. Взять хотя бы то, что Абулхаир организовал несколько разорительных походов в Башкирию, «чтоб одного из детей своих в Башкирии ханом утвердить» [122].

Задача, следовательно, состояла в том, чтобы добиться отхода казахов «от Яика подоле», не заходя в глубь Казахской степи и себя в азарт не отдать» [123].

Это были первые шаги колониальной политики царского правительства в Казахской степи, осуществляемые посредством использования национальной розни и еще большего ее углубления путем натравливания одной народности на другую.

Этими действиями оренбургской администрации Правительствующий сенат остался «весьма доволен», ибо, как сообщал И. Неплюев в Коллегию иностранных дел 29 июля 1745 г., у казахов уже в обычай вошло не переходить на правый берег Яика, за исключением «тайных воровских набегов» [124].

В то же время оренбургская администрация понимала, что воинские поиски вредны и относительно опасны не столько для казахских, сколько для российских интересов. Учитывая, что «их (казахов. — *В. Б.*) всегдашние и самые лучшие кочевки между рек Эмбы и Яика, также около тобольских и ишимских вершин бывали и ныне около тех мест кочуют» [125], т. е. рядом с российскими границами, нетрудно представить, что в случае применения воинской силы для поисков виновных в нападениях на российские пределы в условиях поголовного наказания населеня подозреваемых улусов [126], казахи вынуждены были бы откочевать подальше от опасности. В этом случае путь их лежал бы к Джунгарии или к туркменской и хивинской границам. И в том и в другом случае казахи выходили бы из-под влияния России и попадали бы в зависимость от Джунгарии или владельцев среднеазиатских ханств. Если учесть, что Старший жуз в это время находился под владычеством Джунгарии, что в районе Бухары стояли войска персидского шаха, а хан Абулхаир, в соответствии с поступившими в Оренбург известиями, «с помянутым шахом переписку вчинял и своих посланцев к нему посылал, да и сам оной шах, будучи в Хиве, помянутого хана... к себе для свидания приманивал, токмо он, боясь ево, уехал» [127], — нетрудно понять, что в этих условиях Россия потеряла бы все то, что с таким большим трудом было достигнуто в течение длительного периода.

Добавим к этому, что оренбургская администрация не была уверена в надежности российских крепостей, построенных по линии рек Волга — Сакмара и Яик — Тобол (Уйская линия). Как указывается в рапорте И. Неплюева в Коллегию иностранных дел, без увеличения гарнизонов гарантировать безопасность «весьма невозможно..., яко по большей части ограждены (крепости. — *В. Б.*) одними заплотами, а регулярных немного под случай... генерального киргис-кайсацкого замешания» [128]. Следовательно, крепости эти не могли явиться преградой на пути продвижения конных казахов в глубь российской терри-

---

[122] Там же, стр. 146.

[123] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 6, лл. 5—5об.

[124] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 311, 321.

[125] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 345.

[126] Чаще всего получалось так, что виновных редко настигали и по-существу наказывали «только тех, кто, не чувствуя за собой вины, сидел спокойно на месте и не торопился уходить». См.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I. СПб., 1906, стр. 59.

[127] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 345, 361, 362.

[128] Там же, стр. 346.

тории, и, в частности, в Башкирские и Калмыцкие степи. Они довольно легко могли быть обойдены. К этому следует добавить, что «и калмыки и яицкие казаки одни управиться с ними (казахами. — *В. Б.*) также не в состоянии» [129]. К тому же, как указывали А. Тевкелев и П. Рычков, казахи в случае возникновения необходимости «все свое людство вне вероятной скорости собрать и по всей линии разсыпать могут, они ж лошадьми так достаточны, что один по две и по три, а многие и больше хороших лошадей иметь могут» [130].

Ввиду этого И. Неплюев склонялся к тому, что более эффективным средством для решения всех вопросов, связанных с урегулированием отношений с Казахской степью, являются переговоры и расширение торговых контактов. В своем рапорте Коллегии иностранных дел от 15 мая 1747 г. он требовал от своего правительства «оные народы отчасти страхом, а больше добрыми распорядками в верности содержать и время от времени чрез торг и добрые распоряжения в лутшее состояние и в спокойство приводить, как то всегда по возможности наблюдалось и ныне наблюдается» [131].

Вместе с тем предусматривалось, чтобы в случае необходимости «надлежащее отмщение им (казахам. — *В. Б.*) учинить, чтоб не возомнили аки бы ко отмщению им способов сыскать невозможно». Конкретно это выражалось в выделении в распоряжение И. Неплюева и начальника уйской линии генерал-майора Штокмана дополнительно 2000 казаков от Яика, Оренбурга и Орска; 5000, «а буде возможно и более», волжских калмык «с стороны Астраханской губернии»; «донских казаков 1000 человек, да к ним башкирцов из Уфинской провинции 3000, мещеряков 500, ясашных татар 300, крещеных калмык, при Ставрополе живущих, от 300 до 500; да ис Казанской губернии... татар и других тамошних инородцев до 3 или 4 тысяч человек...» К ним прикомандировывались со стороны Сибирской линии «из крестьян 1000 человек..., да ис татар 500 человек» [132] и другие воинские соединения. Если учесть, что они предназначались против плохо или совсем не вооруженных казахов, то это были значительные по тому времени силы.

Не случайно правители Казахской степи, в частности Абулхаир, также понимали, что с таким сильным соседом, как Россия, не следует решать спорные вопросы при помощи вооруженной силы. Именно в это время Абулхаир предпринял ряд шагов по возвращению русских пленных, хотя он и не оставил мысли о возвращении своего сына. Это позволило Неплюеву написать в своем донесении в Коллегию иностранных дел 29 июля 1745 г., что Абулхаир «кажется быть прежнего поспокойнее, может быть узнав, что сии ево замыслы (т. е. антирусские настроения. — *В. Б.*) не удаются...» [133]

В то же время И. Неплюев продолжал курс на противопоставление одного казахского владетеля другому, рассчитывая при помощи этого усилить раскол между ними, а следовательно, ослабить жузы. В этом отношении характерна деятельность оренбургской администрации по приближению злейшего врага Абулхаира — султана Среднего жуза Барака, ненависть которого к хану в особенности усилилась к 1747 г., когда последний ограбил караван с подарками для Барака, направленный его сыном из Хивы.

---

[129] «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 150.
[130] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 587.
[131] Там же, стр. 346.
[132] «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 120—124 об. «Красный архив», 1938, т. 2 (87), стр. 146—147.
[133] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 79.

Воспользовавшись тем, что Барак через батыра Шабаная неоднократно сообщал Неплюеву о желании его улусов торговать с Россией и узнав о глубокой вражде между Абулхаиром и Бараком, оренбургский губернатор стал заигрывать с последним. Прежде всего было организовано приглашение в Петербург брата Барака, султана Искандера, в качестве посла Среднего жуза, где он в 1746 г. был хорошо принят Елизаветой Петровной и одарен ценными подарками вместе «с находившимися при нем людьми» [134]. Искандеру, пробывшему почти год в Петербурге, была передана на имя Барака грамота императрицы, в которой высоко оценивались заслуги Барака перед Россией. Барак приглашался «к распространению при Оренбурге купечества» «к общей пользе подданных народов». Вместе с грамотой Бараку передали ценные подарки, которым «Барак весьма рад был и принял с немалым удовольствием и благодарил за высочайшую милость е. и. в., за что и во всегдашней верности пребывать и ко услугам готовым весьма обязывался и уверялся» [135]. В свою очередь И. Неплюев в письме к Бараку возлагал на него большие надежды «в поохочивании сюда (в Оренбург. — *В. Б.*) азиатских купцов и ваших людей для торгу с имеющимися у них товарами», сообщая в то же время, что и в Оренбурге имеется много всякого товару, привезенного русскими купцами [136].

И. Неплюев исходил из простого расчета, что Барак пойдет на сближение с Россией ради усиления своей власти за счет ослабления Абулхаира. Если бы даже и в этом случае расчеты И. Неплюева в какой-то мере не оправдались, прямой выигрыш был бы налицо только лишь в связи с усилением казахско-русской торговли в Оренбурге.

В то же время, опасаясь антироссийских выступлений со стороны Среднего жуза, подобно Абулхаировым, оренбургская администрация, как бы между прочим, поставила Барака в известность о мерах военного характера российского правительства в районах соприкосновения с казахами Младшего жуза.

Заметим, что сопровождавший летом 1747 г. на обратном пути в Средний жуз Искандера в качестве посла России казак М. Арапов сообщил одну любопытную деталь. После того, как Бараку была вручена грамота императрицы, старшины, присутствовавшие при этом, подтвердили «верность свою е. и. в.», обязались «содержать оную нерушимо» и осудили «чинимые от Абулхаир-хана худыя поступки». Они же «разсудили, чтоб нынешним временем Барак-салтану самому к нему, Абулхаир-хану, нарочно съездить и уговорить, дабы он такие свои неспокойства и противности отложа, паки в прежней и в совершенной к е. и. в. верности и послушании пребывал с таким разсуждением, что в том не инная чья, как токмо их народная польза состоит...» [137]

Чтобы засвидетельствовать свою преданность России, Барак тут же, в присутствии посла М. Арапова, отказался направить требуемых джунгарским правителем сына своего султана Шигая в качестве аманата и 60 лучших иноходцев [138]. В то же время «на всякий случай», чтобы «зюнгорского владельца... во озлобление не привесть», направил в Джунгарию двух казахов с ответом, «что он по тому ево (джунгарского хунтайджи. — *В. Б.*) требованию ныне учинить не

---

[134] Там же, 1747, д. 3, л. 71.
[135] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 358.
[136] Там же, стр. 337.
[137] Там же.
[138] «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 153.

мог, якобы за нынешними летними жарами». Причем, как удалось «разведать» Арапову, Барак имел намерение осенью исполнить требование правителя Джунгарии и даже готовил ему для отправки подарки «ис присланных ему, Бараку, отсюда (из России. — *В. Б.*) сукон, лисиц и протчаго» [139]. Это известие как нельзя лучше свидетельствует о том, что российской администрации нельзя было особенно надеяться на Барака и следовало критически относиться ко всем его поступкам. В то же время, как свидетельствуют факты, Барак при всех его колебаниях больше склонялся к России. Не случайно же он летом 1747 г. направил в Петербург в качестве своих личных представителей «знатных людей киргисцов» Тлявберду, Джаулбая и упоминавшегося султана Искандера вместе с сопровождающими их лицами [140].

К этому времени намечается окончательный поворот к России Абулмамбета, который разочаровался в джунгарском хунтайдже, не выполнившем своего обещания в отношении передачи хану Среднего жуза г. Туркестана с прилегающими к нему населенными пунктами. Это же касается султана Барака и других правителей Казахской степи. Заметим, что Абулмамбет после совета со старшинами даже рискнул не выполнить требование джунгарского владельца приехать к нему в ставку. По свидетельству старшины Кутыр-батыра, почти все старшины из ближайшего окружения Абулмамбета в данном случае прямо заявили хану Среднего жуза, что «он сам зюнгарского владельца не хуже и ехать ему туда незачем» [141]. В ответ на эти действия Галдан-Церен вернул сыновей Абулмамбета и Барака, выслал из Джунгарии всех казахских купцов, чем обострил и без того напряженную обстановку в районе соприкосновения казахов и джунгар.

Именно в это время становится все более очевидным, что казахи не поддерживали антироссийскую деятельность Абулхаира. Рядовые казахи-кочевники устали от внутренних усобиц и разорительных набегов. Здесь уместно вспомнить высказывание Ф. Энгельса о том, что в период феодализма растет количество таких групп населения, которые повсеместно «требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам...» [142] Подавляющему большинству казахов нужен был мир. Они были обеспокоены поползновениями хана Младшего жуза, быстро разобрались в его планах и крайне отрицательно отнеслись к ним. Казахские правители все больше убеждались в опасности политики, ведущей к осложнению взаимоотношений с Россией, убеждались в необходимости укрепления связей с ней, ибо только это могло дать успокоение и обеспечить безопасность. Именно в это время имел место ряд событий, свидетельствующих об укреплении авторитета русского государства в Казахской степи. Достаточно указать лишь на то, что в октябре 1745 г. по собственной инициативе найманского рода Среднего жуза русское подданство приняло 10 тысяч казахов этого рода [143]. Абулмамбет через русского посланника Арапова в том же году сообщил И. Неплюеву о принимаемых им мерах по приведению в российское подданство «Кунратской и усуньской народы» [144]. А 23 декабря 1745 г. тобольский губернатор А. М. Сухарев получил письмо султана Аблая с просьбой при-

---

[139] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 359—364.
[140] Там же, стр. 360.
[141] Там же, стр. 317.
[142] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. М., 1961, стр. 409.
[143] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 147—147 об.
[144] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 325.

нять в российское подданство казахов рода уйсунь [145], кочевавшего «между верхних калмык и кайсак, всегда России противности» оказывавшего.

Все это позволило представителю российской администрации казачьему уряднику Ф. Найденову, направленному в казахские улусы И. Неплюевым в 1745 г., «чтоб видеть и знать, при каких разсуждениях киргисцы», сообщить: «А оная-де орда вся состоит ныне спокойно и... никаких противностей (по отношению к России. — *В. Б.*) не имеет» [146]. Это же подтвердил и И. Неплюев, сообщивший 20 октября 1745 г. в Коллегию иностранных дел о том, что «киргис-кайсацкой народ так себя содержали спокойно, что в таком смирном состоянии никогда еще не бывали» [147]. К этому следует добавить, что летом 1747 г. хан Абулмамбет неоднократно подтверждал свою верность России и заверял российскую администрацию «по возможности своей» непременно исполнять любые задания оренбургской администрации [148].

События, происходившие в Казахской степи, позволяют отметить, что именно в это время все больше возникает благоприятных условий для развития торговых связей между Казахстаном и Россией. Дело в том, что образовавшиеся политические отношения с Россией вели к росту экономических связей. Казахские улусы, соприкасаясь в процессе кочевок с российскими населенными пунктами, видели большую экономическую выгоду от развивавшегося торгового обмена.

Прежде всего укажем на то, что султан Абай, возвратившийся из джунгарского плена 5 сентября 1743 г. [149], уже в октябре направил в оренбургскую и сибирскую администрацию четырех своих посланцев — султана Юлбарса, мурзу Илчибая, Байдаулета и Избасара с письмами, в которых ставился вопрос о его желании «жить в смирении и торговать с Россиею». Аблай сообщал о своем намерении «со своими людьми е. и. в. способствовать и никакого к российскому народу обид и изъяну не чинить, а быть приятелем». Он высказывался, что казахи его улусов «с русскими жители войны держать не будут и будут пребывать в подданстве е. и. в.», проявлял готовность «со своею командою к защищению верноподданнических народов» и просил разрешить торговать его купцам в Оренбурге и Тобольске, «как и большим ево братьям» Абулхаиру и Абулмамбету, «проезжая из своей орды особливым своим трактом, от чего-де может быть немалой торг» [150].

Следует, однако, учитывать, что Аблай, направляя своих послов к российской администрации, рассчитывал тем самым получить покровительство, а в случае необходимости — и военную помощь от России. И хотя российское правительство разгадало замысел Аблая, оно не придало этому большого значения, так как само рассчитывало заполучить его на свою сторону, чтобы с его помощью осуществлять свою политику в Казахской степи.

Вот почему послы Аблая были весьма любезно приняты российской администрацией в Тобольске, откуда они направились в Оренбург, где вели переговоры по вопросу об укреплении торговых отношений, которые закончились обнадеживающими результатами. А

---

[145] Там же, стр. 328—329.
[146] Там же, стр. 324.
[147] Там же, стр. 327.
[148] Там же, стр. 357.
[149] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 8, лл. 1 об. —2.
[150] Там же, лл. 1—10.

16 апреля 1745 г. оренбургский губернатор И. Неплюев направил Аблаю письмо с приглашением казахов Среднего жуза в Оренбург для торговли. Красной нитью в этом письме проходила мысль о том, что российская администрация будет всячески способствовать развитию торговых отношений между Россией и Казахстаном. В то же время внимание правителя Казахской степи обращалось на предотвращение набегов на пограничную линию.

Такие же послания оренбургский губернатор направил тархану Тляверде-батыру и султану Бараку.

И это не случайно. В развитии взаимной торговли были заинтересованы как русская, так и казахская стороны. В первую очередь в ней были заинтересованы русские воинские части, расположенные в районе Оренбургской и Сибирской линий, остро нуждавшиеся в лошадях, которых казахи «имеют довольно». В то же время быстро развивавшуюся русскую промышленность надо было обеспечить сырьем, в частности кожами, шерстью; Россия намеревалась частично удовлетворить свои потребности в продуктах питания и предметах охотничьего промысла. Все это также имелось в достаточном количестве в Казахской степи.

В свою очередь казахи нуждались в продукции русской промышленности: чугунных, железных и медных котлах, таганах, ковшах, топорах, мотыгах, половниках, косах, серпах, капканах, ведрах, ножницах, стременах, удилах, воронках, гвоздях, замках, посуде, наперстках, пуговицах, листовом железе, прутовом олове, листовой меди, квасцах и т. п. [151] Все это продавалось казахам в большом количестве. Запрет был наложен лишь на продажу «заповедного» товара: ружей, пороха, свинца и т. п.[152], т. е. товара, который в потенции мог быть использован против царских войск, хотя, как указывается в справке Коллегии иностранных дел от 6 июля 1750 г. о состоянии торговли с казахами в районе Гурьева-городка, в начале 1748 г. имели место факты продажи казахам ружей и панцирей [153].

Для развития торговли российская администрация предусматривала охрану казахских купцов, «чтоб им от кого причиняемо не было каких обид или озлобления» [154], о чем были сделаны соответствующие распоряжения воинским частям.

И не случайно прибывший в начале мая 1745 г. в Оренбург посол Абулхаира Кутыр-батыр передал Неплюеву удовлетворение хана хорошо складывавшейся торговлей между Россией и Казахской степью. Вместе с Абулхаиром свое желание «иметь торг с Россией» высказали многие представители Казахстана. Принимали меры к развитию торговли с Россией султаны Барак, Джаныбек и многие другие казахские правители [155].

Через своего посла Абулхаир высказал предположение, что центру русско-казахской торговли «способнее быть в Орской крепости». С этим мнением согласился и Неплюев, так как Орская крепость после Ямышева, Тобольска, Семипалатинска и других городов действительно представлялась весьма выгодным пунктом для ведения торговли. Как доносил И. Неплюев в Коллегию иностранных дел 21 мая 1745 г., торговля между Россией и Казахской степью «дейст-

---

[151] С. К. Ибрагимов. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. В кн. «Ученые записки Института востоковедения», т. XIX. М., 1958, стр. 50—51.

[152] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 8, лл. 3 об.—4.

[153] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 522.

[154] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 8, л. 4.

[155] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 312—317.

вительно производится». Именно в это время в Оренбурге были построены каменный гостиный и меновой двор с 150 лавками и амбарами, каменная таможня и пакгауз с весами, а к 1754 г. деревянные постройки торговых рядов заменили большими каменными зданиями [156], предназначавшимися для осенней, зимней и летней торговли с казахами и азиатскими купцами. Подобные здания «для лутчаго порядка приезжающих иностранных и российских купцов» были построены в Семипалатинской крепости, и завершалось их строительство в Ямышеве [157]. Оренбург, Троицк и другие города, построенные вначале как крепости, в первой половине XVIII в. стали центрами торговли между Россией и Казахстаном [158]. Из сообщения оренбургского губернатора в Коллегию иностранных дел видно, что «торг с киргис-кайсаками давно уже начался, и происходит с ними у российских купцов мена изрядная». К тому же «знатные старшины азиатских купцов за своими конвоями сюда препровождали» [159]. Из-за «Абулхаирхановых поступков» среднеазиатские купцы прибывали в Оренбург через Средний жуз.

Характерно, что начиная с 1738 г. намечается тенденция постоянного роста русско-казахской и русско-среднеазиатской торговли. По свидетельству И. Неплюева, «почти изо всех городов на здешнюю ярмарку (в Оренбурге. — *В. Б.*) съезжаются, и год от году в приезде их сюда прибавляется, и, кажется, ныне, что уже никакой нужды нет, дабы в татарские города, як-то в Хиву, в Бухары и в Ташкент, по-прежнему российским купцам чрез толь дальное и опасное расстояние подвергаться, ибо тамошние азиатские купцы с имеющимися у них за надобными им товары сами сюда, хотя также не без труда и опасности, чрез киргиские улусы охотно ездят» [160].

В Оренбурге казахские и среднеазиатские купцы охотно покупали «кармазинные сукна, бобры русские и немецкие, краски брусковую и коншенель и протчее» [161]. Некоторые казахи стали покупать телеги «и оные у себя в роде употреблять» [162]. Что касается товаров казахских купцов, то в большом количестве продавались лошади, бараны, шкуры волков, лисиц и корсаков, от которых «довольная прибыль купечеству, а от лошадей и многим числом пригоняемых... баранов не только одним купцам, но и обществу немалая польза бывает, особливо же от лошадей, которые ныне внутрь государства с немалым трудом закупаются» [163]. Только в мае 1747 г. 33 казахских купца из Среднего жуза на 42 верблюдах отправились в Оренбург с многочисленными товарами. Чтобы судить о размахе развивающейся торговли, достаточно сообщить, что только в 1748 г. доходы по таможне в Оренбурге превысили доходы 1747 г. на 7062 рубля. Таким образом, как указывалось в донесении И. Неплюева и А. Тевкелева в Коллегию иностранных дел от 12 февраля 1750 г., «оренбургский торг ныне уже всем азиатским народом пришел в знаемость» [164]. Как

---

[156] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 123—124. Учитывая, что вопрос о русско-казахской торговле рассмотрен в указанной монографии Н. Г. Аполловой, мы затрагиваем его лишь в той степени, в которой это необходимо для исследования интересующей нас проблемы.

[157] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 376.

[158] Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 233—318.

[159] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 343.

[160] Там же, стр. 347.

[161] Там же, стр. 576.

[162] Там же, стр. 576.

[163] Там же, стр. 347.

[164] Там же, стр. 439, 500.

отмечали в своем представлении в Коллегию иностранных дел А. Тевкелев и П. Рычков 22 января 1759 г., казахи «в торг так уже влюбились, что часто случается в один день человек от семи до осьмисот, а иногда и до тысячи на здешний меновой двор приезжают, и редко находится из них такой, кто б чем-нибудь сам не торговал».

Предпринимая меры по усилению русско-казахской торговли, русское правительство придавало большое значение среднеазиатским купцам, выполнявшим в этом важном деле роль посредников. Об этом имеются неоднократные указания в русских источниках. В «Путевых записках» лекаря Зиберштейна говорится, в частности, что пользовались «всем для них нужным через возвращающихся собратьев, или *ташкинцев и бухарцев* (выделено нами. — *В. Б.*), кои хотя мало или много, но выгоды свои при доставлении вымениваемых вещей, конечно, не упускают». И далее, касаясь того, что казахи испокон веков пользовались посредничеством среднеазиатских купцов, Зиберштейн указывает, что «из последних же двух родов (имеются в виду бухарцы и хивинцы. — *В. Б.*) есть и таковые, которые, не возвращаясь в свои отечества с давних времен, скитаясь по Киргизской степи, производят торговый оборот киргизскими изделиями и, одалживаясь от российских купцов товарами для привоза в Ташкению, променивают оный киргизам» [165].

Царское правительство предписывало «как внутреннее, так и внешнее купечество сколько возможно размножать и приласкать». Для этого предусматривалось при условии строжайшего соблюдения таможенной политики действовать оперативно, быстро, ибо, как указывается в инструкции командующего отдельным сибирским корпусом генерал-майора С. Киндермана о порядке торговли с казахами и другими народами от 27 марта 1748 г., «чрез продолжение и мешкоту в купечестве разные убытки случаютца» [166]. В то же время предусматривалось принимать самые строгие меры к недопущению торговых операций товарами, утаенными от таможенных чиновников. В случае обнаружения таких фактов товар конфисковывался, а виновные подвергались штрафу. Поощрялась оплата таможенных сборов золотом и серебром.

Приведенные таблицы 1 и 2 показывают рост русско-казахской и русско-среднеазиатской торговли с 1738 по 1785 г. (см. стр. 136).

Если же принять во внимание русско-казахские торговые операции, производившиеся в других местах, то цифры будут еще более разительными. Достаточно сказать, что лишь в конце 1752 г. только на одной Орской дистанции при пяти крепостях казахи продали российским купцам, до 40 тыс. лошадей, около 500 верблюдов, более 300 коров, около 12 тыс. баранов [167].

Такой интенсивный ход развития торговли привел к тому, что уже к концу XVIII в. количество казахских купцов, торговавших с Россией, превысило число торговавших со Средней Азией. По данным С. К. Ибрагимова, к концу XVIII в. торговые связи со Средней Азией имели 152 отделения, 26 родов с общей численностью до 217 тыс. семей. В то же время с Россией торговали казахи 220 отделений, 40 родов с общей численностью до 300 тысяч семей [168].

---

[165] «Исторический архив», т. I. М. — Л., 1936, стр. 229. См. также: М. Ю. Юлдашев. Указ. соч., стр. 69—70; С. К. Ибрагимов. Указ. статья, стр. 44—45.
[166] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 377.
[167] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 532.
[168] С. К. Ибрагимов. Указ. статья, стр. 47.

Русско-казахская торговля в России выгодно отличалась от торговли казахов в Джунгарии с маньчжурской администрацией. Прежде всего в русско-казахской торговле операции осуществляли непосредственно купцы, в то время как в Джунгарии эти операции проводили

Таблица 1

Общая сумма товаров, которые привозились в Оренбург русскими, казахскими и среднеазиатскими купцами[169]

Годы	Товаров по цене				Казенных доходов				Итого доходов	
	российских на мену в привоз имелось		от киргис-кайсак и от азиатских купцов выменяно		пошлин с товаров, также с лавок, с перевозов и проч. получено		сверх того с питейных продаж, акцизных и откупного			
	руб.	коп.	руб	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1738	17997	19	13049	18	646	98 1/2	728	66	1375	54 1/2
1739	22596	69	3487	35 1/2	787	63 3/4	530	10	1317	73 3/4
1740	31338	08	64522	04 1/2	3083	23 1/4	1229	96	4313	19 1/4
1741	50332	62 1/2	58103	60 1/2	3872	47	652	36 1/2	4524	83 1/2
1742	35999	84 1/2	58638	89 3/4	3413	47 3/4	1386	3 1/2	4799	51 1/4
1743	59195	5 1/2	5991	94	4140	83 1/4	2000	—	6140	83 1/4
1744	54130	22 1/4	72301	34 1/2	4798	79	2037	15	6835	94
1745	108604	2 1/2	105707	83	8550	19 1/4	2793	82 1/2	11344	2 3/4
1746	110435	59 1/4	67165	72 1/2	7815	53 1/4	3854	46 1/4	11669	99 1/2

Таблица 2

Количество скота, обменянного казахами в Оренбурге[170]

Годы	Число лошадей	Число баранов и быков	Годы	Число лошадей	Число баранов и быков
1745	541	3118	1770	889	105658
1750	1114	8570	1775	1218	166875
1755	1704	13554	1780	4643	209181
1760	3757	17604	1785	2013	190799
1765	1629	52098	—	—	—

маньчжурские власти, причем скот, например, продавался по раз установленным и неизменным ценам. Если оренбургская администрация разрешала русским и казахским купцам торговать всеми товарами, в том числе и металлическими, то маньчжурские власти не давали возможности казахским купцам покупать изделия из металла[171]. Заметим, однако, что 21 июля 1747 г. последовал секретный указ Правительствующего сената за № 164, запрещавший продажу казахам огнестрельного оружия. И. Неплюеву было предписано представить заключение о том, что «не следует ли запретить продавать киргизам медь и железо»[172].

Наконец, особенность русско-казахской торговли состояла в том, что казахи, приезжавшие со своими товарами в Оренбург, торговых пошлин не платили. Более того, в соответствии с указом Коллегии иностранных дел от 22 сентября 1747 г. за казахских купцов пошли-

[169] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 349.

[170] С. К. Ибрагимов. Указ. статья, стр. 53.

[171] В. С. Кузнецов. Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII века. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 15, 1962, стр. 138—145.

[172] И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Хронологический перечень грамот. Оренбург, 1898, стр. 20.

ны платили русские купцы. Такие поощрительные акции российского правительства явились серьезным стимулом для развития казахско-русской торговли. Не случайно побывавший летом 1748 г. в Казахской степи сакмарский казак Кубек сообщал, что казахи довольны учрежденным в Оренбурге «базаром», так «как они ныне свои от того пользы получают»[173]. Как указывается в «Книге Азиатского департамента № 21», торговля происходила «уже с немалою казенною и партикулярною прибылью, так что купцы процент на процент прибыли получают»[174].

Мы еще раз сошлемся на сообщения сакмарского старшины Кубека, в которых он неоднократно повторяет мысль о том, что «киргис-кайсацкой народ обстоит ныне спокойно и вблизость здешних мест кочуют, желая торг производить»[175]. Как сообщал И. Неплюев в Коллегию иностранных дел, «киргис-кайсаки в немалом людстве и з довольным числом товаров их сюда (в Оренбург. — *В. Б.*) почти повсядневно приезжают и, выменивая потребныя им вещи, отъезжают»[176].

По данным татарина Иманая, «татарской школы ученика» Анчюхина, «крещеного калмыка» Гавриила Федорова и казахского старшины Юлумбета, друга султана Кожахмета, которые долгое время находились в казахских улусах и возвратились оттуда в конце 1746 г., казахский народ «пребывает спокойно и никаких к здешней (российской.—*В. Б.)* стороне замыслов не имеет, ... все старшины и знатные люди паче верность и от здешней стороны удовольствие оказывают». И это несмотря на распространяемые Абулхаиром провакационные слухи о якобы движущихся против казахских улусов русских войсках и необходимости того, «чтоб от такого войска все киргис-кайсаки бежали в даль». Более того, «киргис-кайсаки тому ево известию не поверили и не только в даль не бежали, но еще и его, хана, просмехая, говорили, чтоб бежал он, хан, один куда хочет, а им бежать не от кого и некуда, понеже сами они и в город Оренбург ездят, но никакого озлобленья не видят, а он-де, хан, то разглашает, вымышляя сам напрасно». Эти же сообщения любопытны и еще двумя проводимыми здесь записями, проливающими свет на личность Абулхаира и обстановку в степи: «Итако-де он, хан, хотя иное под видом доброхотства, однако все в противность поступает, за что-де и народ ево весьма нарякает, признавая, что разве он их по таким поступкам в погибель привесть хочет». И далее: «народ, уверясь и довольствуясь о здешней (российской.—*В. Б.*) с ними справедливости и признавая свою из того пользу, ему хану не верят»[177].

Более того, если в Младшем жузе все-таки было незначительное меньшинство единомышленников Абулхаира, которыми он себя окружил и которые следовали его замыслам, то казахи Среднего жуза, за исключением «некоторых плутов» кипчакского рода, кочевавших с Младшим жузом[178], в этот период даже не намеревались совершать никаких вылазок в российские пределы. Не случайно же И. Неплюев, основываясь на данных, поступавших из Казахской степи, сообщал в Коллегию иностранных дел 15 мая 1747 г.: «От Средней (орды.—*В. Б.*), которая кочует к сибирской стороне, яко, то: Барака, Ерали, Аблая салтанов и от самого Абулмамет-хан, також и от Жанбек-тар-

---

[173] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 390.
[174] «Красный архив», 1938, т. 2 (28), стр. 150.
[175] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747, д. 3, л. 93.
[176] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 341.
[177] Там же, стр. 331—333, 343.
[178] Там же, стр. 391.

хана и их подчиненных—никаких продерзостей не бывало и нет»[179]. Это подтверждают и такие документы, как письмо Джаныбека и Букенбая И. Неплюеву от 20 мая 1747 г., доставленное ему батыром Айдабулом, есаулом Каипом, Куджой и Малтабаем, а также показания сакмарского казака Мансура Асанова, ездившего по заданию оренбургского губернатора в Средний жуз к тархану Джаныбеку. Документы эти свидетельствуют о желании казахов Среднего жуза торговать с Россией. Батыр Букенбай, например, прямо заявил, что «от них, киргисцов, на торг ездить будет довольно же»[180]. Они же говорят о мерах, принимавшихся в Среднем жузе по охране торговых караванов. Что касается происшедшего в Младшем жузе «плутовства», то тархан Джаныбек, например, заявил, что «он (Абулхаир. — *В. Б.*) непорядочно и противо должности своей поступает». Джаныбек и Букенбай обещали, что будут «по возможности нашей с общего с Вами согласия унимать»[181] Абулхаира. Они потребовали даже от хана Младшего жуза немедленного возвращения российским властям плененных им русских купцов, или же их передачи Джаныбеку, для чего к Абулхаиру были направлены Юлбарс, сын Джаныбека, с есаулом Каипом.

Казахи понимали, что в случае продолжения Абулхаиром его весьма опасной политической игры в отношении России, местная российская администрация активизирует воинские поиски в Казахскую степь, что приведет к крайне нежелательным последствиям в первую очередь для казахских улусов. Среди казахских шаруа уже просачивались довольно точные сведения о мероприятиях российских властей в этом отношении. Недаром казахи «не только ему (Абулхаиру. —*В. Б.*) не согласовали и не следовали, но еще и укоряли ево тем, что он такими своими поступками спокойствию их вредит»[182].

Причиной к недовольству Абулхаиром подавляющего большинства казахского народа было и то, что кочевники находились в постоянном ожидании нападения на них «каракалпацкого и аральского народов», которые зимой 1746 г. подверглись ограблению в результате налета, организованного «под предводительством Абулхаирхановым».

Как видно, причин для недовольства казахов поступками Абулхаира было более чем достаточно. Не случайно И. Неплюев доносил в Коллегию иностранных дел 15 мая 1747 г.: «Тамошние... люди (казахи.—*В. Б.*) ханскими поступками недовольны, и весьма на него досадуют, и в худом мнении ево содержат, а некоторые (ежель то правда) и столько уже злобствуют на него, что *убить ево намеряются* (курсив наш. — *В. Б.*)[183]. Недовольные Абулхаиром влиятельные казахские старшины, в числе которых был и его сын султан Нурали, без ведома Абулхаира стали возвращать плененных казахами русских людей, чего не могли не оценить оренбургские власти.

Таким образом, помимо воли Абулхаира образовывались и росли контакты казахов с местной российской военной и гражданской администрацией.

Здесь следует заметить также, что развитие русско-казахской торговли способствовало уменьшению грабежей и общему успокоению в степи. «А ныне... противности нет и при торгу во всех им (казахам.—*В. Б.*) приказаниях так послушными себя оказывали, каковы,

---

[179] Там же, стр. 344.
[180] Там же, стр. 351.
[181] Там же, стр. 350, 352.
[182] Там же, стр. 343, 358.
[183] Там же, стр. 340

чаю, никогда не бывали»[184],—доносил в связи с этим Неплюев в Коллегию иностранных дел 29 июля 1745 г. Это же подтверждается и более поздними его сообщениями[185]. Более того, казахи зачастую сами сообщали о случаях воровства в степи, «чим народ довольны казались и тем свидетельствуются, что торг беспрерывно продолжался»[186]. И. Неплюев ставил вопрос, чтобы впредь всех пойманных в степи преступников привозить в Оренбург для примерного наказания, так как в казахских жузах сами казахи к «таковым наказаниям невозможность свою [проявляют] по состоянию их народа»[187], что дает основание полагать о весьма отрицательном отношении в Казахской степи к телесному наказанию, хотя по законам Тауке допускались смертная казнь и всевозможные экзекуции. В этом отношении оренбургский губернатор получил полную поддержку у Абулхаира, который, боясь приобрести новых врагов у себя на родине, был заинтересован в наказании пойманных за воровство не в степи и не казахами а в Оренбурге, руками оренбургской администрации. Кстати говоря, этого же мнения придерживался и Джаныбек, который несколько позднее, летом 1748 г., считал необходимым держать в тюрьме в русских городах «человек по дватцети... в железа, то-де и плутовать перестали»[188].

В то же время хан Младшего жуза всячески хотел показать перед своим народом, что он принимает активные меры к возвращению казахов, плененных яицкими казаками. Таким же хотел быть в их глазах и Неплюев. И хотя оренбургский губернатор «отговорился ныне тем», что пленные казахи находятся в ведении Яицкого войска, которое ему якобы не подвластно, и что он будет вести переговоры с их старшинами по этому поводу, намереваясь в конечном итоге их отпустить, «дабы тем народу показать удовольствие»[189]. И. Неплюев дал указание башкирским старшинам взять на учет всех казахов, находящихся в Башкирской степи, для их возвращения на родину. Он же обратился к правителям Казахстана с аналогичной просьбой в отношении башкир. Этот пример как нельзя лучше свидетельствует о том, что и Неплюев и Абулхаир, каждый исходя из своих интересов, стремились играть на сокровенных чувствах казахского народа[190].

Для русского правительства не оставалось сомнений в том, что Абулхаир «сколько предерзлив не был, однако пред другими первой в подданство... вступил, и фамилиею своею более к здешней стороне придерживался, и всегда сына своего здесь содержал, яко же и ныне оставил»[191]. Между тем и Абулхаиру нетрудно было понять, что его политика не является достаточно острым инструментом для осуществления своей линии. Абулхаир видел, что в своей политической игре он зашел слишком далеко. К тому же, как мы видели, авторитет хана среди казахов стал падать с катастрофической быстротой. Абулхаир был достаточно умен, чтобы не осознать нелепость своего положения и необходимость выхода из создавшегося тупика при обязательном, разумеется, условии сохранения благожелательного к себе расположения российского правительства и возможности безусловного осуществления своих целей укрепления власти при помощи рус-

---

[184] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 81.
[185] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 364.
[186] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 81.
[187] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 319.
[188] Там же, стр. 391.
[189] Там же, стр. 320.
[190] Там же, стр. 329—330.
[191] Там же, стр. 401—402.

ских войск. Такая возможность представлялась хану в возобновлении непосредственных контактов с Неплюевым и другими высшими чинами России, а также в немедленном прекращении антирусских устремлений как тактическом шаге на пути выполнения своих планов.

В сентябре—октябре 1747 г. к оренбургскому губернатору поступил ряд сообщений от находившегося в степи у известных казахских старшин Аджибай-бия, Алтая и Арал-батыра российского посланника татарина Кубека, направленного туда «для разведывания о тамошних обстоятельствах». Прежде всего обращает на себя внимание то, что в донесениях Кубека сквозит мысль о наступлении значительного успокоения в казахских улусах и отсутствии у казахов малейшего желания вести военные действия с кем бы то ни было, тем более что от «дождей в последовавшие стужи степной конский корм льдом покрыло»[192]. Убедившись, что «российское войско и волские калмыки» не собираются на них нападать, казахи со своими кочевьями приблизились к российским границам. Сам Абулхаир со своими улусами стал кочевать в 15 днях ходу от Оренбурга.

Эти сведения подтвердились и конкретными действиями Абулхаира. 14 сентября 1747 г. «чрез двух нарочно отправленных от него киргис-кайсаков» Абулхаир послал письмо оренбургскому губернатору, в котором И. Неплюев усмотрел, что хан «мягче и склоннее становится, видя что запросы и замыслы ево не по ево намерениям произошли»[193].

При этом было ясно, что Абулхаир, сыгравший в свое время значительную роль в присоединении Казахстана к России, нынешней своей политикой мог нанести вред не только российским интересам в Казахской степи, но и казахскому народу. По решению Правительствующего сената от 31 января 1747 г. в Оренбург был направлен Тевкелев «для отвращения оного (Абулхаира.—*В. Б.*) от противностей» и приведения его в согласие и дружбу с оренбургским губернатором. В случае, если бы Абулхаира не удалось помирить с Неплюевым, а также, если бы стало ясно, что хан будет продолжать свои антироссийские устремления, Тевкелев должен был принять меры, чтобы «Абулхаир-хана от ханства отставить, а вместо его... в ханы произвесть из доброжелательных старшин». Однако в последний момент Коллегия иностранных дел сделала представление Правительствующему сенату, в котором внимание обращалось на то, что у казахов ханы избираются на народном собрании, а поэтому неудобно российской стороне становиться на этот шаг, тем более что Абулхаир «в киргиз-кайсацком народе силу имеет не по ханскому уряду, но по его хитрости и великой фамилии»[194].

В соответствии с инструкцией, полученной Тевкелевым от Коллегии иностранных дел 4 июля 1747 г.[195], он при встрече с Абулхаиром должен был прежде всего добиться прекращения нападения казахов на пограничные районы России и возвращения российских пленных. Затем Тевкелев должен был заменить Кожахмета на другого сына Абулхаира, причем предусматривалась возможность получения дополнительных аманатов из числа сыновей знатных и влиятельных старшин. Чтобы иметь полное представление о казахском народе, Тевкелеву поручили составить описание родов и места их кочевок.

---

[192] Там же, стр. 369.
[193] Там же, стр. 367.
[194] «Книга Азиатского департамента № 21». «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 151.
[195] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 374.

Абулхаир не замедлил воспользоваться приездом в Оренбург в конце 1747 г. Тевкелева для установления с ним личных контактов. Разумеется, что Абулхаир рассчитывал в своих интересах использовать Тевкелева в «холодной войне» с Неплюевым. Не случайно же в письме к Тевкелеву от 8 декабря 1747 г. он акцентирует его внимание на необходимости «говорить секретно»[196]. С его же помощью Абулхаир рассчитывал освободить «попавшихся в плутовстве».

В ответном письме, доставленном Абулхаиру сакмарским казаком Кубеком, Тевкелев согласился встретиться с ханом Младшего жуза в Орской крепости. Тевкелев просил Абулхаира, чтобы при нем находилось несколько знатных султанов «и довольное число знатных старшин, чтобы «киргис-кайсацкой вольной народ после Вас безрассудно не имели б в чем ни есть какого нареканья»[197]. Тем самым Тевкелев прозрачно намекал на недоразумения, возникшие в связи с тем, что Абулхаир в 1730 г. вопреки решению биев об обращении к правительству России о заключении военного союза для борьбы с джунгарами отправил грамоту с просьбой принять казахов в русское подданство.

Во время пребывания Кубека у Абулхаира летом 1748 г. последний собрал «немалое число» старшин и держал с ними большой совет. На совете старшин Абулхаир, и в особенности его жена, ханша Пупай, доказывали свою невиновность в «продерзостях», сваливая все на народ, который из-за «зверских степных обычаев» делает «немалые противности», а «ево (Абулхаира.— *В. Б.*) слова, яко своего владельца, не принимают и не слушают», и тем самым «приводят (Абулхаира.—*В. Б.*) в стыд». Самым веским доказательством невиновности Абулхаира выдвигалось то, что хан отдает в аманаты своих детей.

Большой ханский совет принял решение отобрать у казахов всех «русских и калмыцких» пленников. «А ежели кто заупрямится, то того всем миром сильно отнять и отдать бригадиру Тевкелеву, и впредь глупых людей до шалостей не допускать»[198]. В свою очередь ханский совет потребовал от хана во время намечавшихся на июль месяц переговоров с Тевкелевым в Орской крепости заменить находившегося в аманатах Кожахмета вторым сыном Абулхаира, султаном Айчуваком.

20 июня 1748 г. в Орской крепости состоялась встреча Тевкелева с Букенбаем, а также с сыном Джаныбека Явгайтаром и знатным старшиной аргынского рода Среднего жуза Чакчаком. Переговоры в основном касались вопросов о смене аманатов, возвращении русских пленных, прекращении набегов и обеспечении безопасности продвижения торговых караванов, т. е. по существу тех вопросов, о которых шла речь на ханском совете. Спустя несколько дней к Абулхаиру приехали Джаныбек и Букенбай «со многими же старшинами для совету» по этим же вопросам.

Между тем в начале и в середине августа 1748 г., т. е. сразу после переговоров в Орске и в ставке Абулхаира о прекращении набегов на русские пограничные линии в районе Верхояицкой дистанции и Илецкой крепости вооруженные группы казахов совершили несколько нападений на башкирские пограничные селения[199], что крайне обострило русско-казахские отношения.

---

[196] «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 152.
[197] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1748, д. 4, л. 10об.
[198] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 390.
[199] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1748, д. 3, л. 212—212 об.

Встреча хана Младшего жуза с Тевкелевым произошла в Орской крепости в июле 1748 г.[200] Она знаменательна тем, что Абулхаир прибыл в Орск со всеми своими детьми. Вместе с ним приехал ряд старшин Младшего жуза и даже некоторые старшины из Среднего. Переговоры были плодотворны, о чем свидетельствует письменное обязательство Абулхаира и старшин «впредь никаких продерзостей не делать», собрать разбросанных по степи русских пленных, а также угнанный скот, ограбленное имущество и доставить их в Оренбург. Надо полагать, что Абулхаир приехал на эти переговоры с искренними намерениями улучшить взаимоотношения с Россией уже хотя бы потому, что он сменил находящегося в аманатах Кожахмета на другого сына, султана Айчувака, рожденного от законной жены, с условием замены его весной султаном Адилем, младшим своим сыном. А ведь инструкция Коллегии иностранных дел от 4 июля 1747 г. предусматривала возможность замены Кожахмета незаконнорожденным (от калмычки) Чингизом, побочным сыном Абулхаира, что свидетельствует о некоторой уступке российского правительства, но Абулхаир об этом не знал. Вместе с Айчуваком в аманаты было взято еще четверо сыновей влиятельных казахских старшин. Если к этому прибавить, что Тевкелев составил подробное описание казахских родов и места их кочевок, то можно констатировать, что и на сей раз Тевкелев—этот талантливый русский дипломат XVIII в. и активный проводник в жизнь колониальной политики царизма—блестяще выполнил задание царского правительства.

Последующие трагические события, развернувшиеся в Казахской степи, внесли свои коррективы в русско-казахские отношения.

Возвращаясь из Орской крепости, Абулхаир не заехал в Оренбург и не встретился с Неплюевым, показав тем самым, что обида на оренбургского губернатора не прошла. На обратном пути произошла встреча с Бараком, «зделался спор, а потом-де драка. И хотя-де он, хан, с ним, Бараком, дрался немало, но понеже-де у Барака людей было больше, то хан остался убит до смерти»[201].

Источники свидетельствуют, что убийство Абулхаира произошло где-то в первых числах августа 1748 г. при следующих обстоятельствах. На обратном пути из Орской крепости хан намеревался повторить барымту в Каракалпакской степи, в улусах Джалаирского рода, которая неоднократно организовывалась им в 1742 и 1743 гг. Чтобы спасти этот род от разорения, около двадцати казахов того же рода Старшего жуза прибыли к каракалпакам в джалаирский род, отделили от прочих около двух тысяч кибиток и отправили в Казахскую степь в район реки Олкояк (расстояние в один день езды от реки Тургая и девять дней езды от Орской крепости). Именно здесь они были перехвачены людьми хана Среднего жуза Кучака и подверглись ограблению. Затем к Кучаку присоединился султан Барак и вместе с ним захватил почти всех каракалпаков в плен, за исключением ста кибиток.

Узнав об этом, Абулхаир в сопровождении 150 казахов-алчинцев прибыл в район расположения этих ста кибиток каракалпаков. Каракалпаки, вместе со скотом и имуществом передались на сторону казахского хана. Не удовлетворившись полученным, Абулхаир дал указание своим людям двинуться в улусы Барака и отнять все у захваченных султаном каракалпаков. В свою очередь Барак объединился с каракалпаками-джалаирами и совместно выступил против хана

[200] «Красный архив», 1938, т. 2 (78), стр. 152.
[201] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 393.

Младшего жуза. Узнав об этом, сопровождавшие Абулхаира казахи предложили ему не связываться с превосходящими силами, на что Абулхаир ответил: «Кто-де Барака боится, тот может бабой прослыть, ибо-де Барак и сам не лучше бабы».

Между тем сопровождавшие Абулхаира алчинцы увлеклись грабежом каракалпаков-джалаирцев, а с ханом осталось около шести человек. Воспользовавшись этим, Барак со своими людьми внезапно обрушился на Абулхаира. Один из сопровождавших Барака воинов ранил копьем сидевшего на лошади хана. В ответ хан из лука повредил руку одному противнику, а под другим задел лошадь. Затем другой приверженец Барака ударом топора расшиб Абулхаиру голову. К этому времени подскакал Сарымбек и стащил Абулхаира с лошади. Спешившийся Барак подошел к лежащему хану и троекратно ударил его в живот ножом. Впоследствии Барак заявлял, что убил хана Абулхаира из-за того, «что-де он был плут, и много-де делал плутовство»[202].

Смерть «толь великого интригана, каков Абулхаир-хан в киргисцах издавна был»[203], как его всегда называл И. Неплюев, сразу же сняла с повестки дня вопрос о нейтрализации Абулхаира. Зато возникла проблема избрания нового, угодного для оренбургской администрации хана, но при условии сохранения равновесия в Казахской степи. Надо было учитывать, что ханская власть в Казахстане не передавалась по наследству. Ханом становился происходящий из старых ханских или султанских фамилий, но при обязательном условии его избрания на народном собрании. Причем его власть и авторитет зависели не от ханского звания, а от его природного ума, храбрости, проворности в поступках.

В то же время нельзя было сбрасывать со счета, что еще 27 сентября 1742 г. во время переговоров между Неплюевым и Абулхаиром хан Младшего жуза изъявил желание, чтобы наследником ханства учинить его старшего сына Нурали, который, как мы уже видели, пользовался в Казахской степи во всяком случае не меньшим авторитом, чем Абулхаир, получивший, как известно, ханский титул за большую храбрость в боях с джунгарами. Не случайно Тевкелев заметил, что «вся орда больше склонна к детям Абулхаир-хана»[204]. К ним склонялся даже такой могущественный владетель Казахской степи, как Аблай, обратившийся 9 мая 1749 г. со специальным письмом к И. Неплюеву, в котором скорбил о смерти Абулхаира и предавал проклятию «злодея Барака», и «с оставшими от него детьми Нурали и Ерали салтанами обо всем единственный совет учинили»[205]. Укажем, что и Неплюеву именно Нурали представлялся наиболее подходящим исполнителем воли оренбургской администрации. Кроме того, по мнению же И. Неплюева, Нурали «показывал себя скромным и нисколько не запрослив..., что он... человек небеспонятной и во всех рассуждениях пред братьями своими имеет преимущество»[206].

Как только Неплюеву стало известно об убийстве Абулхаира, в его улусы к ханше Пупай и ее детям были направлены представители оренбургской администрации Гуляев, Кубек и казачий атаман Орской крепости Исмаил Абдразяков, которых знали в Казахской степи и которые сами неплохо разбирались в ее жизни. С ними отправили специальное послание от оренбургского губернатора и Тевкелева,

---

[202] Там же, стр. 427.
[203] Там же, стр. 393.
[204] Там же, стр. 437.
[205] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 4, л. 56.
[206] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 479—480.

в котором наряду с соболезнованием по поводу смерти Абулхаира высказывалось убеждение, что дети Абулхаира, решавшие при жизни отца все дела вместе с ним, и после его смерти будут продолжать сотрудничать с русской администрацией. Оренбургский губернатор призывал их в союзе со старшинами, биями и батырами принять меры «к добропорядочному и спокойному содержанию народа». Посланники оренбургской администрации должны были следить за событиями в казахских улусах, в особенности внимательно отнестись к малейшим признакам, свидетельствующим о готовящихся мерах к отмщению за смерть Абулхаира, и в меру возможностей не допустить этого. Их внимание обращалось на необходимость разъяснения недопустимости анархии и беспорядков. Наконец, посольство Гуляева должно было способствовать избранию ханом Нурали.

Оренбургские власти и находившийся там в это время Тевкелев брали курс на введение положения об обязательном утверждении выборов хана указом императрицы. Эта акция должна была повысить авторитет русского правительства в глазах казахского народа. Тем самым народ психологически подготавливался к мысли, что только императрица является верховным выразителем интересов Казахской степи.

* * *

Казахстан являлся не только целью, но и весьма важным средством в осуществлении политики России на Востоке. Одним из рычагов ее проведения в жизнь стали русско-казахские дипломатические отношения, которые в первой половине XVIII в. имели несколько различных этапов. В начале века правители казахских жузов рассчитывали использовать свою связь с Россией для получения от нее военной помощи в борьбе с Джунгарским ханством. Это совпадало с планами российского правительства, стремившегося к ослаблению Джунгарии и укреплению своих позиций в Казахской степи. К концу первой четверти XVIII в. стало очевидным, что в условиях феодальной раздробленности и междоусобной борьбы казахские владетели не в состоянии сами противостоять нажиму Джунгарии. Правители настойчиво добивались включения Казахстана в состав России, что совпадало с объективными устремлениями казахского народа.

После присоединения края к России во взаимоотношениях между российской администрацией и казахскими владетелями наступил качественно новый этап, насыщенный событиями, сыгравшими значительную роль в дальнейшей истории Казахстана, чью территорию царское правительство намечало использовать для осуществления своей политики на Востоке.

Проводя в жизнь программу своего правительства, местная администрация шла по пути усиления российского влияния в Казахской степи, беспрекословного подчинения местных владетелей в политическом и экономическом отношениях. Однако такая политика не устраивала казахских владетелей. Никто из них не желал делиться присваиваемым прибавочным продуктом. Каждый в отдельности стремился использовать царские войска для защиты своих владений и укрепления личной власти. Следовательно, интересы различных правящих казахских группировок не совпадали, что до предела накаляло вражду между ними. Эти противоречия очень ловко использовали представители местной царской власти, натравливая казахских владетелей друг на друга.

Ярким примером этого являются взаимоотношения, сложившиеся между ханами Абулхаиром, Абулмамбетом, султаном Бараком и другими властителями Казахской степи и каждого в отдельности с оренбургским губернатором И. Неплюевым. Об этом, в частности, весьма красноречиво свидетельствует деятельность хана Абулхаира. Его власть была настолько слаба, что он не в силах был противостоять частым набегам своих подданных на российские пограничные линии, на башкир и калмыков. Заканчивались набеги пленением людей, угоном скота, иногда и человеческими жертвами. Абулхаир, беспокоясь о своей безопасности, зачастую, хотя и безуспешно, требовал у оренбургской администрации предоставить в его распоряжение военные отряды.

Слабость ханской власти Абулхаира порождала двуличие, противоречивость в его политике: он то угрожал откочевкой, то изливал свои верноподданнические чувства российскому престолу. В то же время некоторые старшинские группировки во главе с Бараком видели в хане Абулхаире единственного виновника и главного пособника продвижения Российской империи в глубь Казахской степи. Барак и другие крупные казахские владетели опасались усиления Абулхаира при поддержке царского правительства. Абулхаир встал на их пути, мешал им в осуществлении корыстно-эгоистических целей, превратился в их опасного противника. Вместе с тем, использовав все возможности Абулхаира для упрочения российского влияния в Казахстане, И. Неплюев стал тяготиться ханом: Абулхаир не проявлял достаточной гибкости в проведении политики царизма, а иногда и мешал этому. Следовательно, в один поток слились две враждебные Абулхаиру силы: оренбургская администрация во главе с И. Неплюевым и старшинская группировка во главе с Бараком. И, когда представился благоприятный случай, Абулхаир был убит.

Через различные каналы, в частности и дипломатические, царизм стремился получить как можно больше всесторонних и достоверных сведений о событиях в Казахской степи, внутренних связях между жузами, о внешнеполитической деятельности казахских правителей, настроении населения, о взаимоотношениях между различными слоями казахского общества и т. п. Эти планы царского правительства совпадали с интересами казахской правящей верхушки, надеявшейся при помощи российских вооруженных сил укрепить свое положение.

А. САБЫРХАНОВ

К ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХСТАНА В XVIII ВЕКЕ

(На материалах Младшего жуза)

Изучение земельных отношений у казахов приобретает особую актуальность в связи с дискуссией об основных средствах производства у кочевых народов[1]. Определение сущности и характера общественного строя казахского народа в XVIII в. невозможно без глубокого и всестороннего изучения проблемы феодальных земельных отношений. Тем не менее работы, специально посвященные этой проблеме, почти отсутствуют[2].

В настоящей статье, основанной на фактическом материале, сделана попытка осветить некоторые вопросы земельных отношений у казахов Младшего жуза в XVIII в.

Прежде всего следует установить границы кочевий казахов в XVII в., чтобы затем проследить, какие изменения произошли в отношении их кочевий и чем они были вызваны.

Определить с достаточной точностью границы казахских кочевий в XVII в.—нелегкая задача. По свидетельству современников, в конце XVII в. приблизительной границей распространения казахских кочевий были: на востоке и северо-востоке—озеро Балхаш с впадающими в него реками, на севере—левобережье верхнего течения Ишима; на юге—среднее течение Сыр-Дарьи и водораздел между верхним и средним течением рек Чу и Таласа, на северо-западе—бассейн Кара-Тургая[3].

---

[1] Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1938; Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6; И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4; М. М. Эфендиев и А. И. Першин. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 11; «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955; С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; Его же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVI—XIX веках. Алма-Ата, 1959; Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; Его же. Возникновение и развитие социалистических земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1965.

[2] Исключение составляют отдельные страницы в работах М. П. Вяткина «Батыр Срым» (М. — Л., 1947), Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России» (Алма-Ата, 1948), «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века» (М., 1960), А. Е. Еренова «Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов» (Алма-Ата, 1960).

[3] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Л., 1932, стр. 266.

Неустойчивость границ казахских кочевий обусловливалась различными причинами, в частности сложившейся внешнеполитической обстановкой на северо-восточных и восточных границах Казахстана. Во время массовой перекочевки к низовьям Волги калмыки-торгоуты стеснили казахские кочевья.[4] Задержавшись на некоторое время в верховьях и в степях среднего течения Иртыша, калмыки продвигались к лету в районы Иргиза, Илека и Эмбы. К зиме они переходили Яик, кочуя на территории Большого и Малого Узеней, а также в верховьях р. Самары. Основная масса калмыков располагалась на Яике и восточнее его. Наиболее освоенной территорией калмыков были Ногайские степи, простиравшиеся между Яиком и Волгой[5]. Следует заметить, что массовое продвижение калмыков-торгоутов к Яику сопровождалось набегами калмыцких феодалов (тайшей) на казахские кочевья и захватом большого количества скота. Эти набеги заставляли казахов менять привычные маршруты кочевий. В поисках безопасных пастбищ они нередко отходили от установившихся границ своих кочевий или же совершали ответные набеги с отгоном калмыцкого скота. Особенно осложнилась обстановка в низовьях Яика.

С выходом калмыков-торгоутов к низовьям Волги положение на северо-восточных границах Казахстана оставалось также напряженным. Известно, что вскоре после общемонгольского съезда в 1640 г. на чалось военное вторжение на территории казахских кочевий со стороны образовавшегося в 1635 г. Джунгарского ханства. В 1643 г. произошло массовое вторжение ойратов в восточную часть Семиречья. В этом году войско Батура хунтайджи продвинулось до р. Чу[6].

В 1684—1687 гг., после разрушения Цеван-Рабтаном Сайрама и других городов в районе Сыр-Дарьи, казахи потеряли лучшие зимовки в этом районе, оказавшись оторванными от торгово-ремесленных центров. В 80-х годах они лишились богатых пастбищ и в Семиречье[7]. Нарушены были маршруты кочевий, уничтожены очаги земледельческой культуры в районе Сыр-Дарьи и Семиречья. В поисках новых пастбищ казахи Младшего жуза значительно продвинулись на запад и северо-запад. Но здесь им пришлось столкнуться с башкирами, так как с начала XVIII в. на кочевья казахов претендовали и башкирские феодалы. Время от времени они совершали набеги на их кочевья.

Но самым тяжелым по своим последствиям было военное вторжение, организованное Цеван-Рабтаном под предводительством Шуно-Даба весной 1723 г., оно положило начало годам «Великого бедствия» («Актабан-шубрынды»). Это вторжение шло с востока, через горы Каратау в Таласский район. Другое вторжение было устремлено в район р. Чирчик. Джунгары опустошили казахские кочевья по р. Арысь, в предгорьях Алатау и в верховьях р. Боролдай.

Эти события заставили казахов спешно откочевать к Ходженту, Самарканду, Хиве и Бухаре. Аргыны бежали от гор Каратау на северо-запад, в Тургайскую область. Многие ушли на Эмбу, к Яику, а так-

---

[4] Массовая перекочевка калмыков-торгоутов к низовьям Волги была вызвана стеснением кочевий на территории Западной Монголии, междоусобицами ойратских феодалов и тяготением калмыков-скотоводов к русским рынкам.

[5] П. С. Преображенская. Из истории русско-калмыцких отношений в 50—60-х годах XVII века. «Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. 1. Элиста, 1960, стр. 50.

[6] Иакинф (Бичурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 55; Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 160.

[7] Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 164, 166.

же к Ую и Ори[8]. Таким образом, восточная и юго-восточная границы казахских кочевий подались в северо-западном и северном направлениях.

В результате продвижения кочевий Младшего жуза на запад они приблизились к границам России. «Меньшая орда, дойдя до Эмбы, где была прежняя граница ее,—пишет А. И. Левшин,— не остановилась, но перешла на правый берег сей реки и ... достигла до Урала»[9]. Сведения о том, что казахи Младшего жуза в поисках новых пастбищ приблизились к р. Урал, имеются и в других источниках[10].

Поэтому вызывает недоумение утверждение С. Е. Толыбекова о том, что казахи до 80-х годов XVIII в. «даже не доходили до берегов р. Урал»[11]. Если это так, то чем же объяснить широко известный указ царского правительства 1756 г. о запрещении перегона казахского скота на правый берег Урала. Известно, что казахские феодалы, принимая подданство России, намеревались получить не только военную помощь со стороны русского правительства, а и освоить кочевья по Яику (Уралу). Просьба казахских старшин о разрешении пользоваться кочевьями по Яику неоднократно повторялась ими уже в 30-х годах XVIII в. в связи с принятием русского подданства. Особенно заинтересован был в кочевьях по Яику батыр Букенбай. Выражая намерение принять подданство России, он настойчиво спрашивал царского посла А. И. Тевкелева, можно ли будет ему и другим батырам кочевать «вольно» по Яику[12]. Такие просьбы повторялись казахскими феодалами и в дальнейшем.

В кочевьях на Яике были заинтересованы прежде всего казахские феодалы — крупные скотовладельцы. Чтобы составить представление, на какие пастбища рассчитывали ханы и султаны, приведем пример, говорящий о количестве скота у хана Нурали и его родственников—султанов. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков, возражая в 1759 г. против постройки для хана Нурали и его братьев «скотных дворов», писали Коллегии иностранных дел: «У одного хана с находящимися при нем женами и свойственниками и с теленгутами ево, одних лошадей тысяч по десяти и больше, а овец и весьма умножительнее бывает, равномерно ж почти и у братьев»[13].

В кочевьях около Яика особенно нуждались рядовые скотоводы тех общин, которые были вытеснены джунгарами и были уверены в том, что их родоначальники и в дальнейшем не разрешат им пользоваться удобными пастбищами.

Территория присоединившегося к России в 30-х годах XVIII в. Младшего жуза простиралась от р. Яика на западе до р. Тургай на востоке. Северная граница кочевий Младшего жуза проходила примерно по линии Оренбург—Орск, на юге она доходила до Аральского моря. Зимние кочевья простирались на юго-западе до Гурьева-городка и Каспийского моря.

Летние кочевья Младшего жуза располагались в верховьях Яика и по его левым притокам (Берда, Кабда (Хобда), Ибенты, Орь, Мурза-

---

[8] Там же, стр. 176—177.

[9] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832, стр. 71—72.

[10] «Казахско-русские отношения...», док. № 197, стр. 515 (донесение инженер-подпоручика И. Ригельмана и переводчика Я. Гуляева Оренбургской губканцелярии 7 июня 1750 г.).

[11] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVI—XIX веках. Алма-Ата, 1959, стр. 201.

[12] «Казахско-русские отношения...», док. № 40, стр. 94—95.

[13] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, 1759, д.№ 4, л. 102.

булак, Ярлык, Кумак, Сугундук), а также по степной реке Илек [14]. В районе Яика они приближались к пограничным русским крепостям и форпостам, составлявшим укрепленную линию. Крупные скотовладельцы, заинтересованные в сбыте своего скота на русском рынке, старались летовать по возможности ближе от Оренбурга, где разрешалось казахам вести меновую торговлю скотом и продуктами скотоводства.

Зимние кочевья Младшего жуза находились по рекам Камышлы-Иргиз и Таил-Иргиз (притоки Улу-Иргиза), по озеру Аксакал и при урочищах Каракуль и Турнак (при устье Сыр-Дарьи). Зимовки простирались по р. Эмба и впадающим в нее речкам почти до самого ее устья[15]. Казахи Младшего жуза зимовали также в урочищах Большие и Малые Барсуки, при озере Каракуль, по рекам Уил и Кинле и по степным речкам в районе среднего течения Яика—Кандагайты и Булдурты[16]. П. И. Рычков отмечает, что казахи за недостатком корма «по самому Яику» зимуют, а иногда их табуны пропускаются на правобережье Яика[17].

Следует заметить, что сведения о летних и зимних кочевьях казахов Младшего жуза, приводимые А. И. Добросмысловым[18], почти совпадают с данными Рычкова. Краткое описание кочевий Младшего жуза, составленное А. И. Тевкелевым, также ничего существенного в этом вопросе не дает[19].

Каждый род и его подразделения, составлявшие небольшие коллективы, кочевали в пределах определенных районов.

Младший жуз состоял из трех поколений: 1) алимулы с его родовыми делениями—торткара, шекты, каракесек, карасакал, шомекей; 2) байулы-адай, жаппас, алаше, байбакты, берш, маскар, таз-лар, исентемир, алтин, шихляр (сыклар), серкеш, тана; 3) жетыру-табын, тама, кердери, кереит, джагалбайлы, тилеу, рамадан[20].

В документах, говорящих о численности казахов, имеются значительные расхождения вследствие того, что каждый автор пользовался разными источниками. Одни авторы удовлетворялись сведениями, полученными от местной администрации, другие исходили из своих собственных наблюдений и т. д.

Царское правительство стремилось установить хотя бы примерное число населения казахских жузов; оно интересовалось тем, какое число подданных казахов будет у него и сколько войска может выставить каждый жуз в отдельности, если потребуется военная помощь[21].

Посланники хана Младшего жуза Абулхаира, отправленные в Петербург в 1730 г. с просьбой принять казахов в российское подданство, сообщили, что «оных кайсацких кочевых народов 40000 кибиток»[22].

---

[14] П. И. Рычков. Топография Оренбургская. СПб., 1762, ч. 1, стр. 137.
[15] Там же, стр. 138.
[16] Там же, стр. 139.
[17] Там же.
[18] А. И. Добросмыслов. Тургайская область. Исторический очерк. «Известия Оренбургского отдела РГО», вып. 16. Оренбург, 1901, стр. 176.
[19] «Казахско-русские отношения...», док. № 155, стр. 407; А. И. Тевкелев сообщает: «А Меньшая орда кочует на двух Барсуках (Большие и Малые), на вершинах реки Орь и реки Илек, по реке Енбы (Эмба) и ниже Яицкого городка, на впадающих речках в реку Яик и даже до Гурьева-городка и до Каспицкого (Каспийского) моря».
[20] «Казахско-русские отношения...», док. № 155, стр. 406; «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л., 1940, док. № 6, стр. 58.
[21] По условиям российского подданства хан Младшего жуза Абулхаир обязался оказывать России военную помощь в случае неприятельского нападения.
[22] «Казахско-русские отношения...», док. № 26, стр. 85.

Несомненно, они имели в виду население Младшего жуза, которое определялось обычно количеством кибиток, то есть семей.

В представлении начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова императрице Анне Иоанновне от 1 мая 1734 г. говорится, что «Меньшей Орды Абулхаир хан со многою старшиною, которых около 30000 человек, совершенно в подданство в 1731 году приняты»[23]. Вероятно, здесь Кириллов имеет в виду боеспособное население Младшего жуза.

В 60-х годах хан Младшего жуза Нурали обещал военную помощь России в количестве 30 тыс. человек в случае военного столкновения с Цинской империей[24]. В донесении губернатора А. И. Апухтина императрице Екатерине II от 16 сентября 1783 г. отмечается, что Средний и Младший жузы могли бы выставить до 100 тыс. человек, «годных к вооружению» [25]. Таким образом, здесь приводятся недифференцированные данные, относящиеся к трем жузам.

Разумеется, на основе численности боеспособного населения трудно установить общее его количество. Но эти сведения в какой-то мере отражают количество взрослого мужского населения. При определении же числа всего населения может быть использована вышеприведенная цифра, показывающая число кибиток (семей). Если допустить, что каждая семья состояла в среднем из 5 человек, то выходит, что население Младшего жуза в XVIII в. исчислялось примерно в 200 тыс. человек[26].

Население, занимавшееся экстенсивным скотоводством, составляло различные по своей численности кочевые коллективы, известные в русских источниках под названием «поколения» и «роды» с их «отделениями».

Ядром этих коллективов был аул. На данном этапе исторической науки установлено, что в XVIII в. казахский аул представлял собой основную хозяйственную форму объединения кочевников—аульную общину. По своему социальному содержанию казахская аульная община XVIII в. была классовым, антагонистическим коллективом, одна часть которого—феодальная верхушка—присваивала результаты труда основных производителей—феодально-зависимых скотоводов (шаруа), неравномерно обеспеченных скотом[27]. Но она сохраняла свой родовой облик (номенклатуру родства, родовую генеалогию, патриархально-родовой быт). Основное ядро аула состояло из семей, находившихся в кровном родстве. Но в это ядро могли входить и другие семьи или отдельные члены семей, не связанные с ним кровнородственными узами. В аульную общину допускались родственники по женской линии, принадлежавшие к другому роду, бедняки, отколовшиеся от своих общин (кроме консы),[28] семьи рабов, отпущенных на волю.

Количественный состав входивших в аулы кровнородственных семей был различен. По данным А. П. Чулошникова, население аула

---

[23] Там же, док. № 50, стр. 107.

[24] А. И. Добросмыслов. Указ. соч., стр. 128.

[26] Там же, стр. 176.

[25] В начале XIX в. число кибиток (семей) в Младшем жузе, по данным источников, насчитывало 165 700 (см. «Материалы по истории КазССР», т. IV, стр. 516).

[27] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 99; «История Казахской ССР», т. 1. Ама-Ата, 1957, стр. 160.

[28] Социальная категория «консы» недостаточно выяснена. Так назывались казахи, жившие в составе чужих общин; это были своего рода припущенники, вынужденные вливаться в состав чужих аулов из-за невозможности вести собственное хозяйство (М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 132).

в XVIII в. состояло в среднем из трех—пятнадцати семей (кибиток)[29]. Аулы ханов и султанов были крупными объединениями. «Станы их,— пишет И. Г. Георги,— ... очень обширны. Около ханского собственного стана наберется юрт около тысячи»[30].

Ф. Назаров, совершивший поездку в Коканд в 1813—1814 гг., сообщает, что казахские волости делятся на аулы, состоящие из 30—70 юрт (семей)[31]. Однако такие размеры аулов не были типичными для XIX в. В условиях развивавшегося земледелия аульные общины становились меньше[32], так как при небольшом радиусе кочевания не требовалось объединения многих аулов. Напротив, длительные переходы, сопряженные с большими трудностями, были возможны лишь для крупных аулов. Здесь следует согласиться с выводом С. З. Зиманова о том, что кочевое скотоводство, связанное с передвижениями на большие расстояния, неизбежно включало в свои кочевые маршруты большие коллективы. Поэтому, когда оно являлось господствующей формой хозяйства, преобладали аулы крупных размеров[33].

Аулы объединялись и во время летних стоянок, пользуясь пастбищами сообща, а также в случае военной опасности (набеги со стороны соседей, когда нужно было отразить нападение).

С наступлением зимы крупные кочевые коллективы распадались на отдельные аулы, которые занимали определенные зимовки. Дробление родов при перекочевках на зимовки отмечено в документах 50-х годов, в частности в журнале А. И. Тевкелева 1755 г. Казахи, по свидетельству Тевкелева, занимая удобные для зимовки места, «так дробно разделяются, что не только каждый народ, но и каждый род на несколько мелких частей»[34]. Дробление родов при перекочевках на зимние стоянки характерно и для 80-х годов XVIII в. Так, например, в 1785 г. О. А. Игельстром отметил, что казахи к зиме «должны разделиться к откочеванию в разных местах, где для скота их лучший корм имеется»[35].

В процессе дробления родов ослабевали экономические связи рода, развивались территориальные связи. Однако этот процесс шел очень медленно и неравномерно. Более определенно он выступает во второй половине XIX в.[36]

Кочевые маршруты аульных общин регулировались родоначальниками, аксакалами, биями (старшинами) и батырами. Возглавляя общины, они распоряжались их кочевьями, определяя места сезонных стоянок. В записях обычного права отмечено, что стоянки, куда перекочевывали аулы, назначались старейшинами за несколько дней до перекочевки[37].

В районах, где в связи с развивавшимся сенокошением и земле-

---

[29] А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа, ч.1.

[30] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. СПб., 1799, стр. 131.

[31] Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821, стр. 6.

[32] Ценные наблюдения в этом отношении сделаны С. З. Зимановым в его книге «Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. Так, например, в Петропавловском округе в 3—5 верстах от станицы Новокаменской кочевали аулы, состоявшие из 2—5 кибиток (семей). Там же, стр. 72.

[33] Там же, стр. 70.

[34] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1755, д. № 5, л. 19 об.

[35] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М. — Л., 1940, док. № 9, стр. 68.

[36] П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 56.

[37] «Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, Алма-Ата, 1948, стр. 82.

делием радиус кочевания сокращался, маршруты кочевий были менее постоянными. Когда они менялись, «один из старших в ауле», предварительно осматривая стоянки и водопои для скота, определял кормовые качества пастбищ. Такая разведка давала возможность аксакалу или бию выбрать наиболее удобные сезонные постбища для своего скота. Чтобы захватить лучшие пастбища, бии старались использовать свою власть в ауле и патриархальный обычай. Поэтому на аульном собрании бий добивался согласия всего аула на предстоящую перекочевку[38].

Сфера феодального права распоряжаться кочевьями расширялась в зависимости от того, какое количество кибиток (семей), составлявших общины, состояло под властью бия или батыра. Некоторые бии (старшины) возглавляли большое число общин, принадлежавших к одному поколению, состоявшему из нескольких родов. Так, например, о батыре Есете, владевшем в 40-х годах XVIII в. поколением жетыру, имеются такие сведения: «Меньшей орды славный и единственно в своем владении семь родов имеющий старшина». В ведении Есета были аулы родов джагайбайлы, кердери, кереит, табын, тама, тлеу и рамадан.

Под присяжными листами 1743 г. «ведомства» Есета подписались старшины 54 аулов[39], но фактически их было больше. Во владении батыра Букенбая состояло девять родов, в том числе три рода Среднего жуза [40]. Букенбай и Есет имели в своем «ведомстве» 7000 кибиток. Несколько родов возглавляли те бии, которые по своему положению были «не ниже» хана. Отделениями родов (ата-баласы) управляли менее знатные бии и батыры. Экономическое превосходство и власть бия определялись и знатностью многочисленного управляемого им рода. Сильным родом считался каракесек, принадлежавший к поколению алчин, он состоял из шести родов: каракете, каракесек, карасакал, торткара, шекты и шомекей. Менее знатным («посредственным», по словам О. А. Игельстрома) было поколение байулы, хотя оно состояло из двенадцати родов.

По свидетельству источников 80-х годов XVIII в., в Младшем жузе двенадцати биям (в том числе имевшим почетное звание батыра) и султану Карабаю были подвластны 32 250 кибиток (семей); из них во владении Дюсян-бая и Чоиташ-батыра насчитывалось по 7000 кибиток. Владельцем 3000 кибиток был Яркынбай-батыр; таким же количеством владел Суфре-батыр. Преобладали владения от 500 до 2000 кибиток[41].

К сожалению, источники не дают сведений о том, какое число общин возглавляли все бии и каждый из них в отдельности. Но, несомненно, общин было меньше, так как каждый аул (аульная община) состояла в среднем из 5—10 семей.

Наиболее влиятельные бии и батыры, стоявшие во главе многих общин, могли контролировать большие кочевые маршруты, что расширяло их возможности присвоения обширных и лучших пастбищ. Как крупные скотовладельцы они были заинтересованы прежде всего в обширных пастбищах. В их стадах насчитывались тысячи голов скота; обычно сами владельцы не знали точного количества своего скота. Сравнивая цифры крупного скотовладения Среднего и Младшего жузов, ученый-путешественник XVIII в. И. Г. Георги писал: «Име-

[38] Там же, стр. 88.
[39] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1745, д. № 3, л. 36.
[40] Там же, лл. 56—57.
[41] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1785, д. № 6, л. 4—4 об.

ющие тысяч по 5 лошадей и по соответствующему числу рогатого скота люди есть и в Малой орде»[42].

Особенно бии были заинтересованы в том, чтобы обеспечить скот хорошими кормами на зиму.

Недостаток материалов не позволяет показать с достаточной полнотой земельные отношения у казахов во второй половине XVIII в. Однако и на основе отрывочных, лаконичных сведений источников все же можно в какой-то мере проследить, где располагались зимние кочевья казахской феодальной знати Младшего жуза. Наблюдения в этом направлении представляют особый интерес. Установление постоянства в пользовании отдельными зимовками феодальной знати свидетельствует о начинающемся процессе закрепления их в собственности феодалов. Если феодал в течение продолжительного времени пользовался для своего скота одними и теми же зимними стоянками, они становились фактически его собственностью.

Поскольку процесс закрепления зимовок феодалами в Среднем жузе прослеживается в монографии Н. Г. Аполловой[43], мы попытаемся здесь показать, как этот процесс протекал в Младшем жузе.

Знатнейший батыр Младшего жуза Есет, получивший в 1738 г. звание тархана, распоряжался кочевьями поколения джетыру (семи родов): зимовками рода джагалбайлы по Иргизу, Ори и ее левым притокам (Кумак и Сугундук), зимними кочевьями кердери и тама по р. Яику, в районе Яицкого городка и ниже его. Большая часть табынцев кочевала в соседстве с аулами родов кердери и тама. Кереиты зимовали по Сыр-Дарье и рекам Сары-Тургай, Кара-Тургай и Б. Тургай[44].

В пределах этого обширного района зимних кочевий Есет в течение 30—50-х годов присвоил зимние стоянки в районах, близких к зимовкам хана Абулхаира и его семьи: около Каракумов, по Барсукам и по р. Илеку, в районе озера Каракуль, между Эмбой и Яиком[45]. Это были лучшие зимовки, занимавшие обширную территорию юго-восточных, юго-западных и, отчасти, северо-западных районов Младшего жуза. В частности, богатые ковыльные пастбища располагались в долине Илека с его многочисленными притоками, занимающей в длину около 400 верст. Окаймленные отрогами Мугоджарских гор зимовки в долине Илека являлись надежным укрытием для скота во время снежных заносов. В дальнейшем (XIX в.) здесь усиленно развивалось сенокошение[46].

К кочевьям Есета примыкали кочевья батыра Джаныбека, располагавшиеся выше Каракумов, при урочище Учюзек[47]. Кроме того, в его распоряжении находились богатые зимние пастбища в Каракумах и в районе Сыр-Дарьи, по вершинам р. Иргиз, в урочище Каракаил[48]. Эти зимовки не случайно привлекали феодалов. Каракумы («Черные пески») представляли собой удобные стоянки для зимнего содержа-

---

[42] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. СПб., 1799, стр. 126.

[43] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., стр. 354— 358.

[44] А. И. Левшин. Указ. соч., ч. III. СПб., 1832, стр. 15—16.

[45] «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2, стр. 218.

[46] И. Бларамберг. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XIV, ч. 3. СПб., 1848, стр. 38—39.

[47] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1747, д. № 3, л. 268; «Казахско-русские отношения...», док. № 146, стр. 370.

[48] Там же, док. № 62, 88, 167, стр. 125, 207, 436.

ния скота. Они отличались хорошим качеством кормовых трав (терескен, сагыз и др.), питавших лошадей, овец и верблюдов[49].

Возглавляя три рода Среднего жуза (аргын, керей и уак) и часть рода Младшего жуза (алаша), батыр Джаныбек распоряжался обширной территорией зимовок в верховьях Тургая и Тобола, в междуречье Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи, по р. Чу и др.

Широкие возможности в выборе и присвоении лучших зимовок были у казахских ханов и султанов, являвшихся монопольными владетелями пастбищ всего жуза и распоряжавшихся кочевыми маршрутами биев и батыров.

В Младшем жузе насчитывалось 25 родов: в управлении хана Нурали—12, султана Айчувака—7, султанов Ерали и Батыра—6 [50].

В условиях кочевого скотоводства продолжительность пользования одними и теми же пастбищами обычно определялась состоянием их травостоя. Поэтому казахи-скотоводы пользовались зимовками несколько лет подряд. Если кормовые качества зимовки становились хуже, она на некоторое время исключалась из пользования. Так бывало с зимовками, охваченными джутом. Случившийся во время тебеневки массовый падеж скота вынуждал скотоводов искать другие зимовки в пределах кочевого маршрута своего рода. Этим, на наш взгляд, можно объяснить то обстоятельство, что ханы, султаны и старшины забрасывали на время одни зимовки и захватывали другие.

Возможностей выбора и чередования зимовок в зависимости от травостоя и других качеств у хана и султанов, распоряжавшихся кочевым маршрутом нескольких многочисленных родов, было больше, чем у биев и батыров. Между тем рядовой скотовод мог менять место своей зимней стоянки лишь по указке своего родоначальника—аксакала или бия.

В 40-х годах XVIII в. султанам «дома» Абулхаира принадлежали следующие зимовки: по Сыр-Дарье и Куван-Дарье, в Каракумах, по Эмбе, Илеку и Тургаю[51]. В зависимости от разных конкретных условий (джуты, военная опасность, обострение феодальной борьбы, изменения направления караванных путей и т. д.) султаны чередовали пользование этими зимовками. Но при всех обстоятельствах, пользуясь теми или иными зимовками, они считали их своей неотъемлемой собственностью.

В 1741—1742 гг. Абулхаир зимовал в районе Сыр-Дарьи, по Куван-Дарье и при р. Адамати[52]. Он был заинтересован в зимовках в Приаралье и в районе Сыр-Дарьи, что объясняется не только хорошими качествами сыр-дарьинских зимовок, но и стремлением Абулхаира укрепить свою власть на территории каракалпаков. Зимовки Абулхаира располагались и в Каракумах, при устье Сыр-Дарьи, в Больших и Малых Барсуках (1746—1747 гг.). Не случайно, что и в эти годы Абулхаир зимовал неподалеку от торгово-ремесленных центров среднеазиатских ханств. Как крупному скотовладельцу, Абулхаиру нужны были рынки сбыта скота. Зимовки Абулхаира располагались и в районе р. Эмбы. В 40-х годах XVIII в. он пытался распространить свою власть и на Средний жуз, в результате чего были освоены кочевья по р. Тургаю. Вернувшиеся из Младшего жуза в 1743 г. И. Лапин и сак-

---

[49] И. Завалишин. Описание Западной Сибири. т. III. М., 1867, стр. 10.

[50] АВПР. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1769—1773, д. № 19, л. 25 а об; Там же, оп. 122/1, 1749, д. № 4, л. 54 об.

[51] «Казахско-русские отношения...», док. № 83, стр. 193, док. № 146, стр. 370; «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2, стр. 88.

[52] «Казахско-русские отношения...», док. № 76, стр. 177.

марский казак М. Асанов рассказали, что «киргиз-кайсацкие орды, как владельцы, так и народ, кочевьем своим пошли в Тургай, где и зиму кочевать намерены»[53]. Эти кочевья Абулхаир сделал владениями своего сына, султана Ерали, назначив его правителем казахов кирейского рода, ранее подчинявшегося хану Абулмамбету[54]. Однако Ерали не смог удержать свою власть над кирейцами вследствие обострившейся после смерти Абулхаира феодальной борьбы.

Зиму 1747—1748 г. Абулхаир провел между урочищем Барсуки и горой Тулугай. Его сын Ерали зимовал в это время на Тургае [55].

Казахские султаны стремились присвоить зимовки и на пути движения торговых караванов. Известно, что через зимовки на Сыр-Дарье проходило несколько караванных путей, ведущих к Бухаре[56]. Это давало возможность султанам брать пошлины с караванов, проходивших через их кочевья.

Любопытны в этом отношении сведения А. И. Левшина об одном из степных феодалов—Караболате из рода торткара, зимовки которого находились на побережье Сыр-Дарьи. Сюда заезжали купеческие караваны, которые платили владельцу за пропуск через его кочевья пошлину[57]. По свидетельству ученого-путешественника П. С. Палласа, султаны брали с каждого навьюченного товарами верблюда от 10 до 12 рублей[58].

В первые годы после смерти Абулхаира сыр-дарьинскими зимовками пользовалась его семья (ханша Попай и его сыновья султаны). В ноябре 1748 г. вернувшийся из Младшего жуза казачий атаман С. Абдрезяков сообщил следующее: «Кочевье ныне имеет Абулхаир-ханова фамилия з большим числом киргис-кайсацких улусов... на урочище Каракуме ... и Джаныбек тархан к тому же урочищу прикочевал» [59].

К зимовкам хана или султана обычно примыкали зимовки наиболее влиятельных батыров и биев (старшин). Так, например, весной 1749 г. ханша Попай писала И. И. Неплюеву: «Доношу, что с нами всегда кочующия и ныне прикочевавшие знатные люди Чумайского роду (рода шомекей) Кидай бий, Алучиал Дияр бий, Джаилган бий, Ходжанай бий со всеми Каракисятского роду (рода каракесек.— *А. С.*) людьми со всякой верности и усердия находятся и нас не оставляют» [60].

Члены семьи Абулхаира продолжали пользоваться зимовками и в районе р. Эмбы. Но в 1749 г. территория их зимовок значительно уменьшилась, так как джут охватил зимовки в Барсуках и по р. Эмбе. Ханша Попай, жалуясь И. И. Неплюеву на большие потери скота, писала: «Наши улусы зимовали и по Сыр-Дарье: те через всю зиму благополучно находились. А которые кочевали на степи по Барсуку и Эмбе, рекам Средней и Меньшей орд, у тех улусов скотина от гладу померла» [61].

На изменения места зимовки султанов, как было отмечено выше, влияла внешнеполитическая обстановка. Когда в 1747 г. султаны узнали о том, что наместник Калмыцкого ханства Дондук Даша наме-

---

[53] «Казахско-русские отношения...», док. № 2, стр. 290.
[54] Там же, стр. 288.
[55] «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2, док. № 80, стр. 218.
[56] А. И. Левшин. Указ. соч., ч. 1, стр. 191.
[57] Там же, ч. 3, стр. 25.
[58] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1773, стр. 580.
[59] «Казахско-русские отношения...», док. № 167, стр. 436.
[60] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1749, д. № 4, л. 70 об.
[61] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1749, д. № 4, л. 54.

рен совершить поход в район Сыр-Дарьи, они решили прозимовать в другом месте. Но этот слух не подтвердился. Однако султан Нурали из предосторожности предпочел в этом году зимовать поближе к русским границам за р. Эмбой, при урочище Каратамак[62].

По данным источников, у Нурали было свое султанское владение в урочище Барсуки, которое закрепилось за ним еще при жизни его отца, хана Абулхаира. Но после его смерти он предпочитал зимовать вместе со своей матерью, ханшей Попай, и своими братьями султанами. Это объясняется, видимо, внутриполитической обстановкой, сложившейся в Младшем жузе в 40-х годах. Султаны младшей династии в борьбе с враждебными им султанами Бараком и Батыром старались держаться сплоченнее и по возможности ближе к своей матери, властной ханше Попай, которая играла большую роль в Младшем жузе. Любопытно, что в конце ноября 1748 г. Нурали, сделавшись ханом, конспиративно (еще недостаточно уверенный в своей власти) заехал только на несколько дней на зимовку в Барсуки, чтобы забрать оттуда кибитки и скот, намереваясь как можно скорее пробраться со всем своим имуществом к зимовке ханши Попай и своих братьев, султанов Ерали и Айчувака [63].

Когда особенно остро стал вопрос о зимнем содержании скота в результате обострения взаимоотношений Нурали с ханством Батыра и Хивой, пользование прежними зимовками для хана Нурали и подвластных ему аулов в районе Сыр-Дарьи значительно ограничилось. Поэтому Нурали старался придерживаться зимних стоянок в районе Эмбы и вблизи Яика. Зиму 1750 года он «провел почти безвыездно на кочевье, у реки Эмбы»[64], а в конце 50-х годов его зимовки вплотную подошли к Яику. «Нурали хан... каждую почти зиму к кочеванью своему вниз Яика-реки к Гурьеву самые теплые места избирает, а иногда и подле самых форпостов и крепостей зимовал»[65],—писали Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев и П. И Рычков в 1759 г.

В орбите зимних кочевий семьи Абулхаира располагались и зимовки султана Айчувака. В частности, он зимовал в районе Сыр-Дарьи, между Эмбой и Яиком (при озере Каракуль) и в верховьях Илека[66].

Таким образом, хан и султаны, выбирая те или иные места для зимних стоянок и закрепляя их в своем владении, учитывали не только естественно-географические условия, но и различные экономические факторы, связи с торговыми путями и торгово-ремесленными центрами и конкретно-историческую обстановку (безопасность зимовки в части набегов со стороны соседей).

Мы выше отметили, что еще до принятия российского подданства казахские феодалы проявляли большую заинтересованность в кочевьях по Яику. Особенно усиливается тяготение к Яику к концу 40-х годов XVIII в. В этом отношении примечательно следующее заявление хана Абулхаира: «Доколь река Яик не высохнет, так и киргизский народ даже до представления света от Яика не отлучится, понеже, кроме оного, удобного места им другого не отыскать»[67].

П. И. Рычков указывает, что в декабре 1748 г. получивший звание тархана батыр Есет просил Неплюева, «дабы ему позволил с улу-

---

[62] Там же, 1747, д. № 3, л. 268.

[63] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1748, д. № 3, л. 394 об.

[64] В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхаир-хана (1748—1765). Уфа, 1853, стр. 38.

[65] «Казахско-русские отношения...», док. № 225, стр. 584.

[66] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1761, д. № 4, л. 119.

[67] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1747, д. № 3, л. 246 об.

сами его зимовать в низовых местах по р. Яику»[68]. Выражали желание кочевать на правом берегу Яика «знатные люди» Аджибай-бий, Алтай-батыр и Арал-мурза, мотивируя свои намерения тем, что «от жестокости ... зимы и от великих снегов скоту их на той стороне Яика удобного места нет»[69]. Таким образом, уже в 40-х годах проявилось тяготение казахских феодалов к зимовкам на правобережье Яика.

Оренбургская администрация была хорошо осведомлена об этом. Объясняя причину заинтересованности казахов в кочевках на правобережье Яика, А. И. Тевкелев и П. И. Рычков в марте 1759 г. доносили Коллегии иностранных дел: «К тому же нужда их не в том одном обстоит, чтоб убежище было скоту их от погод, но паче в местах, где под снегом или выше оного некошенная и немятая трава есть, каковых мест на той стороне (левой) Яика весьма мало, а на здешней (правой) довольно, ибо в тех местах, кроме форпостных, никто трав не топчет и не косит, а остается их праздно весьма много». Поэтому, как утверждали Тевкелев и Рычков, казахи так упорно «домогаются» яицких зимовок[70]. Казахи настойчиво добивались разрешения перегона скота на правый берег Яика во время засухи и неурожая кормовых трав на степной стороне. Пастбища с хорошим травостоем были главным образом на правобережье Яика.

Весьма ограниченные возможности в пользовании зимовками были у рядовых скотоводов, что объясняется их феодально-зависимым положением, а также усилившимся захватом феодальной знатью лучших зимовок.

Рядовые скотоводы (шаруа) вынуждены были нести различные феодальные повинности: платить подати и оброки хану и султанам, делать им приношения («подарки»), отрабатывать в хозяйстве биев и старшин под видом «родовой помощи» и др. Эти повинности были обязательны для рядовых скотоводов потому, что они кочевали на земле, которой распоряжались феодалы.

Известно, что попытки регулярного обложения казахов были предприняты еще в конце XVII в. Предание предписывает хану Тауке (1680—1718 гг.) введение обязательной подати в пользу хана (зякет) в размере 1/20 части скота в скотоводческих районах и 1/10 части урожая в районах земледельческих[71].

В 80-х годах XVIII в. хан Нурали собирал оброк с подвластных ему казахов за выпас скота на зимовках и за пропуск его на правобережье Урала. Старшины жаловались генерал-губернатору О. А. Игельстрому, что хан Нурали уже в течение 30 лет «притеснения чинит, как-то: при перегонах во внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизский собирал с каждого коша при всяком перегоне по одной лошади и по одному барану»[72]. Нурали взимал оброк скотом и в том случае, когда скотоводы без его разрешения пытались перекочевать на летние или зимние пастбища. «Во время их, киргиз-кайсак, со скотом их на летние и зимние кочевки, некоторым он, хан, к тому позволения не дает, а ежели которые лошадей и баранов во взяток ему не дадут, да и без позволения ево скот перегонят, о таковых сообщая и

---

[68] П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, стр. 88—89.

[69] «Казахско-русские отношения...», док. № 171, стр. 440.

[70] Там же.

[71] «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1948, стр. 22.

[72] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М. — Л., 1940, док. № 9, стр. 66.

называя вором, делает озлобление»[73],—писал ахун М. Хусаинов, ездивший в Младший жуз в 1785 г.

Следует согласиться с тем, что при изучении различных форм феодальной эксплуатации необходимо дифференцировать феодальные повинности с учетом специфики казахского общества: продуктовая рента (зякет и ушур) шла главным образом в пользу хана и султанов, отработками широко пользовались стоящие ближе к общине родоначальники бии и баи-феодалы[74].

Преимущественное право хана на взимание зякета зафиксировано в обычном праве, которое гласит: «Одни ханы имеют право собирать с народа зякет. Султаны-правители, хотя почитаются в орде наравне с ханом, но правом на зякет не пользуются» [75]. К концу XVIII в. эта подать становится основной в пользу хана, поскольку возрастает ценность сенокосных угодий.

Имеются различные сведения о размере зякета. В XVIII в. зякет взимался со скотоводов, имевших не менее 75 голов скота, в следующем размере: с пяти верблюдов—одна овца, с 30 голов рогатого скота—один теленок и с 40 овец—одна овца не моложе семи месяцев[76]. Сбор зякета производился муллой один раз в год, весной, перед откочевкой с зимних пастбищ. «Целью ханского зякета,—говорится в обычном праве,—служит вспомоществование бедным или неимущим киргизам и на содержание мулл» [77]. Так, обычное право, защищая интересы феодалов, прикрывало патриархальным обычаем эксплуататорскую сущность зякета. В действительности это была феодальная земельная рента, являвшаяся и в кочевом хозяйстве экономической формой реализации феодальной собственности на землю.

Выше было отмечено, что казахские феодалы стремились присвоить зимовки, расположенные на пути к торгово-ремесленным центрам или по возможности в близких к ним районах. Не случайно город Туркестан в конце XVII и начале XVIII в. был ставкой хана Тауке. Окруженный «городками» (их было 25) при выходах на Калмыцкую дорогу город Туркестан привлекал казахских ханов и как опорный пункт для отражения военных наступлений со стороны Джунгарии[78]. По данным источников, существовало укрепление и в городе Туркестане. Разумеется, это была примитивно устроенная крепость. «Крепостного строения регулярного нет, токмо имеется ... стена глиняная и в круге в ней небольшой ров с водою»[79],—пишет современник.

Казахские ханы стремились овладеть Ташкентом и другими городами среднеазиатских ханств. Побывавший в Младшем жузе русский посол А. И. Тевкелев в своем журнале отмечает, что «из древних лет предки ево и он, Абулхаир-хан, владели городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими к ним городками». Под натиском джунгар Абулхаиру пришлось оставить эти города, откочевать к русским границам[80].

Стремления казахских ханов и султанов овладеть городами в районе Сыр-Дарьи не ослабевали, так как в их представлении эти го-

---

[73] Там же, док. № 11, стр. 70.

[74] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв. М., 1960, стр. 78.

[75] «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1948, стр. 137.

[76] М. А. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 95.

[77] «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1948, стр. 137.

[78] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Л., 1932, стр. 265.

[79] ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. № 442, л. 57—57 об.

[80] «Казахско-русские отношения...», док. № 33, стр. 49.

рода могли быть источником больших доходов. Султан Барак, владея городами Иканом, Ташанаком и Сузаком, распоряжался в них как самовластный хан, брал подати «и даже в Икане построил себе дом»[81]. Можно предполагать, что потребности кочевых феодалов в изделиях ремесла удовлетворялись за счет той подати, которую они брали с городов. Батыр Букенбай сообщил А. И. Тевкелеву в 1731 г., что с Туркестана, Ташкента, Сайрама и других городов, принадлежавших казахам, в начале XVIII в. доходы получал не только хан, но и старшины, причем дань была обязательной. Но это были еще малонаселенные города: в Икане насчитывалось 300 домов, в Ташанаке (в 15 верстах от Отрара)—100 домов[82]; население г. Туркестана состояло из 1000 человек[83].

Казахским ханам и султанам удавалось владеть среднеазиатскими городами лишь непродолжительное время, так как на пути их притязаний были серьезные трудности—военные вторжения со стороны среднеазиатских ханств. Поэтому казахские ханы стремились сделать своим постоянным владением (ханской ставкой) прежде всего г. Туркестан. Так, например, хан Нурали, сознавая неустойчивость своей власти, намеревался «иметь, по примеру среднеазиатских владельцев, особое местопребывание, где, находясь в безопасности, он мог легче действовать к обузданию биев и самого народа[84]»,—замечает В. В. Вельяминов-Зернов.

Дальнейшее экономическое развитие среднеазиатских городов было связано с развитием хозяйства не только среднеазиатских ханств, но и Казахстана (в частности, с переходом казахов к оседлости, с развитием ремесла, расширением торговых связей с Россией).

Земельные отношения казахов были сложными, так как феодальные отношения переплетались с устойчиво сохранявшимися патриархально-родовыми пережитками (родоплеменной состав населения, формально существовавшее общинное землепользование, родовые традиции и др.). Поэтому процесс развития феодальной собственности на земле шел медленно и неравномерно, более интенсивно в районах, близких к русским и среднеазиатским городам. Он выражался в закреплении зимовок во владение феодалов (хана, султана, старшин и батыров). Реализацией собственности феодалов на землю-пастбища была феодальная земельная рента (зякет, ушур).

Феодально зависимое население аульных общин—рядовые скотоводы (шаруа), неравномерно обеспеченные скотом, платили обязательную подать хану в виде 1/20 части за то, что они кочевали на земле, монопольным собственником которой являлся хан, распоряжавшийся кочевьем всего ханства.

Во взаимоотношениях общинников с ханом и султанами преобладала продуктовая рента; отработки широко использовались родоначальниками, биями, батырами, а также баями, возглавлявшими отдельные общины или несколько общин.

---

[81] В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 9—10.
[82] ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. № 442, л. 58.
[83] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932, стр. 265.
[84] В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 25.

М. БИЖАНОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА В ТРУДАХ РУССКИХ УЧЕНЫХ

Казахское общество в первой половине XVIII в. состояло из двух основных классов: феодалов и шаруа. Шаруа представляли подавляющее большинство населения.

Класс феодалов распадался на несколько групп. К первой группе относились ханы и султаны, их называли «белой костью» («ак суйек»). Сами же они себя называли «торе». Ко второй—принадлежала родовая знать, не относившаяся к «белой кости»; сюда входила верхушка казахских родов: бии, старшины и тарханы. К «белой кости» примыкали ходжи.

Как известно, слово «торе» берет свое начало со времен завоевания Казахстана и Средней Азии Чингис-ханом и его потомками.

Происхождение термина *хан* уходит в глубокую древность. «Имя же хан,—говорит Плано Карпини,—есть нарицательное и значит то же, что царь или император, или величественный, или возвеличенный. Но татары так в особенности называют своего государя, скрывая собственное его имя. Он также величает себя сыном божьим и так называют его все люди»[1].

В. В. Бартольд термин *хан* относит к еще более древнему периоду; он считает, что ханский титул существовал у некоторых азиатцев до распространения ислама в Средней Азии и Казахстане. По Бартольду, в государственной терминологии, особенно в ханских титулах, сохранились некоторые следы степных и вообще домусульманских традиций[2].

Плано Карпини и В. В. Бартольд правильно указывали на древность ханского звания: Чингис являлся ханом, однако он не был мусульманином; народные сказания также изображают более древних ханов (например, Огуз-хан и др.).

Происхождение самого слова *хан* до сих пор остается невыясненным.

В казахской степи ханский титул признавался только за потомками Чингис-хана. Ханы выбирались из числа султанов по наследству. «История Казахстана не знает ни одного случая, когда бы ханами выбирались или назначались не султаны» [3].

---

[1] Плано Карпини. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825, стр. 45.

[2] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 17.

[3] С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 184.

Для подтверждения кровных связей между султанами считаем не лишним привести один факт из журнала Тевкелева за 1756 г.: «Бытность его, Арапова, в ханском (Нурали.— *М. Б.*) и в других улусах... они, киргисцы, от здешней стороны в великой опасности находятся и для того страху стали они вдаль откочевывать в ханском улусе[4] слышал он от приехавших к нему хану от Абулмамета хана для сговору дочери ево ханской за сына своего Абылпейза салтана»[5].

Вопрос о достоинствах званий казахских султанов рассматривался в Правительствующем сенате в 1759 г. (а не в 1776 г., как свидетельствует Н. Н. Крафт). По представлению Коллегии иностранных дел сенат вынес такое решение: «Дети и родственники турецкого султана, крымского хана, такожде Бухарского, Хивинского и киргис-кайсацких ханов же называются на их языках султаны..., а звание мурзы в употреблении в нагайском народе... при свиданиях у всякого султана нагайские мурзы целуют полу, и тако по рассуждению Коллегии иностранных дел почитаемы быть могут солтаны за князей, а мурзы за дворяне»[6].

Султанский титул в степи был таким древним, как, скажем, княжеское звание в России. Сословные привилегии султанов частично сохранились вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Представители титулованной наследственной аристократической верхушки—султаны—являлись чуждыми элементами в казахском обществе. Несмотря на это, все нити правления находились в их руках. Султаны, представляя собой потомство Чингис-хана, требовали не только подчинения простых казахов, но и преклонения перед ними. Георги пишет, что «народ величает самого хана тахсир ханымом и таксир патшаимом, супруг его просто ханымами, князьков таксир салтанами»[7].

В первой половине XVIII в. во всех казахских жузах ханы и султаны осуществляли высшую политическую власть. Так, например, в Младшем жузе до 1748 г. половина поколений алимулинцев, байулинцев и весь род джетиру, часть аргинцев, уаковцы и керейцы находились под властью Абулхаир-хана, а после его смерти они перешли под владычество Нурали-хана. Многочисленный род шекты был подчинен султану Батыру Каипову. С начала 50-х годов XVIII в. в поколении джетиру стал самостоятельным владельцем султан Айчувак.

В Среднем жузе после смерти Самеке, с 1739 г., ханствовал Абулмамбет; ему принадлежали часть аргинцев и тарактинцы; другая часть аргинцев находилась в ведении Аблай-султана. С 1742 по 1748 г. керейцы принимали в качестве владельца султана Ерали. Многочисленное найманское поколение разделялось на два владения: Кучекхана Турсунова (брат Барак-султана), владевшего 10 тысячами семейств найманцев, граничащих с Джунгарией, и Барак-султана, управлявшего найманами в количестве 40 тысяч кибиток.

В Старшем жузе с 1720 по 1739 г. ханствовал старший брат Абулхаира, Жолбарс-хан Абдуллаев. После убийства последнего с 1739 по 1742 г. жузом правил Толе-бий, с 1742 г.—Аблязи.

---

[4] *Улус* по Бартольду означает племя, народ, государство. См.: В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 40. Улус — это отдельное владение какого-то султана или хана. Чингис-хан, выделяя сыновьям и внукам отдельные территории, называл их улусами.

[5] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1756, д. 5, л. 75.

[6] Там же, д. 8, л. 5.

[7] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. 2. СПб., 1776, стр. 135.

Одной из господствующих группировок являлись тарханы.

В Казахстане царское правительство начало присваивать тарханское звание казахским знатным биям и батырам в начале 50-х годов XVIII в. В августе 1742 г. в Орской крепости при приеме хана, султанов, биев и батыров Младшего жуза начальник Оренбургской экспедиции И. И. Неплюев присвоил звание первого тархана Жаныбек-батыру. В указе о присвоении тарханского звания Жанибеку говорилось: «Оной Джаныбек за верныя ево к Ея и. в. службы и по удостоинству верно подданного Абулхаир-хана пожалован между киргис-кайсацким народом первым тарханом и потомки ево, которыя в верной службе Е. и. в. будут быть тарханами ж... дан в лагере при Орской крепости августа тридесятого дня тысяча семь сот сорок второго году»[8]. Звание тархана было присуждено правителю поколения жетиру бию Есету 3 июля 1743 г.

Звание тархана не у всех народностей давало одинаковые преимущества. Например, у башкир тарханы освобождались от платежа ясака и были обязаны нести военную службу. Но совершенно иное значение имело оно у казахов первой половины XVIII в. У них это звание не освобождало от уплаты ясака и не обязывало нести военную службу. Однако казахские батыры и бии всячески добивались этого звания, ибо оно давало им особое положение внутри казахского общества.

Тарханы в казахском обществе пользовались бóльшими политическими правами, чем остальные бии и батыры. О силе тарханства Н. П. Рычков писал: «Тарханство у всех степных народов есть некая степень княжества. В народе ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской»[9]. Здесь Н. П. Рычков имеет в виду Даут-тархана, сына первого тархана Жаныбек-батыра. Нам кажется, это слишком преувеличенная оценка, и связана она с тем, что при жизни Абулхаир-хана несколько родов аргинского поколения во главе с Жаныбек-батыром были подчинены Абулхаиру, а после смерти последнего и Жаныбек-батыра аргинцы, подведомственные Даут-тархану, отошли от хана Нурали, но номинально считались еще подведомственными ему.

На наш взгляд, сила того или иного тархана, бия или батыра определялась не званием, а больше количеством подчиненных ему родов, поколений. Например, Жаныбек-батыр и Есет-батыр играли большую роль в политической жизни Младшего жуза и до получения тарханства. Помимо Абулхаир-хана они вели дипломатические переговоры с русскими пограничными военными властями. Например, в 1740 г. начальнику Оренбургской экспедиции В. А. Урусову батыр Есет в своем письме писал: «Джаныбековым послам у вас честь есть, а моим послам у вас и чести нет. А я Исет таков же, как Джаныбек, вы моим послам честь отдавайте»[10]. Есть еще документ, говорящий о силе батыров, которые имели в своем подчинении много родов. Так, В. Н. Татищев доносил в Коллегию иностранных дел: «Более всех силы имеют Средней орды Джанибек-батыр до Чурек, а в Меньшей — Букенбай-батыр, которых я как казенным так и моим довольно одаря, отпустил»[11].

Тарханы не претендовали на роль султанов, они в правящей лестнице казахского общества стояли выше обычных батыров и биев,

[8] АВПР, Киргиз-кайсацкие дела, 1722—1755, д. 1, л. 70.

[9] Н. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-кайсацкие степи в 1771 году. СПб., 1772, стр. 18.

[10] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1740, д. 3, л. 3.

[11] В. Н. Витовский. И. И. Неплюев и Оренбургский край..., вып. 1. Казань, 1889, стр. 160.

но ниже султанов. Наследственное право тарханства было дано лишь первому тархану Жаныбеку, как исключение, остальным же такая привилегия не давалась.

Н. Н. Крафт считает, что звание тархана у казахов было наследственным. Этот вывод он делает из единичного и частного случая—тарханства Жаныбека и переход его звания к сыну Дауту. Он пишет: «Звание это было наследственным... сыновья тарханов назывались также тарханами. Например, сын Джаныбека, Даут, в указе военной Коллегии, от 9 января 1759 г. за № 7 наименован тарханом»[12].

Другой группой правящего класса в казахском обществе первой половины XVIII в. являлись бии. Звание бия очень широко распространено в казахском обществе. Эта часть родовой знати выделялась из «черной кости». Возникновение термина *бий*, по показанию М. П. Вяткина, теряется еще в далеком прошлом общества Дашт-и Кипчака[13].

Под понятием *бий* казахи подразумевали лиц, обладавших навыками судебных разбирательств и ораторским искусством. «Только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание»,—пишет Ч. Ч. Валиханов[14]. И действительно, чтобы человеку достичь положения бия, необходимо было показать перед публикой свои знания и ораторскую способность.

Бии, принадлежа к группе феодальной знати и будучи выходцами из «черной кости», сосредоточили в своих руках политическую власть управляемых ими родов и выполняли роль степных судей. В одном источнике биям дано такое описание: «Звание бий и старшина присуждается у них таким людям, которые из кочующих вместе одного рода и улуса киргисцев других летами старея и проворнея, почему такие бии и старшины прочим с ними обще кочующим и предводителями бывают, при походах их, так же и в соглашении и советовании и по протчим их делам некоторую знатность имеют: но как однако же... биев или старшинской между ими касаками не наследственной и по смерти такого бия или старшины, достается по большей части постороннему человеку, старшему летами других, или хотя иногда и сыну прежнего бия и старшины»[15]. Этот документ, написанный в 1759 г., подписан канцлером В. Воронцовым. В нем отражена действительная роль и функции биев, являвшихся родоначальниками и степными судьями. На это указывает Н. Г. Аполлова: «Заслуживают внимания подписи биев; обладая и правами управления, бии нередко называют старшинами... Подписи старшин, биев и батыров заканчивались тамгой, графическое начертание которой также указывало на связь этих социальных групп с родом»[16].

Положение биев в казахском обществе истолковывается по-разному, например, С. З. Зиманов биев относит к группе представителей родовой знати, по правовому положению чуть ниже султанов[17], а у

---

[12] Н. Н. Крафт. Султаны, тарханы и бии. См. в кн.: «Из киргизской старины», Оренбург, 1900, стр. 74.

[13] М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 107.

[14] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах под редакцией А. Х. Маргулана, т. 1, Алма-Ата, 1961, стр. 505.

[15] Промемория из Гос. Коллегии иностранных дел Правительствующего сената в геролдмейстерскую контору. АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1759, д. 8, л. 11.

[16] Н. Г. Аполлова. Рукоприкладство как источник для изучения социальных отношений в Казахстане во второй половине XVIII века. См. в кн.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 338.

[17] С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958, стр. 193.

А. Еренова бии отнесены к высшему звену в органе управления казахов[18]. На наш взгляд, правовое положение биев более правильно отражается у С. З. Зиманова: бии относились к среднему звену в социальной структуре правящего класса в казахском обществе, в руках их были сосредоточены не только политическая власть, но и законодательные функции.

По популярности и значительности функции биев были неоднородными.

Были бии, знаменитые во всей Казахской степи, и встречались бии, функции которых ограничивались лишь делами одного рода. Например, в Старшем жузе—Толе-бий, в Среднем—Казбек-бий и в Младшем—Айтаке-бий пользовались большой популярностью, и даже ханы считались с их мнением. Такие бии занимались разбором особо важных межродовых споров и несогласий между жузами. Так, в июне 1744 г. сакмарский казак Мансур Асанов, возвратившись из поездки в города Ташкент и Туркестан, говорил: «В бытность ево, Мансура, тамо, по приезде их в другой месяц приезжал в Туркестан из Большой орды знатнейший кайсаченин Толе-бий, который и в Ташкенте больше хана владельцем почитается, для свидания с ним, Абдемаметь ханом»[19]. Это сообщение свидетельствует о том, что ханы и султаны во всех необходимых случаях обращались к крупным биям за советами. Или еще одно доказательство: «С оным Искандер султаном дней через 18 приехал к Казбек-бию, ведомства Барак салтана, у коего он во всех советах первую силу имеет, который кочевал тогда на Улутау, т. е. на Большой горе»[20].

Были бии среднего положения, которые управляли отдельными поколениями, а султаны только пользовались их поддержкой. Они являлись своего рода чиновниками среднего состояния и степными судьями, пользовались широкими правами в управлении родовых и поколенных единиц, а султаны и ханы даже малейшие вопросы, касающиеся родов и поколений, решали только через этих биев.

В составе биев находились и бии родового масштаба, которые осуществляли свои политические права и судебную деятельность лишь внутри рода.

«В конце XVII—первой четверти XVIII в. укрепилось материальное положение биев—родоначальников, пользовавшихся административной и судебной властью в ханствах»,—пишет Н. Г. Аполлова[21]. Бии распоряжались кочевьями родов; обладая этими правами, они пользовались лучшими пастбищами, разбирали все дела, начиная с мелочей и кончая крупной межродовой барымтой. Это право им давало возможность взыскивать с обеих сторон плату, которая называлась *билик*. Приговор биев был нечестным, ибо они, как правило, обычно поддерживали тех, кто больше платил.

Рост влияния биев в общественной жизни казахов происходил в в условиях ослабления ханской власти. Ханская власть ослабела в результате раздробления территории Казахстана на несколько ханств. В этих условиях каждый султан стремился достичь положения хана с помощью поддержки некоторых биев и батыров. Рассматриваемый нами период характеризуется тем, что каждый внешнеполитический

---

[18] А. Еренов. Возникновение и развитие социалистических и земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1963, стр. 58.

[19] «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2. Алма-Ата, 1948, стр. 97.

[20] Там же, стр. 96.

[21] Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 70.

и внутренний акт в казахских ханствах не совершался без участия влиятельных биев или без решения собрания биев. Этот момент еще раз подтверждает, что бии играли решающую роль в казахском обществе во второй четверти XVIII в.

В социальной структуре казахского общества были и родовые старшины (ру аксакалы), представлявшие собой правителей родов. В русских источниках первой половины XVIII в. имеются записи о старшинах, но в них не различаются бии и старшины—всех относят к категории старшин. Само слово «старшина» было введено в обиход русскими чиновниками. В XVIII в. термин «старшина» казахами не употреблялся. Старшин казахи тогда называли «ру басы», «ру аксакалы» или «ел агасы». Под категорию старшин подходила часть биев, которые управляли родами. К старшинским должностям принадлежали правители родов, отделений и подотделений, но они не назывались биями. Бывали случаи, когда некоторые не особенно знаменитые бии находились в опекунстве родовых правителей—старшин. Старшины принадлежали к средней категории правящего класса.

Состав старшин был неоднородным. Среди них встречались старшины популярные, управляющие несколькими родовыми объединениями. «Многочисленный киргизский народ, — писал П. С. Паллас, — живет в неограниченной вольности в сравнении калмыков. Каждый киргизец или аймак имеет над собой главного, которому все произшедшие от одного колена оказывают добровольное послушание»[22].

Это сообщение Палласа убедительно доказывает, что каждый род и отделение имели своего старшину.

По словам Георги, старшины избирались из числа зажиточных членов рода. Он пишет: «Не только колена, но и самые роды или аймаки, рачительно наблюдают взаимный союз и избирают себе старшин из знатнейших и самых богатых дворян»[23].

Правители крупных улусских объединений—султаны, крупные бии — проводили в жизнь свои меры через старшин родов. Родовые старшины выполняли роль посредников между султанами и простым народом. К народу старшины стояли ближе, чем крупные бии и султаны. Это правдиво показано у И. Г. Георги: «Самому хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которыя бывают отчасти его братьями, салтаны, дядья или их друзья. Да и такия определения, которыя сделаны с общего согласия всех аймакских начальников, исполняются народом только по толику, по колику они ему угодны; и всяким частным человеком, когда только предвидит он себе из того пользу, нарушаются»[24].

Старшины—наиболее многочисленная группа в социальной структуре правящего класса казахского общества. В их руках находились внутриродовые узы управления, они распоряжались кочевьями того или иного рода, являлись владельцами большого количества скота.

Аульные старшины стояли во главе аульного кочевого коллектива и подчинялись какому-либо султану. Сила султанов и их влиятельность определялись поддержкой старшин. Султаны иногда вынуждены были прислушиваться к мнению старшин; в противном случае стар-

---

[22] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи ч. 1. СПб., 1773, стр. 578.

[23] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., ч. 2. СПб., 1776, стр. 121.

[24] Там же.

шины со своими «людьми» в порядке сопротивления могли откочевать под власть другого султана. Поэтому султаны всегда старались привлечь на свою сторону аульных старшин и превратить их в послушных исполнителей своей воли. Некоторые старшины, превратившись в орудие верховных правителей — султанов и ханов, совсем забывали интересы своих сородичей.

В определении роли батыров в жизни казахского общества в дореволюционной исторической литературе имелись неправильные суждения. Исследователь Л. Костенко писал: «Отчаянные воры и разбойники прежде пользовались в народе почетом и носили титул батыра»[25]. Здесь Костенко относит батыров к ворам. Это совершенно неправильное утверждение.

Роль и место батыров в среде казахов ошибочно показаны и С. Д. Асфендиаровым. Он писал: «Господствующим классом была феодальная аристократия. Она состояла из следующих элементов: военная дружина ханов, так называемые «батыры», пользовавшиеся привилегиями, получавшие львиную долю добычи и т. д.»[26]. Здесь С. Д. Асфендиаров показывает батыров как социальную категорию, что не соответствует действительности. Понимать батыров в виде только венной дружины ханов и султанов—однобоко.

Правильное определение в отношении батырства в Казахстане дал М. П. Вяткин. По характеристике М. П. Вяткина, термин «батыр» не имеет социального содержания. Он пишет: «Как в глубокой древности, так и в нашей современности термин «батыр» выступает как лишенный социального классового содержания. Вот почему так трудно определить общественную природу батыров в исторической действительности, в частности в XVIII в. Нет никакого сомнения, что самый термин и в XVIII в. выступал как бытовой, а не социальный»[27].

Правильное определение М. П. Вяткиным батырства в жизни казахов подтверждается многочисленными примерами. Само распространение этого термина среди казахов убеждает, что батыр не принадлежит ни к какому классу; этот термин определяет прежде всего героизм, храбрость и отвагу воина.

Вышеприведенные данные позволяют сделать следующий вывод: батыр—это не социальная категория, а прежде всего почетное звание. Звание батыра не было наследственно, оно приобреталось личными военными подвигами.

Казахское общество в XVIII в. знает социальную категорию под названием байство[28].

К категории правящей верхушки принадлежали ходжи и муллы. Ходжи считали себя потомками Мухаммеда и представителями «белой кости». П. С. Паллас пишет, что «также есть еще... почтенные люди старинного поколения ходжа»[29].

У Георги имеется упоминание о ходжах, которых он относил к низшей категории правящего класса. «Дворянство их многолюдно,— писал он,—нижний род онаго называют они ходжами, а средний бий, вышный же состоит из салтанов. Ходжи их не отрасли Мугаметовы, как то у туркестанцев и других народов, но единственно честной при-

---

[25] Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871, стр. 42.

[26] С. Д. Асфендиаров. История Казахстана. Алма-Ата — М., 1935, стр. 90.

[27] М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 115.

[28] В связи с тем, что этот вопрос достаточно освещен в трудах М. Вяткина, С. Зиманова, С. Толыбекова, Е. Бекмаханова и др., мы на нем не останавливаемся.

[29] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб., 1773, стр. 579.

роды люди»[30]. Если Георги здесь относил всех ходжей к низшей категории правящего класса, то современный историк Б. Сулейменов придерживается другого мнения: он возражает против приобщения ходжей к правящему классу[31].

Относительно происхождения ходжей Георги прав в том, что не все ходжи принадлежат к потомкам Мухаммета. Позднейший исследователь Ш. Ибрагимов писал, что в Казахской степи попадаются еще «шатающиеся ходжи из разных соседних с киргизскою степью азиатских государств»[32].

Ходжи, считая себя представителями «белой кости», стояли вне казахских родов. Дочери ходжей не выдавались замуж за рядовых казахов, а ходжи не женились на дочерях простых казахов. Это обстоятельство привело к обособлению ходжей от казахских родовых объединений.

В казахском обществе ходжи считались привилегированным сословием и само слово *ходжа* означало почетное звание. Несмотря на это, ходжи в политической жизни казахов не имели заметного влияния, их функции больше всего сводились к регулированию религиозных обрядов и пропаганде ислама. Поэтому они проводили в жизнь административные указания султанов, биев и старшин. С другой стороны, султаны, бии и старшины обращались повседневно за советами к ходжам, а ходжи популяризировали их меры в соответствии с шариатом.

Казахские бытовые обряды—обрезание, женитьба, похороны и поминки—совершались только с участием ходжей, а последние узаконили все эти обряды чтением молитв, выполняя, таким образом, роль своего рода свидетеля; за такие операции ходжам преподносились обязательные дары в зависимости от состояния того или иного казаха. Если при совершении таких обрядов находились ходжа и мулла, то в таком случае муллы уступали ходже, пусть даже последний будет малограмотным. Здесь только имени ходжи было достаточно для пользования льготным положением.

Одним словом, ходжа относился к самой привилегированной, потомственной части духовенства.

Другая часть духовенства называлась муллами, они не принадлежали к потомкам «белой кости».

В первой половине XVIII в. казахи сплошь были неграмотными. Отдельные грамотные люди были из татар, башкир и из других—все они находились при ханах, султанах и выполняли роль их письмоводителей. «Малое число находящихся у них мулл,—писал Георги ,—состоит из полоненных ими российских или других каких татар, умеющих читать и писать: и по тому люди сии бывают щастливы от части как священнослужители, а от части как писцы и советники знатных киргизцов»[33].

Из записки Георги видно, что муллы, выполняя обязанности писарей ханов и султанов, одновременно являлись и проводниками ис-

---

[30] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., ч. 2. СПб., 1776, стр. 121.

[31] Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX—начала XX в. Алма-Ата, 1963, стр. 75.

[32] Ш. Ибрагимов. «О муллах в киргизской степи». Материалы для статистики Туркестанского края», ежегодник, под ред. Н. А. Маева, вып. III. СПб., 1874, стр. 353.

[33] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., ч. 2. СПб., 1776, стр. 140.

ламской религии в степи. Малое количество таких малограмотных мулл пользовалось особым уважением и почетом.

Среди неграмотного населения казахов малограмотные муллы казались знатоками всего: они были и толкователями Корана, и врачами, и предсказателями и т. п. Такие муллы с целью наживы занимались «лечением» больных. Чтением молитв они «очищали» больных от «плохих» духов и проводили своего рода меры, предохраняющие от болезней. Все это конкретно показано в записи Матвея Арапова, который в 1747 г. сопровождал султана Барака в Средний жуз. Арапов показал следующее: «Ево ж Абулгази-гирея он, Арапов, знает, что он родиною башкирец и в киргиз-кайсацкую-де орду бежал из башкир из воровского башкирского бунта и там у киргисцов потому, что знает грамоте татарской, и в лечении больных имеет в их суеверство производить, находитца уже ахуном, и содержица в чести, и живет своею кибиткою, и имеет у себя скота довольно»[34].

Таким образом, муллы представляли собой часть духовенства и в сравнении с ходжами в какой-то мере были полезными для общества, ибо они, хотя и слабо, но обучали детей.

У казахов народная масса называлась общим собирательным термином *бухара*. Сюда входили зажиточные скотоводы, очень бедные казахи и, частично, тюленгуты. По этому поводу В. В. Бартольд писал: «Народные массы, объединившиеся под названием бухара (арабское фукара, по турецкому произношению пукара, мн. число от факир—«бедняк») ... То же самое название (пукара) носили у казахов люди так называемой «черной кости» в противоположность «белой кости», или «султанам», считавшимся потомками Чингис-хана»[35].

Рядовые скотоводы не всегда были обеспечены достаточным количеством скота. Из числа их выделяется определенная часть, которая, не имея достаточного прожиточного минимума, вынуждена была наниматься к баю. Обедневших казахских шаруа можно разделить на консы и кирме.

Некоторая часть обедневших шаруа, не находя приюта у своего родственника-бая, вынуждена была откочевывать к баям совсем другого рода: таковых казахи называли «кирме». Положение кирме было несколько хуже, чем консы. Таких бедняков бай за мельчайшие проступки выгонял из своего аула.

Крупные скотовладельцы с кирме-чужеродцами и консы обращались как с полузависимыми. Баи давали им молочный скот во временное пользование и вьючный транспорт для кочевания, за эту помощь чужеродцы, т. е. кирме и консы, обязаны были помогать баям своим физическим трудом. Помощь баев называлась «саун»—наделение молочным скотом и *коліқ жэрдем*—обеспечение транспортом. «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, но он почитает сие благодатью и разделяет по бедным людям знатное число скота ... Если же он по причине скотского падежа, разхитщения или по иным каким нещастиям лишится своих стад, но наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает

---

[34] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, стр. 361.

[35] В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 50.

посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными»[36].

Значит, бии, старшины и баи под видом наделения молочным скотом бедных сородичей, выигрывали не только в сохранении поголовья скота, но и закрепощали наделенных.

У казахов бесскотные люди или нанимались по устному договору у соседнего бая, или занимались земледелием. Работающих у бая в качестве пастухов называли *жалшы*, а занимающихся земледелием бедняков причисляли к *жатакам*.

В первой половине XVIII в. в казахском обществе имелись рабы, что подтверждают первоисточники[37].

В XVIII в. в казахском обществе имелась социальная группа тюленгутов. К толкованию этой категории авторы подходили различно. Дореволюционный автор Л. А. Соловохотов тюленгутов полностью причисляет к рабам: «Тюленгут—раб,—пишет он,—пленник. Тюленгутизм упразднен в 1864 году»[38]. Н. Н. Крафт, считая тюленгутов вечными слугами ханов и султанов, говорит о существовании большого класса тюленгутов[39].

Л. А. Соловохотов не прав в том, что всех тюленгутов ставил на один уровень с рабами, не замечая различий между ними. Предположение же Н. Н. Крафта, возводящего тюленгутов до положения социального класса нереально.

Тевкелев также относит тюленгутов к рабам. Он пишет: «Тюленгуты—кочующие около хана киргизцы, ханские служители»[40]. В других источниках тюленгуты также сравниваются с придворными служителями[41]. Лишь М. П. Вяткин дал правильное определение тюленгутизму. По его утверждению, тюленгуты—не рабы[42].

Итак, тюленгуты—особая социальная категория. Они не принадлежали к рабам. Состав их был неоднородным, сюда относились и бывшие рабы, и бедные казахи. В их числе появились близкие к ханам и султанам лица, которым с большим доверием поручались важные дипломатические и внутриордынские дела. Основное большинство тюленгутов обслуживало хозяйство ханов и султанов[43]. Султаны, покровительствуя тюленгутам, создавали себе в их лице политическую опору. Институт тюленгутизма появился и был уничтожен вместе с султанами.

Одной из важных проблем дореволюционной истории Казахстана является определение его государственного строя. До революции она почти не была исследована.

Из наших современников М. П. Вяткин, Н. Г. Аполлова, С. З. Зиманов, А. Еренов, Б. Сулейменов и другие внесли определенный

---

[36] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., ч. 2. СПб., 1776, стр. 129.

[37] Ввиду того, что по вопросу о рабстве в Казахстане имеется специальное исследование Г. И. Семенюка («Рабство в Казахстане в XV—XIX веках». Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 6, 1954, стр. 164—214), мы на этом вопросе не останавливаемся.

[38] Л. А. Соловохотов. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905, стр. 48.

[39] Н. Н. Крафт. Уничтожение рабства в киргизской степи. В кн.: «Из киргизской старины», Оренбург, 1900, стр. 102.

[40] Донесение Н. Тевкелева в Коллегию иностранных дел от 20 января 1752, АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1752, л. 3, л. 12.

[41] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 516.

[42] М. П. Вяткин. Тюленгуты в XIII в. «Известия казахстанского филиала АН СССР», серия историческая, вып. I. Алма-Ата, 1940, стр. 20.

[43] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 531.

вклад в исследование столь важного вопроса. Правда, у этих авторов сложились различные мнения.

По утверждению С. Е. Толыбекова, в XVIII в. у казахов отсутствовало государственное объединение феодального типа, кочевое ханство представляло собой стадию государственности и сохраняло все признаки «военной демократии». С. Е. Толыбеков говорит: «Казахское кочевое ханство было оборонительно-наступательным военным союзом отдельных мелких объединений казахских родов, предводительствующих султаном».[44] Тем самым С. Е. Толыбеков отрицает казахскую государственность.

Остальные авторы не отрицают казахских ханств в XV—XVIII веках на уровне феодальной государственности, особенно М. П. Вяткин, который утверждает, что при казахских ханах Тауке и Абулхаире обнаруживаются тенденции к объединению казахов в одно целое государство[45]. С. З. Зиманов также заключает, что в Казахстане была феодальная ханская власть с султанско-байской системой управления[46].

На наш взгляд, с XV до середины XVII в. в Казахстане существовало единое государственное объединение. С середины XVII в. начинается длительная война с Джунгарией, расшатывавшая основы еще полностью не укрепившегося казахского государственного объединения. С этого же времени на территории Казахстана начали появляться мелкие ханства; дробление шло вглубь, до окончательной ликвидации ханской власти в первой четверти XIX в., ибо царизм не был заинтересован в упрочении ханской власти, а следовательно, и казахской государственности. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция создала все условия для подлинного развития казахской государственности.

---

[44] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках». Алма-Ата, 1959, стр. 219.

[45] М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941, стр. 152.

[46] С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960, стр. 279.

Х. АРҒЫНБАЕВ

ҚАЗАҚТЫҢ ЕР-ТҰРМАН ЖАБДЫҚТАРЫ

Ежелден көшіп-қонып мал баққан қазақ халқы үшін көліктің негізгі түрі — салт ат болғандықтан, оның өмірінде ер-тұрман жабдықтарының алатын орны өзгеше болды. Халық басынан өткен сан қилы уақиғаларға сай мұның да өзінше даму, өзгеру тарихының болуымен бірге қазақтың халықтық мәдениетінің көркемдік дәрежесін аңғартатындығы да анық.

Ер-тұрман жабдықтарын зерттеудің ғылми маңызын тек өнер туындысы ретінде ғана қарамай, көне заманнан бері көшпелі халық өмірінің заңды қажеттілігіне сай қалыптасқан, айрықша өндіріс құралы есебінде қараған жөн. Сонда ғана оның өмірдегі орны жан-жақты қамтылады.

Ер-тұрман жабдықтарын өндіру тәсілдері мен оны күнделікті өмірде пайдалану жолдары қазақ қауымының ежелден бергі әлеуметтік-экономикалық қарым-қатынас мәселелерімен де тығыз байланысты. Сондықтан бұл жайларды этнографиялық тұрғыда жан-жақты зерттеудің ғылми мәні айрықша дәлелдеуді керек етпейді. Алайда бұл мәселе бірқыдыру авторлардың [1] жұмыстарында жанай ғана сөз етілгені болмаса, жеке түрде зерттелмеді.

Бұлардың көпшілігі қазақтың ер-тұрманы жайында жалпылама пікірлер айтып, көбінесе қазақ ершілерінің өнеріне таңданумен ғана шектелетін. Ал енді осы мәселені зерттеуге байланысты өзінің мазмұны жағынан жоғарыда көрсетілген авторлардың еңбектерінен оқшаулау тұрған жұмыстар қатарына соңғы он жыл ішіндегі Қазақстан этнографтарының жазғандары жатады. Бұлардың әрқайсысында Қазақстанның жеке аймақтарында кездесетін ер қосу ісінің әртүрлі тәсілдері қысқаша баяндалған. Демек, бұл зерттеулердің бірінде — қазақ ері [2] сөз болса, екіншісінде — шошақ бас ер [3], үшіншісінде — құранды

---

[1] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 1. СПб., 1898, стр. 321; В. Поттo. Из путевых заметок по степи. Военный сборник, т. 118, № 11. СПб., 1877, стр. 172; И. Я. Словцев. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской обл. Записки Западно-Сибирского отдела РГО. кн. 21. Омск, 1897, стр. 71; М. А. Леваневский. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда. «Землеведение», кн. III, 1894, стр. 53.

[2] Э. А. Масанов. Из истории ремесла казахов, «Советская этнография, 1958, № 5, стр. 42—45.

[3] И. В. Захарова. Материальная культура казахов колхозников Юго-Восточного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 3, 1956, стр. 182—183.

ердің [4] қосылу әдістері, төртіншісінде — қазақ ерін күмістеу тәсілдеріне біраз көңіл бөлінген [5]. Бұған қарағанда халық өміріндегі аса қажетті өндіріс құралы есебінде қазақтың ер-тұрмандарын дәл қазіргі кезде этнографиялық тұрғыда жан-жақты зерттеп, халық өнерінің мұндай тамаша саласын ғылым мен мәдениет тарихына белгілі етудің ғылми маңызы бар. Олай болса, біз бұл мақалада бүкіл Қазақстан жеріне тараған қазақ ер-тұрманының сан алуан түрлерін анықтаумен бірге, олардың жасалу техникасындағы ерекшеліктерін нақтылы деректер негізінде дәлелдеп, сол өзгешеліктердің қалыптасу себебі мен оның халық арасына таралу мөлшерін әлеуметтік-экономикалық қатынастармен байланыстыра отырып анықтау мақсатын көздейміз.

Мақала негізінен автордың соңғы 7—8 жыл ішінде ел арасынан жинаған деректерінің негізінде жазылды. Бұған қосымша Қазақ ССР Ғылым академиясының Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының Этнография бөліміндегі материалдар мен Қазақстанның орталық музейіндегі кейінгі 20—30 жыл ішінде жиналған бай коллекциялар және бұған дейінгі осы мәселе жайында жазылған әдеби мұралар толық пайдаланылды.

* * *

Өзіндік ауқаты бар қазақ семьясы өз бетімен салт жүруге жарағаң барлық балаларына түгелдей ер-тұрман дайындайтын. Ал қайсы біреулері баласы туысымен-ақ атақты ершілер қосқан тамаша ер, сәнді тұрмандарын дайындауға қамданатын. Сондықтан қазақ даласының қай жерінде болмасын ер қосу ісі кең өріс алумен бірге, ершілердің өнері жоғары бағаланып, қысы-жазы бірдей қолдан-қолға, тигізбей ер қостыратын.

Қалаға жақын жердегі ершілер әдетте ер-тұрмандарын өз үйінде, өз заттарынан жасап, базарға шығарып сататын болса, қаладан жырақ жатқан көшпелі халықтың арасындағы ершілер өз үйінде де, кісі үйінде де істейтін. Өз үйінде көбінесе ердің соқа басын ғана қосатын, ал басқа жабдықтарын тек ер істеушілердің өз заттарынан жасап беретін. Бұдан ершілердің барлығы ер қосумен бірге оның басқа жабдықтарын да түгелдей жасай береді екен деген ұғым, әрине, тумайды. Өйткені ер-тұрманды толығымен көңілдегідей сәнді етіп жасау тек ағаш ісімен қоса былғары, қайыс, күміс, темір заттарын ұстай білетін халық шеберлерінің ғана қолынан келетін. Бұл арада алтын, күміс және әртүрлі асыл тастармен безендіріліп жасалатын ауқаттылар тобының ер-тұрмандары ғана әңгіме болып отыр. Ал енді, мұндай қымбат ер-тұрмандарды жасатуға шамасы келмеген кедейлер мен орта шаруалар ердің соқа басын ғана алып, қалған жабдықтарын өздері жасайтын.

Ешбір әшекейсіз, тек ағаштан ғана ер қосу ісімен айналысатын ершілер көбінесе өз үйінде, ешкімнің тапсыруынсыз-ақ жасай беретін. Бұлар, бірнеше ердің бөлшектерін қатар шабатын да, дайын болғанын шетінен сата беретін.

---

[4] Х. Арғынбаев және И. В. Захарова. 1958 жылы Оңтүстік Қазақстан облысында ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция жұмысының қорытындысы. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 101.

[5] В. В. Востров. Некоторые изделия казахских мастеров зергеров. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 6, 1959, стр. 136—138; Э. А. Масанов. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 163—165.

Кісі үйінде, яғни ер жасатушының үйінде тұрып ер қосу ісі түрлі жағдайларға байланысты болатын. Біріншіден, ершілердің ер қосу шеберлігіне қоса ердің басқа жабдықтарын түгелдей жасай білуіне және оларды күмістеу, сүйектеу өнерін толық меңгергендігіне байланысты болса; екіншіден, қымбат ерлерді жасауға көп уақыт керек болатын және оған керекті заттарды ер жасатушының өзі тауып беретіндіктен сән іздеген әуесқой байлар шебер ершілерді өз үйіне жатқызып, басқа іске алаңдатпай жұмыс істетуді тиімді көретін. Шынында да мұндай жағдайлар ер-тұрман жабдықтарының көңілдегідей болып жасалуының басты шарты екені дәлелдеуді керек етпейді.

Базарға шығарған ер-тұрман жабдықтары ақшаға сатылатын болса [6], үйден сатылатын ердің өз басы осы уақытқа дейін Қазақстанның барлық жерлерінде бір бойдақ (қой) деп бағаланатын, ал басқа жабдықтарын күмістетіп жасатқан уақытта ершінің еңбегіне құлынды биеге дейін беретін. Дегенмен, зергерлік өнер салып жасалатын ер-тұрманға сіңірілетін еңбек қазақ даласында жете бағаланбады. Себебі, алты ай жаз не алты ай қыс бойы таңның атысын, күннің батысын білмей көз майын тауысып, тапжылмай отырып шынайы өнер үлгісі болармақтай етіп жасалған бұйымдарға төленген бір жылқы мен шебердің ішіп-жегені [7] немесе базарға шығарып сатқанда алатын 20—30 сом ақшасын [8] оның өнерлі еңбегінің нақтылы бағасы деуге тіпті болмайды. Бұған қарағанда қазақ ершілері өз еңбегінің толық бағасын еш уақытта ала алмағаны көрінеді.

Ер-тұрман жасаушы шеберлердің құрал саймандарын негізінен үш топқа бөлуге болады. Ердің соқа басын ғана әшекейсіз қосу үшін — ара, балта, шот, ойыс, жүзді шот, қуысқұлақ, үскі, ыңғыру, пышақ, түрпі, қашау, балға, тістеуік сияқты құралдар қолданылса; оның жұмсақ жабдықтарын жасау үшін пышақ, біз, мүйіз сызғыш; былғары бетіне өрнек түсіру үшін — темір талшықтары мен өрнекті ағаш қалыптары пайдаланылады. Ал ердің темір және күміс әшекейлерін жасау үшін — темір ұсталары мен зергерлердің саймандары толық пайдаланылады.

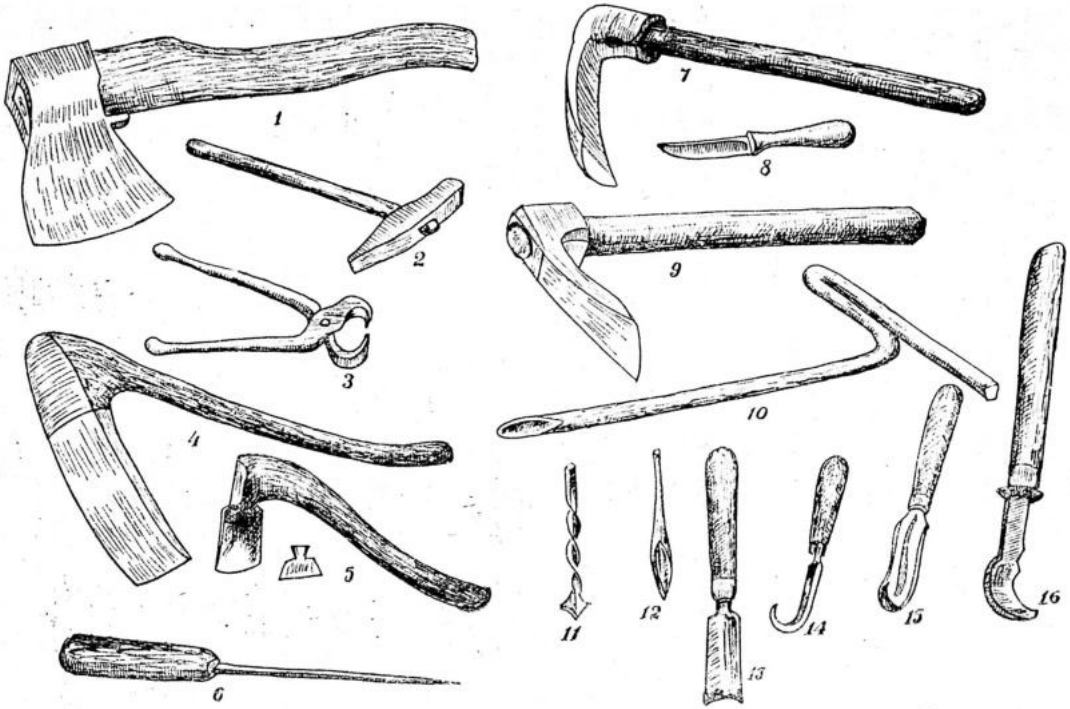
Қазақ ершілерінің саймандарының бұлайша жіктелуі олардың арасындағы еңбек бөлісу мәселесінің болғандығын көрсетеді. Шынында да көпшілік жағдайда біреу ердің ағашын шауып жатса, екінші біреу қайыс, былғарыдан істелетін жабдықтарын жасайтын. Ал ұста-зергерлер күміс әшекейлерін жасап беретін. Олай болса, мұның өзі үш түрлі мамандықты керек ететін. Халық арасында осы үш мамандықты бірдей меңгеріп, ер-тұрман жабдықтарын түгелдей өз қолынан шығаратын шеберлер де болды. Қазақ ершілерінің шеберлік өрісінің

---

[6] Павлодар облысының Баянауыл ауданының көптеген қарттарының айтуынша, күлік руынан шыққан атақты ерші Мақат өткен ғасырдың соңы мен үстіміздегі ғасырдың басында Қоянды жәрменкесіне жыл сайын көптеген ер әкеліп сататын. Мақаттың ершілік өнерін аулындағы талапкер жігіттердің көбі-ақ үйренген көрінеді, ал Мақаттың ері өзгелерден ерекше әдемі, сондықтан оны ат жетер жерден іздеп келіп кейбіреулер дайын ерді алса, енді біреулер өз талғамына сай жасатып та алатын. Ер қосудағы Мақат үлгісін осы уақытқа дейін әкелуші бірқыдыру шебер ершілер Баянауыл ауданында қазір де бар. Олардың қатарына Әбдікәрім Есалинов, Қадір Байжанов сияқты ершілер қосылады.

[7] Қазір Қазақстанның орталық музейінде сақталатын алтындалып жасалған әйел ерін (КП-9148/1) барлық жабдықтарымен қоса найман тайпасының қаракерей руынан шыққан атақты халық шебері Нөби Кәрібаевқа Көлбай қажы 1938 жылы жасатқан. Нөби бұл ерді алты ай бойы Көлбайдың үйінде тұрып жасаған. Ақысына құлынды бие алған көрінеді. Көлбай ұрпағы қазір Семей облысының Ақсуат ауданында, ал Нөби Үржар ауданында тұрады.

[8] Е. Э. Бломквист и П. Н. Гринкова. Бухтарминские страообрядцы. Л., 1930, стр. 56.

Қазақ ершілерінің саймандары: 1-балта, 2-балға, 3-тістеуік, 4-шаппа шот, 5-шаппа шот, 6-үскі, 7-аталғы шот (ойыс жүзді), 8-пышақ, 9-шаппа шот, 10-тышуыр, 11-бұрғы, 12-қуысқұлақ, 13-ойыс жүзді қашау, 14—16-ықырыру түрлері.

соншалықты кеңдігіне дәлел болатын тағы бір жағдай, жалпы ер-тұрмандарын жасауға: ағаш, темір, жез, алтын, күміс түрлі асыл тастар мен түсті шынылар, сүйек, былғары, қайыс, көн, шұға, барқыт, киіз, қыл, тарамыс, желім, бояу және тоз сияқты заттардың жұмсалатындығы даусыз. Өйткені осы заттардың әрқайсысы ершіден әртүрлі шеберлікті, сан қилы тәжірибе мен білімді талап етеді.

* * *

Қазақстанның жері өте үлкен, халқы сирек қоныстанғандықтан, олардың бір-бірімен өзара байланысы жеткіліксіз болуының нәтижесінде қазақ өмірінің қай саласында болсын айтарлықтай жергілікті ерекшеліктер қалыптасты. Сол ерекшеліктердің бір көрінісі есебінде Қазақстан жерінің әр өңірінде ер-тұрмандардың сан алуан түрлерінің бар екендігі байқалады. Бұлардың бір-бірінен негізгі айрымасы, олардың жасалу техникасы мен сыртқы көрінісінде. Осы ерекшеліктеріне қарай «қазақ ері», «шошақ бас ер», «үйрек бас ер», «құранды ер», «қозықұйрық ер», «қазық бас ер», «қан бас ер» деген атаулар да қалыптасқан. Бұлардың ішіндегі қазақ арасына кең тарап, Қазақстанның көптеген облыстарын [9] қамтитыны — «қазақ ері».

Қазақ ері қайың ағашының бес бөлегінен қосылады, яғни екі қас, екі қаптал және орта ағаш деп аталатын бөлшектер жеке-жеке шабылып барып біріктіріледі. Ердің орта ағашы мен екі қапталына қайыңның бұтақсыз түзу кесінділері, ал екі қасына жуандау қайыңның екі айырланған немесе кенет қисайып бүкірлене біткен тұстары қолданылады. Қазақстанның орталық және солтүстік облыстарындағы арғын тайпасының ершілері ердің қастарын жуан қайыңның шірімеген түбінен де шабатын. Бұл үшін бірнеше қайың кесіндісінің қабығын аршып кептіретін немесе шірімеген қайың түптері кездессе оны топырағынан арылтып, арамен кескілеп, қас шығатын жерлерін таңдап алатын. Біраз уақыт жел қағып, дегдігеннен кейін дайындалған кесінділердің барлығын да балтамен не салмақтылау шотпен жеңілдетіп алып, тағы да кептіреді. Ер бөлшектері әбден нобайланып шабылып, тек өңдеу жұмысы қалған уақытта бір қазан тұзды суға бие сауым уақыт қайнатады да, көлеңкеде кептіреді. Ершілердің айтуынша, тұзды суға қайнатылған ағаш күнге қанша қураса да еш қашан жарылмайды, қаңсымайды. Ердің барлық бөлшектері өңделіп дайын болған соң оларды ер қосу үшін арнайы жасалған қалыпқа салып қиыстырады да, қас етектері мен қапталдардың астасатын жерлерін қуысқұлақпен тесіп шегелейді. Шегені әдетте қаңылтырдан немесе жезден түтікше тәріздендіріп жасайды. Мұндай шегелердің бір жағын төске тіреп, екінші жағынан балғамен асықпай еппен ұрса болды, қаңылтыр не жез түтік жазылыңқырап жуандайды да, қапталмен қас тесігіне берік кептеледі, ал тойтарудың нәтижесінде пайда болған екі ұштағы бүркеншіктер ердің мықтылығын арттыра түседі. Ердің орта ағашы әр уақытта таспамен жан-жағынан көктеліп орнатылады. Кейде қазақ ерлерінің барлық бөлшектері бір-бірімен таспалап көктеу арқылы біріктіріледі [10]. Осылайша қосылған ердің сыртына жүргізілетін әшекейге қарай түрпімен, пышақпен тегістеп, шыны сынықтары-

---

[9] Шығыс Қазақстан, Семей, Талдықорған, Павлодар, Солтүстік Қазақстан, Көкшетау, Целиноград, Қостанай, Орал, Қарағанды облыстарын толық қамтыса, Гурьев, Ақтөбе облыстарының солтүстік аудандары мен Алматы облысының солтүстік-шығыс аудандарын ғана қамтиды.

[10] Қазақстанның орталық музейінің (ҚОМ) коллекциясы, КП—9670. Бұл Семей облысындағы найман ершілерінің әйелге арнап қосқан ерлерінің бір үлгісі.

мен қырып өңдейтін. Сөйтіп, жалпақбас қазақ ерінің жалпы қосылу техникасында жергілікті өзгешеліктердің байқалмайтындығы анықталды [11]. Бірақ, қазақ ерінің сыртқы бейнесі мен әшекейлеу мәселесінде айтарлықтай ерекшеліктер бар. Бұл ерекшеліктер ең алдымен ердің қай жыныс уәкіліне арналатындығына және әр жерде қалыптасқан ердің жалпы кескіні мен әшекейлеу ісінде байқалатын кейбір өзгешеліктерге байланысты болатын.

Қазақ ері тараған Қазақстанның қай облысында болмасын әйелге арналған ерлер өзінің үлкендігімен де, әдемілігімен де көзге түсетін. Әйел ерінің сүйегі ауыр, әшекейі мол болып жасалатын. Мұндай ерлер қазір жасалмайды. Тіпті 1886 жылдың өзінде Торғай облысы бойынша, көрме ұйымдастыру комитетінің пікірінше, өткен ғасырдың 70—80 жылдарында-ақ сәнді әйел ерлері өте сирек кездесетін [12].

Алматы, Қарағанды және Қостанай музейлеріндегі кейбір әйел ерлері мен кейінгі 7—8 жыл ішінде ел арасынан табылған деректерге қарағанда, әйел ерлерін жасауға ершілер — өнерін, жасатушылар — қаржысын аямайтындықтары байқалады. Мұндай ерлер негізінен алтын, күміс, асыл тас, сүйек, мүйіз, былғары, шұға және барқыт сияқты заттармен әшекейленіп жасалған. Бұл әшекейлер ердің сыртын түгелдей жауып тұратындықтан оның ағаш негізін жете өңдеуге көп көңіл бөлінбейтін. Ал, ердің сыртқы пішініне келсек, алдыңғы қасы өте биік, артқы қасы көлемді келеді. Әйел ерлерінің өте кең және жайлы болатындығы туралы 1877 жылы В. Потто өзінің қазақ даласына келген сапары жайындағы жол жазбаларында да көрсеткен болатын [13]. Бұл пікірдің дұрыстығын біздегі деректер де толық дәлелдеп отыр.

Әдетте әйел еріне керекті жабдықтардың (тоқым, үзеңгі, құйысқан, өмілдірік, жүген және айыл, тартпалары) бәрі бір ғана шебердің қолынан шығатындықтан, олардың ісі біркелкі болумен бірге мол әшекейленетін [14].

Олардың алды-арты түгелдей бетіне күміс жабылған темір пластинкалармен немесе таза күмістің өзімен жабылып, оған түрлі өрнектер жүргізілетін. Коллекциядағы ерлердің ісіне қарағанда, әйел ерлерін әшекейлеудің бірнеше тәсілдерінің барлығы көрінеді. Көбінесе мұндай ерлердің беті әртүрлі темір пластинкаларынан белгілі бір симметриялық тәртіпті сақтай, ойыстырылып тұтас жабылады. Ол үшін тұтасынан күміс шауып алады да, олардың бетінен арнайы жасалған өткір бізбен түрлі өрнектерді (қошқар мүйіз, сыңар мүйіз, геометриялық фигуралар және өсімдік тәріздес бейнелер) ойып алады. Мұндай жалған қаралау әдісін қолданған уақытта ою мен түр ауысып келіп отырады, яғни бірде темір бетіне шабылған күміс түр (фон) есебінде қолданылса, кейде ою ретінде келтіріледі [15]. Бұл тәсілді шебер орындаса ердің әшекейі күміске қарала жүргізгендей тым әдемі болып шығады. Әйел ерін әшекейлеудің тағы бір кең тараған түрі ажурлы өрнек. Ол үшін темір пластинкалардың ортасынан әртүрлі өрнектерді

---

[11] Башқұрт халқының ер қосу техникасында да осы айтылғандардан бөлек ерекшелік жоқ. Тек кейбір бөлшектерінің кескінінде болатын ерекшеліктер болмаса, олардың жалпы сыртқы пішіні қазақ еріне өте ұқсас болады. С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1955, стр. 253.

[12] Э. А. Масанов. Из истории ремесла казахов. «Советская этнография», 1958, № 5, стр. 172.

[13] В. Потто. Из путевых заметок по степи. Военный сборник, т. 118, № 11, СПб, 1877, стр. 172.

[14] ҚОМ коллекциясы, КП—9148, 1—6.

[15] Қостанайдың өлке тану музейінің коллекциясынан.

немесе өрнектің түрін ойып тастап, қалған жеріне күміс шабылады. Әдетте мұндай әшекейлердің астынан түсті былғары (көксауыр), шұға, яки барқыт салынатын да, олар ойылған өрнектерден айқындалып көрініп тұратын [16]. Күмістің түсін ашатын түсті зат болмай қалған кезде, ердің қасын әбден өңдеп, ашық сары түспен бояп, немесе бірнеше қайтара алиф майын жағып жылтыратып та қоятын [17]. Мұндай ерлер кейде күмістелген темір пластинкалармен не әртүрлі құйма бейнелермен ойыстыра безелінетін. Осы тәсілмен жасалған найман ерінің бірі Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология және этнография кабинетінде сақтаулы. Мұның алды-артында бірдей айшық тәрізденген бір-бір ғана күмістелген темір пластинкалар бар. Ердің басқа әшекейленетін жерлеріне түгелдей күміс жабылған да, үстінен белгілі тәртіппен күміс бейнелер (құс және үш бұрыш) орнатылған. Күміс пластинкаларының әр жерінен дөңгелек ойылған да, айнала шеттері доғал иректермен оймышталған. Күміс пластинкалардың барлығының беттеріне түгелдей сызу тәсілімен (графика) қазақ оюлары өте жақсы жүргізілген. Бұл ердің жалпы кескіні де, оның сыртына жүргізілген оюлы өрнектері де, мұның тым ертеректе жасалғандығының айғағы тәрізді.

Ер әшекейлерін алтындау тәсілі күмістеуден гөрі өзгешелеу болады. Күмісті темір бетіне шабу, қақтау не құю тәсілдері арқылы пайдаланса, алтындау тәсілі тек жалату арқылы орындалады. Алтындаған әйел ерінің бір түрі қазір Қазақстанның орталық музейінде сақталуда [18]. Бұл ер барлық жабдықтарымен қоса Нәби Кәрібаев дейтін ершінің қолынан шыққан. Сүйегі өте ауыр. Ердің сырты түгелдей ажурланып ойылған темір пластинкалармен жабылған да, олардың астынан қызыл барқыт төселген. Темір пластинкалардың бетіне күміс шауып, оның үстіне үшкір біз және дөңгелек бедерлі қадаубаспен әртүрлі гүл-жапырақтың бейнесі жүргізілген. Бұдан соң кей пластинкалардың бетіне алтын жалатылып, ердің маңдайына қызыл түсті шыны орнатылған. Алдыңғы қасының үсті мен төменгі жиектеріндегі күмістелген темір көмкерулерге қазақ тілінде араб таңбасымен жазылған сөздер де бар.

Қастың үстіңгі жиегінде:

Қажекем бұйырған соң істеп бер деп,
Кәрібаев Нәби ұста соққан ері,
Нақыштап неше түрлі бұтақ гүлден,
38 ж. 20/IX — тамам.

делінсе, оның төменгі жиегінде:

Мұбарақ құтты болсын Қажағаңа,
Көрген жан тамаша етіп қалсын таңға.
Болғанын байқап білер
Көзі ашық, көңілі зерек милы адамға
Нәби Кәрібаев, —

делінген.

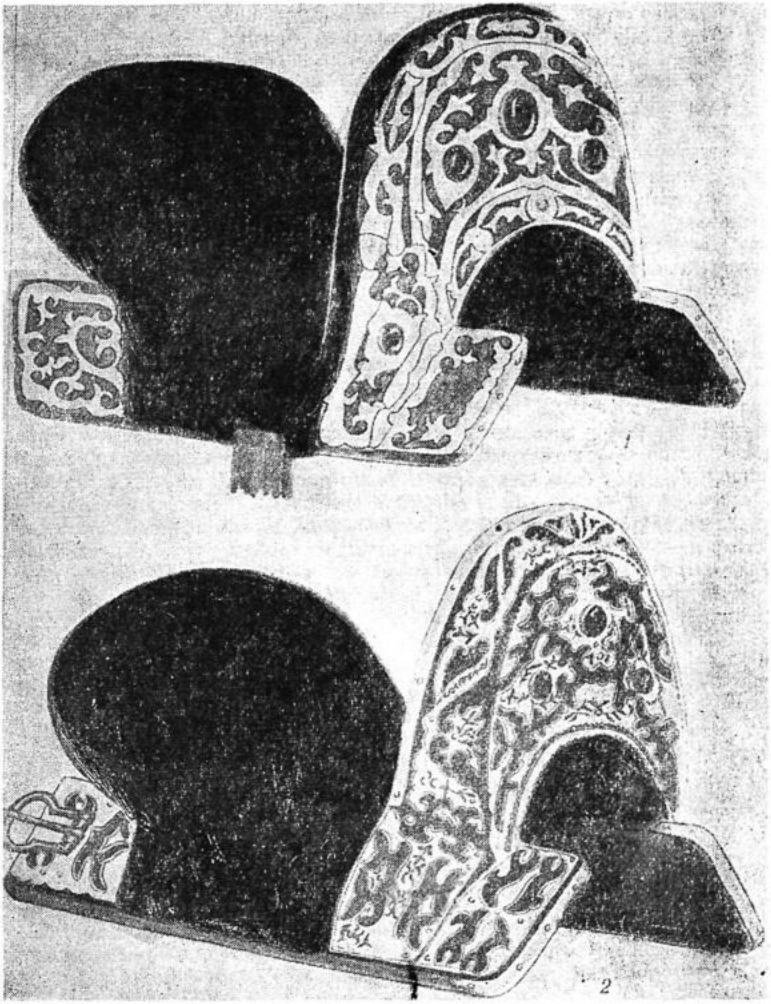
Осы айтылған тәсілдердің барлығына ортақ, яғни жоғарыда баяндалған әр аймақтың сан түрлі ерлерінің барлығында бірдей кездесіп, отыратын әсемдеу әдісі де бар. Бұған, әсіресе ердің маңдайына бірден

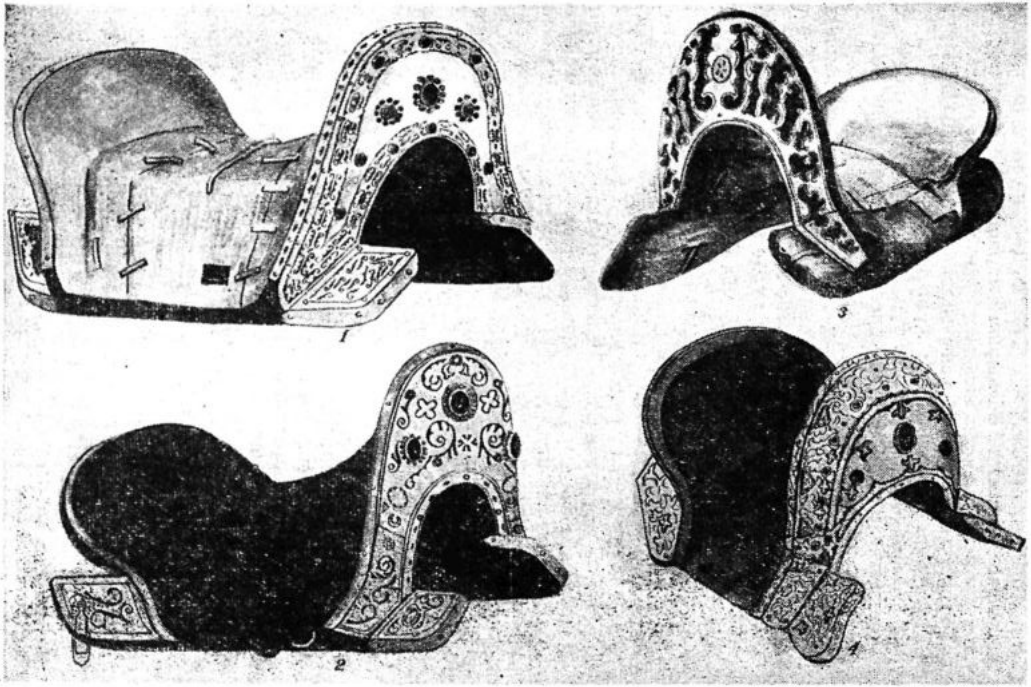
[16] Ажурлы өрнек жүргізу тәсілі көбінесе Қазақстанның шығыс аудандарында кездеседі. Қазақстанның орталық музейінің коллекциясы. КП — 9148/1 және 1955—1959 ж. Шығ. Қаз. өңіріне ұйымдастырылған бірнеше этнографиялық экспедициялардың материалдары жоғарыдағы пікірді дәлелдейді.

[17] ҚОМ коллекциясы, КП—9670.

[18] ҚОМ коллекциясы, КП—9148/1.

Әйелдер үшін алтындалып әшекейленген қазақ ерлері: 1-ҚОМ коллекциясы, КП — 5859, 2-ҚОМ коллекциясы, КП —9148-1.

Әйелдерге арналған қазақ ерлерінің түрлері: 1-ҚОМ коллекциясы, КП — 9670; 2—3-Қостанай өлкелік музейінің коллекциясы, 4-Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология және этнография кабинетінің коллекциясы.

үшке дейін көз орнату ісі жатады. Әдетте, мұндай көздерді үлкенді-кішілі асыл тастар (ақық пен маржан) мен түсті шынылардан салатын. Кейде асыл тас орнына қарала жүргізілген күміс те орнататын. Енді бірде ердің бет алдына ғана қойылатын тастың саны 20—30-ға да жететін. Мәселен, Қазақстанның орталық музейінде сақталған бір ғана әйел ерінің өзінде 31 көз орнатылған [19]. Мұның 13-і сан түсті үлкен тастар мен шынылар [20], қалған 18-і қызыл маржандар. Қастың дәл ортасында үш бұрыш жасап орналасқан үлкен-үлкен үш көк тастың әрқайсысының айналасында 6-дан ұсақ маржандар орнатылған да, олардың ара-араларына көгілдір эмал құйылған. Осынша көптеген тастар өздерінің үлкенді-кішілігіне және түрлі түстеріне қарай белгілі тәртіп сақтай орнатылғандықтан, күмістелген тұтас темір пластинканың бетінде өте әдемі көрінеді.

Еркектерге арналған қазақ ерлерінің сүйегі жұқа және ықшам болып қосылады да, өте жеңіл келеді. Көпшілік жағдайда мұндай ерлерді онша әшекелемейді де, оның ағаш ісіне көп көңіл бөлінеді, жете өңделеді. Әсіресе Қазақстанның солтүстік аудандарында ерді қайыңның безінен шабатын ершілер басқа әшекейлерді көп қолданбайтын. Өйткені бұйраланған қайың безінен қосылған ер таза алифамен бірнеше қайтара сіңіре майласа, теңбілденіп өте әдемі болады да, ешбір әшекейді де керек етпейді. Мұндай жағдайда екі қас пен қапталдың айнала шеттерінен көмкеру тәріздендіріп жиек шығарады да, оны қара бояумен бояйтын. Мұндайда басқа әшекейлерден гөрі жиі қолданылатыны алдыңғы қастың маңдайына орнатылатын айшық пен қапталдың алды-артына қойылатын әртүрлі пластинкалар ғана болатын. Бұл әшекейлердің барлығы да бетіне күміс шабылған темір пластинкалардан жасалынып, жалған қарала жүргізу тәсілімен нақысталатын. Егер ылғи күмістен соғылса, оның бетіне нағыз қарала жүргізілетін. Бұған Қазақстанның орталық музейінде сақталған Павлодар облысының қарт ершісі Әбдікәрім Есалиннің жасаған [21] ерлерін айтсақ та жеткілікті. Айшық ортасына көбінесе түсті тастардан көз орнатылатын. Кейде тас орнына бес жұлдыз бейнесі ойылса [22], енді бірде «СССР» деген жазулар да кездеседі [23]. Мұндай әдет, әрине, Октябрь революциясының жеңісінен кейін, совет дәуірінде жасалған ерлерде ғана кездеседі. Кей уақытта сән қуған дала әкімдері мен билеріне арнап қосылған еркек ерлерінің әшекейлері әйел ерлерінен кем болмайтын. Бұлардың алды-арты бірдей ажурлы өрнек жүргізілген пластинкалармен тұтас жабылатын. Темір пластинкалардан ойылатын ажурлы өрнек көбінесе өсімдік бейнелес болатын да, беттеріне күміс шабылып, алтын жалатылатын [24]. Мұндай әшекейлердің астынан әдеттегідей түсті мата не былғары төселініп, қастың маңдай алдына түрлі тастар орнатылатын.

Еркек ерлерін әшекейлеуге мүйіз және сүйек заттары да жиі қолданылатын. Мұндай заттарды алдын ала дайындап алып, бетіне сан

---

[19] ҚОМ коллекциясы, КП—9670.

[20] Түсті шыныны шеберлер көбінесе қолдан құятын. Ол үшін шыныны балқытады да, оған бояу қосып арнаулы қалыпқа құйып ерге орнатарда астына түсті шүберек төсейтін.

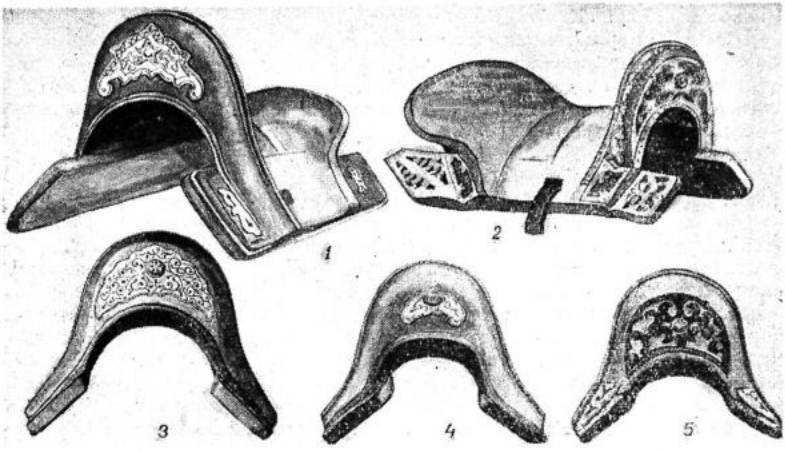
[21] ҚОМ коллекциясы, КП—2342.

[22] Баянауыл ауданындағы ерші Қадыр Байжановтың қайың безінен қосқан ерінің маңдайындағы айшыққа ылғи бес жұлдыз бейнесі түсіріледі.

[23] Қарағандының өлке тану музейінің коллекциясынан.

[24] ҚОМ коллекциясы, КП—5920. Бұл ердің жалпы пішіні мен қосылу техникасы арқа үлгісі тәрізді. Бірақ кімнің, қай жерде, қашан жасағаны туралы еш дерек жоқ.

түрлі өрнектер де жүргізіп, көбінесе ердің алдыңғы қасына ойып орнататын. Сүйек әшекейлері орнатылатын ерлер әдетте қара бояумен боялса, мүйізбен безендірілетін ерлер сол мүйіздің түсін ашатындай басқа түсті бояумен боялатын. Бұлай жасалған ерлер өте сыпайылығымен ғана емес, әдемілігімен де көз тартатын. Бұл туралы өткен

Еркектерге арналған қазақ ерлері: 1-Баянауыл ершісі Қадыр Байжанов қоскан ер, 2-ҚОМ коллекциясы, КП — 5920, 3-ҚОМ коллекциясы, КП — 2342, 4—5-Қарағандының өлке тану музейінің коллекциясы.

ғасырдың екінші жартысында қазақ даласын көп аралаған полковник А. К. Гейнс те атап көрсеткен еді[25]. Жоғарыда баяндалған қазақ ерлерінің көлемі мен салмағында және әшекей ерекшеліктерінде болмаса, олардың жалпы қосылу тәсілі мен сыртқы пішінінде көп айырмашылығы байқалмайды. Ал енді бұл ерлерден өзінің сыртқы пішіні жағынан аздап болса да ерекшелеу келетін қазақ ерінің бір түрі Алматы облысының оңтүстік-шығыс өңірін мекендейтін албан-суан тайпалары мен[26] Семей облысындағы найман тайпасындағы[27] ерлер. Бұлардың жалпы көлемділігі мен ағаш ісінің көзге анайылау көрінетіндігі әйелдерге арналған күміс ерлерінің ағаш ісіне ұқсағанымен қастарының кескіні және кейбіреулерінде кездесетін әшекейлеу тәсілі қырғыз бен[28] Алтайдағы қосағаш қазақтарының[29] және Саян тауларында мекендейтін тайпалар мен туба халықтарының ерлеріне[30] ұқсайды. Бұл ерлердің екі қасы да етегінен жоғары қарай конусталып көтеріледі де, дәл төбесі қазақ ерлерінің түрлеріндей дөңгеленіп бітпей, үсті түзуленіп, иығы бұрышталып жасалады. Артқы қасы алдың-

[25] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 1, СПб, 1898, стр. 321.
[26] 1962 жылдың күзінде автордың басшылығымен ұйымдастырылған Алматы этнографиялық экспедициясының материалдарынан.
[27] ҚОМ коллекциясы, КП—9670.
[28] Труды института этнографии им. Миклухи-Маклая АН СССР, новая серия, т. XXXVII, 1958, стр. 107.
[29] Қазақ ССР Ғылым академиясының 1962 ж. Алтай өлкесінің Қосаған ауданына ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция материалынан.
[30] Историко-этнографический Атлас Сибири. М., 1961, стр. 42 (рис. 2), стр. 46 (рис. 1).

ғысына қарағанда кейін қарай сәл ғана көлбей орналасады. Әдетте мұндай ерлер төрт бөлек ағаштан шабылады да (орта ағаш қапталдығынан тұтас шығарылады), бір-бірімен қайыс таспа арқылы көктеліп біріктіріледі.

Сөйтіп, әр елдің ер қосу тәсіліндегі мұндай ұқсастық олардың мәдениетіндегі ежелден келе жатқан байланыс пен жақындық елесін аңғартатын тәрізді.

Жамбыл облысының оңтүстік-шығысы мен Алматы облысының оңтүстігінде мекендейтін қазақтар арасында кең тараған ердің бір түрі шошақбас ер деп аталады. Қазақтың басқа ерлерінен мұның негізгі айырмасы атауынан-ақ көрініп тұр. Дегенмен, мұның жасалу техникасында жалпы қазақ ерлерімен кейбір ортақтық жайлары да байқалады.

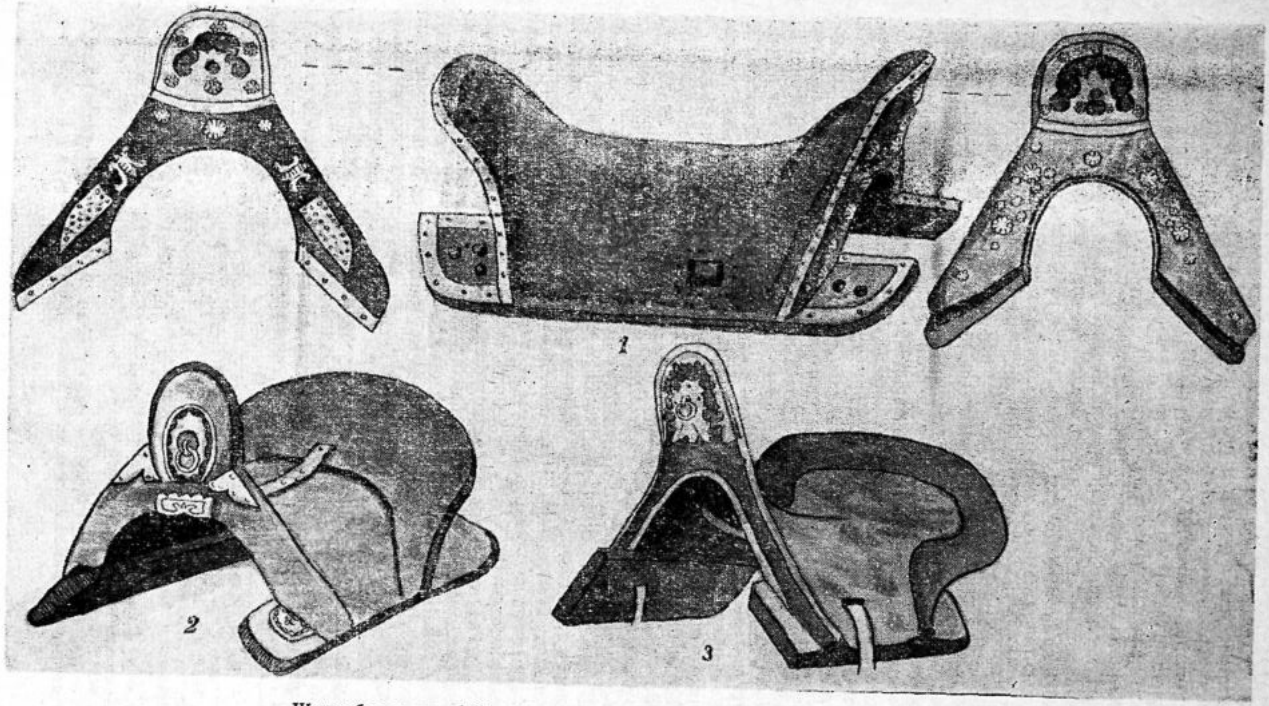
Шошақбас ерді 4—5 бөлек қайың, қарағаш не емен сияқты берік ағаш кесінділерінен шауып қосады. Ол үшін ең алдымен ердің әрбір бөлшегіне — алдыңғы қасына ағаштың екі айыр бұтасын жинаса, екі қапталы мен артқы қасына әжептәуір жуан ағаш кесінділерін дайындайтын. Ердің орта ағашын көбінесе екі қапталдың ортасынан шауып шығаратын. Кейде қапталға арналған ағаш жіңішке болса ғана орта ағашты бөлек шауып қиыстыратын. Ердің жеке бөлшектерін бір-бірімен шеге арқылы ұстататын. Ал Алматы облысының Еңбекшіқазақ ауданында мұндай ерлердің алдыңғы қасы құранды ердікіндей екі айырланып та жасалады. Артқы қасының бітімі әр ауданда әртүрлі болып жасалады деуге болады. Мәселен, Жамбыл облысының Мерке ауданында шошақбас ер құранды ердің артқы қасы сияқты көлемді, кемерлене шабылса, Жамбыл облысының Шу, Алматы облысының Еңбекшіқазақ аудандарында артқы қастары қазақтың қозықұйрық ерінің қасы тәрізденіп жасалады.

Көпшілік жағдайда мұндай ерлердің сырты ешбір басқа затпен беріктік үшін қапталмайтын. Тек қана ерді сәндеу мақсатымен оның алдыңғы қасының айнала шеттерін күміс және жез сияқты жалтырауық металмен көмкеретін, ал қалақ тәрізденген басының ортасына күмістен, сүйектен, мүйізден жасалған әртүрлі шағын әшекейлер орнатылатын. Тіпті, бұлар болмаған күнде шылбыр өткізіп қоятын шығыршық қағылатын. Мұндай ерлердің үстіне былғарыдан не киізден көпшік шегеленетін де, ердің алды-арты әр түсті (көк, қара) бояулармен боялатын.

Ал, осы шошақбас ердің ішінде өзінің жасалу техникасы мен де, сыртқы пішінімен де, тым әдемі әшекейімен де өзгеден ерекше көзге түсетін ерлерді Алматы облысының Кеген ауданынан жиі кездестіруге болады. Мәселен, 1953 жылы Кеген селосында тұрушы Е. Қасымбековтың шошақбас ері [31] бес бөлек ағаштан қосылып, сырты түгелдей көнмен қапталған. Бұл ердің артқы қасы да алдыңғы қас сияқты қалақбастанып шығарылған. Ал алдыңғы және артқы қастарының беттері күмістенген темір пластинкалармен және жұлдыз тәрізденген үлкенді-кішілі күміс бүркеншікті шегелермен әшекейленген. Алдыңғы қастың беті түгелдей күміс шабылған темір пластинкамен жабылған. Мұның үстіңгі жағынан айшық ойылып алынғанда, ар жағынан қоңыр көн фон ретінде көрініп, күміс пен жездің өңін ашып тұр. Күмістелген пластинканың бетінде 5 үлкен, 27 кішкене бедерленген күміс бүркеншікті шегелер белгілі бір симметриялық тәртіпті сақтай, тым

---

[31] Қазақ ССР Ғылым академиясының 1953 ж. Алматы облысына ұйымдастырған этнографиялық экспедициясының материалдарынан алынды.

Шошақбас ерлер: 1-Кеген ауданынан, 2-Шу ауданынан, 3-Мерке ауданынан.

орынды шегеленген. Ал артқы қасының басына күмістелген пластинка орнатылғанда, оқпанның екі жағынан әр жерден күміс шегелер «ж» әрпі тәрізденген күміс бейнелер және бедерленген жез пластинкалары көннің сыртынан қағылған. Сөйтіп, алдыңғы және артқы қастарының беттеріндегі сан түрлі әшекейлер көңілге қонымды, көруге әдемілігімен көз тартады.

Жамбыл және Алматы [32] облыстарында шошақбас ерді бір бөлек қарағаш кесіндісінен тұтас шауып та шығаратын. Мұндай тәсіл қырғыз ершілерінен де кездесетін [33]. Бұл үшін ердің ұзындығындай қарағаш кесіндісін бірнеше күн суға салып жібітеді де, өткір балтамен біраз нобайлап шауып алған соң әртүрлі шоттармен асықпай өңдейді. Әдетте мұндай ерді бір күнде шауып болмайтындықтан, жұмыс арасында ағаш ылғи суда жатады. Өйткені күннің көзінде қалса, ағаш тез кеуіп, жарылғыш келеді, өңдеуге қиындықтар туғызады. Әбден шауып, өңдеп болған соң ерді бір қазан тұзды суға салып бие сауым қайнатады. Бұдан кейін 2—3 күн бойы самалға қойып дегдітеді де, түйе көнімен қаптап тастайды. Мұндай тұтас шабылған ердің беріктігі ең алдымен түйе көнінің мықтылығына байланысты. Тұтас ағаштан шабылған ердің артықшылығы сол, мұнда қас, қаптал және орта ағашты бөлек шауып, оларды қиыстыруға жұмсалатын еңбек пен артық материал үнемделеді. Көзі қанығып, қолы жаттыққан ершілер мұндай ерді тез шабады да, ағаш ісін жете өңдемей-ақ көндей береді.

Қазіргі Оңтүстік Қазақстан өлкесінің жерінде мекендейтін қазақтар арасындағы ердің негізгі түрі — «құранды ер». Мұндай ерлер Қарағанды облысының шығыс жағы мен Целиноград, Қостанай және Алматы облыстарының оңтүстік өңірлерінде де кездесіп отырады.

Ердің бұл түрі бірнеше бөлек ағаштардан құралып қосылатындықтан «құранды ер» деген атау орынды қалыптасқан. Жоғарыда көрсетілген облыстардың қайсысында болсын құранды ердің жалпы қосылу техникасында да, сыртқы пішінінде де өзгешелік жоқ.

Біздегі жиналған деректерге қарағанда, ауыл арасындағы қазақ ершілері құранды ерді 18—20 бөлек ағаш кесінділерінен құрастырған. Ал өзбек шеберлері жасайтын осындай ерлердің 22—32 бөлек ағаштан құрастырылатындығы туралы Н. Габбин өткен ғасырдың соңында жазған болатын [34].

Ер сүйегінің мұншалықты көп бөлшектерден құралу себебі: біріншіден, ершілікті кәсіп еткен шеберлердің қолынан шығатын ерлерінің сыртқы кейпінің біркелкілігін көздегендіктен болса, екіншіден, құранды ердің кейбір бөлшектерін, әсіресе екі қасын тұтас ағаштан шауып шығару өте қиынға түсуімен оларды тұтас шабуға жарайтын ыңғайлы ағаш кесіндісінің табылуының да оңайға түспейтіндігінде болса керек. Ал ер бөлшектерін кіші-гірім ағаш кесінділерінен құрайтын болса, қолда бар ағаш кесінділерінің қандайы болсын қажетіне жарай береді, тіпті ондай материалдың табылуы да оңай. Бұл жағдай ағаш аз

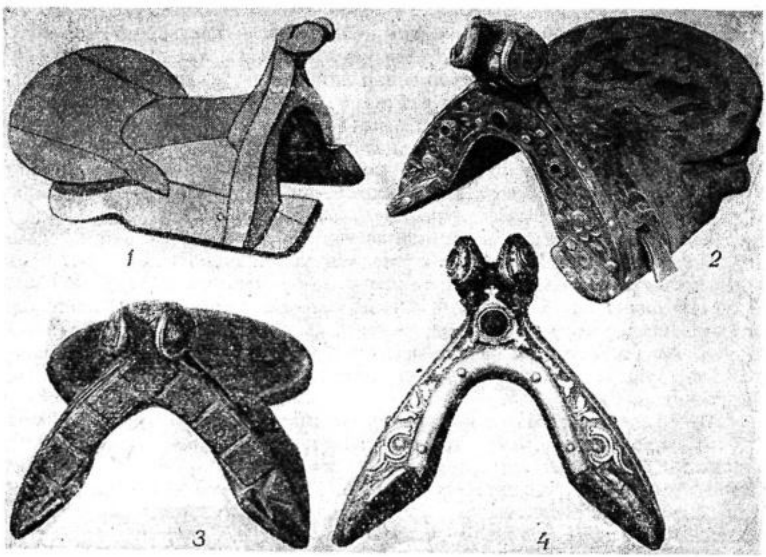
[32] И. В. Захарова. Материальная культура казахов колхозников Юго-Восточного Казахстана. Труды инст. истории и археологии этнографии АН КазССР, т. 3, 1956, стр. 182—183; Х. Арғынбаев, И. В. Захарова. 1958 ж. Оңтүстік Қазақстан облысына ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция жұмысының қорытындысы. Труды института истории археологии и этнографии АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 111.

[33] А. Ф. Бурковский. Из истории техники обработки дерева у киргизов, «Ученые записки исторического фак-та киргизского университета, вып. 3. 1954, стр. 94.

[34] Н. Габбин. Производство седел (ленчиков). Сборник материалов для статистика Сыр-Дарьинской области, т. 7. Ташкент, 1899, стр. 19.

өсетін Шымкент, Қызылорда және Жамбыл облыстарындағы ершілердің ағашты үнемдеп жұмсауына қолайлы мүмкіндіктер де туғызады.

Құранды ерге терек, жиде, тал сияқты әрі жұмсақ, әрі мықты ағаштар қолданылатын. Мұндай ағаштарға желім[35] де тез сіңіп, жақсы желімденеді.

Құранды ерлер: 1-құранды ердің ағаш қаңқасы, 2-ҚОМ коллекциясы, КП — 9563, 3-ҚОМ коллекциясы, КП — 1013, 4-ҚОМ коллекциясы, КП — 3419.

Құранды ер бөлшектерінің тұтас ағаш кесіндісінен шабылатын тек екі қапталы ғана, ал басқа бөлшектер ердің қасы мен ортасын құрастыру үшін жұмсалатын. Сондықтан алдымен әр қасты өз алдына жеке құрастырып алады, содан кейін оларды қапталдарға орнатып, ердің орта ағашын қиыстыратын. Бұдан соң ердің олпы-солпы жерлерін жөндеп, артығын алып, кем жеріне қондырма өңдейтін де, самалды жерде біраз кептіретін.

Әдетте мұндай ердің толып жатқан бөлшектерін бір-бірімен біріктіру үшін олардың астасатын жерлерін алдын ала тегістеп алып желім жағатын да, біраз дегідігеннен кейін желімді қайта жағып біріктіретін. Осылайша желімделген бөлшектерін әбден кепкенше ауыр затпен бастырып немесе арнаулы қысқашпен қысып қоятын.

---

[35] Құранды ер жасауда негізгі материалдық бірі желім. Қазақ ершілері желімді сатып алумен бірге өздері де жасай білген. Сатып алатын кәдімгі ағаш желімін «сар желім», қолдан қайнатылатын желімді «қара желім» дейтін. Мұны жасау үшін арықтан өлген малдың сүйегінен сылынған еті мен түйенің көнін турап бір қазан суға ет езілгенше қайнатады да, ет пен көнді түгел сүзіп тастайды. Қалған суды суалғанша қайнатады. Мұны ыстықтай басқа ыдысқа қотарып, суыған соң желім орнына пайдалана береді. Осындай әдіспен қайнатқан желім, ершілердің айтуынша, ет пен көн қаншалықты көп салынып, жеткілікті қайнатылса, желім соншалықты жақсы болады да, сатып алатын ағаш желімінен артық болмаса кем болмайтын көрінеді.

Құранды ер бөлшектерінің өзіне тән атаулары болады. Мәселен, Шымкент облысының Шаян ауданында кездесетін құранды ерлердің көптеген бөлшектерінің тек өздеріне ғана тән аттары бар. Алдыңғы қастың өзі бірнеше бөлшектен тұрады. Қастың негізі болып есептелетін оқпан екі бөлек ағаштан құралады да, қастың оң жақ және сол жақ беті деп аталады. Оқпанның арт жағынан жапсырылып екі бетті біріктіретін тұтас ағашты «желкебасар» десе, алдыңғы қастың бүркіт қабақтанған екі ауыр басын «қас» дейді. Артқы қасты көбінесе «керсен» дейді. Оның ортасы бір бөлек шабылады да, екі шетіне «қанат» деп аталатын қосымша қондырмалар желімделетін. Екі қасты қапталдармен ұштастыру үшін ердің екі жағынан ұзыншақтау «қоспа» ағаш қиыстырылады. Ал ердің үстін жауып тұратын бөлшегін «орта не «бел ағаш» дейді. Алдыңғы қастың екі бетінің түбінен қапталдың үстіңгі жағынан кішкене «кепіл ағаштар» жапсырылып, артқы қас пен қапталдың екі аралығынан «тіреуіштер» қойылады. Қоспа мен кепілағаш және тіреуіштер екі-екіден болады.

Ердің негізгі сүйегі әбден кепкеннен кейін оған түгелдей тарамыс талшықтары араластырылған желім үш қайтара жағылады. Ер сүйегінің қосылу ыңғайына қарай тарамыс талшықтарын қолмен жағады. Алғашқы желім қабатын жүргізгенде тарамыс талшықтары ағаш ыңғайына көлденең түсіп отырса, келесінде, керісінше, оған көлденең түседі. Ал үшінші қабаты да осы тәртіппен жағылады да, тарамыс талшықтарының үш қабаты торкөздене түсіп, ер сүйегін тырп еткізбей берік ұстайды.

Әрбір желім қабатын көлеңкелі самалда асықпай кептіреді. Тәжірибелі ершілердің айтуынша, ыстыққа, күннің көзіне кептірілген желім қабаты жарылып кетеді де, ердің беріктігіне нұқсан келтіреді. Сондықтан қыстыкүні де желім жағылған ерді пеш қызуына жақындатпай, от жағылған жылы үйде кептіреді. Алғашқы күндері ердің тұрған жерінің ыстықтығына қарай күніне 2—3 рет су бүркіледі. Өйткені жаңа жағылған желім қабаты үстіңгі бетінен кебе бастаса, ол жарылғыш келеді де, қолайлы жағдайдың өзінде сыдырылып түсіп қалады, ал бетіне су бүркіп, әлсін-әлсін дымдап отырса, желім қабаты астынан кеуіп жарылмауына мүмкіндік туады.

Үш қайтара желімделген ердің сыртынан бір түсті тоз қабатын жапсырады. Бұл үшін жұқалап сыдырылған тозды ер бетінің ыңғайына қарай мүйіз «пышақпен» сызып алып қайшымен қияды да, тоз қиындысына желім жағып, оның біраз уақыт сіңуін күтеді. Бұл уақытта ердің тоз қиындысы жапсырылатын жеріне ғана су сеуіп отқа қарсылайды да, ер бетіндегі желім қабаты су мен от қызуының әсерінен сәл жібіңкіреген кезде тоз қиығына желім жағып өз орнына қиюластыра жапсырып отырады. Осы тәртіппен ердің сыртына тоз түгелдей жапсырылып болған соң қиындылар арасынан шығып тұрған желімді жылы сумен жуып жіберіп ерді асықпай кептіреді.

Түркстан, Шымкент қалаларындағы ершілердің кейбіреулері өзбек шеберлерінің әсерімен тоздалған ердің сыртын түрлі бояулармен бояйтын. Ел арасындағы ершілер ердің сәнділігінен көрі мықтылығын көздеп, құранды ердің өзін тарамыс араластырылған желімсіз-ақ жібітілген түйе көнімен тартып шегелейтін [36]. Кейде шеге орнына таспа-

---

[36] Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология және этнография кабинетінде осы әдіспен көнделген екі құранды ер сақталады. Мұндай ерлер Қырғызстанның оңтүстік және солтүстік-батыс жағында да кеңінен тараған. Е. И. Махова. Материальная культура киргизов источник для изучения их этнографии. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 55.

лап тігу тәсілін де қолданатындар кездесетін. Соза қапталған көн кебе келе ер кірісін онан әрі кіріктіре түседі. Әден кепкен көн ылғалды да, ыстық-суықты да елемейтін берік болады.

Сән іздеген серілер мен ел әкімдері құранды ердің сыртын қалың былғарымен қаптатып, алдыңғы қастың бетін түрлі әшекейлермен безендіретін. Біздегі деректерге қарағанда, мұндай ерлер құйма күміс бейнелермен [37] бетіне күміс шабылып, ажурлы өрнек ойылған темір пластинкалармен [38], түсті тастардан не күмістен көз орнату тәсілдерімен әшекейленетін. Тастан салынатын көз көбінесе оқпанның дәл маңдайынан орнатылатын.

Кейде қошқардың не бұркіттің басы тәрізденген құранды ердің алдыңғы қасының екі шекесінен күмістен болмаса тастан екі көз орнатылатын [39].

Бұл ерлердің құйма әшекейлері геометриялық шаршы, дөңгелек не үш бұрыштардан тұратын. Күмістелген темір пластинкалардың ажурлы өрнектері қошқар мүйіз, жапырақ бейнелес болып келетін.

Ердің үсті де сан түрлі өрнектеліп, ол түрлі тәсілдермен жүргізілетін. Мәселен, қазіргі Панфилов ауданының жерінде мекендеген суан руының атақты ершісі Ақтайлақ Бозжігітовтың 1915 ж. жасаған құранды ерінің үстіне қазақтың қошқар мүйіз өрнектері опликация және бояу тәсілдерімен жүргізілген де, ердің мойнына әртүрлі геометриялық таңбалар түсірілген [40].

Қарттардың айтуынша, құранды ердің бет алдын сүйек және мүйіз әшекейлермен де безендіретін болған. Бірақ, соңғы 7—8 жыл ішінде ел арасынан болсын, музейлерден болсын сүйектелген не мүйізделген құранды ерлерді кездестіре алмадық. Бұған қарағанда құранды ерлерді сүйектеу не мүйіздеу ісі үстіміздегі ғасырда мүлде сиреген тәрізді.

Құранды ерді безендірудің ерекше бір түрін Торғай, Ырғыз бойынан кездестірдік. Бұл ердің қосылу ісінде, сыртқы пішінінде, жоғарыда баяндалған, Оңтүстіктің құранды ерлерінен еш өзгешелік жоқ. Бірақ, көнделген ердің сыртын қалың қара былғарымен қаптап, екі жақ етегін қысқа тоқым тәріздендіріп, бос түсіріп, оның бетін оюлы-өрнектермен безендіру тәсілі басқа жерлерде кездеспейді. Мұның өзі ер-тоқымға өте сыпайы ірең беріп тұратын.

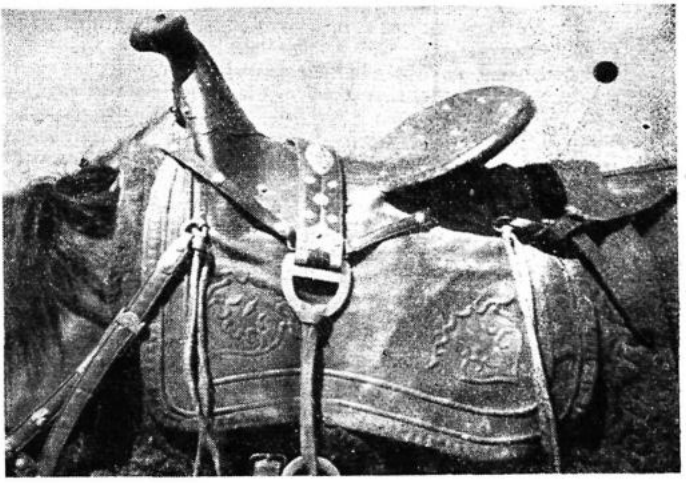
Құранды ердің сүйегі өте жеңіл, сыртқы формасы тым сыпайы, атқа да, адамға да жайлы болып жасалатын. Сондықтан Қазақстанның құранды ер жасалмайтын аудандарында құранды ерлерді әрдайым «әйел ері» деп, әйелдерге арнайтын. Бұл аудандарда бұл ерді кейде «қоқан ері» деп те атайтын. Мұнда біраз шындық та бар. Өйткені қазақтың құранды ері мен өзбек ерінің жасалу техникасында да, сыртқы кескінінде де бірқыдыру ортақ жайлар болғандықтан шатыстыратындық заңды сияқты. Бұдан, әрине, нағыз қоқан ерлері қазақ даласына мүлдем тарамады деген ұғым шықпайды. Бірақ, Қазақстан жеріне қоқан ерінен көрі оңтүстік қазақ ершілерінің қосқан құранды ерлерінің кеңірек таралғандығына күмәнданбаймыз.

Қорыта келгенде, құранды ер Сырдария, Талас өзендерінің бойын мекендейтін халықтарда қалыптасқан. Бұл өңірде негізінен қазақ, өзбек және қырғыз ұлттары аралас қоныстанғандықтан, олардың тұрмысы мен мәдениетінде де көптеген ұқсастықтар болды. Сол ұқсастық-

---

[37] ҚОМ коллекциясынан, КП—1013, КП—34—19.
[38] Бұл да сонда, КП — 9563.
[39] Бұл да сонда, КП—1613, КП—3419.
[40] ҚОМ коллекциясы, КП—9563.

тың бір көрінісі дәл осы арада сөз болып отырған құранды ер. Сөйтіп, қазақтың «құранды ері», өзбектің «қоқан ері» және қырғыздың «құшбаш ері» әр ұлттың өзіндік ерекшеліктерінің негізінде, кең аймақта, қалыптасқан қолайлы ер түрінің бірі. Сондықтан ердің бұл түрін жоғарыда аталған ұлттар бірінен-бірі үйренді деудің жөні де келмейді, шындыққа да жатпайтын тәрізді.

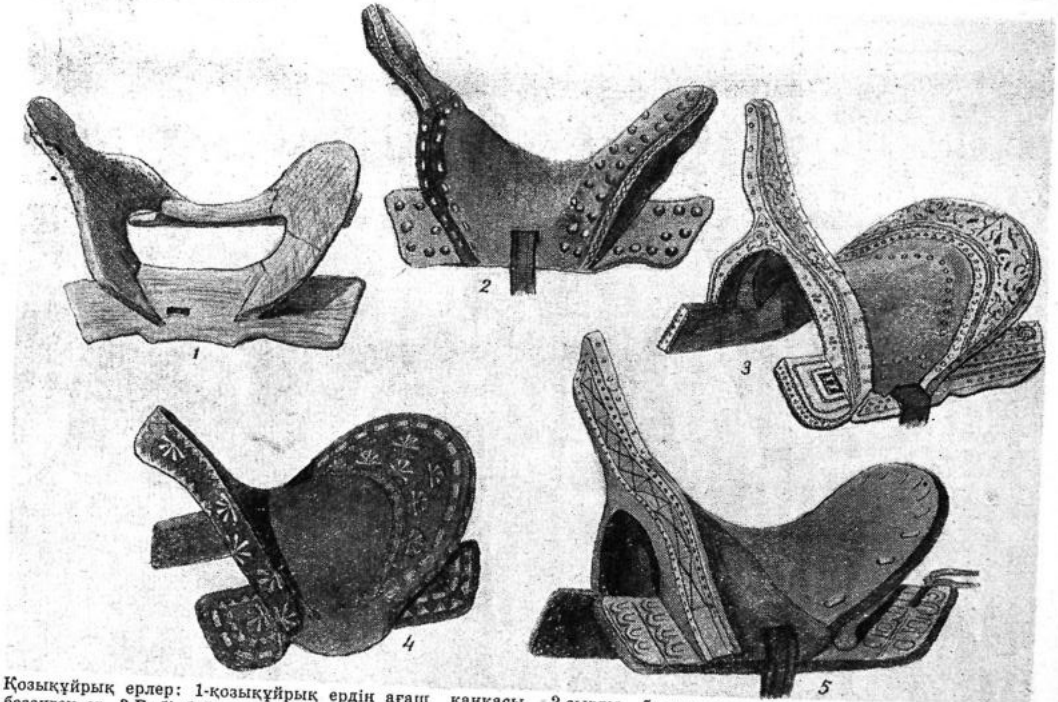
Ырғыз бойындағы құранды ер.

Маңғыстау түбегінде тұратын адайлар мен Ембі бойында мекендейтін Кіші жүздің бірқыдыру руларының арасында қалыптасқан ердің түрі — «қозықұйрық ер». Мұны кейде «шошақбас қазақ ері» деп те айтады.

Қозықұйрық ердің жасалу техникасында құранды ермен әжептәуір ортақтықтар да бар. Дегенмен, мұны құранды ердің бір түрі деуге болмайды. Өйткені, оған қойылған атау да, жалпы кескіні де оның қазақ ерлерінің ішіндегі өз алдына жеке қалыптасқан айрықша бір түрі екендігін дәлелдейді.

Қозықұйрық ер көбінесе өте жұмсақ және жеңіл болатын жөке ағашынан жасалады. Кейбір жағдайларда қайың ағашы да пайдаланылады. Жөке ағашы жөпшендіге жарылмайды, желімді де жақсы ұстайды. Мұның жеке бөлшектеріне ұзындығы екі тұтам жөке ағашы да жарай береді. Қозықұйрық ер 6—7 бөлек ағаштан құралады. Алдыңғы қасы екі бөлек, артқы қасы 2—3 бөлек ағаш кесіндісінен жасалады. Бұған екі қапталды қосқанда ер сүйегінің негізгі бөлшектерінің тұрақты қалыптасқан саны шығады. Қозықұйрық ердің тағы бір өзгешелігі, мұнда орта ағаш болмайды, оның орнына көн не қайыс тартылады. Ердің сүйегі жеңіл, көлемі шағын келеді. Алдыңғы қасы алдына қарай еңкіштеу болып орнатылады.

Қозықұйрық ердің сыртын түйенің көнімен қаптайды. Кейде көн орнына тарамыс талшықтарын немесе кендір шүйкесін желімге араластырып жағатын. Бұл әдісті халық «сіңірлеу» деп те атайды. Шынында да сіңірлеу деп атаған жөн сияқты, өйткені тарамыс дегеніміз-

Қозықұйрық ерлер: 1-қозықұйрық ердің ағаш қаңқасы, 2-сырты былғарымен қапталып, күміс шегелермен безенген ер, 3-Ембі бойында XX ғ. басында сүйектеліп жасалған қозықұйрық ер, 4-сырты былғарымен қаптаолып әртүрлі күміс пластинкалармен безенген ер, 5-ердің үсті ғана былғарыланып, қалған жерлері ағаш бетін оюлау арқылы безенген Маңғыстау ері.

дің өзі тігін жұмысына пайдалынатын кептірілген ірі мал сіңірінің талшықтарынан ширатылып дайындалатын нәрсе. Ал сойылған ірі малдың тарамысқа арналып алынған сіңірін халық тарамыс деп айта береді.

Біздегі деректерге қарағанда, көндеген ерді сіңірлемейді де, сіңірлеген ерді көндемейді. Сіңірлеу де, көндеу де ердің беріктігін арттыру үшін қолданылатындықтан, бұлардың бірін пайдаланса, екіншісін керек етпейді. Кейде сіңір аз болып, ердің беріктігін толық қамтамасыз ете алмайтындай хауіп туса ғана, оның сыртынан көндеу тәсілін қолданатын.

Шамасы келген ауқаттылар сіңірленген немесе көнделген ерлердің сыртын былғары, мүйіз, сүйек, темір және күміс заттарымен әшекейлететін. Сәндеудің ең оңайы да, арзаны да ердің сыртын түгелдей түсті былғарымен қаптау әдісі болған. Ал мүйіз, сүйек, күміс әшекейлерімен ердің алды-арты ғана әшекейленетін.

1962 ж. Ембі бойындағы малшылар арасынан бұдан жарты ғасыр бұрын сүйектеліп жасалған қозықұйрық ерін кездестірдік. Бұл ердің қазіргі иесі «Байғанин» ауданындағы Калинин атындағы колхоздың аға шопаны Мәтжановтың айтуынша, бұны 1910—1915 жылдары адай руынан шыққан атақты ерші Шырын деген адам жасаған көрінеді.

Ердің сыртқы пішінінде (осы колхозда тұрушы, ерші Қомпаев Имағамбеттің жасаған) қазіргі қозықұйрық ерлерінен еш өзгешілігі жоқ. Бірақ бұл ердің артықшылығы сыртындағы сүйек әшекейлерінде ғана сияқты.

Бірнеше бөлек жөке ағашынан қиыстырылған бұл ердің сырты сіңірленіп барып көнделген де, алды-арты бірдей сүйектеліп әшекейленген. Бұл әшекейлердің жалпы кескініне сай дайындалған әртүрлі сүйек пластинкалар шебер қиюласып, сүйек шегелермен бекітілген де, беттеріне сан түрлі бедерлі өрнектер жүргізілген.

Өрнектің көпшілігі пышақ ұшымен ойылған түзу сызықтар мен иректер және ортасында нүктесі бар ұсақ дөңгелектерден тұрады. Оқпанның қарсы алды мен екі жақ бүйіріндегі көлемді пластинкалардың және артқы қастың үстіне айшық рәуіштендіріліп шегеленген екі бөлек сүйектің беттері геометриялық өрнектермен, өсімдік тектес оюлармен безендірілген. Мұндай оюларды сүйек бетіне түсіру үшін алдымен өрнектің түрін пышақ ұшымен сызып алып, оны тереңдете түссе болғаны, бір-бірімен сабақтары арқылы жалғасып, жапырақ тәрізді оюлар, бедерлер түсіп отырады. Ал жеке пластинкаларды сүйек шегелермен шегелеу ісінің өзі де өте орынды орналасқан.

Екі қапталдың алдыңғы алақандарының ортасына жасыл былғарыдан (көк сауыр) көз салынған, ал ердің үстіне күміс бүркеншікті шегелермен қалың қара былғары тартылған.

Сүйек пластинкаларының қиысу тәртібі болсын, олардың бетіндегі ою-өрнектердің, шегелердің орналасуы болсын белгілі бір симметриялық тәртіпті сақтай орындалған. Ал, қапталдың басындағы көк сауыр көз де, ер үстіне тартылған қара былғары да сүйектелген ердің үстінен қарағанда асқан шеберліктің нақышын, әшекейлердің шырқын бұзбай, қайта оның өңін ашып тұр.

Сөйтіп, бұл ердің ісі ерші Шырынның көркемдік талғамының өте жоғары болғандығын аңғартатын сияқты.

Бізге кездескен ершілер мен өткен ершілердің ісін көрген қарттардың айтуынша, Гурьев, Ақтөбе облыстарын мекендейтін Кіші жүз тайпаларының арасындағы халық шеберлері ер басын әшекейлеуге

түйе және жылқы[41] сүйектерін пайдаланған. Бұған малдың жақ, жаурын және қабырға сүйектері жиі қолданылатын. Қабырғаның етек жағын екі жарып, кемігін жонып тастап, екі жақ бетін әртүрлі бұйымдарды безендіруге жаратқан. Қабырға сүйектері жіңішке, жұқа болатындықтан оны ер сияқты ықшам бұйымдарды әшекейлеуге пайдаланатын. Қабырғадан алынған жұмсақ және жұқа сүйек пластинкаларын ердің бетіне қарай бейімдеп қиыстыруға да өте қолайлы болатын. Мұндай іске әдетте асылған еттің сүйегі жұмсалатын, өйткені шикі сүйекте май көп болады. Кейде семіз малдың сүйегі асылғанмен майынан әбден арылмайтындықтан, оны біраз өңдеген соң тағы да суға қайнататын. Бұл туралы және қазақтың сүйек, тас беттерін оюлау өнері жайында Э. А. Масановтың мақаласында да жазылған[42].

Маңғыстау ершілері кейде қалың қара былғарымен қапталған қозықұйрық ерді күмістен құйылған әртүрлі геометриялық бейнелермен немесе бүркеншікті шегелермен де әшекейлейтін. Әсіресе, беттері бедерленген тең бұрышты, тең бүйірлі үш бұрышты шаршылар мен тік бұрышты төрт бұрыштар жиі қолданылатын. Бұлар әртүрлі тәртіппен ердің жиектеріне тізбектеле орналасып, олардың ортасын әшекейлеуге тең бүйірлі үш бұрыштар қолданылатын. Ол үшін 5—6 тең бүйірлі үш бұрыштардың сүйір бұрыштарын түйістіретін де, жарты дөңгелек тәрізденген өрнекті алма кезек ауыстырып орналастыру арқылы тым сәнді әшекей жасап шығаратын.

Жоғарыда баяндалған қозықұйрық ердің әшекейлену тәсіліндегі көзге түсетін ерекшеліктің бірі — артқы қасының үстіңгі беті ылғи айшық тәрізденген сүйек пластинкалармен әшекейленетіндігі. Қазақстанның басқа жерлерінен кездесетін сан алуан ерлерде мұндай әшекей кездеспейді.

Қозықұйрық ерді кейде бес бөлек қайың кесінділерінен де жасайтын[43]. Мұның сыртқы кескінінде жоғарыда баяндалған қозықұйрық ерлерден еш өзгешілігі болмайды. Ал қосылу техникасындағы айырмашылық мұнда қондырмалы әшекейлер пайдаланылмайды да, кәдімгі жалпақбас қазақ ері сияқты арнайы жасалған шегелерімен ұстатылады. Бірақ, басқа қазақ ерлерінен мұның ерекшелігі қас беттеріне жеңіл-желпі өрнек, ою тәсілімен ғана жүргізілетіндігінде. Өрнектері негізінен геометриялық бейнелерден тұрып, қоңыр бояумен боялатын. Ердің үстіне қайыс не былғары тартып шегелейтін.

Торғай, Ырғыз бойында және Көкшетау өңірінде мекендейтін қазақтар арасында өткен ғасырдың соңында «үйрекбас» деп аталатын ер болған. Бұл ердің үйрек мойынданып, ілгері қарай иіліп тұратын алдыңғы қасынан басқа пішіні құранды ерге өте ұқсас. Ал, ағаш сүйегі төрт бөлек қайыңнан шабылады да, бір-бірімен шеге арқылы ұстатылып, сырты көнмен не қалың былғарымен қаптала шегеленетін.

Қазіргі кезде ел арасынан үйрекбас ерді кездестіре алмадық. Бірақ, мұндай ерді көрген қарттардың баяндауы мен Қазақ ССР Ғылым академиясының академигі Ә. Х. Марғұланның жинаған коллекцияларынан Уәлихановтар ұрпағынан қалған үйрекбас ердің суретінен

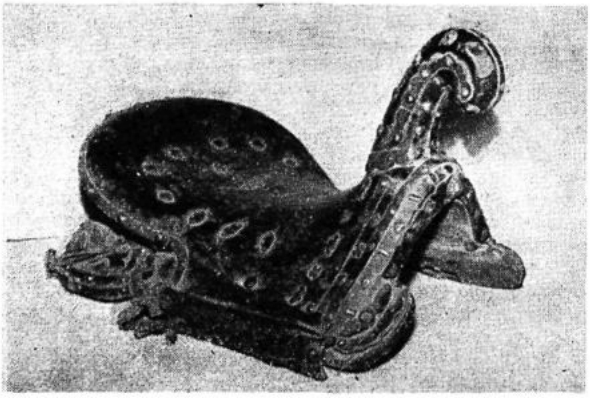
[41] С. И. Руденко. Очерки быта северо-восточных казахов, «казаки», вып. 15, стр. 46; Ф. Фильструп. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана, «казаки», вып. II, 1927, стр. 95.

[42] Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, т. 18, 1963, стр. 148—170.

[43] Қазақ ССР Ғылым академиясының 1957 жылғы Маңғыстау ауданына барған этнографиялық экспедициясының материалдарынан.

ол туралы айтылған сипаттамалардың шындыққа үйлесетіндігін аңғаруға болады.

Қазақ арасында ер қосу ісінің жалпы заңдылығы есебінде барлық ердің атқа тимеу мақсаты көзделеді. Ол үшін, біріншіден, жылқының қыр арқасын, әсіресе шоқтығын баспайтындай оқпанның биіктеу, көтеріңкілеу болып жасалауы, екіншіден, ердің екі қапталы

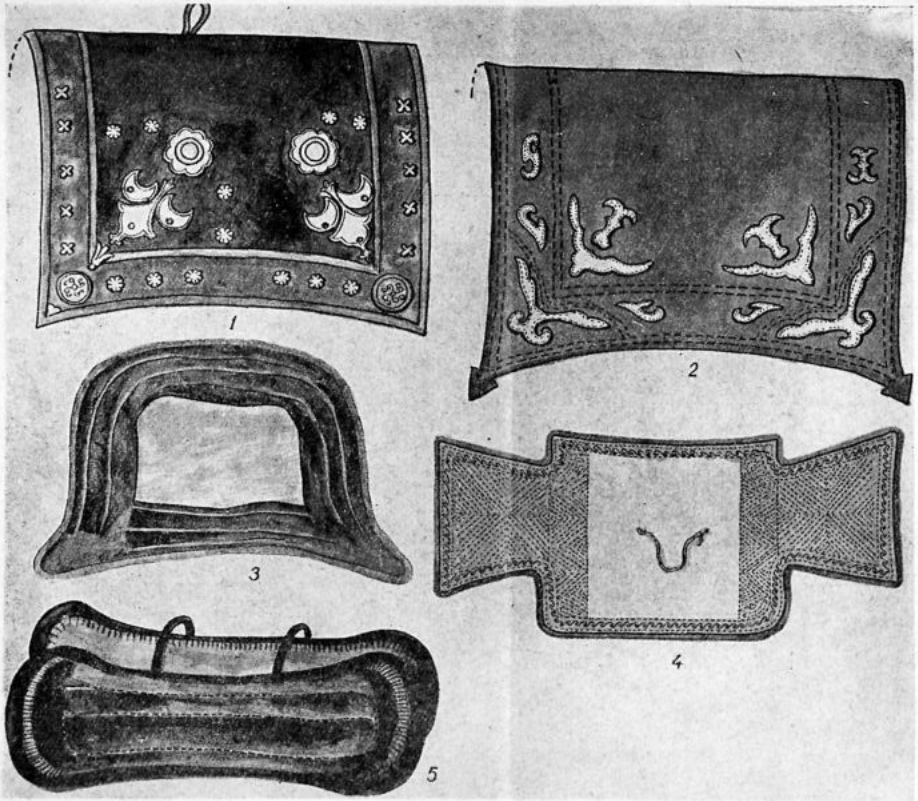
Үйрекбас ер (Қазақ ССР Ғылым академиясының академигі Ә. Х. Марғұланның архивінен).

арасының алшақтығы мен әр қапталдың дұрыс қиысуы қажет. Әдетте ердің алды қысыңқы болады да, арты енділеу келіп, екі қапталдың алдыңғы басы аздап шалқайыңқырап, жоғары қарай сәл ғана шалыстау қайқая шабылады. Ал қапталдардың екі қасқа қосылу бұрыштары да әртүрлі болады. Мәселен, алдыңғы қасқа ылғи 45° шамасында қосылатын болса, артқы қасқа қосылу бұрышы 30—35°-тан аспауы керек. Осы көрсетілген ортақ заңдылықтарды бұлжытпай орындау үшін тәжірибелі қазақ ершілері ер қосуға арнайы жасалған қалыпты кеңінен пайдаланатын. Сондықтан олардың ерлері атқа да, адамға да жайлы болып шығатын.

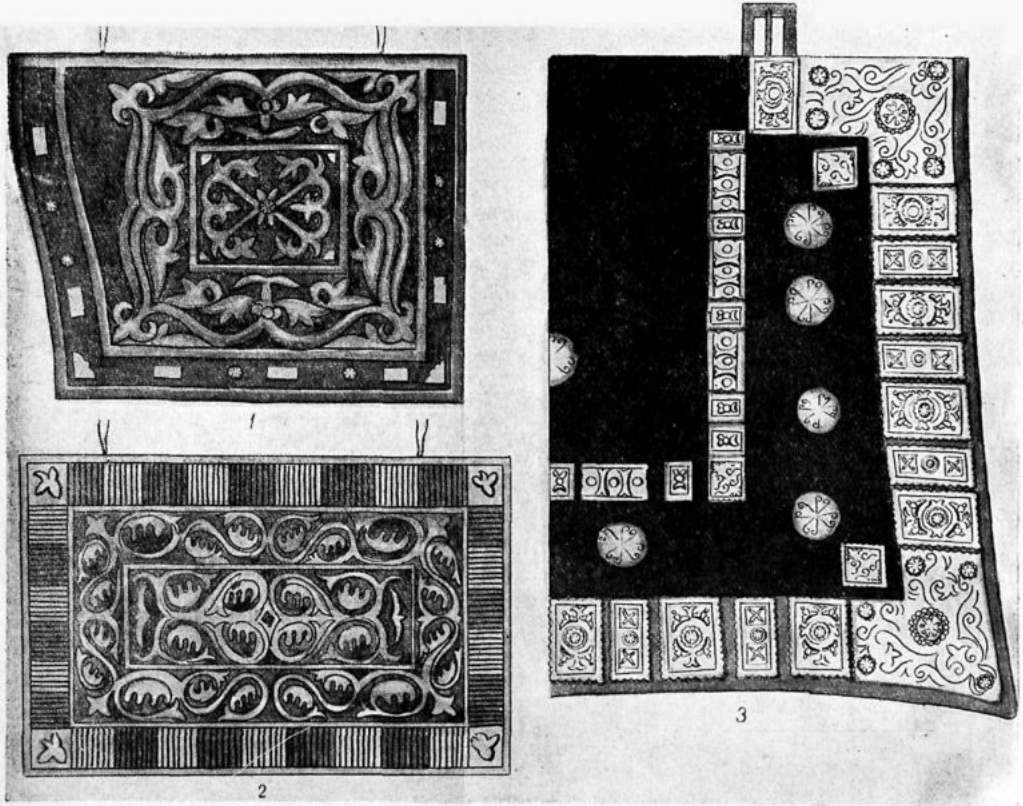
Қазақ ерлерінің барлығында бірдей үзеңгі бау, қанжыға және құйысқан тағатын тесіктер жасалады. Үзеңгі бау өткізілетін тесік алдыңғы қастың етегінен не одан бір елідей ғана кейінірек қапталдан қашаумен тесіледі. Ал құйысқан байланатын бүлдірге мен қанжыға өткізілетін тесік қапталдың артқы алақанынан қуысқұлақпен тесіледі. Тек қана беті сүйек, күміс әшекейлермен безенген ерлерде кейде құйысқан тағу үшін қапталдың артқы алақанынан темір шығыршық не күмістелген әдемі айылбас орнатылады.

* * *

Ер-тұрманның құрамына ердің соқа басынан басқа тоқым, желдік, терлік, тебіңгі, үзеңгі, айыл, құйысқан, өмілдірік, жүген, жабу, аткөрпе, қамшы, тұсау, шідер сияқты заттар да қосылады. Осылардың бәрін халық күнделікті өмірде ер-тұрмандары демей «ер-тоқым» деп те атай береді.

Тоқым түрлері мен жалдық: 1-күміс пластинкалармен безенген былғары тоқым, 2-түсті былғарыдан ою жапсырып жасалған былғары тоқым, 3-қара барқытпен көмкерілген киіз тоқым, 4-ақ киізден жасалған сырма тоқым, 5-құранды ерге арналған былғары жалдық.

Былғары тебіңгілер: 1-ҚОМ коллекциясы, КП — 950, 2-ҚОМ коллекциясы, КП — 947, 3-ҚОМ коллекциясы, КП — 949 (тебіңгінің жартысы).

Көпшілік халық тоқымды киізден сырып жасайтын. Ауқатты адамдар киіз тоқымның айнала жиегін шұға және барқыт сияқты қымбат маталармен көмкеріп, тоқымның сыртын түгелдей қалың былғарымен де жабатын. Сырма тоқым мен көмкерілген тоқымдарды, көбінесе, әйелдер жасайтын да, былғары тоқымды шебер ершілер ғана жасайтын.

Тоқымның көлемі де, пішілу кескіні де әртүрлі болады. Әйел ерлеріне арналған көн тоқымдар үлкен болатын да (140—150×50—55 *см*) мол әшекейленетін. Ал еркектердің еріне арналған тоқымдар ықшамдау (90—100×50—55 *см*) болмағанмен, әшекейлену жағынан бұлар да кенде қалмайтын.

Ортасынан екі бүктелген тоқымға көз салсақ, төменгі екі бұрышының бірде тік бұрыштанып пішілгенін байқасақ, екіншіде алдыңғы бұрышының сүйірленіп, артқы бұрышы дөңгеленіп жасалғанын немесе екі бұрышының да сүйірленіп пішілетіндігін аңғаруға болады. Мұнымен бірге кейде тоқымның артқы бұрышын не екі бұрышын да ойып пішетіндер кездесетін.

Киіз тоқымдарды да түрлі ою-өрнектермен әдемілеп сыруға тырысатын. Былғары тоқымдарға сан түрлі тәсілдермен жүргізілетін ою-өрнектерге қоса күміс әшекейлер де жиі қолданылатын.

Өткен ғасырда мұндай тоқымды ылғи тұтас және қалың былғарымен жабатындықтан, олардың бетіне бедерлі өрнектер жүргізу тәсілі жиі қолданылатын. Бедерлі өрнекті көбінесе арнаулы ағаш қалыптар арқылы түсіретін. Бұл үшін бедерлі өрнегі бар ағаш қалып үстіне алдын ала жібітілген былғарының өңін қаратып жайып, өрнекке былғарыны балғамен батыра ұрады да, өрнек былғары бетіне әбден қалыптасып дегдігенше қозғамай қоя тұрады. Бұдан соң тоқымға түскен бедерлі өрнектердің айнала жиектерін пышақ тәрізденген мүйіз аспаппен сызып, өрнекті айқындай түседі. Кейде өрнек айналасын тарамыспен қайып тігетін. Мұндай бедерлі өрнек келе-келе жойылып кетпес үшін былғарының теріс жағынан бедерлі өрнек ойыстарына толтыра желім құйып кептіреді де, киізбен астарлап тігіп тастайды.

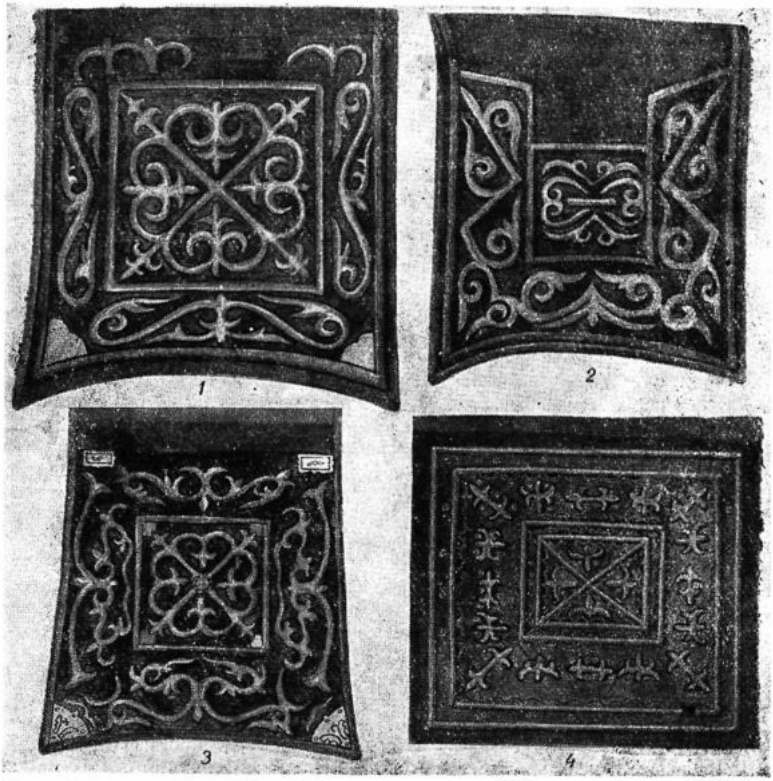
Тоқымға бедер түсіретін арнайы қалып болмаған жағдайда кейбір шеберлер түрлі өрнектерді басқа тәсілдермен де жүргізетін. Ол үшін былғарыны жібітіп алған соң бетіне мүйіз аспаппен өрнектер сызады да, өрнектің астына темір талшықтарынан немесе жұмырланып бұралған қайыс таспадан өзек салып, сызылған өрнек ізін тарамыспен киіз астарға жапсыра тігеді. Темір талшықтары тек геометриялық өрнектер түсіруге қолданылса, қайыс өзектер әртүрлі өрнектерді мүйіздеп келтіру үшін пайдаланылатын. Мұндай бедерлі өрнектер темір безеубастарымен батыра түсіру әдісі арқылы істеледі. Сөйтіп, мұндай әдістермен тоқым бетіне түсірілетін бедерлер, көбінесе, қазақтың қошқар мүйіз, сыңар мүйіз оюлары мен түрлі геометриялық өрнектердің орынды тоғысуы арқылы орындалатын.

Осы айтылған әдістермен қалың былғарыға түсірілген бедерлі өрнектер тоқым тозғанға дейін жойылмайды, тіпті суға тиген кезде де тоқым бетіндегі бедерлі өрнектер өз қалпын жақсы сақтайды.

Қазір де мұндай тоқымдар жасалмайды. Себебі, қазіргі тоқым жасауға жұмсалатын жұқа былғарыға бедерлі өрнектер түсіруге болмайды. Сондықтан жұмсақ және жұқа былғарымен жабылған тоқымның бетіне басқа түсті былғарыдан апликациялау әдісімен оюлар жапсырып, немесе өрнектің өзін тарамыспен қаю, яки түсті жіптермен кестелі өрнек тігу тәсілдері жиі қолданылады. Бұған қосымша әртүрлі күміс құймалармен немесе күміс шабылған темір пластинкалармен де

әшекейленеді және қазіргі тоқымдардың ұзындығы бұрынғы тоқымдардан әжептеуір қысқа (ұзыны бір метрден аспайды) жасалады.

Өткен ғасырда тоқымның екі жағынан бірдей қалың былғарыдан жасалатын жалаңқабат тебінгі тағылатын. Мұның бетіне бедерлі өрнектер түсірумен бірге әртүрлі күміс әшекейлер де орнатылатын [44].

Бедерлі өрнекпен безендірілген былғары тоқымдар: 1-Кеген ауданынан, 2-Шұбартау ауданынан, 3-ҚОМ коллекциясы, КП — 948, 4-Сарысу ауданынан.

Тебіңгі, бір жағынан, әсемдік үшін тағылса, екіншіден, тоқым қысқа болған жағдайда аяқ киімді аттың терінен сақтайды, ал тоқым ұзын болған күнде оны жылдам тозудан қоруыштайды.

Қазіргі кездегі тебіңгі жеке істелмейді, тек киіз тоқымдарға жапсырыла тігіледі. Мұндай әдіс тоқымның үзеңгі бау тиетін тұсының тез тозбауын қамтамасыз етеді. Халық арасында мұның өзін тоқымның тебіңгісі деп те атай береді.

Жалаң тоқым өте жұқа болатындықтан оның астынан терлік, үстінен желдік салынатын. Терлік киізден не жабағыдан жасалатын да, оның саны ердің атқа жайлылығы мен желдіктің болу-болмауына

[44] Р. К а р у ц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлак. СПб., б. г., стр. 148; ҚОМ коллекциясынан, КП—947, КП—946.

байланысты бірден үшке дейін болатын. Егер ер жайлы болса екі терлік, ал желдік болған жағдайда тіпті бір терлікпен де қанағаттанатын.

Желдікті, көбінесе, құранды, қозықұйрық және шошақбас ерлерге арнап жасайтын, өйткені бұлардың қапталдарының көлемі шағын болатын да, тек арнайы жасалатын көлемді желдіктердің болуынан атқа тимейтін. Мұндай желдіктер екі қабат киізден сырылып, сырты былғарымен жабылатын. Қаптал астындағы желдік ілгерілі-кейінді жылжымауы үшін оның екі басының үстіңгі жағы қапталдың көлеміне сай кемештеліп тігілетін. Оны «желдіктің қасы» деп атайтын да, оны түсті жіптермен кестелеп не күміс әшекейлермен безендіретін. Екі желдіктің бір-бірімен екі жерден жіңішке қайыспен байластырылу арқылы олардың төмен сусуына мүмкіндік бермейтін.

Ал жалпақбас қазақ ерінің қапталдары көлемдірек болатындықтан, олар үшін мұндай желдік жасалмайды. Тек кейбір жағдайларға байланысты уақытша ғана бірер қабат киізден сырылған желдіктер ер қапталдарына қанжыға және әнжіме қайыстарымен біржола бекітілетін.

* * *

Үзеңгі темірден, қоладан және ағаштан жасалатын. Ағаш үзеңгіні тек қайыңнан ғана иіп жасайтын да, үзеңгі бау өткізілетін жерден екі басы қосылып шегеленетін [45]. Кейде мұндай үзеңгілерді мықтылық үшін темірмен қырсаулайтын. Темір қырсау бетін күміспен әшекейлейтін. Ағаш үзеңгіні көбінесе Қазақстанның солтүстік облыстарында қыстықүні қолданатын, өйткені қатты аяздарда темір үзеңгі адамның аяғына да, атқа да жайлы тимейтін. Бұған қарағанда, қыстықүні жылқының түнгі күзетіне баратын жылқышылар ағаш үзеңгілерді көбірек пайдаланатын.

Үзеңгіні қоладан сирек жасайтын. Ал жасала қалса, тек қалыпқа құйып, сыртын егеумен өңдейтін. Қоладан құйылған үзеңгінің бір түрі қазір Қазақстанның орталық музейінде сақтаулы [46]. Мұның сыртқы кескіні құмған тәрізденіп құйылған. Ұңғының екі бетіне күміс шабылып, дәл ортасына қызыл тастан көз салынған. Үзеңгінің екі жағының әр жеріне күміс шабылғандықтан, өте әдемі көрінеді. Бұл үзеңгінің әдемілігі мен ықшамдылығына қарағанда, оның әйелдерге арналып жасалғандығын аңғару қиын емес.

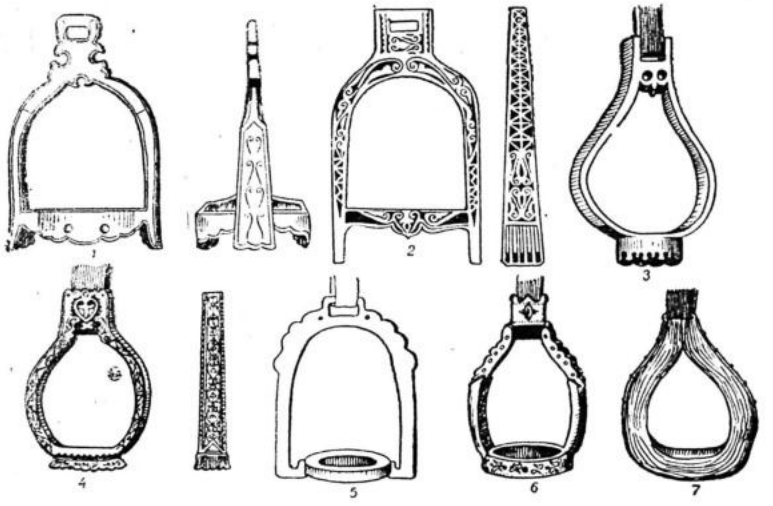
Темірден соғылатын үзеңгінің сыртқы кескіні әртүрлі болумен бірге, сан қилы тәсілдермен әдеміленіп өңделетін. Ең алдымен үзеңгінің темір негізінің өзіне неше түрлі пішін бере, ажурлы өрнектер жасай соғатын.

Темір үзеңгі сом темірден тұтас соғылатын да, табаны ғана бөлек соғылып қондырылатын. Ал кейбір аса шебер ұсталар үзеңгінің ішін қуыстап соғатын да, сыртын толығынан күмістеп безендіретін [47]. Мұндай үзеңгі өте әдемі және жеңіл болатын. Күмістелген үзеңгінің сыртына әртүрлі өрнектерді сан түрлі тәсілдермен түсіретін. Бірде күміс бетіне нағыз қарала жүргізілсе, екіншіде өрнекті күміс бетінен ойып алып, жалған қараланы темірдің өзінен шығаратын. Үзеңгіге шабылған күміс бетіне безеу әдістерімен түрлі өрнектер жасалып, оған алтын жалату тәсілі де қолданылатын [48]. Көпшілік жағдайда темір үзеңгіні ешбір өрнексіз сол қалпында таға беретін.

---

[45] МАЭ коллекциясы, 43—1.
[46] ҚОМ коллекциясы, КП—3419/2.
[47] ҚОМ коллекциясы, КП—970.
[48] Бұл да сонда, КП—9148/1.

Үзеңгіні ерге тағу үшін қалың қайыстан не былғарыдан екі қабаттап айылбасты үзеңгі бау жасайтын. Әдетте үзеңгі баудың айылбасын ғана күмістеп әшекейлейтін.

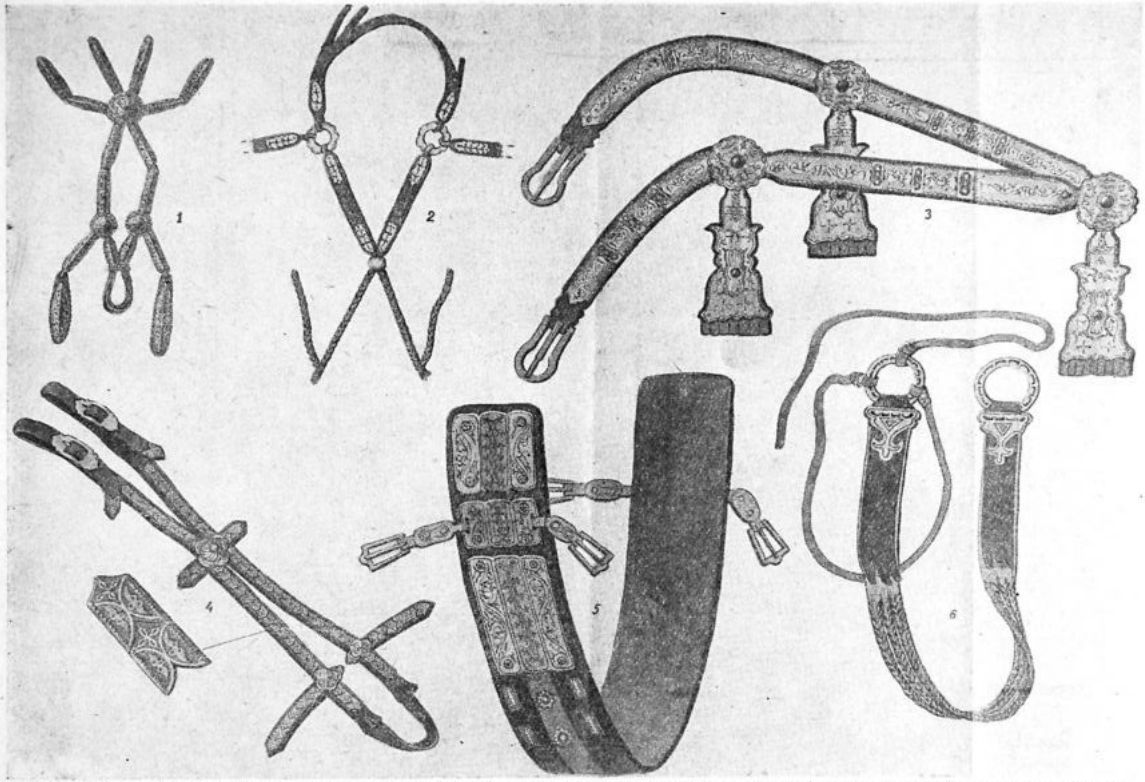
Үзеңгі түрлері: 1-күмістелген темір үзеңгі, (Марқакөл ауданы), 2-сырты күмістеліп жалған қарала жүргізілген темір үзеңгі (Жамбыл облысы), 3-темір үзеңгі (Мерке ауданы), 4-жалған қарала жүргізіліп күмістелген іші қуыс темір үзеңгі, ҚОМ коллекциясы, КП — 970, 5-темір үзеңгі (Көкшетау), 6-қоладан құйылған үзеңгі, ҚОМ коллекциясы, КП — 3419-2, 7-ағаш үзеңгі (Көкшетау).

* * *

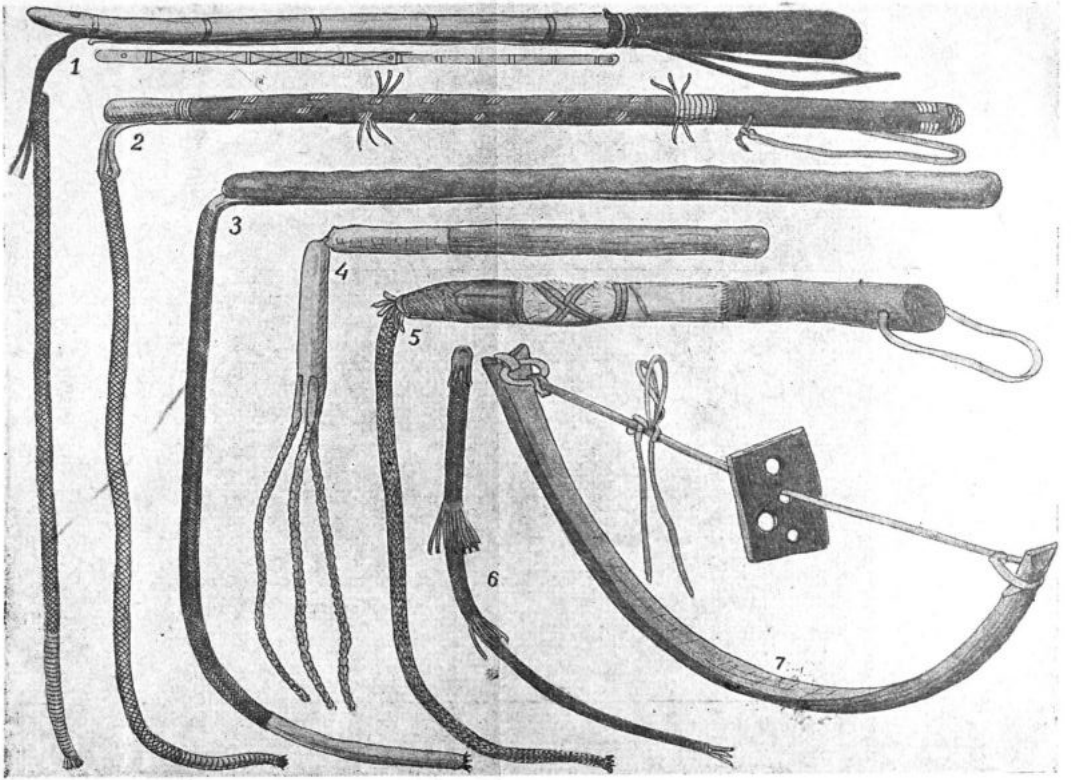
Ер-тоқым құрамына кіретін айылдар ежелден бірнеше жіптен не қайыстан жасалатын. Жіптен жасаған айылды халық «құр айыл» дейтін. Мұны жасау үшін түйе шудасынан не ешкі қылынан есілген жіңішке жіптердің бірнешеуін қатарлап, оларды бір-біріне қоса жуан шуда жіппен тігіп, жалпақтығы 2—3 елідей құр дайындайды. Мұның бір ұшына айылбас, екінші жағына жылқы қылынан жалпақ етіп өрілген жырым тігіледі. Қайыстан жасалатын айылдың да бір басына айылбас тағып, екінші ұшын таспалап тіледі де, жырым етіп өреді. Мұндай айылды кейде түгелдей қайыс таспалардан да өреді, оны «өрме айыл» деп атайды. Өрме айыл қайыс айылға қарағанда әлдеқайда төзімді келеді.

Бір ерде екі айыл болады. Бірі — «төс айыл», екіншісі — «шап айыл» делінеді. Шап айыл төс айылға қарағанда ұзындау келеді. Шап айыл жалаң ердің үстінен, төс айыл аткөрпенің үстінен тартылады.

Халық арасында осы күнге дейін сақталып келе жатқан айылдың көне түрі — «тартпа». Мұны құрдан да, қайыстан да өріп жасай береді. Мұның айылдан айырмасы, оның екі ұшына да арнайы жасалған темір доғабастар тігіліп, біреуіне ұзын қайыс бүлдірге тағылатын. Бүлдіргені екінші доғабастан іліп алып тартып байлау арқылы бекітілетіндіктен, айылдың бұл түрі «тартпа» деп аталады. Тартпаның ер

Құйысқан өмілдірік және тартпа түрлері: 1-қарала жүргізіліп күмістелген құйысқан (Көкшетау өлке тану музейінен), 2-күміс пластинкалармен безенген қайыс құйысқан (Мерке ауданы), 3-күміс шауып алтын жалатқан темір пластинкалармен әшекейленген өмілдірік, ҚОМ коллекциясы, КП-9148, 4-күміс пластинкалармен безенген былғары құйысқан, Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология этнография кабинетінің коллекциясы, 5-күміс шабылып алтындалған темір пластинкалармен безенген былғары тартпа, ҚОМ коллекциясы, КП-9148-6, 6-қайыс тартпа (Талас ауданы).

Қамшы түрлері: 1-мүйіз сапты қамшы (Талас ауданы), 2-тобылғы сапты саралақамшы (Талдықорған ауданы), 3-ырғай сапты қамшы (Баянауыл ауданы), 4-үш өрімді қамшы, ҚОМ коллекциясы КП-920, 5-сабын елік сирағынан жасаған қамшы (Талдықорған ауданы), 6-өрме сапты қамшы (Жаңаесемей ауданы), 7-қамшы өрімін өзектеп өрү үшін жасалған аспап.

үстіне келетін жағын қалың былғары тігіп оның бетін күміспен әшекейлейтін. Доғабастарының бетіне де күміс шауып, геометриялық бейнелермен өрнектейтін. Кей уақытта тартпаның өрімі 2—3 бөлік болып өрілетін. Қазіргі күнде тартпа төс айыл есебінде қолданылады.

Ер-тоқым аттың мойнына кетпеу үшін құйысқан тағатын. Құйысқан қайыстан не қалың былғарыдан жасалынатын. Мұндай, құйысқандардың бетіне түгелдей құйма күмістен, күмістелген не алтындалған темір пластинкалардан, түрлі түсті тастардан әшекейлер жүргізілетін. Мұнымен қатар жартылай не түгелдей өрме құйысқандар да кездесетін.

Өмілдірік — сән үшін тағылатындықтан, қалың былғарыдан жасап, мол әшекейлейтін. Мұны әшекейлеу әдісі құйысқанды әшекейлеумен толық үйлесетін. Өмілдірік ердің алдыңғы қасына ілініп, ортасы аттың омырауында тұрады. Бұл да ердің кейін сырғымауына себін тигізеді.

Қазақ шеберлері жүген жасауға да көңіл бөлген. Бұған былғары, қайыс, темір және қыл заттары кеңінен жұмсалатын. Жұмысқа арналған жүгендер қайыстан жасалып, көп әшекейленбейтін. Өрме жүгендер ылғи қайыстан жасалатын, өрмесіз жүгенге қарағанда әдемі де, мықты да болатын. Былғары жүгендер де алтын, күміс, темір және тастармен әшекейленетін.

Оңтүстік Алтайдағы Пазырық қорғандары [49] мен Орталық Қазақстанда [50] табылған қазба жүген қалдықтарына қарасақ, бұл бұйымның да даму тарихын аңғаруға болады. Дегенмен, жүгеннің кейбір бөлшектері болмаса, жалпы кескіні негізінен көп өзгермеген. Енді сол жүген *бөлшектерінің құрамын анықтайық.*

Жүген негізінен ноқта, ауыздық және тізгін-шылбыр сияқты үш бөлімнен тұрады. Ноқта жүгеннен бұрын шыққан да [51], жүре-жүре бұған ауыздық салудың нәтижесінде жүген қалыптасқан. Ноқта екі «жақ», бір-бірден «милық», «кеңсірік» және «сағақ» сияқты бөлшектерден тұрады. Екі жақтың ұзындығы екі түрлі болады, яғни қамшылар жағындағысы екіншісінен ұзын болады да, жоғарғы ұшы жылқының желкесінен асып, аттанар жағындағы жақтың жоғарғы ұшы айылбаспен немесе тұзақпен ұштасып бекітіледі. Ұзын жақтың жоғарғы ұшын жүгеннің «желкелігі» деп атайды. Желкелікті кейде бөлек те жасайды. Мұндай жағдайда екі жақтың да жоғарғы ұштарына айылбас тігіледі. Желкелік арқылы жүгенді үлкейтіп, не кішірейтіп отырады.

Милықты кейде «кекілбасар» деп те атайды. Мұның екі ұшы екі жақтың жоғарғы ұштарына тігіледі де, жылқының милығын басып тұрады.

Жүген аттың басынан өз бетімен сыпырылмауы үшін оған сағақ жасалады. Сағақ милықтың тұсынан жүгеннің астына қарай тігіледі. Бұл да екі бөлек болуымен бірге бірі ұзын, екіншісі қысқа келеді. Ұзыны жүгеннің оң жағына, қысқасы сол жағына тағылады. Қысқасының ұшына айылбас тігіледі немесе тұзақталып (өрме жүгенде) жасалады.

Кеңсірік жүгеннің қарсы алдынан екі жақтың төменгі ұштарына жақын арадан тігіледі де, одан төмен ауыздық тағылады. Ауыздық

---

[49] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 51.

[50] М. К. Кадырбаев. Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 1/18, 1962, стр. 70—83.

[51] С. И. Руденко. Жоғарыда көрсетілген шығармада, 152-бет.

жаққа шығыршық арқылы ұштасады. Мұны қазақ «сулық» деп атайды. Шығыршық сулықтың жаңарған түрі, ал оның скиф заманындағы немесе Қазақстан жеріндегі алғашқы көшпелілер дәуіріндегі ескі түрі (псалий) қоладан, мүйізден не ағаштан қайқы қылыш сияқтанып жасалатын. Мұндай сулықтың өзгеріңкіреген түрі қазірде де кездеседі [52]. Бұлар қазба сулықтарға қарағанда едәуір ыңғайлы, яғни ескі сулық (псалий) тәрізденген көлденең темірдің бір қырынан шығыршық сияқты дөңгелек бүйір шығарылады. Сулықтың қандай түрі болсын аттың басын бұрып, оңай алып жүру үшін жасалатындығы туралы С. И. Руденко [53] және көптеген қазақ қарттары да дұрыс мағлұмат береді.

Тізгін мен шылбыр қылдан есіліп, қайыстан ызылып не өріліп жасалады. Тізгін жіңішке болады, оның екі ұшы сулықтарға оңай шешілмейтіндей шиеленіп байланады, немесе мүлдем тігіледі. Ал шылбыр тізгінге қарағанда жуан және ұзын болып жасалады да, тұзақталған ұшы жүгеннің сол жақ сулығынан өткізіліп, тағы да тұзақталып тағылады. Тізгін аттың басын алып жүру үшін тағылса, шылбыр атты байлап қою үшін тағылады. Ұзын шылбыр әсіресе жылқышылар үшін өте қажет, өйткені олар түнгі күзетте шылбырдың ұшын белбеуінен байлап ұйықтаған кезде ауыздығы алынған ат иесін айналып оттай береді.

Салт мінілетін атқа қысқы және жазғы жабулар жасалатын. Қымбат жабулар көбінесе бәйге аттар мен жақсы жорғаларға арналатын. Қысқы жабулар Қазақстанның солтүстік облыстарында киізден жасалып, суытылатын немесе таңасырылатын аттарға жабылатын. Жазғы жабу, әсіресе, Қазақстанның оңтүстік облысында атты күндізгі ыстықтан сақтау үшін ақ матадан не қолдан тоқылған бір түсті шекпеннен [54] немесе әдемі басылған ақ киізден істеліп ерттеулі атқа жабылатын. Жабудың алдыңғы жағын кейде ердің үстінен, кейде тоқым мен ердің арасынан келтіретін де, арт жағы жылқының сауырын жауып тұратын. Мұндай жабулар көбінесе әшекейленбейтін.

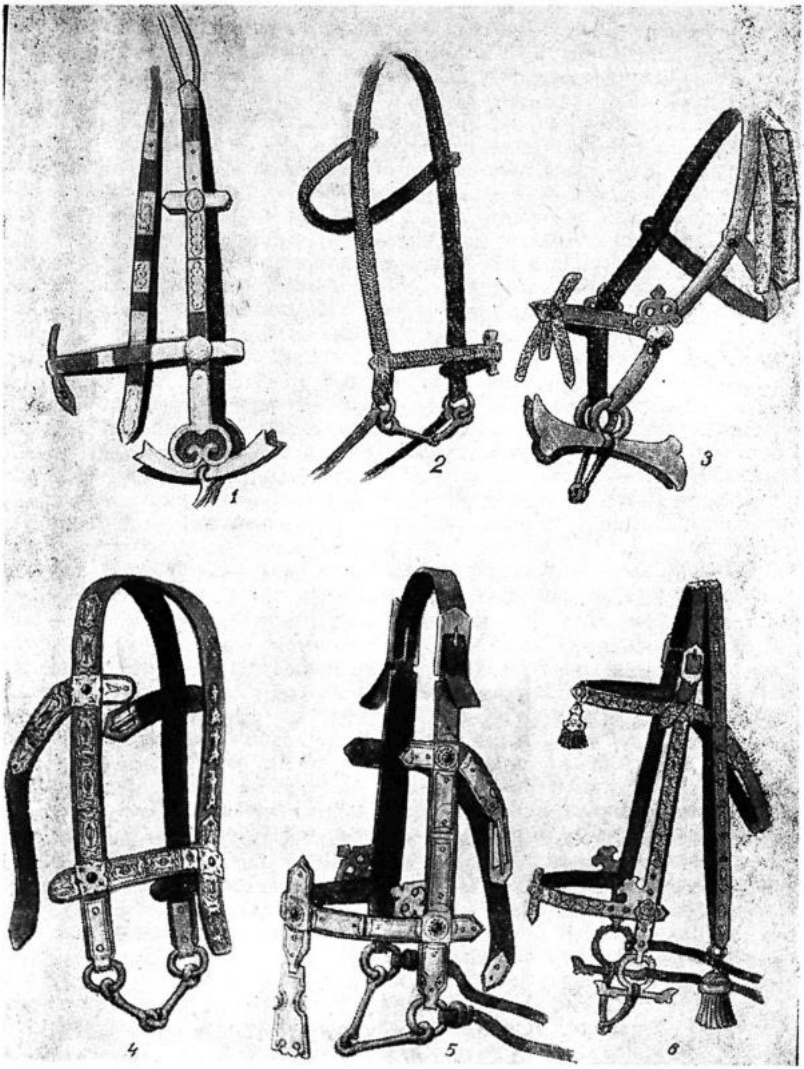
Жүйрік пен жорға ұстаған ауқатты адамдар ат жабуын шамасы келгенше әдемілеп жасататын. Мұндай жабуларды қызылды-жасылды шұға не мақпалдан түрлі өрнектермен кестелеу [55], басқа түсті матадан ою ойып жапсыру және сан түсті шашақтармен әшекейлетіп тіктіретін.

Ірі байлардың ұзатылатын қыздарына арнап тігілетін жабулар жоғарыдағыдай қымбат матадан жасалумен бірге олардың айнала шеттеріне оқа, құндыз ұстататындар да кездесетін [56]. Мұндай жабулар әрі әдемі, әрі аттың мойнына дейін жауып, жан-жағына дейін төгіліп тұратын, көлемді болатын.

Қыздар мен жас келіншектерге арналып ер-тоқымның үстін түгел жабатындай үлкен ат көрпелер жасалатын. Бұлар түрлі түсті барқыт, шұға сияқты қымбат маталардан тігілетін де, киізбен астарланатын. Дәл осындай қымбат ат көрпенің бірі қазір Қазақстанның орталық музейінде сақталады [57]. Мұның жалпы ұзыны 1,5 метр де,

---

[52] Мұндай сулықты жүгеннің бір түрін біз Орталық Қазақстаннан кездестірсек, екіншісін Қазақстанның орталық музейінің фотоколлекциясынан ұшыраттық.
[53] С. И. Руденко. Жоғ. көр. шығ., 159-бет.
[54] ҚОМ коллекциясы, КП—893.
[55] Р. Каруц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., б. г. стр. 147—168.
[56] МАЭ коллекциясы, 439, хр. 12.
[57] ҚОМ коллекциясы, КП—242.

Жүген түрлері: 1-күмістелген былғары жүген, ҚОМ коллекциясы, КП-930, 2-өрме жүген, Қазақ ССР ҒА АЭ кабинетінен, 3-қарала жүргізіліп күмістелген темір пластинкалармен әшекейленген былғары жүген (Көкшетау өлке тану музейінен), 4-күміс және түсті тастармен безенген былғары жүген ҚОМ коллекциясы, КП-931, 5-күміс және түсті тастармен безенген былғары жүген (Кеген ауданы), 6-құйма күміс пластинкалармен безенген былғары жүген, Қазақ ССР ҒА АЭ кабинетінен.

көлденеңі 0,5 метр. Бір жағы бір біріне тең үш шаршыдан тұрады. Екі шетіндегілері қызыл барқыт та, ортасындағысы қара барқыттан қошқар мүйіз оюлары ойылып жапсырылған, ал қызыл шаршыларға екі қатар оқа ленталары мен оқалы шашақтар тігілген. Барқыттың астынан кенеппен астарлаған жұқа ақ киіз тігілген. Мұндай ат көрпелер әдетте тартпамен бастырылмай, ер үстінен бос салынатын да, тек пыстанмен ғана бекітілетін.

Салт ат тұрмандарының құрамына қамшы да кіреді. Мұны кейде «атжүргіш» деп те атайды. Өйткені қамшы негізінен көлікті жүргізу үшін қолданылады. Керек болған жағдайда қамшы қару есебінде де пайдаланылатын. Сондықтан Ш. Уәлиханов қамшыны қазақтың ертедегі қару-жарақ жабдықтарының қатарына қосады [58]. Қару есебінде жасалатын қамшының сабы салмақты, өрімі жуан және ұзын болумен бірге, кейде өрімге темірден өзек салып та дайындайтын.

Қамшы үш бөлімнен, яғни сап, алақан және өрімнен тұрады, әрқайсысы әр заттан жеке дайындалып барып біріктіріледі.

Қамшы сабын тобылғыдан, ырғайдан, тауешкі және ақбөкен мүйіздерінен немесе елік сирағынан жасайды. Оның қолға ұстайтын ұшын былғарымен қаптап, қайыстан бүлдірге тағады. Кейде қамшы сабының сыртын түгелдей былғарымен қаптап, күміспен де әшекейлейтін. Күміс сапты қамшыны көбінесе әйелдерге арнап жасататын. Еркектерге арналатын қамшының сабына темірден бауыр салып, қайыс таспамен немесе жезбен орап тастайтын. Бұл қамшы саптарының әдемілігімен қоса беріктігін де арттыратын. Мұндай қамшыны халық арасында «сарала қамшы» деп атайтын. Алақаны ылғи қалың былғарыдан екі қабат болып жасалады. Жалпақ жағынан өрім ұштасады да екінші жіңішкерген ұшы саптың бауырына бекітіледі. Алақанды сап пен өрімнің арасындағы дәнекер деп қарауға да болады.

Қамшы өрімі жақсы иленген ірі қараның терісі — қайыстан жасалады. Қамшы өрімін әртүрлі етіп өру үшін таспа санын өзгертіп отырады. Таспа саны төрттен 32-ге дейін болады, егер одан аз болса өрімге өзек салынбайтын да, өрім жіңішке болумен бірге, төрт қырлы болып шығатын. Ал көп таспадан өрілетін өрімге қайыстан өзек салынса, өрім өте әдемі және жуан боп шығатын. Бұған көбінесе бұзау терісі қолданылатын [59]. Өзекті қамшы арнайы жасалған станокпен өрілетін [60]. Ол үшін садақ тәрізденіп иілген ағашқа өзекті керіп қойып оның сыртынан әртүрлі тәсілмен таңдайлап өре береді.

Кейде қамшының өріміне қоса оның сабын да таспадан өріп шығарады. Мұндай қамшылар әдетте ұшынан сабына қарай жуандай береді де, сабына темірден өзек салынады. Сап пен өрімнің ұштасатын жерінде шашақ жасалатын. Қамшы өрімі көбінесе біреу ғана болады. Кейде бір қамшыдағы өрім саны үшке дейін жетеді. Үш өрімді қамшының бірі қазір Қазақстанның орталық музейінде сақталады [61]. Бұның сабы тым қысқа, өрімдері өте ұзын болып жасалған.

Салт ат тұрмандарының тағы бір қажетті бөлімі отқа қойылатын аттардың аяғын бекіту үшін жасалатын бұйымдар. Бұған: тұсамыс, кісен, өре және шідер сияқты қолдан жасалатын бұйымдар жатады.

Тұсамыс пен кісен тек алдыңғы екі аяққа салынса, өре аттанар жақ алдыңғы және артқы аяқтарға салынатын. Ал шідер алдыңғы екі

---

[58] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 463.
[59] Там же, стр. 464.
[60] Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология және этнография кабинетінің коллекциясы.
[61] ҚОМ коллекциясы, КП—1183.

аяқпен аттанар жақ артқы аяққа, яғни үш аяққа бірдей салынатын.

Тұсамысты көбінесе жіптен, қайыстан жасаумен бірге шынжырдан да жасайтын.

Кісен дегеніміз кілттеніп салынатын темір тұсау. Мұны ұсталар соғатын. Кісен аттың қолды болуынан сақтану үшін салынатын, қазір пайдаланылмайды.

Шідер қылдан, қайыстан, кейде шынжырдан да жасалатын. Шідер — үш балақ, тұсау және өреден тұрады. Тұсаудың жылқы жілінішігіне бекітілетін екі ұшы мен өренің жылқы тілерсегіне бекітілетін кейінгі ұшын балақ дейді. Әр балақта бір-бір алақан, тиек және балақ баулар болады.

Қыл шідердің тұсауын, өресін және балақ бауларын жылқы қылынан жеке жеке дайындап алып құрастырады. Ол үшін ең алдымен қылдан жіңішке ұзын тілдер есіледі де, олардан төрт қабатталып шідердің тұсауын және өресін өз алдына бөлек бұрайды. Тұсаудың екі басы мен өренің кейінгі ұшына ағаштан, мүйізден не сүйектен жасалған тиектер өткізіледі. Өренің алдыңғы ұшын тұзақтап алады да, тұсаудың орта тұсынан бір-біріне өткермелеп бекітеді. Мұндай байлаудың артықшылығы оның өз бетімен шешілмейтін беріктігі мен керек болған жағдайда жылдам шешілетіндігінде. Бұдан кейін шідердің әр балағына қылдан есілген жіңішке балақ баулар өткізіледі.

Қайыс шідер де сиыр терісінен иленген қалың қайыстан екі қабатталып жасалады. Қос қабатталған қайыс таспалап тігіледі. Мұндай шідердің тұсауы мен өрлігі шығыршық арқылы жалғасады. Қалған бөлімдерінің қыл шідерден еш өзгешелігі болмайды.

Шідердің ең тәуірі өрме шідерлер. Мұны шебер өрімешілер жұмсақ иленген жұқа қайыстан ғана жасайтын.

Өрме шідерлердің үш балағы бөлек өріліп біріктіріледі. Бұл үшін алдыңғы екі балақтың әрқайсысының бір ұшынан тұтас қайыс алақан қалдырады да, екінші жағынан өрме алақан жұп-жұқа боп шығарылып, екеуі беттеседі. Артқы балақ та дәл осындай болып бөлек жасалады да, шідердің жұмырланып бөлек өрілген өресіне бекітіледі. Ал өренің алдыңғы ұшын тұзақтайтын да, алдыңғы екі балақтың тұйықталған ұштарымен бірінен бірін өткізіп бекітетін [62]. Байланыстырудың мұндай тәсілі оңай орындалумен бірге, өз бетімен еш уақытта шешілмейтін, өте берік түйін болатын. Ал керек болған жағдайда өте жылдам шешілетін. Кейде шідердің бұл арасынан темір шығыршықтармен де ұштастыратын [63].

Өрме шедердің балақ баулары қос қабат жіңішке қайыс таспалардан жұмырланып өрілетін. Олар өте мықты болумен ыстық-суыққа да, ылғал мен суға да тым төзімді және әдемі болатын. Оның төзімділігін сақтау үшін анда-санда майлап та отыратын.

Шынжыр шідерлердің балақтары қайыстан, тұсауы мен өресі шынжырдан істелетін.

Өре өз алдына жасалмайтындықтан шідердің алдыңғы екі балағын да жылқының аттанар жақ аяғынан байлап, өре есебінде пайдалана береді. Немесе атты өрелеу үшін жәй жіппен шылбыр да қолданылады.

---

[62] Қазақ ССР Ғылым академиясының Археология және этнография кабинетінің коллекциясы.

[63] ҚОМ коллекциясы, КП—959.

* * *

Сонымен, жоғарыда баяндалған материалдарға қарағанда, қазақ халқының ер-тұман жабдықтарын жасаушы халық шеберлерінің көркемдік талғамының жоғары болғандығын байқаймыз. Ер-тұрмандардың барлық жабдықтарын ойдағыдай етіп түгел дайындау ершілерден әртүрлі өнер түрлерін меңгеруді талап етеді. Ердің өзін ғана қосу ершінің ісі болса, түрлі металдардан жасалатын әшекейлерін дайындау үшін ұста не зергер болу керек. Ал, қайыс немесе былғары жабдықтарын жасау үшін тоқымшылық, тебінгішілік және өрімшілік өнерлерін меңгеру қажет. Мұндай жан-жақты өнер бір кісінің қолынан келе бермейді, ендеше қазақ ершілерінің арасында ежелден-ақ еңбек бөлісінің болғандығы анық.

Қазақ халқының ер-тұрман саймандарында жергілікті ерекшеліктердің де болғандығы толық анықталды. Бұл, әсіресе, ер қосу ісіне тән. Қазақстанда негізінен ердің төрт түрі қалыптасқан. Қазақ ері республика жерінің орталығы мен солтүстік-шығысынан батысына дейін қамтыса, қалған үшеуі Маңғыстаудан бастап Алматыға дейінгі оңтүстік шетін алып жатыр. Бұған қарағанда бұл үшеуінің, яғни қозықұйрық, құранды және шошақбас ерлердің қалыптасуында Орта Азия халықтарымен іргелестіктерінің де белгілі мөлшерде әсері болуы мүмкін. Бұдан, әрине, жоғарыда көрсетілген ерлер түгелдей көрші халықтардан сол күйінде алынған деген ұғым тумауы тиіс. Бұлардың бәрінде де кездесетін Орта Азия халықтарының ерлерімен кейбір жеке ортақтықтар ғана болмаса, негізінен, бұл ерлерді қазақ ері тәрізді әртүрлі жергілікті жағдайларға байланысты қазақ халқының өз еңбегі мен ұлттық талғамының туындылары деп қарау керек.

Қазақ ерлерінің қай түрі болсын қазіргі кезде аз жасалады және бұрынғыдай әшекейленбейді. Күнделікті жұмыстарына кеңінен пайдаланатын шопандардың өзі фабрикаларда жасалатын ерлерді пайдаланады. Бұлар өте ыңғайлы болумен бірге әлдеқайда арзанға түседі.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках 5
В. Я. Басин. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века 50
А. Сабырханов. К истории земельных отношений Казахстана в XVIII веке 146
М. Бижанов. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых 160
Х. Аргынбаев. Қазақтың ер-тұрман жабдықтары . . . 171

Казахстан в XV—XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). (Сборник статей. Отв. ред. докт. ист. наук Б. С. Сулейменов). Алма-Ата, «Наука», 1969.

203 с. с илл. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Текст на рус. и каз. яз.

9(584.6)1

Казахстан в XV—XVIII веках

(Вопросы социально-политической истории)

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Редакторы *В. И. Настенко, С. Б. Бекмухаметова*
Худож. редактор *И. Д. Сущих*
Художник *Н. Ф. Чурсин*
Техн. редактор *В. К. Горячкина*
Корректоры *М. С. Титова, Б. Б. Еркужаева*

* * *

Сдано в набор 30/X 1968 г. Подписано к печати 10/III 1969 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 18 (2 вклейки). Уч.-изд. л. 18,25. Тираж 4000. УГ02750. Цена 1 р. 30 к.

* * *

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 170.